

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ НОВОМ ПАТРИАРХЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ АЛЕКСЕЯ МАЛАШЕНКО И СЕРГЕЯ ФИЛАТОВА

Сергей Филатов. Патриарх Кирилл — два года планов, мечтаний и неудобной реальности Борис Кнорре. Социальное служение современной Русской православной церкви как отражение поведенческих стереотипов церковного социума Игумен Петр (Мещеринов). Современное церковное сознание и светские идеологемы из коммунистического прошлого Александр Верховский. Национализм руководства Русской православной церкви в первом десятилетии XXI в. Роман Лункин. Образ РПЦ в светских медиа: между мифом о государственной церкви и фольклорно-окультизмом Анатолий Пчелинцев. Русская православная церковь и армия: опыт истории и современные проблемы взаимодействия Валерий Овчинников. О православном образовании в России Андрей Окара. Украинская православная церковь (Московского патриархата): между экзархатом и автокефалией Надежда Белякова. Православная церковь в общественно-политической жизни прибалтийских государств

РЕЛИГИЯ В ЕВРАЗИИ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ НОВОМ ПАТРИАРХЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ АЛЕКСЕЯ МАЛАШЕНКО
И СЕРГЕЯ ФИЛАТОВА

Москва
РОССПЭН

2012

УДК 322(470+571)
ББК 86.2(2Рос)
П68

Рецензент

доктор культурологии, профессор Е. И. Волкова

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги при поддержке благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York.

В книге отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги

The Russian Orthodox Church Under the New Patriarch.

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/publications>.

Научно-техническое обеспечение — Кристина Кудлаенко.

Православная церковь при новом патриархе / под ред. А. Малашенко
П68 и С. Филатова ; Моск. Центр Карнеги. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 415 с. — (Религия в Евразии).

ISBN 978-5-8243-1566-0

В книге анализируются главные проблемы, стоящие перед Русской православной церковью, основные направления и новые тенденции в ее духовной и мирской деятельности. Обновление РПЦ связано с именем нового патриарха Кирилла, который стремится развивать миссионерство, выступает за воцерковление людей, индифферентных к вере и являющихся православными лишь формально. При новом патриархе церковь все активнее проникает в общественную жизнь, укрепляется в системе образования, в вооруженных силах. В статьях сборника также отмечаются и политические амбиции РПЦ.

УДК 322(470+571)

ББК 86.2(2Рос)

ISBN 978-5-8243-1566-0

© Carnegie Endowment for International Peace, 2012

© Российская политическая энциклопедия, 2012

© «РИА Новости», фото, 2012

Содержание

Table of Contents

- 7 Об авторах
About the authors
- 9 *Сергей Филатов*. Патриарх Кирилл — два года планов, мечтаний и неудобной реальности
Sergei Filatov. Patriarch Kirill: two years of plans, dreams, and an uncomfortable reality
- 69 *Борис Кнорре*. Социальное служение современной Русской православной церкви как отражение поведенческих стереотипов церковного социума
Boris Knorre. Social service in the Russian Orthodox Church today as a reflection of behavioral stereotypes of Church society
- 121 *Игумен Петр (Мещеринов)*. Современное церковное сознание и светские идеологемы из коммунистического прошлого
Father Superior Pyotr (Meshcherinov). Modern awareness in the Church and secular frames from the communist past
- 141 *Александр Верховский*. Национализм руководства Русской православной церкви в первом десятилетии XXI в.
Alexander Verkhovskiy. Nationalism among the Russian Orthodox Church's leadership in the first decade of the 21st Century
- 171 *Роман Лункин*. Образ РПЦ в светских медиа: между мифом о государственной церкви и фольклорно-окультурным православием
Roman Lunkin. The Russian Orthodox Church's image in the secular mass media: between the myth of a state church and occult-folk Orthodoxy
- 223 *Анатолий Пчелинцев*. Русская православная церковь и армия: опыт истории и современные проблемы взаимодействия
Anatoly Pchelintsev. The Russian Orthodox Church and the armed forces: historical experience and problems in relations today

- 261 *Валерий Овчинников. О православном образовании в России*
Valery Ovchinnikov. On Orthodox education in Russia
- 311 *Андрей Окара. Украинская православная церковь (Московского патриархата): между экзархатом и автокефалией*
Andrei Okara. The Ukrainian Orthodox Church (under the Moscow Patriarchy): between exarchate and autocephaly
- 341 *Надежда Белякова. Православная церковь в общественно-политической жизни прибалтийских государств*
Nadezhda Belyakova. The Orthodox Church and public political life in the Baltic States
- 401 *Алексей Малашенко. Заключение*
Alexey Malashenko. Conclusion
- 409 Summary
Summary (in English)
- 413 О Фонде Карнеги
About the Carnegie Endowment

Об авторах

БЕЛЯКОВА НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории религии и церкви, Института всеобщей истории РАН.

ВЕРХОВСКИЙ АЛЕКСАНДР МАРКОВИЧ — директор Информационно-аналитического центра «СОВА».

ИГУМЕН ПЕТР (МЕЩЕРИНОВ) — настоятель подворья Данилова монастыря.

КНОРРЕ БОРИС КИРИЛЛОВИЧ — кандидат философских наук, доцент философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», участник исследовательского проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России».

ЛУНКИН РОМАН НИКОЛАЕВИЧ — кандидат философских наук, директор Института религии и права, ответственный редактор журнала «Религия и право», ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН, участник исследовательского проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России».

МАЛАШЕНКО АЛЕКСЕЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ — доктор исторических наук, член научного совета Московского Центра Карнеги, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность».

ОВЧИННИКОВ ВАЛЕРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ — кандидат исторических наук, советник I класса Министерства иностранных дел России в отставке.

ОКАРА АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ — кандидат юридических наук, директор Центра восточноевропейских исследований, автор исследований по восточнохристианской социальной этике и по теории модернизации.

ПЧЕЛИНЦЕВ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ — кандидат юридических наук, сопредседатель некоммерческого партнерства «Славянский правовой центр», старший партнер адвокатского бюро «Славянский правовой центр», главный редактор журнала «Религия и право».

ФИЛАТОВ СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Европы РАН, руководитель исследовательского проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России».

Патриарх Кирилл — два года планов, мечтаний и неудобной реальности

Сергей Филатов

Надежды на РПЦ, надежды на нового патриарха

Чего ждут российское общество и церковный народ от нового патриарха? Не только практикующие верующие, но и достаточно широкие слои общества, которые лишь очень условно можно назвать православными, надеются на то, что церковь является силой, способной подвинуть Россию к преодолению мирозренческого и социального упадка, помочь ей двинуться по пути демократизации и модернизации.

Избрание в январе 2009 г. нового патриарха, остроумного, образованного, с сильным политическим темпераментом, вызвало ожидания, что неосуществленные надежды наконец осуществляются, что Русская православная церковь (РПЦ) действительно станет нравственной и общественной силой, которая сможет поднять моральный и духовный уровень страны. Кирилл, возможно, против своей воли стал заложником этих надежд.

Мало кто ждет изменений в принципиальных вопросах веры и нравственного учения церкви. Ни либерализация, ни рост библейского фундаментализма РПЦ не грозят. На эту тему в церкви существует широкий консенсус, сторонники реформ в ту либо другую сторону в церковной среде составляют явное меньшинство, а светское общество не готово вмешиваться в эти вопросы (как это часто бывает на Западе). В идеологии возможны изменения лишь в каких-то нюансах (хотя и такие изменения могут быть

восприняты очень остро определенными церковными группировками).

Дело в другом — в обществе и наиболее активных и просвещенных церковных кругах накопилось недовольство неспособностью РПЦ привлечь широкие слои населения, отсутствием эффективной миссии и общинной жизни, неразвитостью религиозного образования и просвещения, пребыванием социального служения в зародышевом состоянии и т. д. Одним словом, слабостью и неразвитостью церковной жизни. Радикального изменения такого положения вещей ждут от нового патриарха.

Очевидно, что и предыдущий патриарх прекрасно понимал стоящие перед РПЦ проблемы, но не находил подходящих средств их решения. С легкой руки диакона Андрея Кураева нового патриарха стали называть то кризисным менеджером, то талантливым менеджером, то эффективным менеджером. Предполагается, что он сумеет все организовать, что неповоротливая и распушенная машина РПЦ начнет работать как часы.

Какие же средства может использовать патриарх Кирилл? Для ответа на этот вопрос у нас имеется достаточно много информации. Ведь на протяжении 24 лет он возглавлял Смоленскую епархию и Отдел внешних церковных связей (ОВЦС), к тому же много и часто высказывался по актуальным проблемам церковной жизни.

В 2000 г. социолог Роман Лункин провел полевое исследование религиозной жизни в Смоленской области¹. Вот некоторые его наблюдения и выводы. Будущий патриарх не жалел сил для развития Смоленской епархии. Он уделял огромное внимание отношениям со смоленской интеллигенцией и работе с общественностью в целом. Кирилл регулярно проводил встречи с учеными и творческой интеллигенцией Смоленска, по его инициативе устраивались совместные семинары и конференции с участием преподавателей вузов и священнослужителей. Суть выступлений митрополита Кирилла сводилась к выражению государственных позиций — владыка выступал за восстановление сильного, могущественного государства. Его патриотизм основан на представлении о борьбе двух цивилизаций — западной и русской, признании того, что у Рос-

сии всегда будет свой путь, отличный от стран западной демократии. Заботу о религиозном образовании в церкви и угрозу прозелитизма иных христианских конфессий митрополит Кирилл рассматривал именно с национально-патриотических позиций сохранения своеобразия русской цивилизации.

По его инициативе в епархии была осуществлена программа непрерывного духовного образования. Были созданы четыре православных детских сада, две гимназии (в Смоленске и Рославле), духовное училище и семинария. Этим заведениям была оказана единовременная материальная помощь и предоставлены помещения.

В Православной гимназии Смоленска выделились две секции — гуманитарная и естественно-математическая. Учащиеся гимназии регулярно занимали первые места на областных олимпиадах и всероссийских конкурсах. Вокальный ансамбль Православной гимназии «Люксория» участвовал в конкурсе-фестивале военно-патриотической песни «Звезды Победы». Учащиеся регулярно отдыхали в летнем спортивно-туристическом лагере в поселке Пржевальском. При поддержке митрополита Кирилла организовывался летний отдых детей с санаторно-курортным лечением на побережье Адриатического моря в Италии и в детских лагерях Франции и Кипра. С 1993 г. при гимназии действовал православный театр, который ставил рождественские и пасхальные спектакли. С 1998 г. по благословию митрополита Кирилла на базе гимназии работал богословский лекторий для учителей, родителей и городской общественности.

Православную гимназию в Рославле активно поддерживал Спасо-Преображенский монастырь, преподаватели получали повышенную зарплату, учителям и ученикам обеспечивались бесплатные обеды. Большой авторитет гимназии в Рославле — заслуга игумена Сергия (Зятькова), создателя гимназии, которого владыка Кирилл со временем отправил в Бразилию и заменил на менее популярного и менее активного игумена Корнилия.

Епархия также активно внедряла в общеобразовательные школы факультативный курс «Основы православной культуры и нравственности» (в большинстве

школ области). Организованы курсы сестер милосердия совместно с медицинским институтом и курсы подготовки для учителей.

Во внутрицерковной деятельности митрополит Кирилл придерживался некоторых умеренно-либеральных нововведений, за что обвинялся в экуменизме московскими правыми, которые сильно преувеличивали его реформаторство. В кафедральном соборе давно практиковалось чтение Евангелия и Апостола по-русски, митрополит поощрял русификацию языка богослужения.

В административной сфере владыка Кирилл проявлял себя как жесткий руководитель, не допускавший открытого проявления либеральных или консервативных отклонений от генеральной линии в среде духовенства. По указанию владыки Кирилла почти все священники епархии окормляли тюрьмы, больницы, воинские части и подразделения правоохранительных органов. Также по распоряжению Кирилла в епархии православные приходы создавались только тогда, когда имелся священник, таким образом, общин без священника в епархии не было.

Инициативы священнослужителей митрополит Кирилл приветствовал практически только в рамках уже существующих проектов, им самим инициированных. Авторитет владыки Кирилла в Смоленской области был настолько высок и непререкаем, что рядовые представители духовенства априори казались общественности более посредственными и малопримечательными. Во многом поэтому, следуя церковной дисциплине, духовенство епархии ограничивалось только четко очерченным кругом своих обязанностей, почти не высказываясь по общеeparхиальным и общецерковным вопросам публично, так как эти темы воспринимались как прерогатива владыки.

Светская православная и околоцерковная общественность группировалась вокруг двух патриотических общественных организаций, в состав учредителей которых входил митрополит Кирилл. Это смоленские отделения Всемирного русского национального собора и Земского движения. В отличие от Белгородской области, где представители Земского движения совместно с епархией сумели добиться хоть и небольшой, но реальной власти, в Смолен-

ске Земское движение при всех усилиях владыки Кирилла пользовалось скорее идеологическим, чем политическим влиянием.

По мнению руководителя Земского движения Георгия Сильницкого, земство играло роль большей частью в «организационном смысле», а в плане веры — практически нет, так как «к религии большинство относилось либерально-интеллигентски или атеистически». Интеллигенция, часто участвовавшая во встречах с митрополитом, чувствовала значение фигуры владыки Кирилла как религиозного и государственного деятеля, а поэтому признавала за церковью силу и авторитет. По словам Сильницкого, самое распространенное высказывание представителя смоленской интеллигенции — «я атеист, но владыка — выдающийся человек, но мне трудно в зрелые годы обратиться к вере». Единственным по-настоящему воплощенным в жизнь социальным проектом митрополита Кирилла, общественности и власти является Народный собор, в который вошли представители чиновничества, общественных и религиозных организаций. Его цель — соблюдение согласия между властью и обществом на основе государственнической патриотической идеи. Первое заседание Народного собора прошло 2—3 сентября 2000 г., и его организаторы надеялись, что смоленский Собор будет прологом всероссийского земского собора. Как отмечается на сайте областной администрации, Народный собор Смоленской области ставит своей целью возродить «замечательную русскую традицию открытого диалога власти и общества, обращения власти к лучшим представителям народа с просьбой сообща вырабатывать понимание и найти пути решения самых насущных проблем»².

На фоне всех этих успехов удивительным выглядело почти полное отсутствие благотворительной работы с обездоленными. Беспризорники, бомжи, больные, нищие и т. д. если и были предметом заботы, то только как объект миссионерства. Миссионерство и катехизация, но не благотворительность — таковы были приоритеты митрополита Кирилла.

Итак, будущий патриарх проявил себя на Смоленщине действительно «эффективным менеджером». Он отла-

дил жестко бюрократический механизм епархиального управления, сумел распределить имеющиеся кадры духовенства наилучшим образом, добился порядка, выстроил стройную систему религиозного образования, организовал реальную систему присутствия духовенства в тюрьмах, воинских частях и правоохранительных органах. Он создал работающие механизмы взаимоотношений с властями и обществом.

При этом духовенство и церковные приходы находились у него в жестком подчинении, инициативы снизу не поощрялись, никаких намеков на внутрицерковную демократию невозможно обнаружить даже под лупой. Эта система — система идеальной бюрократии, некоторое подражание иерархическому устройению католической церкви.

Вторая важная черта Кириллова архиерейства — это громадная роль (можно сказать, преобладание) евразийской идеологии в его проповеди. Идеи и ценности «русской цивилизации», противостояния Западу, ценности многовековой российской государственности и культуры занимают в его речах гораздо больше места, чем откровения Евангелия. И предыдущий патриарх Алексей II увлекался воспеванием русского превосходства, но по сравнению с Кириллом он был просто православный евангелист. Неудивительно, что какого-то особого роста практикующих православных на Смоленщине не произошло. Миссия РПЦ на Смоленщине — это в первую очередь проповедь «патриотизма». Значит, и надо по православной традиции поддерживать власть. Богу молиться и в церковь ходить — это дело второе, следовательно, не очень обязательное.

Аналогично тому, как митрополит Кирилл управлял Смоленской епархией, он руководил и ОВЦС. Он сумел подобрать в Отдел компетентных и дисциплинированных сотрудников, которые обеспечивают отлаженное функционирование бюрократического механизма. Интеллектуальные способности функционеров ОВЦС вполне удовлетворяли потребность в ярком и доходчивом изложении ценностей русской православной цивилизации в программных документах и общественных дискуссиях. ОВЦС (равно как и Смоленская епархия) при решении стоящих перед ним

проблем постоянно добивался (и часто с успехом) поддержки со стороны российского государства. Православная миссия ОВЦС и на территории России, и за ее рубежами в первую очередь выражалась в распространении ценностей «русской цивилизации».

С патриархом Кириллом сейчас связаны большие ожидания, и, чтобы их удовлетворить, ему нужно действовать решительно. Скорее всего он станет исходить из опыта, приобретенного во время руководства Смоленской епархией и ОВЦС. А это означает, что он будет стремиться выстроить стройную бюрократическую систему управления, будет добиваться единого понимания стоящих перед РПЦ проблем и дисциплины со стороны всех членов церковного организма.

Преодолевать сопротивление недовольных, развивая демократию, Кирилл не будет. О своем отрицательном отношении к демократическим институтам Кирилл и его приближенные говорили неоднократно. Руководя Смоленской епархией и ОВЦС, Кирилл не нашел никакого места демократическим процедурам. Первые же его высказывания после избрания патриархом свидетельствуют, что он не видит у Поместного собора никакой существенной роли. Обеспечить контроль над финансовыми потоками, пресечь возможные расколы и иные формы сопротивления недовольных Кирилл сможет только при решительной поддержке правоохранительных органов. Пример того, как с помощью ОМОНа отстраняли епископа Диомида от управления Чукотской епархией, нужно будет периодически повторять. Милицейское обеспечение проведения собора, на котором Кирилл был избран патриархом, показывает, что власть пока готова безропотно оказывать такую поддержку: пикеты и демонстрации церковных оппозиционеров разгонялись самым решительным образом, а независимые религиозные интернет-сайты были заблокированы.

Скорее всего, Кириллу потребуется не только силовое обеспечение его «менеджмента».

Прошедшие двадцать лет продемонстрировали, что РПЦ в ее нынешнем состоянии не слишком эффективно решает именно те задачи, которым отдает приоритет Ки-

рилл. Требования и просьбы к власти обеспечить и финансово, и организационно присутствие в школах, вузах, СМИ и т. д. будут возрастать. Ведь если даже внутрицерковные реформы нового патриарха будут успешны, серьезные плоды они дадут не очень скоро. Ни патриарх, ни те, кто надеется на эти плоды, долго ждать не настроены. Кириллу для реализации поставленных целей необходима поддержка власти. Он будет вынужден постоянно ее добиваться. Уже в первые месяцы своего правления патриарх несколько раз появлялся перед телекамерами в обществе президента или премьера. Это выглядит иногда даже немного смешно. Например, 1 апреля 2009 г. сразу после завершения заседания Синода Кирилл докладывал Владимиру Путину о решении реорганизовать церковные, как выразился патриарх, «своего рода министерства», а премьер заверил, что «государство должно помогать Русской церкви»³. Алексей II вел себя иначе.

Итак, для церковной политики нового патриарха ключевое значение имеет поддержка власти. На чем же он будет строить отношения со светским начальством? Социально-политическая доктрина современной РПЦ была разработана Кириллом. Несмотря на то что это официальная доктрина церкви, патриарх Алексей на нее даже никогда не ссылался. Всемирные народные русские соборы — также детище в ту пору митрополита Кирилла. В качестве главы ОВЦС он и его ближайшие сотрудники довольно часто говорили о политике и даже немного политику делали. Так что политическая платформа нынешнего патриарха заработала задолго до его избрания на этот пост.

На архиерейском соборе РПЦ в 2000 г. были приняты разработанные в ОВЦС в качестве официальной позиции церкви в социально-политической области «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»⁴. Этот документ утверждает в качестве идеальных для православия принципы государственного устройства абсолютной монархии Византии с ее принципами симфонии церкви и государства. Но конкретным ее воплощением признается монархия российская: «У русских государей, в отличие от византийских василевсов, было иное наследие. Поэто-

му, а также в силу других исторических причин, взаимоотношения церковной и государственной власти в русской древности были более гармоничными». Демократическое правовое государство признается лишь как результат секуляризации, с которым по необходимости приходится примириться: «Форма и методы правления во многом обуславливаются духовным и нравственным состоянием общества. Зная это, Церковь принимает соответствующий выбор людей или, по крайней мере, не противится ему»⁵.

Большая часть положений этого документа ничем принципиальным не отличается от идеологии других консервативных христианских церквей, таких как Католическая церковь, большинство баптистских и пятидесятнических церквей, лютеранских церквей, входящих в Международный лютеранский собор. Это критика цивилизации потребительства и вседозволенности, защита традиционных семейных ценностей и т. д. Единственное, что существенно отличает его, — это неприятие политической свободы и гражданских прав. Совершенно естественным в этом контексте выглядит призыв авторов документа, фактически осуждающий международные нормы соблюдения прав человека: «При проведении политики, связанной с принятием обязывающих международных соглашений и действиями международных организаций, правительства должны отстаивать духовную, культурную и иную самобытность стран и народов, законные интересы государств. Церковь обращает внимание на внутреннюю противоречивость процессов глобализации и связанные с ними опасности ...Глобализация наряду с изменениями привычных способов организации хозяйственных процессов начинает менять традиционные способы организации общества и осуществления власти».

РПЦ фактически является единственной крупной и влиятельной христианской церковью в мире, чуждой принципам демократии и прав человека. И если митрополит Кирилл (Гундяев) в своих выступлениях употреблял расплывчатые и дипломатичные формулировки, то его подчиненные по ОВЦС в выражениях совершенно не стеснялись и резко осуждали демократические принципы государственного устройства.

Видные представители ОВЦС регулярно высказывались в том духе, что органы сословного представительства предпочтительнее всенародно избранного представительного органа и многопартийной системы. Одно из вполне типичных высказываний такого рода принадлежит первому заместителю председателя ОВЦС протоиерею Всеволоду Чаплину: «Российскому духу в наибольшей степени соответствует такой орган, как Общественная палата РФ, тогда как парламент не вписывается в сознание русского народа»⁶. Чаплин, выступая 9 февраля 2006 г. на международной конференции «Религия и гражданское общество» в Российской академии государственной службы, заявил, что «неизвестно вообще — приживется ли в России система политических партий». Россия, как отметил представитель Московской патриархии, и так богата традициями представительства интересов различных слоев общества, и ей не обязательно ориентироваться на западные формы демократии. В Московской Руси проходили земские соборы, кроме того, цари советовались с разными группами населения, подчеркнул о. Всеволод. У нынешней власти, по его мнению, также сохранился инстинкт внутренней ответственности за народ — именно поэтому, для того, чтобы учесть интересы всех граждан, и была создана Общественная палата.

В интервью «Комсомольской правде» 1 августа 2006 г. митрополит Кирилл и саму демократию избавил от таких атрибутов, как свободные выборы, многопартийная система и разделение властей: «Для меня демократия — это в первую очередь гармонизация интересов. Все остальное вторично. Я не признаю взгляда на Россию сверху вниз, как это иногда позволяют себе некоторые на Западе. Если главным содержанием демократии является гармонизация интересов, то каждая страна должна идти к демократии, сообразуясь со своими национальными, культурными и историческими особенностями. <...> На самом-то деле демократическая идея замечательная — люди призваны во взаимодействии гармонизировать свои интересы. Общество жизнеспособно, когда оно сбалансировано».

При Ельцине «социальная концепция» РПЦ не была востребована властью, ей почти не уделялось внимания

в СМИ, в аналитических политологических и социальных исследованиях.

По мере укрепления «вертикали» власть испытывала все большую потребность в идеологическом обеспечении складывающихся порядков. В годы президентства Путина наблюдался как постоянный рост активности руководства РПЦ в выражении своей патриотической политической позиции, так и рост внимания СМИ к церковным декларациям и проповедям на общественно-политические темы.

Церковная проповедь об особом, уникальном русском пути, о неприменимости к России «западных норм свободы, демократии и прав человека» оказалась востребованной и актуальной. «Русская цивилизация» (термин, внедренный в церковную лексику несколько лет назад митрополитом Кириллом) приобретает в церковных кругах сакральный, «парарелигиозный» смысл. Идея «русской цивилизации» становится все больше востребованной властью.

Принципиальное усиление внимания к политической идеологии РПЦ со стороны российской власти произошло после «оранжевой революции» на Украине. Если украинские последователи Московской патриархии были весьма враждебны к «оранжевым», то тем более их не любит РПЦ в России. Ведущие иерархи церкви вынуждены были вести себя корректно по отношению к «оранжевой» украинской власти — ведь с ней приходилось взаимодействовать. И Кирилл не давал этой власти публичных оценок. Однако истинное отношение РПЦ к «оранжевым» прекрасно видно из стенограмм «Рождественских чтений», из официальных газет РПЦ, из выступлений, скажем, представителей Союза православных граждан. В них нельзя найти не то что благожелательных или нейтральных оценок «оранжевых», но даже взвешенно критических. Для них это олицетворение зла. Из авторитетных представителей духовенства откровенно об «оранжевой» опасности ярко высказался протоиерей Всеволод Чаплин. 28 августа 2005 г. в интервью «Интерфакс-Религия» он заявил, что «оранжевая революция» — это не что иное, как «...политтехнология или, выражаясь языком военных, “спецоперация”, с помощью которой может быть предпринята очередная попытка раз-

рушить нашу государственность, изменить исторический путь нашего народа, его веру, его культуру, его мышление и образ жизни. <...> Срежиссированная определенными западными кругами массовка никакого отношения к демократии не имеет и устраивается для того, чтобы приблизить установление единообразного мирового порядка по западным лекалам. А западная демократия сегодня все больше и больше приобретает черты полицейского режима». «Теперь всем ясно, что это один из политических методов разрушения страны», — сказал о. Всеволод, призвав православных граждан объединяться «против “оранжевых” действий и любых других попыток установить в нашей стране марионеточный режим, управляемый иностранными посольствами». Украинская ситуация послужила идейной консолидации РПЦ и Кремля вокруг идеалов «русской цивилизации», русского пути развития.

Последние годы светская власть с симпатией относилась к антидемократической доктрине «русской цивилизации». Однако это сближение позиций носит временный и ситуативный характер.

Идеологические ориентации Кремля не могут быть сведены только к «русской цивилизации». Общественное мнение, поддерживающее правительство Путина, а тем более администрацию Дмитрия Медведева, также не может быть к ней сведено. И то и другое внутренне противоречиво, аморфно и скорее всего не исчерпывается какой-то одной формализованной доктриной. В этом одновременно заключаются и сила, и слабость. Поэтому гораздо более логичная и последовательная доктрина «русской цивилизации» не может служить идеологическим основанием сложившейся политической системы, но весьма эффективна для создания на какое-то время комфортной идеологической атмосферы. Тем не менее важно отметить парадоксальный факт: церковь, обладающая значительными привилегиями и прямой поддержкой власти, чужда принципам и нормам Конституции и официальной политической доктрине власти.

Такое положение не может продолжаться сколь угодно долго. Если патриарх Кирилл не положит свои политические доктрины в сейф, а сейф не замкнет до более

благоприятных времен, то какой-то конфликт с властью, декларирующей принадлежность России к европейской цивилизации и утверждающей, что она идет по пути демократии, неизбежен.

Впрочем, патриарх пока не видит опасностей с этой стороны. На встрече с президентом сразу после избрания он говорил о желательности утверждения в России «симфонии между Церковью и государством», не побоявшись, что исторический контекст, в котором родился этот термин, вызовет у Медведева недоумение. Вскоре после этого Кирилл назначил председателем Синодального отдела по взаимоотношению церкви и общества протоиерея Всеволода Чаплина, едва ли не самого откровенного и даже оголтелого ненавистника свободы и демократии. По всей видимости, патриарх не верит в искренность демократических деклараций правящего тандема. Таким образом, он фактически вынуждает Медведева и Путина пройти тест на искренность их приверженности демократическому пути развития — долго никак не реагировать на авторитаристские пастырские увещания Кирилла и К° они не смогут.

Однако предположим, что новому патриарху удастся взять под контроль и обновить кадры епархиальных архиереев, осуществить реальное управление финансовыми потоками, подобрать хотя бы минимально необходимые кадры, сохранить тесные отношения с властью и обеспечить себе ее поддержку. В современном секулярном мире религиозная вера повсюду теряет приверженцев и влияние. Любые решения не приводят к радикальному изменению основного направления эволюции массового сознания. Единственное исключение, быть может, — пятидесятничество, которое растет в большинстве стран. Но если бы даже ради земного успеха РПЦ стала подражать пятидесятникам, у нее все равно ничего бы не получилось — слишком различны их вероучение и богослужебная практика.

Но насколько все-таки и в этой «провальной» исторической ситуации адекватны реформы Кирилла? «Кризисный менеджер» создает из РПЦ нечто вроде мощной бизнес-корпорации или, если угодно, вертикали власти, подобной тому, что представляет собой сейчас свет-

ская власть в России. Насколько это подходящая модель организации церковной жизни для успеха ее миссии? В краткосрочной перспективе такая реформа скорее всего принесет положительные плоды. Повысится уровень духовного образования и катехизации, церковные люди научатся лучше говорить с народом, наладятся какие-то формы религиозного воспитания для значительной части школьников и т. д. Однако мобилизационная и авторитарная система управления со временем обычно оказывается малоэффективной. Возможно, Кириллу удастся сломить нынешнюю систему «кормлений», но на смену придет обычная коррупция. Авторитарная система будет выталкивать людей оригинальных, самостоятельно мыслящих, не вписывающихся в рамки жесткой системы подчинения. Либералы и фундаменталисты не будут находить себе места, их недовольство будет расти. Ценности «русской цивилизации» будут входить в обостряющееся противоречие с евангельской правдой. Укрепление связей с государством будет порождать антиклерикальные настроения. Уже через несколько лет после гипотетического утверждения Кирилловых порядков РПЦ начнет сталкиваться с очень серьезными вызовами. Политика Алексия II «let it be» сохраняла церковь в значительной степени такой, какой она сложилась в последние годы советской власти. РПЦ естественным образом эволюционировала при минимальном вторжении в ее жизнь директив высшей церковной власти. В церковной жизни, хотя и медленно, происходило развитие, в том числе здоровых сил. Из этого промежуточного состояния у нее было два выхода — демократический и авторитарный.

Патриарх Кирилл и его команда: первые шаги

Несмотря на то что Кирилл продолжает придерживаться авторитарных методов управления, сохраняет верность националистической по сути доктрине «русской цивилизации» и никогда не отказывался от содержащегося в разработанной под его руководством социальной доктрине осуждения демократического устройства общества, в его

политике очевидным образом появились новые для РПЦ тенденции.

Кратко их можно обозначить неопределенными словами «изменение атмосферы в церковной жизни». Многие образованные, мыслящие, активные, готовые к творчеству и служению церковные люди в Москве и Петербурге первый год-полтора патриаршества Кирилла смотрели в будущее с большим оптимизмом, а некоторые и до сих пор чувствуют себя увереннее, чем при патриархе Алексии. Как показывает большинство опросов общественного мнения, среди жителей нашей страны также преобладал энтузиазм в отношении РПЦ при новом патриархе. В чем причины этого оптимизма?

Выражаясь словами самого Кирилла, он объявил курс на «обновление нашей веры». Центральное место в нынешних трансформациях церковной жизни занимают призывы к сознательной вере, катехизации и, соответственно, к отказу от обрядоверия, от акцентирования на внешних формальных требованиях церковной жизни.

Патриарх призвал к развитию приходской жизни, преодолению анонимности участия в богослужении. Церковь должна перестать быть местом удовлетворения «религиозных потребностей». Патриарх Кирилл предлагает качественное расширение социальной функции приходов, отмечая, что «современная структура прихода, когда штат храма состоит из священника, дьякона, регента и псаломщика, является наследием прошлого»⁷. Предстоятель РПЦ предлагает ввести в штатное расписание приходов должности социального работника, педагога-катехизатора и молодежного руководителя с полноценной заработной платой, подчеркивая, что за эти направления должен отвечать не активист-любитель на общественных началах, а профессионал. И в настоящее время уже реализуются соответствующие образовательные программы, направленные на подготовку церковных социальных работников. Объявлено о разработке и начале осуществления многочисленных проектов и инициатив развития церковной жизни в области миссионерства, культуры, взаимодействия с различными социально-демографическими группами. В принципе новым для Кирилла стало внима-

ние и серьезное отношение к развитию церковной благотворительности. Впервые он проявил озабоченность социальным служением церкви 4 апреля 2010 г., в день праздника Пасхи, когда посетил детский дом-интернат для умственно отсталых детей № 15 Департамента социальной защиты населения Москвы. Патриарх передал этому учреждению необходимое для лечения детей реабилитационное оборудование, а также велосипеды и развивающие игрушки. Предстоятель Русской церкви также вручил каждому ребенку традиционные пасхальные подарки — украшенные яйца и куличи. Говоря о переменах, происходящих в настоящее время на общецерковном уровне, патриарх отметил особую важность развития направления социального служения церкви: «Уже сейчас делается очень многое, однако в масштабах страны это еще не столь заметно. Мы должны стремиться к тому, чтобы социальная работа Церкви занимала значительный удельный вес в масштабах страны. И не для того, чтобы что-то показать, а потому что такова реальная потребность верующего сердца». Все эти многочисленные инициативы, равно как и формирование различных церковных бюрократических структур, задачей которых является развитие церковной жизни и ее общественной активности, создали атмосферу некоего православного возрождения.

Не меньшее значение для формирования оптимистической атмосферы сыграла и проявленная патриархом в последний год терпимость во внутрицерковной жизни. Он не стал преследовать тех, кто считался перед выборами патриарха его противниками среди епископата. Митрополит Мефодий, многие годы противопоставлявший себя Кириллу, возглавил крупную и влиятельную Пермскую епархию, митрополит Климент сохранил за собой Калужскую епархию и возглавляет Издательский совет РПЦ. В сравнении с мстительностью и злопамятством нашего премьера — национального лидера — такое поведение производит очень хорошее впечатление. Еще большее значение имеет проявленная Кириллом терпимость к некоторым умеренным отклонениям от генеральной линии. Кочетковцам недвусмысленно дали понять, что гонения на них — дело прошлого, архимандрит Зенон (Теодор), долго подвергавшийся

притеснениям, теперь становится чуть ли не главным иконописцем Патриархии, прекращается замалчивание роли протоиерея Александра Меня в развитии православного миссионерства, церковнослужители-«миссионеры» открыто позволяют себе в общении с молодежной аудиторией то, что несколько лет назад и представить было невозможно. При этом до сих пор и консерваторы, такие как епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим, по сути публично не одобряющие политику патриарха, не встречают видимого противодействия.

С первых же дней патриаршества Кирилл энергично взялся за реорганизацию центральных органов управления Патриархии и назначение их руководителей. Были преобразованы Управление делами, ОВЦС, созданы новые отделы (по взаимоотношениям церкви и общества во главе с протоиереем Всеволодом Чаплиным, информационный во главе с Владимиром Легойдой, по тюремному служению во главе с епископом Иринархом), Патриарший совет по культуре и Синодальный комитет по взаимодействию с казачеством, организован ряд новых секретариатов, референтура, преобразованы бухгалтерия, канцелярия и архив Патриархии. Отдел катехизации и религиозного образования во главе с епископом Зарайским Меркурием (Ивановым) и Отдел по церковной благотворительности и социальному служению во главе с епископом Орехово-Зуевским Пантелеимоном (Шатовым) фактически получили новую жизнь. Наконец, в начале 2011 г. были учреждены «регулярные совещания глав синодальных учреждений», получившие наименование Высшего церковного совета. Таким образом, было сформировано нечто вроде «правительства» или «кабинета министров» РПЦ. В Московской патриархии была создана современная управленческая структура, сформированная из профессиональной бюрократии.

В первые два года с момента избрания патриархом Кирилл не произвел значительных изменений среди правящих епархиями архиереев. Те немногие назначения, что все же были сделаны (в Пермском крае, Смоленской, Орловской, Костромской, Архангельской и Сахалинской областях, Бурятии и Якутии), не несли какого-то очевид-

ного послания о направлении кадровой политики в руководстве епархиями. Только Синод, состоявшийся в марте 2011 г., открыл сезон реорганизации управления епархиями. Враз были перемещены или назначены девять новых архиереев, к тому же были назначены два новых vicарных епископа в Москву. Очевидно, что епархиальных архиереев ждет большая чистка. Вслед за центральными органами управления теперь и епархии возглавят «эффективные менеджеры».

Примечательно то, какие «своего рода министерства» подверглись реорганизации и кого новый патриарх назначил ими руководить. Председателем Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, которым до своего избрания руководил сам Кирилл, был назначен архиепископ Волоколамский Иларион (Алфеев). Карьера архиепископа Илариона типична для «птенцов гнезда Кириллова». Он в детстве получил профессиональное музыкальное образование, до сих пор сохраняет пристрастие к музыке, автор нескольких музыкальных сочинений. В 19 лет был пострижен в монахи, служил на приходах в Литве. Окончил Московскую духовную академию, преподавал в ней, в Свято-Тихоновском институте, а также в Смоленской и Калужской семинариях богословские дисциплины и греческий язык, проходил стажировку в Оксфордском университете. Иларион — автор нескольких богословских сочинений, имеющих миссионерскую направленность. С 1995 г. работал в ОВЦС. В январе 2002 г. хиротонисан во епископа Керченского, vicария Сурожской епархии. В этой должности он должен был помогать митрополиту Антонию (Блуму) в управлении Сурожской епархией, включающей Англию и Ирландию. Однако его политика, направленная на утверждение московских порядков в английских православных приходах, обладавших в ту пору определенной автономией, вызвала возмущение у митрополита Антония и значительной части прихожан. В основном им были недовольны принявшие православие англичане, старые русские эмигранты и их дети, привыкшие к демократическим порядкам в организации церковной жизни. Недовольные Иларионом прихожане называли его «представителем русской мафии в церкви». В результа-

те конфликта Иларион был вынужден покинуть Англию. В июле 2002 г. он был назначен епископом Подольским, главой представительства Московского патриархата при европейских международных организациях, а в 2003 г. — епископом Венским и Австрийским с поручением временного управления Будапештской и Венгерской епархией. Сразу после избрания Кирилла патриархом Иларион был назначен епископом Волоколамским, викарием Патриарха Московского и всея Руси, председателем Отдела внешних церковных связей и постоянным членом Священного синода по должности. Кроме того, он стал ректором общецерковной аспирантуры и председателем Комиссии по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством при Отделе внешних церковных связей.

Из ОВЦС был выделен новый Синодальный отдел по взаимоотношениям церкви и общества. Его председателем был назначен протоиерей Всеволод Чаплин. Отец Всеволод — выпускник Московской духовной академии, с 1990 г. сотрудник ОВЦС. Многие годы он возглавлял секретариат ОВЦС по взаимоотношениям церкви и общества. В 2001—2009 гг. — заместитель председателя Отдела внешних церковных связей. С 1990 г. работает в различных межцерковных и экуменических организациях, в частности, во Всемирном совете церквей (ВСЦ) и Конференции европейских церквей, а также в организациях, обеспечивающих взаимодействие РПЦ с различными властными структурами (в Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте России, в экспертном совете Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Госдумы). Отец Всеволод постоянно занят журналистской деятельностью. Он автор и ведущий программ «Комментарий недели» (телеканал «Союз»), «Час доверия» (радио «Русская служба новостей»), «О главном» («Радонеж» — «Голос России»), член Союза писателей России.

Еще один новый центральный орган управления РПЦ — Секретариат по зарубежным учреждениям. Его задача — руководство зарубежными учреждениями Патриархии. Его возглавил епископ Егорьевский Марк. Епископ Марк окончил Московскую духовную академию,

в 1990—1992 гг. — помощник заведующего церковно-археологическим кабинетом при академии. В 1992—1999 гг. служил в Русской духовной миссии в Иерусалиме. С 1999 г. — заместитель председателя ОВЦС. В 2004 г. хиротонисан во епископа Егорьевского, викария Московской епархии.

Еще один новый синодальный отдел, созданный по инициативе патриарха Кирилла, — Синодальный информационный отдел. Его председателем назначен Владимир Легойда, единственный мирянин в руководящих органах РПЦ, даже не имеющий духовного образования. Он окончил факультет международной информации Московского государственного института международных отношений, кандидат политических наук. С 1996 по 2009 гг. преподавал в МГИМО. Один из основателей (1996 г.) и главный редактор православного журнала «Фома», председатель правления Фонда содействия развитию культурно-просветительской деятельности «Фома Центр» (с 2004 г.). Легойда — член Комиссии по международным отношениям Всемирного совета церквей (от Русской православной церкви).

Председателем Синодального отдела религиозного образования и катехизации РПЦ был назначен епископ Зарайский Меркурий (Иванов). Он единственный из вновь назначенных руководителей «церковных министерств» имеет высшее светское образование (врача-педиатра). В 1990—2000 гг. Меркурий находился на приходах в Калининградской области. В последние годы этого служения он был фактическим заместителем митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла по Калининградской области. Во время служения в Калининграде епископ Меркурий энергично боролся с «прозелитизмом» лютеран и католиков и часто выступал на тему развития и укрепления «русской цивилизации», много заботился об экономическом процветании и материальной независимости РПЦ. В 2000 г. хиротонисан во епископа Зарайского, викария Московской епархии, и назначен управляющим патриаршими приходами в США. После назначения главой Синодального отдела религиозного образования и катехизации возглавил Комиссию по

вопросам духовно-нравственного воспитания в общеобразовательной школе, организованной при Синодальном отделе религиозного образования и катехизации, введен в состав Редакционного совета по написанию учебника и методических материалов по учебному курсу «Основы православной культуры» (ОПК) для средней школы и введен в состав Совета по федеральным государственным образовательным стандартам Министерства образования и науки.

И наконец, исполняющим обязанности управляющего делами Московской патриархии был назначен архиепископ Саранский и Мордовский Варсонофий (Судаков). Архиепископ Варсонофий в наибольшей степени выделяется из всей группы руководителей и выразителей идей новых лидеров РПЦ. Он старше всех, у него большой опыт послушничества в монастыре и служения на приходах, большой стаж руководства российской епархией и практически нет опыта работы за границей. В 1977 г. он был принят послушником в братство Троице-Сергиевой лавры. В лавре владыка нес послушание с 1978 по 1982 г. в должности помощника ризничего, а с 1982 по 1986 г. — в должности помощника благочинного. Образование завершил в Московской духовной академии. В 1986—1991 гг. Варсонофий служил на приходах Пензенской епархии. В 1991 г. он был рукоположен в архиерейский сан и возглавил вновь образованную Саранскую и Мордовскую епархию. Владыка Варсонофий открыл более 200 новых приходов и 14 монастырей, духовную семинарию. Сравнительно небольшая Саранская епархия отличается относительным обилием монастырей. Варсонофий в бытность свою игуменом в Пензе был одним из организаторов там общества русской культуры. Руководство этим обществом до некоторой степени сформировало его убеждения. В Мордовии архиепископ Варсонофий развивает широкую программу внедрения православия во все сферы жизни общества: в культуру, в систему образования и в политику. Христианизация всех сфер жизни означает, с его точки зрения, с одной стороны, обращение к российскому патриотизму, с другой — пресечение проявлений крайнего национализма.

Биографии и мировоззренческая ориентация вновь назначенных церковных командиров (к которым по степени влияния и близости к церковному официозу можно также причислить не занимающих высших постов протодьякона Андрея Кураева, председателя Контрольно-аналитической службы при управлении делами Патриархии игумена Савву (Тутунова) и игумена Филиппа (Рябых), первого заместителя председателя ОВЦС) прекрасно согласуются с теми целями, которые успел провозгласить патриарх Кирилл в своих последних выступлениях. Для биографий людей команды патриарха характерны следующие черты: они учились в духовной академии, не имея высшего светского образования (это представители церковной интеллигенции, возвращенные с молодости в церковной среде), они длительное время находились за границей, где чувствовали себя представителями России и где сформировался идеализированный образ Родины, их карьера в основном делалась на бюрократических должностях в церковных управленческих структурах, а не на приходах или архиерейских кафедрах внутри России, эти священнослужители имеют склонность не столько к проповеднической, сколько к журналистской деятельности. В закрытом мирке церковной бюрократии сформировалась оригинальная субкультура людей, считающих, что им открыта истина об особых, потаенных свойствах России, ее уникальном предназначении. Речи и заявления этих церковных деятелей иногда более ясно и жестко выражают новую генеральную линию, особенно в тех случаях, когда патриарх по дипломатическим соображениям вынужден выражаться обиняками. Какая же это линия?

Лейтмотив послания верующим и всей стране — церковь должна выйти из еще сохраняющегося с советских времен гетто. Она должна участвовать во всех сферах народной жизни — образовании, науке, культуре, здравоохранении, экономической жизни, в армии и государственном управлении.

Церковь способна преобразить Россию, и это ее долг. В выступлении 11 марта 2009 г. в Туле на встрече с митрополитом Тульским и Белевским Алексием и духовенством епархии патриарх Кирилл поставил более чем амбици-

озную задачу: «Деятельность Церкви теперь нужно оценивать не только по числу храмов и монастырей, но и по влиянию, которое Церковь оказывает на жизнь людей и общества». Каково же средство достижения этой цели? Новые руководители церкви чаще всего обозначают его словом «миссия».

Что это за «миссия»? Почти все конкретные решения и действия нового патриарха связаны с миссионерско-пропагандистской сферой. Именно здесь подвизаются вновь назначенные на высокие посты ближайшие единомышленники Кирилла. Именно в организации этой сферы деятельности Кирилл добился первых конкретных результатов.

Очевидное, хотя и не самое важное достижение — это успех реорганизации управленческих структур, связанных с «миссией». Новые молодые руководители действительно доводят до сведения аудитории информационные потоки гораздо быстрее, интереснее и в более полном объеме, чем раньше. Патриарх и его команда говорят убедительно и на понятном языке. Кирилл и его сотрудники постоянно присутствуют в основных электронных и печатных СМИ. Даже самые критично настроенные наблюдатели не могут сказать, что это присутствие было для РПЦ контрпродуктивным. Поездка патриарха на Украину продемонстрировала информационные (проповеднические? пропагандистские? политтехнологические?) способности новых руководителей РПЦ. Очевидно, что для практикующих православных верующих на Украине авторитет Кирилла очень высок. Для таких верующих автокефалия Украинской церкви (даже если они ее поддерживают) — вопрос второстепенный, важнее духовное, моральное превосходство. Духовное превосходство РПЦ над украинскими этническими церковными структурами во время визита было убедительно продемонстрировано. Престарелый Филарет (Денисенко) только у очень ангажированных украинских патриотов считается более серьезным (духовным) церковным лидером.

Патриарх жестко поставил вопрос о реорганизации издательской деятельности. Она должна привести к пре-

кращению издания под эгидой РПЦ и распространения в ее храмах всякого рода сомнительной литературы, поднятию интеллектуального уровня выходящих материалов. Наконец, целый ряд решений, принятых в последние месяцы, направлен на повышение образовательного и интеллектуального уровня духовенства. Священноначалие объявило войну традиционному для РПЦ антиинтеллектуализму.

На фоне бурной активности в сферах деятельности, связанных с «миссией», особенно заметно отсутствие (или, по крайней мере, недостаток) внимания в первые полтора года патриаршества Кирилла к другим аспектам церковной жизни. Новый патриарх раза два-три высказывался о необходимости развития приходской жизни (да и то в связи все с той же «миссией»). Практические шаги в этой области не предпринимались. Проблемам социального служения и монастырской жизни патриарх стал уделять заметное внимание только к концу второго года своего служения.

Несколько раз он посещал монастыри и выступал там тоже в связи с проблемами развития «миссии». О положении же в самих монастырях сказано было мало и достаточно критично. Лейтмотив этих выступлений — в монастырях много хозяйственной деятельности, но духовный и интеллектуальный уровень слишком часто невысок. Еще более критично о монашестве высказался в интервью информационному агентству «REGIONS.RU» 21 октября 2009 г. протодьякон Андрей Кураев: «...Нынешнее монашество зачастую не заслуживает своего авторитета... Складывается удивительная ситуация, когда в церковном народе авторитет монахов чрезвычайно высок, притом что это самая богословски невежественная группа церковных служителей. В силу этого они легко воспринимают и распространяют самые дикие суеверия, выдавая их за православие... Монашество — не “церковная гвардия”, хотя многие монахи по своему высокому самомнению и уверены в этом. Это своего рода “казаки” или “партизаны” со своей вольницей, которые могут учинить бучу или вести войну, не спрашивая мнения царя». Складывается впечатление, что команда Кирилла не только видит свои основные задачи за оградой храма, но и чувствует себя там комфортнее.

Итак, «миссия» — основное направление деятельности нового церковного руководства. Каково же содержание «миссии»? Анализируя речи патриарха Кирилла, архиепископа Илариона и других высших руководителей РПЦ, поражаешься тому, как удивительно мало говорится (если говорится вообще) на евангельские темы. Христос, Его проповедь, распятие, воскресение, спасение — все то, что составляет сердцевину христианской веры, практически отсутствует. Центральная тема проповеди нынешнего церковного руководства — верность традиционной морали и русским национальным ценностям («русской цивилизации»). В интервью Дмитрию Киселеву в ходе программы «Национальный интерес» 21 ноября 2009 г. патриарх Кирилл в очередной раз столь возвышенно говорил о России как о средоточии высшего добра и высшей истины, что трудно представить существование чего-либо еще более святого: «Я думаю, Русь — это не “где”, а, в первую очередь, “что”. Русь — это система ценностей, это цивилизационное понятие. Конечно, это цивилизационное понятие, которое имеет свое географическое измерение. Когда мы говорим “Святая Русь”, мы имеем в виду совершенно конкретную идею: идею доминанты духовного над материальным, идею доминанты высокого нравственного идеала. Собственно говоря, в этой традиции и был воспитан народ на том огромном евразийском пространстве, которое сегодня географически составляет юрисдикцию Русской Православной Церкви. Русь — это, в конечном итоге, отличие добра от зла в соответствии с этой огромной духовной традицией, это система ценностей».

Кирилл дерзновенно утверждает избранничество России, русской цивилизации, русского мира: «Многочисленные святые — иерархи, князья, бояре, священники, монахи, простолюдины — учили наш народ любить Бога и ближнего, страшиться греха и порока, жаждать добра, святости и правды. То есть речь идет о формировании глубинных, базисных духовных ценностей, которые стали реальностью в исторической жизни нашего народа. Несмотря на различные перипетии, эти ценности были неизменными ориентирами для национальной жизни на все времена, поэтому народ наш и стал называться

народом-богоносцем. Не потому, что весь народ был святым — грешников у нас было не меньше, чем в других странах, — а именно из-за этой ценностной ориентации нашей истории. Именно потому и земля наша стала называться Святой Русью»⁸.

В обращении нового патриарха к общественности центральное место занимает вера в Россию, в ее высшее предназначение, в ее святость. В связи с этой верой в Россию очевиднее становится и роль христианства, православия. Кирилл и его команда проповедают веру в благую роль православия, верность национальным традициям, верность традиционному христианскому устроению жизни, но не в самого Христа. Доказывая полезность православной веры, не доказывают ее истинность. Независимо от личной веры в Бога Кирилл и его единомышленники проповедают не веру в Бога, а неославянофильскую идеологию национального возрождения, по сути своей светскую.

Идеология русской цивилизации гораздо менее размыта и всеядна по сравнению с консерватизмом без берегов патриарха Алексия II. В частности, позиция РПЦ стала отличаться принципиальным антикоммунизмом, чего при предыдущем патриархе не было.

Проиллюстрирую светский, по сути политический характер «миссии» одним фактом. Подводя итоги «Года молодежи» 14 декабря 2009 г., протоиерей Всеволод Чаплин в беседе с корреспондентами газеты «Церковный вестник» рассказал об основных направлениях работы церкви с молодежью. Глава Синодального отдела с удовлетворением отметил, что молодежь стала более активно участвовать в общецерковных мероприятиях, таких как Дни славянской письменности и культуры, Всемирный русский народный собор, празднование Дня народного единства. Примером роста активности молодежи в общественной жизни стал форум «Селигер-2009», где в православной смене участвовало около 1500 человек. Итоговой инициативой форума стало решение о создании общественного православного молодежного движения на базе православного корпуса движения «Наши». Все «с удовлетворением отмеченные» мероприятия носят общественно-политический, а не религиозный характер.

«Миссия» становится патриотическим движением национального возрождения, а не обращением народа к вере в Христа, распятого и воскресшего. Это неославянофильское движение национального возрождения предлагает определенные принципы государственного устройства «Святой Руси», изложенные в уже упомянутых «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви».

РПЦ, особенно теперь, когда ее возглавляет Кирилл, стремится при всем своем русском патриотизме вести себя как надгосударственная церковь. Как церковь не только не враждебная, но и родная и украинскому, и белорусскому, и молдавскому, и латвийскому, и т. д. государству: «Ядром русского мира сегодня являются Россия, Украина, Белоруссия, и святой преподобный Лаврентий Черниговский выразил эту идею известной фразой: “Россия, Украина, Беларусь — это и есть Святая Русь”. Именно это понимание Русского мира заложено в современном самоназвании нашей Церкви. Церковь называется Русской не по этническому признаку. Это наименование указывает на то, что Русская Православная Церковь исполняет пастырскую миссию среди народов, принимающих русскую духовную и культурную традицию как основу своей национальной идентичности, или, по крайней мере, как ее существенную часть. <...> В то же самое время наличие суверенитета [государств, составляющих Русский мир] может помочь нам более ответственно подходить к сохранению собственной самобытности и строить новые формы общежития на основе равноправия и взаимного уважения»⁹. В этих словах патриарха видна вся двусмысленность «надгосударственной» позиции РПЦ. С одной стороны, она объявляет высшую ценность «русской цивилизации», русской духовной культуры, с другой — признавая национальные права украинцев, белорусов и т. д., объявляет их частью русской цивилизации, призывает быть верными русской культурной традиции. Особенно конфликтно эти утверждения звучат применительно к выбору политического устройства общества. Сейчас уже очевидно, что украинский и молдавский народы в лице всех сколько-нибудь значимых политических сил сделали европейский, демократический выбор. Обращаться к православным украинцам и молдаванам с призывами

строить «русскую цивилизацию», альтернативную европейским демократиям, — занятие, обреченное на провал. Еще более сомнительно звучат призывы к православным и русским по происхождению жителям Европы и Америки хранить верность «русскому миру». Наднациональной церкви было бы естественнее призывать прихожан РПЦ в США, Англии, Италии и т. д. быть хорошими гражданами их новой родины. Что же будет говорить Патриархия о желательном государственном устройении этим народам? Скорее всего, вопрос придется заминать «для ясности».

Но эта же проблема, хотя и менее остро, стоит и в России. Народ России столь же однозначно свой выбор политического устройства еще не сделал. Несмотря на то что Конституция провозглашает Российскую Федерацию правовым демократическим государством, политическая реальность постоянно ставит провозглашенный Основным законом выбор под вопрос. Разделение властей, многопартийная система, гражданские права до сих пор остаются скорее целями, за достижение которых предстоит бороться, а не утвержденной законом нормой жизни. В этих условиях руководство РПЦ дерзновенно провозглашает открыто неандертальские политические цели в качестве ценностей русской цивилизации. Эти политические пристрастия могут существенно подорвать авторитет РПЦ не только за рубежами России, но и у нас в стране. Призывы Кремля к модернизации — вовсе не каприз президента Медведева и его единомышленников, а традиционная, архетипическая реакция русского общественного сознания на ощущение отставания, на свою неспособность разумно и справедливо организовать национальную жизнь. Вопрос не в том, почему Медведев заговорил о модернизации, а в том, насколько адекватно он сможет выразить смутные и неартикулированные общественные настроения. Другими словами, насколько он способен вести страну к демократии. И РПЦ с ее диктаторскими мечтаниями может стать заметным препятствием к национальному возрождению. «Миссия», призывающая народ к творчеству, упорному, честному созидательному труду во славу Божию, призывающая к борьбе с коррупцией и произволом властей, может сыграть положительную роль, хотя бы и как светское идеологиче-

ское движение. Но если она будет препятствием развитию демократии и, таким образом, будет служить дальнейшей деградации России, общество сметет РПЦ и ее «миссию». Вся вина за такой провал ляжет на нынешних поборников «русской цивилизации».

В своем нынешнем качестве «миссия» в случае успеха может стать фактором национального подъема, но собственнно с христианской верой она находится в сложных, непрямых отношениях. Дойдет ли она до конкретных верующих? Пока что новый, миссионерский курс непосредственно в церкви затронул почти исключительно московские офисы РПЦ. Сумеет ли священноначалие довести свои установки до епархий и приходов — большой вопрос. Легко ввести идеологические запреты, добиться от епископов и священников показной лояльности, но изменить косную традиционную жизнь РПЦ, заставить подчиняться всевластных в своих епархиях архиереев — задача не из простых. Патриарх Кирилл уповает на жесткую централизацию. На заседании Священного синода 10 октября 2009 г. была принята новая редакция типового устава прихода РПЦ. Если согласно прежнему уставу высшим органом управления приходом являлось приходское собрание во главе с настоятелем, то в новой редакции высшим руководителем объявлен епархиальный архиерей. Прилагательное «высший» перекочевало на бумаге к архиерею только сейчас, но на деле епископ уже давно имеет неограниченную власть над священниками и прихожанами. В типовом уставе 1998 г. продекларировано, что решения приходского собрания должны утверждаться архиереем, но типовой устав 2009 г. сформулировал это в еще более ультимативной форме: «Решения (протоколы) Приходского собрания вступают в силу и подлежат обязательному исполнению после утверждения их Епархиальным архиереем». Относительно состава приходского собрания новый типовой устав также демонстрирует примечательные изменения. Во-первых, в уставе 1998 г. было упомянуто, что в приходское собрание входят учредители прихода, т. е. лица, которые в соответствии с федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» учреждают приход в качестве местной ре-

лигиозной организации. Но в уставе 2009 г. об учредителях ничего не сказано. Во-вторых, в нем провозглашено право архиерея единоличным решением изменять состав приходского собрания: «Епархиальный архиерей единоличным решением вправе исключить всех (часть) членов из состава Приходского собрания и включить в его состав новых членов по собственному усмотрению». Основанием для этого может быть, например, несоблюдение «канонических правил». Разумеется, в той или иной спорной ситуации единоличным толкователем будет опять же архиерей: именно он станет решать, нарушили или нет члены приходского собрания эти самые «канонические правила». Но в принципе основания может и не быть вовсе.

Выступая перед казаками в Новочеркасске, патриарх осудил попытки возродить традиционную для казачества выборность священников. Произнося в Новгороде речь, восхваляющую местные церковные традиции, он сумел изящно обойти вопрос о демократических традициях организации церковной жизни, которыми и славен Новгород. Настороженные высказывания о монашестве, очевидно, имеют одной из своих причин традиции монастырского самоуправления, демократического устройства. Хотя сейчас они ни в одном монастыре не соблюдаются, память о них жива. Монастыри остаются островками самобытной церковной жизни.

Вертикаль власти, которую церковные командиры строят по примеру нынешней «суверенной демократии» в российском государстве, может и не оправдать возлагаемых на нее надежд. Мы видим на примере путинского государства, что властная вертикаль эффективна только в теории.

Интересно, что осознание опасности отсутствия обратной связи в авторитарной системе «вертикали власти», при которой отсутствует ответственное выборное представительство и наложены жесткие ограничения на свободу слова, привели и Кириллову РПЦ, и путинскую суверенную демократию к решению о создании схожих паллиативов. Не собираясь предоставлять народу (церковному — в церкви, всему народу — в государстве) никакого участия в решении проблем, патриарх озабочен

установлением каналов обратной связи во взаимоотношениях с обществом. Он создавал площадки для диалога в Смоленске, а теперь говорит о желательности появления некоего подобия Общественной палаты в РПЦ (первым такого рода опытом стало учреждение на Синоде 1 апреля 2009 г. Межсоборного присутствия Русской православной церкви для внутрицерковных дискуссий). Итак, эти паллиативы — Общественная палата, Государственный совет и некоторые правозащитные и гражданские форумы при президенте — получили свои аналоги в виде Межсоборного присутствия, участвовавших архиерейских совещаний и архиерейских соборов. Оставаясь по сути совещательными органами, эти институты не привносят в жизнь церкви необходимых ей для здорового развития элементов демократии (или, выражаясь птичьим церковным языком, «соборности»).

Изменит ли «миссия» характер веры — будут ли православные искать спасения в честном, творческом труде в миру, станут ли по своей вере ответственными гражданами, найдут ли новый модус христианской семьи, пригодный для современного общества? «Миссия» может и вовсе не дойти до сознания верующих, а может вызвать и активное отторжение. Патриарх Кирилл, без сомнения, осознает эту проблему. В уже цитированном интервью программе «Национальный интерес» он заявил: «Задача заключается в том, чтобы сегодня люди приняли феномен веры не как историческую традицию, не как часть фольклора — милого, приятного, вводящего в уютную атмосферу прошлого со всей ее романтикой, а как реальный мировоззренческий вызов; чтобы современное человечество поняло: существование цивилизации во многом зависит от того, насколько люди примут в ум и сердце Божию правду». Но осознание проблемы не останавливает бурного неославянофильского потока, несущего вперед руководителей РПЦ. Даже и в самом этом высказывании содержится обращение к проблеме «существования цивилизации», прямо по Вольтеру: «Если Бога нет, его следует выдумать».

Бурная активность патриарха Кирилла побудила светские власти сделать ряд серьезных шагов навстречу РПЦ. Процесс пошел после неожиданных решений президента Медведева, принятых им 21 июля 2009 г. на встрече в Барвихе с главами «традиционных» религий и правительственными чиновниками. После встречи Медведев заявил: «Я принял решение поддержать эти две инициативы: обучение основам религиозной культуры и светской этики в российских школах, а также я считаю своевременным организовать на постоянной основе работу священнослужителей в рядах вооруженных сил». Проблема присутствия религии в общеобразовательной школе была и остается, пожалуй, самой острой во взаимоотношениях церкви и государства (да и общества) со времени распада СССР. Несмотря на существование различных компромиссных предложений, в общественных дискуссиях чаще всего сталкивались две полярные точки зрения.

Первая, церковная, утверждает, что для воспитания нравственной личности, для воспитания сознательного патриота России необходимо в какой-то форме преподавание православия. Даже для детей людей, не являющихся православными (атеистов, мусульман и т. д.), знакомство с православием необходимо, поскольку они являются гражданами России, а православие — основа культуры, менталитета, государственности нашей Родины. Подобная позиция отказывается признавать идейное и религиозное многообразие России. Практически она ставит своей подспудной задачей тотальное обращение всех в адептов РПЦ и оценивает все не принадлежащие РПЦ идейные позиции маргинальными и чуждыми интересам России.

Вторая позиция, секулярная, отказывает религии в праве в каком-либо виде быть представленной в школе на том основании, что ее присутствие по сути будет навязыванием народу определенного мировоззрения. Присутствие религии в школе будет серьезно препятствовать формированию самостоятельных ответственных граждан страны. А это в корне противоречит конституционной норме об отсутствии в России каких-либо официальных

идеологий. Компромиссные же предложения о праве родителей выбирать для детей различные мировоззренческие курсы в соответствии с их убеждениями также категорически отвергаются, так как, по мнению секуляристов, это приведет к разделению общества на отдельные мировоззренческие группы, будет способствовать развитию межрелигиозных и мировоззренческих конфликтов, росту взаимного непонимания. По существу секулярная позиция также является достаточно авторитарной. Ее пафос неприятия мировоззренческого многообразия близок пафосу советской пропаганды, требовавшей единообразия во имя единства. Не признавая за религией права на равное с собой присутствие в школе, секуляристы фактически провозглашают себя единственными носителями истины. Единство мыслится не как результат гармоничного сотрудничества людей различных мировоззрений, а как продукт навязанных сверху бюрократией идеологических установок.

Компромисс по вопросу религии в школе вообще в принципе сложен, но он вдвойне сложен в России, так как основные оппоненты (представители РПЦ, атеисты, мусульмане) являются представителями авторитарных идеологий, не склонных к компромиссам. А если оказываются в школе, то часто не видят ничего зазорного в том, чтобы проповедовать нетерпимость (а то и ненависть) к инакомыслящим. Опыт присутствия православных священников в школах некоторых регионов дал много отвратительных примеров унижения и преследования детей протестантов. А руководство РПЦ ни разу даже не извинилось за недопустимое поведение своих представителей. Известно много случаев, когда мусульмане подвергали угрозам и остракизму людей, обратившихся в христианство из ислама. Как можно пускать в школу людей с подобными установками? Отдельную проблему представляет социальная доктрина РПЦ. Ведь она по существу отрицает демократию и права человека. И что, в школе люди, представляющие православную культуру, будут отрицать российскую Конституцию, вообще принципиальный выбор демократического пути развития нашего народа? Опыт стран Европы и Америки показывает, что при большом

разнообразии в путях решения этой проблемы (в одних странах религию широко пускают в школу и оплачивают ее присутствие, в других развита система религиозных школ, в третьих — система воскресных школ и т. д.) верующие люди на практике имеют возможность без особых финансовых, бюрократических и иных сложностей дать своим детям религиозное образование по собственному выбору. В то же время нигде не допускается пропаганда вражды к инаковерующим и инакомыслящим, нигде религиозные учителя не выступают противниками демократического выбора. И Россию рано или поздно постигнет та же судьба: верующие будут иметь возможность (которой они сейчас в большинстве случаев лишены) дать своим детям религиозное образование и воспитание, но, с другой стороны, светская власть установит жесткие барьеры для пропагандистов религиозной нетерпимости и антидемократических взглядов в школе. Вопрос в том, как долго мы будем искать свою форму исторического компромисса.

Решения президента Медведева по мере их претворения в жизнь могут оказаться и первым шагом в направлении цивилизованного решения проблемы, и очередным тупиком, когда после кризиса все опять придется начинать сначала. Согласно предложениям президента в рамках учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» школы должны предложить выбор: ученики могут изучать по собственному желанию русское православие, ислам, буддизм или иудаизм, а родители, не желающие религиозного образования для своих детей, могут выбрать для них светскую этику или «Историю мировых религий». В 2010 г. около 12 тыс. школ в 19 российских регионах (Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Чечне, Чувашии, Удмуртии, Камчатском, Красноярском и Ставропольском краях, Вологодской, Калининградской, Костромской, Курганской, Новосибирской, Пензенской, Свердловской, Тамбовской, Тверской, Томской областях и Еврейской автономной области) были вовлечены в этот эксперимент. По приблизительным подсчетам за неполный год было подготовлено 40 тыс. специалистов.

Из списка допущенных в школу были исключены такие крупные и влиятельные религиозные группы, как

протестанты, католики и старообрядцы. Так что уже формально свободный выбор был существенно ограничен. Но есть серьезные основания полагать, что ограничения свободы выбора родителей этим не ограничатся. Уже осенью 2009 г. появлялись протесты то атеистов, что в школах навязывают православие, то православных, что детям навязывают светскую этику. Но это крупнейшие российские общины, а как в Костроме или Саратове буддисты смогут отстоять права на буддистское образование своих детей? Учитывая традиционное презрение российской бюрократии к правам и свободам граждан, а также то обстоятельство, что выборы в федеральные и региональные органы власти превращены бюрократией в спорт по фальсификации народного волеизъявления, трудно ожидать, что родители смогут сделать свободный, никем не навязанный выбор. А безусловная свобода выбора — необходимое условие успеха эксперимента. Надо сказать, что еще до решения президента в некоторых регионах (в Белгородской, Курской, Липецкой, Смоленской областях) в значительном числе школ с разной степенью добровольности преподавались «Основы православной культуры». Однако у этих инициатив не было твердого правового основания. После начала медведевского эксперимента все осталось по-прежнему — ислам, буддизм, иудаизм, светскую этику или «Историю мировых религий» в этих регионах преподавать не стали. Весной 2010 г. появились данные о выборе, сделанном родителями в этом году. «В целом расклад такой: порядка 40% семей выбрали светскую этику, примерно треть — основы православной культуры, около 25% — историю мировых религий, и совсем небольшие блоки (по 10–20 тысяч экземпляров) — культуры иудаизма, буддизма или ислама», — сообщил генеральный директор издательства «Просвещение» Александр Кондаков в интервью газете «Московский комсомолец» 16 марта 2010 г. В Томской области и Красноярском крае изучать ОПК будут 19% учащихся, в Новосибирской — и того меньше, в Калининградской области — 34%, в Камчатском крае — 39%, в Курганской области — 20%, в Удмуртии — 16%, в Тамбовской области — 55%. Наибольшего успеха ОПК до-

бились в Костромской области (75%), Ставропольском крае (около 60%) и Тверской области (62%). По официальным данным, в Пензенской области ОПК не пожелал изучать ни один ученик. Можно предположить, что крайние цифры по Костромской и Тверской областям, Ставропольскому краю, Пензенской области получены не совсем честным путем и представляют собой результат использования административного ресурса. Однако средние цифры (25—30%), которые, судя по всему, близки к реальному волеизъявлению, — совсем неплохой для РПЦ результат. При 10% практикующих верующих получить 30% выбравших ОПК означает, что 20% людей, не имеющих реальной связи с церковной жизнью, высоко оценивают ее авторитет, готовы доверить ей своих детей. Тем не менее церковные руководители, судя по их высказываниям, не очень довольны таким итогом и претендуют на большее. Им следует осознать реальность и стремиться к тому, чтобы эти 20% не разочаровались. Планы же по значительно большему охвату детей ОПК ни к чему, кроме конфликтов и опасной для РПЦ антиклерикальной реакции, не приведут.

Осенью 2010 г. всеми заинтересованными сторонами было объявлено об успешном осуществлении первого этапа эксперимента. В 2011 г. в него были включены еще два региона — Ярославская область и Республика Марий Эл. Результаты эксперимента можно назвать успешными для РПЦ. В среднем около 30% родителей выбрали для своих детей «Основы православной культуры» (при не более чем 10% практикующих православных это очень большая цифра). Несмотря на естественные для нашей страны использование административного ресурса, подтасовки и прямое жульничество (в разных регионах в интересах различных курсов), люди в этой ситуации в большинстве случаев имели реальный выбор и ответственным образом его сделали. Задача общества, государства и верующих всех конфессий — добиться безусловной свободы выбора родителями того, что будут изучать их дети. Несмотря на алармистские прогнозы противников введения курса, никаких серьезных конфликтов он в школах не вызвал. Религия отныне будет присутствовать в школе, но формы и характер этого

присутствия, естественно, еще много раз будут подвергнуты ревизии.

Вопрос о присутствии религии в армии был принципиально решен одновременно со школьным вопросом, когда президент объявил, что духовенство будет допущено в войска для окормления верующих. Но вопрос о капелланах был заволокочен армейским начальством, и только осенью 2010 г. состоялись конкретные решения о внедрении православных священников в армию. Многолетняя мечта Кирилла сбылась.

Однако уже имеющиеся прецеденты периодического присутствия священнослужителей в войсках вызывают серьезные сомнения в адекватности ситуации этого присутствия. Зачем священник идет в войска? Ответ очевиден: чтобы обеспечить религиозные права верующих военнослужащих, предоставить им возможность жить в соответствии с их верой. У нас в стране около 10% практикующих верующих, тех из них, кто носит военную форму, и должно коснуться пастырское окормление военных священников. Но церковное начальство ведет себя так, будто собирается заниматься чуть ли не всеми, кто состоит в вооруженных силах. Однако большинство военнослужащих — неверующие (или по крайней мере не являются практикующими верующими), к ним военные священники не должны иметь отношения. Кроме того, присутствие православных священников в армии автоматически требует пропорционального присутствия духовенства всех конфессий и религий, чьи верующие служат в армии. Чтобы не допустить опасных межконфессиональных напряжений в армии, свобода выбора должна быть соблюдена неукоснительно. О мусульманах же говорится только в неопределенно будущем времени, а о протестантах и католиках вообще не слышно. В речах на военную тему высшее духовенство РПЦ часто и много говорит о военно-патриотическом воспитании, о «православном воинстве», но не видно попыток понять специфику духовных и моральных проблем военных. Если они и есть, то это дело второе. Создается впечатление, что РПЦ собирается не окормлять свою паству, находящуюся в армии, а выполнять роль политорганов. А это

неприемлемо с точки зрения Конституции и вредно как для армии, так и для РПЦ.

Казалось, что к 2010 г. процесс возвращения государством движимой и недвижимой собственности в руки РПЦ в основном завершился. Ряд политических решений, принятых Горбачевым, Ельциным и Путиным в 1988—2008 гг., удовлетворил очевидные, первоочередные потребности РПЦ в храмовых зданиях. Церковь нашла способы обеспечивать богослужение необходимыми иконами и священными предметами без того, чтобы крушить национальные музейные коллекции. Сложность и скандальность отъема художественных ценностей у музеев в предыдущие годы, учитывая, что первоочередные (и не только первоочередные) потребности РПЦ уже были удовлетворены, казалось бы, должны были привести к плавному отказу от предъявления дальнейших претензий. Однако реституция православных культовых зданий и религиозных художественных ценностей вступила в новый этап развития сразу после избрания нового патриарха. Патриарх Кирилл начал продвигать законопроекты, касающиеся передачи религиозного имущества в собственность религиозных объединений, а также финансирования государством памятников культуры и архитектуры, которые будут переданы в собственность РПЦ. Дискуссии вокруг «церковной реституции» возникли в СМИ и в музейном сообществе с такой силой, как будто на протяжении последних двадцати лет РПЦ ничего не передавалось. Монастыри и храмы, иконы и другие ценности также перетекали во владение церкви в последние два десятилетия, происходили и многочисленные конфликты музеев и епархий. Но именно сейчас возникла перспектива тотальной «клерикализации» национального художественного достояния Средневековой Руси. 30 ноября 2010 г. президент Медведев подписал закон о возвращении имущества религиозного назначения религиозным организациям. Руководство РПЦ добивалось принятия этого закона наиболее громко и использовало очень резкую риторику. Вот лишь один характерный пример: выступая 20 ноября в Кронштадте после литургии в Свято-Никольском Морском соборе, патриарх Кирилл заявил: «Принятие этого закона было очень сложным. Огромные

силы были брошены на то, чтобы этого не произошло. Потoki лжи в прессе, возбуждение низменных страстей — все это имело место точно так же, как тогда, когда закрывались храмы и разрушались святыни. Это означает, что враг рода человеческого не оставляет надежды стереть из памяти людей священные символы и великие ценности». Люди, критически относящиеся к тотальной передаче в собственность РПЦ всей недвижимости «религиозного назначения», фактически названы слугами сатаны, т. е. работающими на абсолютное зло. Поскольку реституция в России не проводилась и не проводится, признание права на реституцию исключительно за РПЦ трудно назвать очевидным проявлением справедливости. Небесспорна и потребность верующего народа в церковных и монастырских зданиях, которые РПЦ по этому закону получит. К настоящему времени она уже получила от государства сотни зданий монастырей, большинство из которых не может ни восстановить, ни заселить монахами и монахинями (их просто нет в таком количестве). Завладение зданиями церквей в центрах исторических городов в наши дни также часто не является результатом реальной нужды. В центрах городов, как правило, за последние двадцать лет уже открыто достаточно храмов, чтобы удовлетворить верующих.

Беззаветная борьба за недвижимость, сопровождаемая к тому же весьма кровавой риторикой, обвинениями в адрес оппонентов в порочности и чуть ли не в преступности, много повредила авторитету РПЦ и еще больше повредит. Теперь, когда в массовом порядке продолжится разрушение музейных комплексов и на их место заявятся несколько самоуверенных монахов, которые будут поучать граждан о добре и истине и о своем праве повсюду хозяйничать, уважения к РПЦ, мягко говоря, не прибавится. Неизбежные при переделе собственности конфликты не помогут церкви стяжать народную любовь. В РПЦ выкристаллизовывается строго централизованная система владения и распоряжения всей полученной собственностью, что сделает более централизованной саму систему управления. Кроме того, большинство храмов будет зависеть от бюджетных средств, выделяемых на реставрацию и восстановление церковных памятников культуры. В настоящее

время значительная часть памятников и брошенных церквей находится в упадке или не получает регулярного финансирования. Когда РПЦ оформит право собственности на тысячи объектов, которые можно считать памятниками культуры, окажется, что на реставрацию и восстановление собственнику, т. е. Московской патриархии, придется выделить из государственного бюджета не 2 млрд руб., как было предусмотрено на 2010 г., а 20 млрд (и соответствующий счет будет немедленно представлен и оплачен безмолвными россиянами). РПЦ добилась поставленной цели. Но зачем она ее ставила? Зачем РПЦ нужны *все* здания монастырей и церквей? Ответ на этот вопрос совсем не очевиден. В интервью Михаилу Ситникову один из ведущих русских историков искусства Ольга Попова заметила: «...Почему материальные ценности так волнуют Церковь? Может быть, стоит проявлять большую заботу о других вещах? По опыту моих встреч с разными людьми я могу сказать, что это стремление к имущественным приобретениям нередко отталкивает их от Церкви. Всякого рода стяжания и так слишком много в обществе, которое просто задыхается от погони за материальностью»¹⁰. Сейчас РПЦ осваивает сотни монастырей по всей России. Очень часто это громадные архитектурные сооружения, рассчитанные на десятки и сотни насельников, требующие астрономических материальных затрат не только на реставрацию и ремонт, но даже на содержание. Может быть, в России сейчас гигантский наплыв желающих принять постриг, бедным монахам некуда деться? Ничего подобного. Нередки случаи, когда много лет в гигантских монастырях обитают два-три монаха. Число новых пострижений весьма незначительно, в некоторых епархиях за последние годы не прибавилось ни одного нового послушника.

Возрождение церковной жизни во многих церковных зданиях в центрах исторических городов в наши дни также часто не является результатом реальной нужды. В центрах городов, как правило, за последние двадцать лет уже открыто достаточно храмов, чтобы удовлетворить верующих.

Потребность общин в иконах удовлетворяется возникшими за последнее двадцатилетие иконописными

мастерскими. Они создают чудесные иконы, соответствующие религиозным и эстетическим представлениям современных верующих. Эти образы специально создаются для храмовых пространств церквей-заказчиков. Недоступность до последнего времени основной массы икон, хранящихся в музеях, способствовала развитию церковного искусства, и это прекрасно!

РПЦ уже превратилась в заложника недвижимости, которая находится в ее пользовании. Для едва ли не большинства насельников монастырей в современной России основным занятием стали строительство и ремонт, а также добывание денег на строительство и ремонт. Разве монастыри существуют для этого? Церковь превращается в вечную попрошайку бюджетных денег, потому что без помощи государства все это имущество невозможно содержать в порядке. Но это только начало, пиррова победа патриарха Кирилла и его команды в борьбе за глобальную реституцию увеличит имеющуюся зависимость многократно. Представим, что было бы, если бы не было массовой передачи монастырских зданий РПЦ. Жаждающие аскетических подвигов братья пошли бы в леса, овраги и болота и строили бы там свои церквушки и избышки. Конечно, внешне это было бы не так красиво, но сути монашеского делания соответствовало бы гораздо больше.

В пылу полемики о возможности передачи икон из музеев в церкви один из представителей РПЦ заявил, что у церкви достаточно сил, средств и специалистов, чтобы обеспечить сохранность древних шедевров церковного искусства. Допустим, что он прав. Я думаю, что в церкви, кроме того, достаточно сил, средств и специалистов для создания противопожарной службы, системы метеорологического наблюдения, производства пылесосов и многого другого. Но дело ли церкви этим заниматься? Церковь — не антикварная лавка, не художественный музей и не реставрационная мастерская.

Некоторые записные критики РПЦ подозревают церковное начальство в намерении использовать приобретенную недвижимость в коммерческих целях — аренда, субаренда, гостиницы, рестораны, склады... Вряд ли, однако, коммерческие проекты по использованию архитектурного

наследия, учитывая все сложности его содержания и возможные репутационные риски, могут стать по-настоящему привлекательным делом для извлечения прибыли. Есть масса других более простых и очевидных способов делать бизнес.

Главная причина стремления к глобальной православно-церковной реституции — желание монополизировать художественное наследие Средневековой Руси, все, что относится к духовному, церковному, национальной традиции и т. д. Духовенство РПЦ в массе своей не может смириться с тем, что светские специалисты — историки, искусствоведы, краеведы — сохраняют и интерпретируют национальное наследие, полагая, что только они вправе и способны говорить «правильно» о церковном искусстве, о культурном наследии, о мировоззрении наших предков. Такая ревность не по разуму может очень сильно навредить РПЦ, и этот очевидный факт там не хотят признавать только в силу очень сильных эмоций. На протяжении последнего столетия сообществом русской гуманитарной интеллигенции культура Средневековой Руси не только изучалась и сохранялась на самом высоком уровне, но и прекрасно популяризировалась. Интерес к ней, осознание ее ценности и нужности распространены среди современных русских людей гораздо шире, чем самая минимальная принадлежность к РПЦ. В интерпретации светских ученых и деятелей культуры средневековое духовное наследие стало близким и родным почти всем русским людям. Этот всеобщий авторитет культуры во многом определяет авторитет РПЦ (а не наоборот). В Московской патриархии, судя по всему, думают, что смогут его приватизировать и без посредников использовать в миссионерских, катехизаторских и элементарных пропагандистских целях. Это глубокое заблуждение. Большинство жителей России — люди светские, нецерковные, церковными они никогда не станут. Церковная интерпретации им чужда. Русское культурное наследие сейчас осознается всеми (и церковными, и нецерковными людьми) как общенациональное достояние, как общенациональная культурно-историческая основа. В случае приватизации оно очень быстро станет ценностью только для верующих, для лю-

дей РПЦ. Совсем не исключена ситуация, когда лет через десять для большинства русских людей культура будет начинаться со времен Петра I, а что было до этого, будет считаться тьмой мракобесия и средневековой дикостью. РПЦ не столько приобретет средство для миссии, сколько лишится поля, на котором имеет комфортные возможности для диалога с обществом. Было бы совсем нелишнее подумать о расширении сети музеев-заповедников в стенах исторически значимых монастырей, кое-что, может быть, вернуть назад Министерству культуры, заодно попросив светскую власть как следует об этих учреждениях культуры позаботиться.

Борьба за монопольное владение русским национальным культурным наследием вписывается в более глобальный проект по монополизации всего христианского наследия, всего, связанного с духовностью. Цель эта в современном плюралистическом мире, с властью слишком вегетарианской, не способной и не склонной уничтожать инаковерующих, еретиков и безбожников, обречена на провал. Чем бóльших успехов руководство РПЦ добьется в этой борьбе, тем больше вреда эти успехи ей принесут.

Так кому же выгодна православно-церковная реституция? Есть такие люди. Благодаря реституции восстанавливаются сотни прекрасных исторических зданий церквей и монастырей. Во многих местах наши загаженные и изуродованные городские и сельские пейзажи преобразуются. Глаз все чаще начинает радоваться. В русских людях сильно эстетическое чувство, и оно находит свое удовлетворение. С победой, господа эстеты!

Кроме трех решенных принципиальных вопросов в области церковно-государственных отношений есть еще один, о котором патриарх дипломатично умалчивает, но который он мог бы назвать своим «достижением». Последние полтора-два года были временем постоянного усиления дискриминации и подавления законных прав религиозных меньшинств, в первую очередь протестантов. По всей России получение протестантами земли для строительства церковных зданий стало делом невероятным, а аренда помещений — более чем сложным. Гонения на христиан идут

по всему фронту — власти создают всякого рода сложности работе протестантских церквей с детьми, разворачивается кампания против антинаркотических реабилитационных центров, ограничивается миссионерская деятельность. Протестантские общины в массовом порядке прекращают регистрироваться, так как регистрация лишь провоцирует репрессии со стороны правоохранительных органов. Официальная статистика последних лет о численности протестантских общин настолько искажена последствиями репрессивной политики властей, что судить по ней о численности протестантов нет никакой возможности.

Оценивая складывающуюся ситуацию, ведущий российский специалист в области государственно-церковных отношений Андрей Себенцов пишет: «Складывается впечатление, что кто-то хочет, чтобы в России официально осталось четыре “традиционных религии”, разделившие население по национальному признаку. Ведь давление на баптистов и пятидесятников у нас тоже в традиции. Зачем оно? Неужели, чтобы большинство протестантских организаций, оставленных без помещений для собраний, без объявленной экстремистскими материалами религиозной литературы (надеюсь, кроме Библии), задерганные нелепыми обвинениями в обучении детей религии в воскресной школе без лицензии на образовательную деятельность, в распространении собственных материалов без лицензии на издательскую деятельность, использовании при богослужении гипноза и нейролингвистического программирования без лицензии на медицинскую деятельность и тому подобными придумками, ушли в подполье? И сидели там — до очередных извинений одного из будущих президентов»¹¹.

Руководство РПЦ не только солидаризируется с этим произволом и беззаконием, но и публично признается в своем соучастии в этих постыдных делах.

Представители Патриархии постоянно критикуют документы официального мониторинга американских органов власти (Государственного департамента, Конгресса), посвященные соблюдению свободы религии. Хотя, казалось бы, Патриархии-то какое дело? В этих документах анализируется политика светских властей, им и от-

вечать. Нет, руководство РПЦ агрессивно вмешивается в ту сферу внутренней политики, где ее присутствие меньше всего уместно. Еще во времена Российской империи, по крайней мере с царствования Екатерины II, преодоление первобытного произвола, введение религиозной политики в правовые рамки неизменно сопровождалось отлучением Православной церкви от участия в осуществлении государственной политики в отношении религиозных меньшинств. Сейчас создается впечатление, что Россия в этой сфере вернулась к благословенной симфонии времен благоверного царя Гроха. Церковные власти подбивают власти светские к нарушению прав и свобод протестантов и католиков, инициируют и поддерживают принятие антиконституционных дискриминационных законов, возбуждают по отношению к инаковерующим неприязнь, что часто может быть названо «разжиганием религиозной розни».

Из последних примеров следует обратить внимание на программную речь патриарха Кирилла, произнесенную 16 ноября 2010 г. на открытии IV Всецерковного съезда епархиальных миссионеров Русской православной церкви. Он назвал обилие протестантов на Дальнем Востоке «опасной диспропорцией», говорил о том, что существует чья-то вина (!) в обилии протестантов, задал вопрос, в котором звучала угроза: почему наши дальневосточные города застроены фундаментальными сооружениями, в которых собираются представители этих организаций (т. е. имеются в виду протестантские церкви)? И действительно, во многих регионах Сибири и Дальнего Востока представители карательных органов в конце 2010 г. начали проверять у протестантов документы на церковные здания, а иногда, когда находили какие-то недостатки в документации, как это происходит с пятидесятнической церковью в Абакане, угрожают конфискацией и сносом.

Своеобразие представлений руководства РПЦ о законности и справедливости прекрасно иллюстрируют некоторые события последних месяцев. Добиваясь введения «религиозно ориентированных предметов» в школьную программу, руководство РПЦ сделало все возможное, чтобы исключить протестантов и католиков — конфес-

сии, наиболее готовые к школьному воспитанию, — из участия в этом эксперименте.

Добиваясь возвращения себе дореволюционной недвижимости, РПЦ вовсе не считает нужным признавать за другими конфессиями право на реституцию. Занятые в 1990-е годы. РПЦ здания костелов в Белгороде, Благовещенске, Чите руководство Патриархии вовсе не собирается возвращать хозяевам. Совсем уж скандально выглядит удовлетворение властями требования РПЦ передать ей сохранившиеся в Калининградской области лютеранские и католические церковные здания. Если руководство РПЦ так печется о возвращении незаконно отнятого, то на каком основании оно прибирает к рукам то, что ей точно никогда не принадлежало?

Пленение вертикалью

Сейчас большинство синодальных учреждений возглавляют новые, назначенные патриархом Кириллом руководители. Отличительные особенности, свойственные большинству этих людей, — сравнительная молодость, опыт работы за рубежом, хорошее церковное (светское гораздо реже) образование, склонность к публичным выступлениям. Те, кто уже побывал на руководящих должностях, зарекомендовали себя успешными управленцами. Им свойственно убеждение в способности РПЦ осуществить успешную миссию в обществе, ориентированность на всемерное сотрудничество с властью и бизнесом. В идейном плане им присущи последовательный антикоммунизм, враждебное отношение к другим христианским конфессиям и недоверие к демократии. В нынешней ситуации такие руководители поддерживают возникший с приходом Кирилла на патриарший престол энтузиазм в церковной среде и сочувствующей части общества. Ярким проявлением этого энтузиазма стало участие РПЦ в борьбе с последствиями летних пожаров в Центральном регионе России. Об эффективности этого участия и о конкретных цифрах можно спорить, но очевидно, что за все постсоветское время церковная общественность ни разу столь

активно и массово не участвовала в решении какой-либо национальной проблемы.

Однако говорить о существенном (или даже заметном) успехе в деле обращения к православию населения страны, равно как и об оздоровлении церковной жизни, пока не приходится. На многих направлениях успехи патриарха Кирилла скорее можно назвать информационными, декларативными, заявками о намерениях, нежели реальным началом работы. Будут ли они достигнуты, эти успехи? Их вероятность больше, чем считают многие записные критики, и гораздо меньше, чем надеются в Патриархии. Основных причин, ставящих под вопрос успех преобразований Кирилла, две: внутрицерковный авторитаризм, архаичная система церковного управления и характер взаимоотношений РПЦ со светской властью, в том числе и ее социально-политическая доктрина.

Несмотря на то что новый патриарх допускает среди церковной интеллигенции (в основном столиц) несколько больший плюрализм мнений, жесткая авторитарная система управления, не сдерживаемая никакими внутрицерковными институтами, реально не действующими нормами канонического права, жестко ограничивает активность на приходском уровне, поощряет пассивность и холуйство. Правящие архиереи часто позволяют себе жестокий и безосновательный произвол по отношению к священникам, настоятели — по отношению к рядовым священникам, священники — по отношению к мирянам, церковным служащим и активистам. Кирилл не только до сегодняшнего дня не предпринял никаких мер для исправления ситуации, но и продолжает укреплять вертикаль церковной власти.

Поднявшийся в связи с избранием нового патриарха энтузиазм привел в первые месяцы правления Кирилла к заметному росту выступлений церковнослужителей в СМИ и Интернете. Но в последнее время синодальные чиновники, в том числе и такой, казалось бы, открытый деятель, как председатель синодального Информационного отдела Владимир Легойда, с успехом борются с подобной «распушенностью». Откровенное и неподконтрольное патриархийным бюрократам обсуждение

религиозных вопросов и церковных проблем продолжает считаться «проступком». Некоторые представители духовенства Москвы, в которой патриарх является епархиальным архиереем, отмечают даже усиление мертвящего контроля со стороны архиепископа Истринского Арсения (Епифанова), викария Московской епархии. Некоторые заявленные инициативы патриарха заставляют предположить, что планы развития церковной жизни с большой степенью вероятности могут вылиться в строительство «потемкинских деревень», показное, не имеющее внутреннего содержания очковтирательство. Например, выступая в Петрозаводске, он призвал увеличить число приходов в Карелии с нынешних 60 до 500 (ну сказал бы — в два или в два с половиной раза, это было бы трудной, но все же разумной и достижимой целью!). С аналогичными планами в отношении других епархий выступали руководители синодальных отделов, посещая различные епархии. Очевидно, что в обозримом будущем не появится ни столько верующих, ни столько квалифицированных священнослужителей. При курсе на экстенсивный рост, на резкое увеличение числа приходов остальные планы Патриархии захлебнутся в хозяйственных проблемах, в наплыве плохо подготовленных священников, в погоне за «цифрой». Впрочем, и планы развития миссионерства, религиозного просвещения, благотворительности при декретно-бюрократическом подходе, при командно-административной системе руководства могут превратиться в бюрократическую игру, реальный результат которой будет весьма мал. Некоторые надежды на улучшение положения связывались с учреждением церковного суда. Первое же его заседание рассматривало, как сейчас говорят в светских правоохранительных органах, «резонансное дело» — жалобу протоиерея Павла Адельгейма на преследования со стороны митрополита Псковского и Великолукского Евсевия (Саввина). Несмотря на решение этого суда о необходимости примирения спорящих сторон и готовность протоиерея Павла к примирению, гонения на него со стороны Евсевия не прекратились. Произвол и самодурство, порождающие отсутствие ответственности и губящие живую инициативу, все

так же слишком во многих епархиях остаются нормой. Как при таких порядках может возрождаться церковная жизнь?

В течение последних двух лет мне удалось посетить несколько православных епархий в разных концах страны и беседовать с представителями духовенства. Причем я встречался только со священниками, имеющими очевидные заслуги, достигшими успехов в каких-либо сферах церковной деятельности. Мне встречались священники, искренне считающие, что патриарх Кирилл сумеет возродить РПЦ, придать ей больше духовной, моральной и интеллектуальной силы, привлечь массы новых верующих, сделать ее заметной позитивной и творческой общественной силой (такие священники мне попадались исключительно в епархиях, где архиереи не слишком сильно командуют и поддерживают самостоятельную активность духовенства). Однако в большинстве случаев мои собеседники уходили от вопроса о перспективах начинаний нового патриарха либо, с большей или меньшей долей откровенности, давали понять, что ожидают роста бюрократического гнета, навязывания неисполнимых требований и поневоле имитации деятельности и очковтирательства, высасывания из пальца сомнительных успехов в угоду вышестоящему начальству. Все это, предполагали мои собеседники, только помешает делать то, что они умеют делать и с успехом делают.

Мощная поддержка РПЦ со стороны государства в самых разных областях, сочетающаяся в лучшем случае с незначительным ростом численности и активности православных верующих, православных общин и православных организаций делают РПЦ все более зависимой от государства и в то же время приучают духовенство решать церковные проблемы исключительно с помощью светской власти, а к общественным проблемам подходить с точки зрения лоббирования политических решений.

Приведу только один поразивший меня пример. С 2009 г. существует широко разрекламированный Церковно-общественный совет по защите от алкогольной угрозы. Возглавляет его архимандрит Тихон (Шевкунов), наместник Сретенского монастыря в Москве. Отделения этого совета активно действуют уже в 30 регионах Рос-

сии. Чем же он занимается? На сентябрьском заседании московского, самого активного его отделения было принято решение о продвижении следующих инициатив¹²:

- поддержать Правительство Москвы по вопросу регулирования и ограничения по времени продажи алкогольной продукции;
- рекомендовать Московской городской думе и Правительству Москвы подготовить решения по вопросу усиления ответственности за продажу спиртосодержащих напитков несовершеннолетним и за нарушения других регламентов продаж, а также ужесточения наказаний за распитие алкоголя и появление в нетрезвом виде в общественных местах;
- в рамках проекта «Общее дело» запланировано провести широкомасштабную информационно-просветительскую и разъяснительную работу в учебных заведениях, а также трансляцию фильмов, телепередач и роликов антиалкогольной социальной рекламы на телевидении.

Совет также одобрил эксперимент по созданию патрулей по контролю за продажей алкогольной продукции несовершеннолетним в Замоскворечье.

Не вызывает возражений деятельность церковных структур по лоббированию каких-либо решений властных органов, но удивляет полное отсутствие собственно церковной работы. Ни реабилитационных центров для алкоголиков, ни организаций анонимных алкоголиков, ни поддержки детей, страдающих от пьющих родителей. Никакой специфически церковной работы, в которой теоретически именно верующие могли бы оказаться незаменимыми! Церковная организация выступает в роли, в которой естественно было бы видеть светское общественно-политическое объединение.

Зависимость РПЦ от власти — это как зависимость российской экономики от нефти и газа. Интеллектуальные, духовные, творческие силы чахнут, организм атрофируется. Почти всеми своими достижениями последнего времени РПЦ обязана светской власти. Соответственно и зависимость от нее растет постоянно. Тысячами нитей церковь связана со всеми уровнями государственной бюрократии и повязанного с ней бизнеса. Если предположить (а это

когда-нибудь неизбежно произойдет), что светские начальники будут недовольны начальниками церковными, они за один день «перекроют кислород», и Патриархию постигнет жестокий кризис.

Конец 2010 г. стал для руководства РПЦ временем триумфа в борьбе за поддержку и помощь со стороны светской власти. Кирилл получил то, о чем мечтал и чего больше всего добивался от государства не только с момента избрания патриархом, но и многие годы до этого. Выступая 30 ноября 2010 г. на встрече с сотрудниками синодального Отдела по взаимоотношениям церкви и общества, он так оценил достигнутые успехи: «В области церковно-государственных отношений в России на сегодня не осталось ни одного принципиального вопроса, который бы содержал в себе некий конфликт между Церковью и государством». По его словам, было три таких вопроса: «присутствие религиозно ориентированных дисциплин в школе, участие духовенства в Вооруженных силах и возвращение Церкви незаконно отнятого у нее имущества».

Руководство РПЦ всегда связывало себя с государством (сначала с советским, сейчас с постсоветским). Однако два года патриаршества Кирилла ознаменовались принципиальным усилением и углублением этой связи. Все увеличение влияния, все новые возможности, весь рост авторитета были обеспечены исключительно благоволением светской власти, так называемым административным ресурсом.

За эти годы не выросло ни число прихожан, ни число монашествующих (на епархиальном собрании Москвы патриарх привел статистику по ставропигиальным монастырям — никакого роста). Протоиерей Максим Козлов, настоятель университетской церкви св. Татианы в Москве, писал 3 января 2010 г. на портале «Богослов. RU»: «Одна из очевидных проблем, с которой мы теперь сталкиваемся, — семинарий у нас много, а поступающих становится не так уж много. В большинство провинциальных семинарий конкурс отсутствует вообще. Он не очень велик и в московских духовных школах, и в петербургских — центральных. В Московской духовной семинарии в прошлом году конкурс был 2,5 человека на место, и то было принято очень трудное, но ответственное ре-

шение — принимать меньше людей. Брать не 90 человек, как в последние годы, а только 60, но произвести более тщательный отбор, чтобы учились те, кто действительно способен и отчетливо показывает навыки церковности и желание учиться».

Патриарх как будто не замечает, что все победы находятся в сфере борьбы бульдогов под кремлевским ковром. Он с энтузиазмом говорит о ближайших целях. Отвечая на вопросы участников международного фестиваля православных СМИ «Вера и слово» 13 октября 2010 г., он заявил, что в ближайшие два десятилетия число прихожан Русской православной церкви в нашей стране должно увеличиться до 40 млн человек. Таким образом, по мнению патриарха, к 2030 г. паства РПЦ будет составлять более трети населения России. Он говорит о расширении миссионерской работы, социального служения, катехизации. Принимаются решения о создании в приходах специальных служб, за работу которых будут отвечать штатные специалисты. Но чтобы эти специалисты достигли успехов, они должны вместе с прихожанами чувствовать себя свободными носителями веры, а не участниками некоего окологосударственного бюрократического движения, к тому же опутанного дополнительными идеологическими, политическими и организационными ограничениями, навязанными еще и церковной бюрократией. Судя по тем объективным данным, которые имеется возможность получить, церковный народ скорее лишается энтузиазма, а люди думающие, идеалистически настроенные, образованные и энергичные включаются в жизнь РПЦ все реже. Укрепление связи с государством и авторитарных начал во внутренней жизни церкви — гораздо более мощное снотворное, чем то возможное ускорение, которое пытается придать церковной жизни патриарх, выдвигая свои инициативы. Нажимая одновременно на тормоз и на газ, на тормоз предстоятель жмет сильнее.

Инертная верующая масса не поддается усилиям церковной власти, зато государственное управление выглядит в глазах духовенства делом более доступным и простым.

Опубликованный 9 декабря 2010 г. на портале «Credo.ru» отрывок из материалов «WikiLeaks» предельно откровенно демонстрирует позицию РПЦ по отношению

к светской власти. По данным «WikiLeaks», митрополит Иларион сказал американскому послу, что «наша демократия не должна копировать американскую», а принимая во внимание культуру и историю России, это скорее должна быть форма «управляемой демократии». Словно цитируя план «Единой России», Иларион путает авторитаризм со стабильностью, отмечая, что «русским всегда нравилось иметь стабильную и сильную фигуру наверху», критикует эксперименты с демократией середины 1990-х, называет выборы 1996 г. катастрофой. Относительно того, может ли Россия стремиться в будущем к такому порядку, где люди заставляют собственное правительство быть ответственным за политику, Иларион сказал, что это «теоретически возможно, но на практике никогда не работает». Мало того, он пояснил, что видит главную роль РПЦ в пропаганде официальной политики правительства. Несмотря на утверждение, что РПЦ не обладает особым статусом среди религий, Иларион заявляет, что патриарх не только глава Православной церкви, но и «духовный лидер всей нации».

Высшее духовенство настолько связано со светской властью, что напрямую идентифицирует себя с ней. Когда светскую власть «обижают», чувствуют себя обиженными и «церковные командиры». Выступая на Покров 2010 г. после богослужения в Троице-Сергиевой лавре, патриарх с горечью говорил о том, как непочтительно обходятся с начальством в Интернете: «Все те, кто хоть что-то делает сегодня для страны, непременно будут облиты грязью. Достаточно почитать то, что пишут о государственных деятелях, о вождах («вожди» — слово-то какое, старорежимно-советское; в наше косящее под демократию время начальники обычно обходятся для себя более скромными наименованиями. — С. Ф.), о правительстве, о Патриархе, об архиереях, чтобы быть свидетелем этой брани».

Отсутствие заметных успехов в евангелизации при прекращающихся победах в борьбе за симфонию делает не только язык, но и сами планы и цели церковной политики аналогом светской власти. Последние месяцы высокопоставленные церковные бюрократы, да и сам святейший чуть ли не каждый день выступают с различными предложениями о том, как государственным органам надо испра-

вить жизнь страны. Вносятся предложения о том, как надо укреплять семью, бороться с наркоманией и пьянством, как предотвращать этнические конфликты, как воспитывать в школах детей. Несколько ранее, в декабре 2009 г., патриарх Кирилл, выступая в Российской академии государственной службы, даже выразил готовность заниматься «геополитикой» (!).

Конечно, церковные люди имеют полное право высказываться по любым политическим вопросам, лоббировать свои программы. Но чтобы их слово имело вес, должна быть очевидна сила их веры, благотворное воздействие проповеди на народ. А что в нашем случае? «Православные» пьют, разводятся, не имеют много детей, а тех, что рожают, бросают на произвол судьбы и т. д. и т. п. Общественную и трудовую мораль «православных» тоже трудно назвать эталоном. СМИ полны рассказов о набожных воругах. Уровень религиозности в России один из самых низких в Европе, и, несмотря на все декларации, последние годы он не растет. Так что претензии РПЦ на особую компетентность в тех сферах, где силой своего авторитета (а не авторитета светской власти) она не способна достичь заметных результатов, не слишком убедительны. Фактически РПЦ выглядит как что-то вроде политической псевдопартии.

Патриарх Кирилл и его команда претендуют на участие в общественно-политической жизни, на корректировку пути развития России. Но что они могут предложить стране, медленно и в муках нащупывающий путь к построению демократического правового государства?

Социально-политическая доктрина современной РПЦ была разработана Кириллом. В качестве главы ОВЦС он, а также его ближайшие сотрудники довольно много говорили о политике и даже немного политику делали. Так что политическая платформа нынешнего патриарха начала «работать» задолго до того, как он стал патриархом. После избрания Кирилл избегает прямо декларировать свои политические принципы, не призывает прямо к возрождению монархии и не поддерживает концепции типа «суверенной демократии».

Целый ряд заявлений и выступлений представителей высшего руководства РПЦ в последние месяцы заставляют

предположить, что идеологи «симфонии», обнадеженные последними своими достижениями в коридорах власти, хотят актуализировать основные принципы «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви». Еще в мае 2010 г. протоиерей Всеволод Чаплин на встрече с депутатами думской фракции «Единой России» заявил, что «народ должен для монархии созреть, сам ее предложить и выбрать» и «любые попытки радикально изменить политический строй привели бы в худшем случае к дестабилизации, а в менее худшем — к появлению пародии на тот идеал монархии, который сложился в нашем народе». Так что, по мнению председателя синодального Отдела по взаимоотношениям церкви и общества, монархия остается идеалом для русского народа. В конце года от руководства РПЦ несколько раз звучали громкие призывы к пересмотру основ государственного устройства страны. Согласно сообщению «Интерфакса» от 3 ноября протоиерей Всеволод Чаплин на «круглом столе» в рамках выставки-форума «Православная Русь» предложил восполнить «провал в легитимности» государственного строя России, образовавшийся в результате Октябрьской революции. Дискуссия об оптимальном для России государственном устройстве, продолжил он, не получила достаточно серьезного развития и в 1993 г., когда принималась действующая ныне Конституция. То, что такой дискуссии не было и «не были учтены все имеющиеся варианты политического развития страны», сегодня, по мнению представителя церкви, «обедняет наши перспективы». «Вот почему дискуссия об идейных основах нашей государственности, о том, как народ или разные слои элиты должны участвовать в строительстве общего дома, не окончена, а только начинается», — сказал священник.

В более неопределенных выражениях о том же говорил и сам патриарх на встрече с депутатами Госдумы 27 декабря в Москве. Святейший высказывался в том смысле, что существуют некие фундаментальные ценности, которые должны быть приняты всеми политическими силами страны. «Мы должны договориться о корпусе этих ценностей и сказать: если в политическую программу той или иной партии включается несогласие с этими ценностями, эта политическая сила не может быть в нашем обществе,

она опасна для безопасности, целостности, будущего страны», — сказал патриарх. По его словам, в церкви начали программу диалога с политическими силами, в том числе и с представленными в Госдуме, на тему о том, «что представляют собой «базисные» ценности в нашей народной жизни, какие ценности никто не может расплескать, игнорировать ни одна политическая партия, политическая сила». Патриарх изящно проигнорировал существование Конституции, которая в принципе и является набором базисных ценностей, но он даже не предлагал ее конкретизировать, уточнять или менять. Ее как бы нет вовсе. Некоторые из его ближайших соратников выражаются более конкретно, в первую очередь протоиерей Всеволод Чаплин. Например, выступая 31 мая 2010 г. на встрече с депутатами думской фракции «Единой России», о. Всеволод с очевидным сожалением заявил: «Я не думаю, что сегодня восстановление монархии получилось бы таким, что это было бы принято всеми людьми». Он считает, что в любом случае России нужна сильная центральная персонифицированная власть. Если учесть содержание «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» и последних выступлений протоиерея Всеволода Чаплина, то поневоле возникают опасения, что чаемые базисные ценности предполагают отказ от парламентаризма, демократии и прав человека. Из выступлений высших руководителей РПЦ напрашивается вывод о том, что и к Конституции, и к заявлениям руководителей страны о верности демократии, правам человека и разделению властей они относятся несерьезно, считают их едва ли не лукавством со стороны Путина, Медведева и К°. Реальная политическая доктрина РПЦ фактически проявляется в поддержке существующего политического порядка вещей. Даже наши два правителя (лицемерно или нет, не мне судить) признают нынешнее положение переходным и на словах от него не в восторге, но руководство РПЦ, судя по всему, им удовлетворено. Обращаясь к теме модернизации, патриарх Кирилл говорит о том, что она должна опираться на национальные традиции. Ничего более конкретного он предложить не хочет. Но о каких традициях идет речь? Если о тех, что записаны в «Основах социальной концепции...», то имеется в виду

авторитарный режим. Но он этого не говорит, возможно, сознавая полную неуместность таких проектов модернизации. Закономерно, что в этих обстоятельствах РПЦ всюду пропагандирует победы русского оружия во все века, утверждает новые праздники в честь победы то над поляками, то над французами, то над кем-то еще. В стране, страдающей от коррупции, произвола властей, ущемления политических прав и свобод, неразвитости гражданского общества, безответственности и пассивности граждан, о гражданских добродетелях патриарху по существу сказать нечего. В стране, которая ни с кем не воюет и не собирается воевать, пафос военных побед выглядит как намеренный эскапизм. Это какая-то подростковая духовность («А как мы иксу морду начистили, а как мы игреку задницу надрали!»), она скрывает неспособность обратиться к народу с действительно актуальной социальной проповедью. Католическая церковь сыграла гигантскую положительную роль в переходе Испании, Португалии, многих стран Латинской Америки к демократии в 70-е годы прошлого века. У Русской православной церкви теоретически есть шанс сыграть такую же роль. Но, кажется, она этим шансом не воспользуется. Трудно представить, будто в РПЦ считают, что нынешняя политическая система просуществует в России долго или что она останется в национальном сознании периодом, которым стоит гордиться. Скорее всего поддержка нынешней системы (даже не Путина, а именно системы) — это принципиальный, идейный выбор. Но за этот выбор придется дорого расплачиваться в будущем. В сознании людей нынешняя политическая система накрепко связана с доминированием РПЦ. Существует большая вероятность, что преодоление нынешних порядков затронет и это доминирование.

Положение руководства РПЦ парадоксально — оно позиционирует себя в качестве выразителя взглядов и убеждений народа перед властью и скомпрометировавшими себя элитами, в то же время основным, доминирующим источником его авторитета и влияния остается поддержка светской власти и этих самых элит. Говоря от имени народа, высшая церковная бюрократия добивается от власти, чтобы та навязала народу православие (в то

время как силой проповеди церковнослужители оказались не способны привлечь большинство народа). Духовенство все больше сталкивается с неприятием своих действий со стороны различных общественных сил, СМИ, различных слоев интеллигенции. Патриарх и его окружение занимают двойственную позицию по отношению к интеллигенции. С одной стороны, в руководстве РПЦ прекрасно понимают, что открытый и публичный конфликт с интеллигенцией чреват для духовных командиров опасными (если не катастрофическими) последствиями, с другой — напряженные отношения с большими профессиональными группами интеллигенции (учителями, музейщиками, естественнонаучным сообществом) чреваты конфликтом. И у многих видных священнослужителей, в том числе и у патриарха, иногда сдают нервы. Так, в сентябре 2010 г. со ступеней Воскресенского собора в Тутаеве он, в частности, заявил: «Мы должны на примере опыта жизни нашего народа, нашей страны научиться совершенно новому взгляду на мир и на человека, на человеческое общество. Этому, в первую очередь, должна научиться наша интеллигенция, потому что именно интеллигенция стояла у истоков всенародного разорения. Пленив свой ум губительными, чужеродными и безбожными идеями, именно она содействовала разрушению России». Впервые открыто и публично патриарх выразил свою обеспокоенность складывающейся по отношению к РПЦ враждебной атмосферой 30 ноября 2010 г. на встрече с сотрудниками синодального Отдела по взаимоотношениям церкви и общества. Он указал на то, что положительные изменения в отношениях церкви и государства вызывают «недоброжелательную реакцию у очень многих общественных кругов». «Я не имею в виду какие-то высказывания отдельных участников “Живых Журналов”, социальных сетей. Как сказал один весьма опытный блогер, “записи с заборов исчезли после того, как стали пользоваться живыми журналами”. На каждый роток не накинешь платок. Что хотят, то и говорят», — сказал патриарх. По его словам, речь идет об «общем фоне», который создается сегодня и вокруг возвращения «незаконно некогда отнятого и политого кровью наших отцов и дедов, и вокруг темы обра-

зования, и вокруг — в меньшей степени, но будет в такой же степени, когда начнет активно реализовываться эта программа — участия духовенства в Вооруженных силах». Патриарх призвал к систематической работе по преодолению критического отношения к РПЦ в обществе. «Я бы хотел нацелить вас сегодня на работу по нейтрализации выпадов против Церкви. Речь идет не только о том, чтобы готовить какие-то разумные ответы, включаться в устную или письменную полемику, хотя и это очень важно. Нужно разработать систему взаимодействия с субъектами гражданского общества, с общественными организациями таким образом, чтобы людям, способным усваивать наши послания, внятно объяснять нашу позицию», — обратился патриарх Кирилл к сотрудникам отдела.

Обновляющееся руководство РПЦ оказалось в заложниках у исторических условий: не очень уважаемая и имеющая, мягко говоря, имидж не очень моральной и не очень компетентной светская власть оказала громадную политическую и моральную поддержку РПЦ. В то же время рост народной религиозности, несмотря на все усилия светской и духовной властей, застыл на весьма невысоком уровне. Церковное руководство, стремясь удержать достигнутое и по возможности расширить свое влияние, все больше опирается на светскую власть. При этом общественность и, шире, народ, осознавая связь церкви с неуважаемым и презируемым государством, становятся все более равнодушны к проповеди РПЦ. Вполне актуальные и разумные инициативы руководства РПЦ по большей части тонут в бюрократическом церковном и государственном болоте, и их КПД оказывается слишком низок. Активные общественные силы — СМИ, различные группы интеллигенции, правозащитники — относятся к РПЦ все более критично. В церкви растет недоверие к общественному мнению, укрепляются антидемократические, авторитаристские настроения. Она становится все в большей степени не общиной верующих в Спасителя, а собранием тех, кому не мила демократия, кому нравятся произвол и беззаконие, кто презирует права и достоинство человека. Для церкви складывается угрожающая ситуация. Чтобы ее преодолеть, руководству Русской православной церкви потребуется

предпринять экстраординарные меры. Есть ли у него на это силы и желание — вот в чем вопрос.

Примечания

- 1 Атлас современной религиозной жизни России. — Т. 3 / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. — М.; СПб.: Летний сад, 2009. — С. 582—588.
- 2 <http://admin.smolensk.ru/sobor.htm>.
- 3 Интерфакс. — 2009. — 1 апр.
- 4 Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. — М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>).
- 5 Там же. — С. 58.
- 6 <http://portal-credo.ru>, 9 февраля 2006 г.
- 7 Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы // <http://www.patriarchia.ru/db/text/969773.html>, 23 декабря 2009 г.
- 8 Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира // <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html>.
- 9 Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира.
- 10 Новые Известия. — 2010. — 15 марта.
- 11 *Себенцов А.* Свобода совести в России: вид изнутри и из Страсбурга // Религия и право. — 2010. — № 4. — С. 18.
- 12 <http://www.patriarchia.ru/db/text/1270852.html>.

Социальное служение современной Русской православной церкви как отражение поведенческих стереотипов церковного социума

Борис Кнорре

Когда у митрополита Питирима (Нечаева) на одной из общественных встреч спросили, как к нему обращаться, то владыка ответил: «Обращайтесь ко мне просто — Ваше Высокопреосвященство».

Из современного церковного фольклора

Введение

Социальное служение церкви можно рассматривать с двух разных позиций: с одной стороны, акцентировать внимание на достижения в сфере социального служения и динамики его развития, с другой — исследовать принципы организации социального служения с точки зрения поведенческих особенностей членов церковного социума, т. е. изучать, что представляют собой сами церковные социальные работники, на каких принципах строится организация инициатив в православном сообществе. Такой подход может немало сказать о церковной субкультуре, дать эмпирику для понимания «культурного кода» жизни церковного социума. Представляется, что этот разговор актуален, поскольку помогает увидеть, как, в какой мере и что православие может сегодня дать России, в какой степени оно способно содействовать благу в нашей жизни.

Что такое социальное служение? Это достаточно емкое и широкое понятие, деятельность, ориентированная не на частные интересы актора, а на благо социума. С одной стороны, это помощь социально незащищенным,

не адаптированным, обделенным категориям населения, не сумевшим встроиться в жизнь социума (т. е. духовно-психологическая и материальная помощь тем, кто оказался за «социальной чертой»: заключенным, инвалидам, детям-сиротам, страдающим разного рода зависимостями и пр.). С другой стороны, это деятельность, направленная на поддержание или повышение уровня жизни самого социума, ориентированная на вполне встроившихся в него членов, в большей степени на тех, кто обладает не реализованным социальным потенциалом, т. е. на молодежь. Это воспитание, образование, организации досуга, создание для молодежи тех или иных перспектив творческой и профессиональной реализации. Сюда также относится диалог общества с государством с целью принятия соответствующих социальных программ, направленных на рост благосостояния населения, на решение демографических проблем, поддержку семьи и тех или иных социальных институтов.

Русская православная церковь (в данной статье мы ограничимся разговором о Русской православной церкви Московского патриархата) активно заявляет о своей особой нише на поле социального служения — о том, что может привнести в российскую социальную систему новые принципы и стратегии реабилитации людей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Одновременно патриарх Кирилл указывает на встречные шаги со стороны государства в сторону большего доверия к церкви в сфере социального служения. Так, 5 апреля 2010 г. был принят закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» № 40-ФЗ. Среди социально ориентированных некоммерческих организаций — религиозные организации. Патриарх Кирилл считает, что принятие этого закона является «свидетельством признания той большой работы, которую Русская церковь и другие традиционные религии России осуществляют в социальной области». По его словам, это означает, что сегодня «можно совершенно по-новому строить отношения со светской властью, государством — как на федеральном, так и на региональном уровнях — в пла-

не взаимодействия в сфере столь востребованной нашим обществом социальной работы»¹.

Заметим, что в 2010 г. между церковью и государством были подписаны также следующие нормативные документы: «Соглашение между Русской Православной Церковью и МЧС России о взаимодействии в области оказания помощи пострадавшему населению в чрезвычайных ситуациях», «Соглашение о взаимодействии между Государственным антинаркотическим комитетом и Русской Православной Церковью», «Соглашение о предоставлении информации Главным управлением МЧС России по г. Москве Синодальному отделу по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви (Московского патриархата)»².

Как же в реальности осуществляет свое социальное служение церковь?

Доступная и недоступная конкретика

Поговорим сначала о социальном служении, понимаемом в узком смысле, т. е. о делах милосердия и благотворительности. Описывать реальные социальные достижения РПЦ очень непросто, так как картина весьма неоднозначная, не до конца прозрачная и не очень понятная. В чем-то она даже представляет собой загадку — прежде всего в силу того, что церковное социальное служение, хотя оно и получает непременно внешнее выражение, однако связано с внутренней жизнью церкви и церковного социума, которые изучены весьма недостаточно и остаются своеобразной *terra incognita*.

Что она позволяет увидеть? За последние двадцать лет Русской православной церковью было реализовано немало достаточно удачных социальных проектов. Есть социальные центры, получившие всероссийскую и мировую известность: Патриарший центр духовного развития детей и молодежи при Свято-Даниловом монастыре, комплексная служба «Милосердие», действующая при Комиссии по социальному служению епархии г. Москвы, большой социальный многопрофильный комплекс в поселке Саракташ Оренбургской

области, социальный центр в Нижнем Новгороде, реабилитационный центр «Вдохновение» в селе Никольском Рузского района Московской области, Свято-Дмитриевское сестричество в Москве, Свято-Алексеевская пустынь в Переславском районе Ярославской области, детский дом в селе Ковалеве Нарехтского района Костромской области, Душепопечительский центр им. Святого Праведного Иоанна Кронштадтского и многие другие. Известно о существовании немало числа созданных в РПЦ служб милосердия, патронажных служб, приютов, организаций по поддержке семьи, о центрах реабилитации людей, страдающих разными видами зависимости, о работе в тюрьмах, опеке социально неадаптированных. Принципиально важно, что церковь не только опекает государственные учреждения, больницы, центры социальной опеки, но также смогла создать многие социальные учреждения на собственные ресурсы, часто без привлечения государственных средств.

Однако организация церковной социальной деятельности носила во многом хаотический характер. Во время патриаршества Алексия II церкви, как правило, не удавалось наладить координацию форм социального служения на межъепархиальном общецерковном уровне. Само сотрудничество Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению (ОЦБСС) с епархиями ограничивалось в основном распределением благотворительных вещей и гуманитарной помощи по епархиальным социальным учреждениям. В отчетах ОЦБСС, например, говорилось о распределении обуви в детские дошкольные и образовательные учреждения Южной Осетии, Вологодской, Воронежской, Ивановской и Московской областей или о распределении флаконов с гелем для душа и косметических наборов в социальные центры нескольких епархий. Отмечалась также деятельность Общества православных врачей России (согласно отчету ОЦБСС за 2008 г. оно имело отделения в 43 субъектах Российской Федерации, что расходится с текущими данными ОЦБСС, в которых указаны отдельные общества православных врачей в 8 субъектах³).

Ситуация дискоординации социального служения отражалась и в отсутствии единой свободной информации

по церковным социальным центрам. При попытках узнать в синодальных подразделениях конкретные цифры детских домов, патронажных служб, реабилитационных центров в целом по России оказывалось, что общих данных по РПЦ нет. Такой информацией не обладал и ОЦБСС. Там, например, не было реестра, в котором регистрировались бы церковные социальные учреждения. Попытки собрать сводную информацию предпринимались далеко не каждый год, обобщающие сведения презентовались фрагментарно, причем сведения эти вызвали множество вопросов. Так, к концу 2004 г. Отдел по социальному служению подсчитал социальные учреждения РПЦ, располагающиеся в епархиях на территории России, — 2253, среди которых были 161 детский приют, 183 церковных дома престарелых и 1577 благотворительных столовых⁴. В итоге под вопросом оказались 332 социальных учреждения, о которых не было сказано, какого они характера. В беседах с автором настоящей статьи сотрудники ОЦБСС откровенно признавали, что не владеют целостным представлением об организации социальной деятельности в епархиях. Это значит, что социальная деятельность в РПЦ в период патриаршества Алексия II на системном уровне не анализировалась и такая задача не ставилась.

Ситуация стала меняться через год после восшествия на патриарший престол Кирилла. Отдел по социальному служению был передан весной 2010 г. в ведение протоиерея Аркадия (Шатова), известного московского духовника, создавшего эффективно работающую социальную службу «Милосердие» и возглавлявшего к тому времени Епархиальную комиссию по церковному служению г. Москвы. Он вскоре принял монашеский постриг и был возведен в сан епископа с именем Пантелеимон. (Заметим, что приходская община о. Аркадия представляла собой достаточно сплоченную группу людей — их даже называли «шатовцами», им написано множество статей еще до того, как он стал епископом, поэтому мы будем цитировать его под священническим именем — «о. Аркадий Шатов».) Под руководством Шатова ОЦБСС наконец объявил о процессе создания базы данных по церковному служению Русской православной церкви. В итоге в 2011 г. на сайте ОЦБСС

появился соответствующий раздел, где представлены данные по церковным социальным учреждениям, проектам, инициативам, кроме того, перечислены государственные учреждения, которым оказывается помощь, категории нуждающихся и виды помощи. Однако в базе данных оказались размещена информация лишь из 45 епархий, действующих на территории России, и остается сделать вывод, что на призыв Синодального отдела откликнулись не все епархии РПЦ.

Итак, в разделе «Церковные социальные учреждения, проекты и инициативы» на начало апреля 2011 г. представлены следующие данные⁵:

- благотворительные аптеки — 1;
- благотворительные столовые — 108;
- благотворительные фонды — 13;
- богадельни — 21;
- больницы — 2;
- братства — 6;
- группы милосердия — 124;
- группы самопомощи для зависимых людей — 9;
- детские дома — 11;
- детские лагеря — 47;
- детские приюты — 39;
- детские сады — 23;
- добровольческие объединения — 20;
- епархиальные отделы/комиссии — 57;
- консультационные и/или справочные службы — 29;
- медицинские службы — 16;
- молодежные объединения или центры — 34;
- общественные организации/ассоциации — 45;
- патронажные службы — 5;
- православные библиотеки — 37;
- проекты/программы — 30;
- прочее — 33;
- пункты помощи заключенным и/или освободившимся из мест заключения — 7;
- пункты проката предметов ухода за больными — 1;
- пункты сбора и распределения вещевых и прочих неденежных пожертвований — 92;
- сестричества — 51;

- социальные гостиницы — 36;
- центры защиты материнства — 11;
- центры социальной адаптации / реабилитационные центры — 30;
- церковные ночлежки — 4;
- школы/курсы трезвения — 8.

Таким образом, имеется около 1000 церковных социальных учреждений на 45 епархий. Об остальных епархиях сведений пока нет. Реальные сдвиги в плане налаживания информационной поддержки социального служения на общецерковном уровне налицо. Однако в итоге реорганизации сайта ОЦБСС, последовавшей после смены руководства в 2010 г., произошла странная вещь — из доступа исчезла вся информация о социальном служении, которая размещалась на старом сайте. Хотя на нем не было создано базы данных или сводной информации по социальному служению, однако материалы по церковной социальной деятельности публиковались в течение нескольких лет в виде новостной сводки, была своя структуризация. Почему-то теперь все материалы до 2010 г. с сайта пропали. Контент сайта ОЦБСС наполняется с нуля...

Задача по теории множеств: «каждому храму — социальный объект, каждому объекту — храм»

Выбор патриарха Кирилла, назначившего протоиерея Аркадия Шатова в 2010 г. руководителем ОЦБСС, был не случаен. Шатов к этому времени зарекомендовал себя опытным руководителем и организатором церковной социальной деятельности. Возглавляемая им Комиссия по социальному служению при епархиальном совете г. Москвы смогла наладить систематическую деятельность, пожалуй, наиболее масштабную в рамках РПЦ за двадцатилетний период религиозной свободы в России. Комиссия была образована в 2004 г., при ней также был сформирован многофункциональный социальный центр — служба «Милосердие», объединившая 11 социальных проектов⁶:

- Свято-Спиридоньевскую богадельню, созданную еще в 1999 г., где живут 12 лежачих стариков;
- Свято-Димитриевский детский дом;

- Свято-Софийский детский дом;
- патронажную службу, обеспечивающую уход на дому за 47 одинокими стариками, инвалидами и ВИЧ-инфицированными;
- автобус «Милосердие», курсирующий по Москве для спасения бомжей от замерзания и оказания им медицинской помощи;
- службу помощи бездомным в московских больницах, занимающуюся реабилитацией бездомных (около 1500 человек в год);
- помощь детям-инвалидам и взрослым инвалидам;
- помощь брошенным больным — опека в Первой градской больнице и больнице Святителя Алексия;
- Димитриевскую общеобразовательную школу, в которой учатся 170 детей — детдомовцев и многосемейных;
- круглосуточную справочную телефонную службу «Милосердие», предоставляющую справочную информацию о церковной и светской социальной помощи в Москве и регистрирующую просьбы от нуждающихся;
- сайт «Милосердие.Ru» (<http://www.miloserdie.ru>) — средство координации нуждающихся в помощи людей с теми, кто может ее оказать (ресурс ежедневно обновляется).

Но главная заслуга «шатовцев» не столько в создании собственных служб, сколько в актуализации самой темы социального служения. Служба «Милосердие» сразу сделала акцент на серьезную информационную работу. Первая база данных по церковному социальному служению была создана силами именно этой комиссии. В рамках базы данных был составлен перечень всевозможных видов церковных и государственных социальных служб, а также информационная сводка о том, какие социальные объекты за каким храмом закреплены в Москве и Московской области⁷.

Согласно информации, представленной в базе данных, в Москве имеются следующие церковные социальные объекты, подразделения и службы церковных приходов⁸:

- благотворительные столовые — 23;
- благотворительные фонды — 3;
- богодельни — 7;

- братства — 6;
- группы милосердия — 64;
- детские дома — 6;
- детские лагеря, скаутские организации — 5;
- курсы патронажных сестер и сестер милосердия — 3;
- медслужбы — 8;
- молодежные объединения и центры (военно-спортивные лагеря, досуговые центры и пр.) — 14;
- общественные и некоммерческие организации — 4;
- патронажные службы — 12;
- православные библиотеки — 3
- православные приюты — 6;
- пункты сбора и распределения пожертвований — 55;
- сестричества — 13;
- службы помощи заключенным — 25;
- службы помощи семье — 11;
- училища — 4;
- центры реабилитации наркозависимых, алкоголиков, жертв сект и бывших заключенных — 15;
- юридические службы — 4.

Есть еще не ранжированные по профилю центры: благотворительные душевые для бездомных и малоимущих при храме св. великомученицы Ирины в Покровском, льготная подписка на широкий спектр православных изданий по редакционным ценам при храме пророка Илии в Обыденском переулке, Служба трудоустройства иммигрантов из ближнего зарубежья при храме св. Григория Неокесарийского в Дербицах, Центр милосердия, благотворительности и социального служения при Богоявленском кафедральном соборе, экскурсионная служба при Николо-Перервинском монастыре.

Также в базе данных «Милосердия» есть статистика по не имеющим отношения к церкви социальным объектам Москвы и Московской области, по большей части государственным, окормляемым и не окормляемым церковными группами. Это детские дома, приюты, медицинские учреждения, милицейские подразделения и воинские части, образовательные учреждения, общественные организации, пенитенциарные учреждения, учреждения социальной защиты.

При всем положительном впечатлении, которое производит эта база данных, беспрецедентная для православных информационных ресурсов, сведения в ней все-таки неполны. Например, в ней нет упоминания о некоторых значимых социальных учреждениях, в частности, об имеющем международную известность реабилитационном центре «Вдохновение» в селе Никольском, о детском сиротском центре в селе Иудине, воспитанники которого одновременно приучаются к делам милосердия, занятию с детьми-инвалидами, о Преображенском содружестве малых православных братств и его социальной деятельности.

Не все данные соответствуют действительности, так как база составляется на основе отчетов храмов о социальной деятельности, в которых содержится порой чисто номинальная информация. То есть приписанность храма к какой-либо больнице может быть сделана по факту освящения больничных помещений священником, что еще не означает постоянного окормления. Указание той или иной патронажной службы может быть устаревшим, последствием нереализованного проекта, как в случае с патронажной службой при Высоко-Петровском монастыре, которая указана в базе данных, но на самом деле давно уже не существует...

Разумеется, ошибки, закравшиеся в базу данных службы «Милосердия», не снижают ценность актуализации темы социального служения в информационном пространстве. Однако такой подход — желание проиллюстрировать идеальное представление о церковном социальном служении в виде идеальной схемы «храм — социальный объект» обнаруживает определенную искусственность. Здесь, возможно, отражается не только стремление церкви к максимальному обеспечению масштаба социального служения, но и желание показать нацеленность на полный охват социальной деятельности и опеки нецерковных учреждений, т. е. продемонстрировать, что деятельность государства и церкви в решении социальных болезней общества должна быть неразрывна. Заметим, что налаживание информационной поддержки социального служения на общецерковном масштабе после смены руководства ОЦБСС в 2010 г. не означает автоматического решения проблемы

дискоординации между социальными центрами и выведения процесса организации социального служения на общецерковный уровень — это отдельная проблема, на которой мы остановимся ниже.

Церковным службам гораздо успешнее удастся мобилизовать ресурсы в момент стихийных бедствий или каких-либо чрезвычайных ситуаций. Например, Отдел по социальному служению сумел показать положительные результаты в конкретной ситуации национального бедствия — речь идет о пожарах летом 2010 г. 31 июля 2010 г., опередив МЧС России, ОЦБСС объявил сбор помощи погорельцам, став вскоре крупнейшим центром сбора и координации материальной помощи пострадавшим⁹. 1 августа с особым обращением выступил патриарх Кирилл, который призвал организовать «специальные сборы помощи во всех храмах Русской Православной Церкви»¹⁰. Согласно данным, предоставленным главным редактором интернет-портала «Православие и мир» Анной Даниловой, уже за неделю церковь только деньгами и только через ОЦБСС (не считая прямых сборов в храмах) собрала 5 млн руб.¹¹ Согласно сведениям, обнародованным епископом Пантелеимоном (Шатовым), всего за месяц церковью в итоге было собрано 78 млн руб. пожертвований. Примерно 8 тыс. добровольцев приняли участие в сборе и отправке помощи пострадавшим от пожаров, которые осуществлял ОЦБСС¹². В целом ОЦБСС удалось собрать примерно 100 млн руб., детальные отчеты об их распределении публикуются на его сайте.

Нельзя не отметить помощь Отдела по социальному служению пострадавшим еще до реорганизации, в период руководства митрополита Сергия (Фомина). Согласно данным, предоставленным ответственным секретарем ОЦБСС игуменом Серафимом (Кравченко), в 1990-е годы силами отдела была оказана помощь пострадавшим от землетрясения на Сахалине, получателями гуманитарной помощи стали жертвы террористических актов в Москве и Волгодонске, 60 т продуктов питания было направлено в 2001 г. в Якутию для распределения среди пострадавших от наводнения. Оказывалась помощь пострадавшим в столичном метро во время терактов, жертвам Беслан-

ской трагедии, пострадавшим в результате военных действий в Ливане¹³.

Молодежные проекты

Перейдем к социальному служению, понимаемому в широком смысле, как деятельность, направленную не на проблемные слои общества, а на обычных людей. Наиболее приоритетной категорией такого служения обычно являются подростки и молодежь, и в церкви это служение выделено в отдельное направление.

В РПЦ есть Синодальный отдел по делам молодежи, есть «Всероссийское православное молодежное движение» (ВПМД), созданное как общероссийская общественная молодежная организация при Отделе по делам молодежи. Во время многочисленных церковно-общественных конференций, пожалуй, самое большое место после религиозного образования и православной культуры занимает молодежная тематика. Много слов говорится о важности молодежного служения, привлечения молодежи к церковным инициативам, обеспечения условий для развития профессиональных навыков, для раскрытия творческих способностей молодежи и т. д. Наконец, наиболее броским месседжем церковной заботы о молодежи являются слова о защите ее от нравственной деградации, привитии ей нравственных ценностей — ответственности, целомудрия, уважения к старшим, к Отчизне и пр. Однако в реальности наблюдается большое расхождение между поставленными и реализованными задачами.

При создании Отдела по делам молодежи РПЦ в 2000 г. в качестве его задач было записано следующее:

- организация миссионерской работы среди молодежи;
- привлечение молодежи к социальному служению церкви;
- обобщение и распространение опыта православного молодежного движения на приходском, благочинническом, епархиальном и общецерковном уровне;
- поддержка православного семейного воспитания;
- организация различных форм общения православных молодых людей;
- создание информационного пространства для православной молодежи;

- организация воспитательной работы, досуга и дополнительного образования для детей и молодежи в церковном приходе;
- подготовка педагогов к деятельности по традиционному духовно-нравственному воспитанию детей и юношества;
- подготовка священнослужителей и мирян к педагогической деятельности;
- оказание помощи общественным и государственным организациям в проведении воспитательных программ, опирающихся на традиционное духовно-нравственное образование детей и молодежи.

Отчасти эти задачи выполняются, однако масштаб их реализации оказался небольшим, он редко распространяется на масштабы епархии и уж совсем не охватывает общецерковный уровень.

Особенно сильная нестыковка обнаруживается в том, что касается поддержки института семьи и православного семейного воспитания. В Москве всего 10 церковных социальных центров помощи семье, а во многих епархиях таких центров вообще нет. По словам заместителя руководителя Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи (ПЦДРДМ) Юрия Белановского, «...Церковь не может показать обществу пример достойного отношения к семьям. Даже для “своих” семейных и многодетных мы не можем создать достойного рынка труда. На церковные зарплаты невозможно содержать семью даже из трех человек. Это зачастую относится и к коммерческим областям церковной жизни, где зарплаты также еще ниже, чем в светском обществе»¹⁴.

Большинство постоянно действующих молодежных центров в епархиях работают сами по себе, без серьезной консолидированной поддержки. Отделу по делам молодежи и ВПМД не удалось наладить общецерковную координацию епархий в сфере молодежного служения и поддержку епархиальных молодежных центров. По сравнению с Отделом по социальному служению Отдел по делам молодежи сильно проигрывает и в организации информационной политики. У него нет даже своего интернет-сайта. Информационное пространство для православной молодежи, прописанное в качестве одной из задач отдела, так

и не создано. А на тех интернет-ресурсах, где как-то освещается деятельность молодежных организаций, нет никакой информации о региональных молодежных отделах или региональных отделениях ВПМД.

Реально действующими церковными молодежными проектами межъепархиального характера являются «Братство православных следопытов» (БПС) и регулярные слеты православной молодежи в Подмоскowie под названием «Федоровский городок», ставшие центральным мероприятием ВПМД. «Федоровский городок» выступает в качестве уникальной образовательно-воспитательной площадки и места разработки различных молодежных проектов, он организуется усилиями в основном двух людей: Александра Ракитина и иеромонаха Дмитрия (Першина). В «Федоровском городке» участвуют около 20 епархий. «Братство православных следопытов» развивает скаутское движение в России. Согласно официальным данным его отделения действуют в Костроме, Екатерinoдаре, Кемерове, Краснодаре, Нижнем Новгороде, Твери, Туле и некоторых других городах, при этом ареал БПС не ограничивается Россией, оно имеет свои отделения на территории Украины, Белоруссии, Казахстана — в целом 18 отделений, в которых согласно официальным данным Московской патриархии получают православное воспитание более 12 тыс. детей и подростков¹⁵. В текущем году отделение БПС открылось также в Волжском Волгоградской области.

В целом же есть трудности с тем, чтобы привлечь молодежь к активной жизни в церкви. В некоторые храмы молодежь вообще не заходит. Исправлять эту ситуацию пытаются достаточно искусственным путем. Например, епископ Барнаульский и Алтайский Максим (Дмитриев) просит настоятелей приходов «принять к сведению», что он желает во время своих визитов в приходы видеть на богослужениях «побольше молодых людей». В результате священники, не желающие раздражать начальство, начинают под разными предлогами уговаривать прихожан и знакомых «привести детей», завлекают юнцов в храмы под разными предлогами, даже подарками...

Наиболее успешными в работе с молодежью и организации молодежного досуга являются центры евангельско-

го характера — те, что не просто организуют молодежные слеты и досуг, но пытаются воздействовать на молодежь через социальное служение. Они предпочитают не лобовое зазывание молодежи на богослужения, а привлекают людей в качестве добровольцев для посещения больниц, богаделен, детских приютов и через эти формы служения знакомят с христианством, устраивая наряду с социальным служением евангельские беседы. Наиболее известными подобными центрами являются Школа молодежного служения Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи, имеющая уже более 100 добровольцев, которой удалось в 2010 г. организовать курсы подготовки молодежных лидеров для работы в приходах. Состоялся первый выпуск в количестве 50 человек. Также известен церковно-приходской центр по воспитанию детей-сирот в селе Иудине. Разные формы вовлечения молодых людей в дела социального служения практикуют «шатовцы» — служба «Милосердие». Но в настоящее время центров, использующих подобные формы воспитания, очень немного.

В 2009 г. ввиду неудовлетворенности незначительностью масштабов работы с молодежью руководство РПЦ почти было готово решиться пойти на беспрецедентные меры — допустить формирование мало зависящей от духовенства «параллельной системы» катехизаторов молодежи. Речь идет о получившем государственную поддержку проекте Бориса Якеменко по организации Общероссийского общественного православного движения на базе православного корпуса движения «Наши». Движение создавалось уже в течение трех лет независимо от ВПМД, а вместо Отдела по делам молодежи его деятельность стал в 2009 г. координировать новосозданный Отдел по взаимоотношениям церкви и общества (ОВЦО) во главе с протоиереем Всеволодом Чаплиным. Интересно, что союзниками инициативы «Православного корпуса» оказались наиболее деятельные и готовые к инновациям центры: ПЦДРДМ и миссионерский центр покойного отца Даниила Сысоева.

Стратегия «Православного корпуса» — активное вовлечение в миссионерство мирян, введение в храмы штатной должности катехизатора-мирянина. Новизна проекта

в том, что предполагалось внедрение в приходы независимых от их структуры мирян-миссионеров из организации, которая создается «не в рамках Русской православной церкви», по откровенному признанию Бориса Якеменко. Миссионеры должны были выбираться не приходом храма, а назначаться руководством «Православного корпуса» при координации со стороны ОВЦО. Предполагалось, однако, что миссионеры-катехизаторы должны были говорить от лица православия и, в частности, того храма, к которому прикреплены, должны были организовывать при храме клубы, знакомиться с молодежью района, и подразумевалось, что «по цепочке эта связь должна расширяться»¹⁶. Фактически это означало попытку создания новой институциональной формы в русском православии. Однако отношение церковного руководства к этому проекту в итоге изменилось. Информации о его поддержке и тем паче внедрении нет. Похоже, что в РПЦ чего-то испугались... Можно предположить, что церковная администрация могла не захотеть того сотрудничества, которое предлагал Якеменко, скорее не из идейных, а из административных соображений. Ведь внедрение сотрудников из параллельной по отношению к приходской структуры создавало бы прецедент отхода от сложившейся церковной системы административно-иерархической субординации, что трудно допустить, если учитывать ее организационную жесткость и бюрократичность.

Религиозное образование и катехизация

Выступая на церковных и церковно-общественных форумах, патриарх Алексей II не раз говорил, что религиозное образование является «приоритетной задачей Русской Православной Церкви». Теме религиозного образования и катехизации из года в год посвящалось изрядное число конференций, встреч. Самый крупный церковно-общественный форум — «Международные Рождественские образовательные чтения», которые хотя в итоге и включили в свою повестку дня самые разноплановые темы взаимодействия церкви и общества, были организованы ради обсуждения проблем религиозного образования и катехизации. Проходя ежегодно начиная с 1993 г., «Чтения» стали

собирать православных учителей и педагогов со всей России, показывая, что они готовы обсуждать и координировать свои действия по выработке наиболее успешных стратегий православного образования и катехизации.

Однако в реальной практике открытия православных образовательных учреждений обнаружили немалые противоречия. Если говорить об организации несистематического образования и катехизации, то эта работа ведется. При приходах стали открываться церковно-приходские воскресные школы для детей, а иногда и для взрослых. Образование этих школ представляло собой довольно стихийное, хаотичное явление. Поскольку ознакомление с основами православной веры ни к чему не обязывало, процесс шел достаточно легко. При благоприятном положении прихода такая школа открывалась, содержание предметов в ней определялось наличием человека, способного их преподавать, как правило, за символическую плату. Поскольку какого-то стандарта работы таких школ не существовало, они могли гибко подстраиваться под внешние обстоятельства. Они могли быть и без особенных проблем закрыты. В целом в России согласно данным Отдела религиозного образования и катехизации в 2008 г. действовало 5275 таких школ¹⁷.

Гораздо более сложные ситуации возникали при попытках организации среднеобразовательных православных школ. Во многом их создание отвечало желанию священников и наиболее активных прихожан не отдавать детей в обычные государственные школы, а предоставить им образование по «особой модели», которая обеспечила бы определенный духовно-нравственный климат, церковный присмотр, углубленное изучение церковной истории и культуры.

В распоряжении организаторов гимназий на первое время оказалось немало энтузиастов-педагогов, пожелевавших трудиться на ниве религиозного образования, пожертвовав материальными интересами. Учитывая масштабы строительства храмов и возрождения православия в России, можно было ожидать, что православные гимназии займут определенную нишу в системе среднего образования страны.

Однако вскоре выяснилось, что уровень образования в них отнюдь не высок. Первые выпуски на рубеже тысячелетий подтвердили это: процент поступивших в вузы среди выпускников этих гимназий оказался очень мал.

Попытки поднять уровень образования вызывали порой откровенный протест со стороны православных родителей. Показателен случай с Ясневской классической гимназией «Радонеж», на которую родители исключенных из нее двоечников составили в 1998 г. рапорт патриарху Алексию II. «Радеющие за Православие» обвинили классическую гимназию в увлечении «эллиническим языческим суемудрием» (так как в ней много внимания уделяется изучению античной истории и культуры, древнегреческого и латинского языков), обличители указывали на завышенность и бессмысленность информативно-образовательной нагрузки. Донос был направлен также и в московский комитет по образованию, причем в нем был сделан акцент на отсутствие специально оборудованных классов химии и физики, что являлось следствием отсутствия финансирования гимназии.

Как раз именно эта гимназия давала действительно сопоставимый с государственными школами уровень образования, в чем-то выигрывая перед ними. Практически все ее выпускники поступали в престижные вузы Москвы — МГУ, МГИМО, РГГУ, Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Высшую школу экономики, медицинские институты, Московский государственный художественно-промышленный университет им. С. Г. Строганова и др. 20% выпускников выбирали высшие православные учебные заведения, что также ставилось гимназии в вину (слишком мало кадров готовит для церкви!)¹⁸.

Процесс открытия гимназий вскоре остановился. Многие гимназии столкнулись с неразрешимыми материальными трудностями. К концу 1990-х годов в России действовало всего лишь 150 православных среднеобразовательных школ, в том числе 52 в Москве и области. Сегодня общее число гимназий в России осталось примерно тем же¹⁹, за десять лет ситуация существенно не изменилась. Многие православные гимназии продолжают балансировать на грани выживания, некоторые даже закрываются²⁰.

Отчасти результатом провала организации широко-массового гимназического образования явилось страстное желание церкви наладить преподавание предметов православной культуры в обычных светских государственных школах (разумеется, это далеко не единственная причина), т. е. занять нишу в государственной системе образования, не сумев наладить собственную.

Конечно, причины провала организации широкого гимназического образования во многом связаны с плохим финансированием. Но, желая решить проблему недофинансирования, церковь не пошла по пути консолидации церковного социума для поиска внутренних средств, а стала искать вину вовне — в отсутствии интереса со стороны государства. Церковь не захотела серьезно заниматься причинами отсутствия солидарности у своих членов. Удивительно и равнодушие к делу православных гимназий в высших учреждениях церковной администрации. Информацию о точном количестве гимназий непросто получить даже сотруднику Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ.

Определенным достижением является появление первых в русской истории открытых высших духовных школ, часто к большому неудовольствию отдельных архиереев — сторонников традиционных духовных школ (академий и семинарий). Согласно официальным данным Отдела религиозного образования и катехизации сегодня в России 10 православных вузов. Помимо Москвы и Санкт-Петербурга они есть в Волгограде, Новосибирске, Армавире, Иваново²¹. Не все, однако, отвечают по своим масштабам статусу вуза, а являются вузами номинально — в результате перерегистрации православных курсов, пожелавших повысить свой статус. Не все православные вузы даже имеют свой сайт, что сегодня необходимо для привлечения абитуриентов.

По-настоящему путевку в жизнь получили лишь Православный Свято-Тихоновский богословский институт, доросший даже до статуса университета, Свято-Филаретовский институт, возглавляемый священником Георгием Кочетковым, Волгоградский православный университет. Тихоновскому университету, однако, эта «путевка» досталась дорогой ценой — с одной стороны, путем

самоотверженного труда преподавателей, до недавнего времени работавших в нем почти бесплатно, и ценой физического и нервного срыва немалого числа студентов, в нем учившихся, некоторые из которых попали в процессе обучения в психиатрические больницы. Становление университета происходило с надрывом, через немалые издержки и жертвы конкретных людей.

На роль элитного православного вуза претендовал Российский православный университет, открывшийся в 1993 г., однако, не справившись с намеченными задачами, он был редуцирован до статуса института и ныне балансирует на грани выживания. Не все его факультеты и отделения имеют государственную аккредитацию, у него нет постоянных источников финансирования, почти все лучшие преподаватели из него ушли.

Заметим также, что в Москве есть такой благополучный вуз, как Библейско-богословский институт, организованный учениками отца Александра Меня, но он не является православным, по типу он межконфессиональный, свою деятельность со священноначалием не согласовывает и не встроен в структуру РПЦ.

Субкультурные особенности церковного социума и системные проблемы организации социальных инициатив

В предыдущих разделах мы рассмотрели социальное служение РПЦ, в основном с точки зрения внешних показателей. Бросается в глаза очевидное противоречие. С одной стороны, мы имеем дело с очень масштабным институтом, выдвигающим немало идей социального характера, что побуждает ожидать серьезных результатов, тем более что налицо стремление многих энтузиастов к созиданию социальных форм на основе православного мировоззрения. С другой стороны, лишь очень малая часть социальных проектов церкви реально воплощается, причем зачастую в достаточно причудливых формах.

Отчего это происходит? Почему такие трудности возникают у церкви при реализации социальных проектов?

Представляется, что объяснение сложившейся ситуации нужно искать в особенностях устройства церковного социума, деловых и поведенческих особенностях церковной субкультуры. Что представляет собой церковный социум как таковой? Каковы его поведенческие установки и их воплощение в жизни? Какова повседневная жизнь его членов — не только духовенства, но и мирян, задействованных в церковно-общественной жизни или работающих на профессиональной основе в церковных организациях? Каковы принципы церковной деловой этики и церковного хозяйствования? Как строятся отношения между сотрудниками, что представляет собой церковный менеджмент?²²

По сути все эти вопросы можно сформулировать иначе. Чему сможем мы научиться при дальнейшем расширении влияния РПЦ в обществе? С какими чертами повседневного поведения нам предстоит столкнуться? Какие жизненные установки мы можем перенять у церковного сообщества? Чем может обернуться сегодняшнее «православное присутствие» в России? Попытаемся ответить на часть из них.

Дефицит солидарности и социальная несамодостаточность церковной среды

Есть одна серьезная проблема церковного социума, о которой в самой церкви почти не говорят, — это дефицит солидарности. Не только церковные социальные центры, но и большинство синодальных отделов жалуются на отсутствие или недостаток финансирования со стороны Патриархии. ОЦБСС сетует на то, что его бюджет формируется за счет добровольных пожертвований, в то время как из общецерковного бюджета средства на обеспечение и развитие его деятельности не поступают.

Те социальные проекты, которыми сегодня РПЦ все же может гордиться, являются инициативой отдельных энтузиастов, организуются на уровне церковного прихода. Его настоятель берет на себя все организационные тяготы, в то время как другие проявляют равнодушие, вопрос о поддержке той или иной инициативы на межприходском уровне обычно даже не ставится. По словам заместителя руководителя Патриаршего центра духовного развития

детей и молодежи Юрия Белановского, «совсем не часто, когда из доходов храма отчисляется хотя бы 5% на просветительскую и социальную деятельность»²³.

При организации православных гимназий бремя ложится на тот приход, который гимназию создавал. Случаи создания и поддержки православной гимназии на уровне благочиния крайне редки. Создание православной гимназии на епархиальном уровне (например, в Алма-Атинской епархии) — явление и вовсе исключительное. Ситуация парадоксальная: православные школы все-таки пользуются минимальной поддержкой государства, обращаются с просьбой о помощи к различным коммерческим организациям, но при этом не имеют никакой финансовой поддержки со стороны самой РПЦ, в структуру которой непосредственно входят.

Если сравнить положение православных школ с положением католических школ на Западе, можно увидеть, что в системе Католической церкви они занимают более достойное место. Например, получившие распространение на Западе так называемые Catholic Run Schools, организуемые силами католических орденов, на этапе становления получали существенную помощь церкви. Ватикан сумел задействовать общественные организации, специализированные фонды, рассчитанные на их поддержку.

Еще более вопиющим проявлением отсутствия солидарности внутри российского православного церковного сообщества является факт многолетнего недофинансирования Московской духовной академии и семинарии. Ее ректор архиепископ Евгений (Верейский) в конце 1990-х и начале 2000-х годов отмечал, что зарплата преподавателя академии меньше, чем у уборщицы. Патриарх Алексей II в этой связи постоянно просил на архиерейских соборах поддержать главную кузницу церковных кадров и богословской науки. Однако даже призыв первоиерарха церкви не возымел серьезного действия. Трудно увязать такую ситуацию с принципом соборности, который церковь призвана отражать по определению.

«Хрестоматийным» объяснением слабости социальной церковной деятельности является ответ «на все времена и лета», что у церкви нет денег, и за рамки этого ответа

объяснения сложившейся ситуации редко выходят. Но если этот аргумент еще как-то был оправдан в 1990-е годы, когда православие нужно было возрождать почти с нуля, то сейчас он неуместен. Аргумент отсутствия денег в контексте постановки широких социальных задач скорее может свидетельствовать о социальной несостоятельности самой церкви, чем оправдывать ее неудачи. Да он и не соответствует действительности. Осведомленный в церковной жизни миссионер Андрей Кураев еще несколько лет назад заявил, что «песню о том, что у Церкви нет денег, нужно забыть».

То, чего реально нет, так это нормальной системы распределения финансов как в большинстве церковных организаций, так и в церкви в целом. Об этом, в частности, свидетельствует несоразмерность между оплатой штатных сотрудников, задействованных в социальных организациях, и затратами на обеспечение «церковной парадности» — разного рода помпезных акций, фуршетов, масштабных «юбилейных концертов» с песнями и плясками в честь «торжества православия». Деньги могут расходоваться, например, на дорогостоящие полиграфические затраты — на оформление шикарных, с золотым тиснением билетов на то или иное мероприятие, и при этом не выделяться на обновление техники. Во многих организациях сотрудники до сих пор пользуются оборудованием прошлого столетия, устаревшими, плохо работающими мониторами, компьютерами, принтерами и пр. В Российском православном институте св. Иоанна Богослова в 2007 г. не хватало финансов на отопление помещений, преподаватели и студенты вынуждены были работать в почти не отапливаемом и сыром помещении, однако на «церковную парадность» финансы у руководства этого учреждения находились.

Положение с оплатой сотрудников обстоит еще хуже. В 2009—2010 гг. заработная плата работающих на полной ставке в Москве в подавляющем большинстве составляла 8—10 тыс. руб. в месяц²⁴. Средняя заработная плата сотрудников Отдела по церковной благотворительности и социальному служению в 2008 г. равнялась 8618 руб. в месяц, что составляло 87,2% прожиточного минимума для жителя Москвы. В некоторых синодальных учреждениях, таких

как ОВЦС, Управление делами Патриархии, уровень оплаты немного выше, но общей ситуации это не меняет.

Конечно, сама по себе низкая оплата труда в церковных организациях не является чем-то исключительным, сотрудникам, как правило, платят меньше и за рубежом, однако в российских православных организациях наблюдается определенная диспропорция между выделением финансов на пиар, помпу, парадность и тривиальной сметой оплаты труда штатных сотрудников. По откровенному признанию одного сотрудника, имеющего доступ к церковным акциям высокого уровня, «если бы одного “юбилейного концерта” не было, можно было бы достойно оплатить месячный (если не полугодовой) труд большой организации»²⁵. То есть можно было бы обеспечить сносную оплату труда всем тем референтам, преподавателям, редакторам, кураторам научно-практических конференций, сотрудникам служб по уходу за бездомными и больными, которые сами вынуждены откровенно выживать благодаря своей работе «во славу Божию».

В целом ситуацию в церковных организациях можно назвать цинично-иронической: распределение финансов там оказывается хуже, чем в «не солидарном» капиталистическом светском мире, который церковь немало критикует. Такое положение диссонирует с «заповедями», прописанными в «Своде этических правил хозяйствования», в которых говорится о недопустимости того, чтобы сотрудники «попадали в ситуацию социального выживания»²⁶.

Люди, желающие посвятить себя служению на церковной ниве, ради блага социума, нередко сами оказываются социально несостоятельными, если у них нет собственных материальных ресурсов. Речь не идет, конечно, о священнослужителях, зарплата которых, как правило, выше, чем у сотрудников-мирян. В российской глубинке священнослужители тоже нередко страдают, однако это уже не касается настоятелей приходов, которые имеют доступ к пожертвованиям и разного вида материальной помощи, адекватного распределения которой в церкви также нет.

Нельзя не признать, что определенные попытки изменить ситуацию предпринимаются. 1 декабря 2010 г. под председательством патриарха Кирилла был учрежден

Координационный комитет по поддержке социальных, образовательных, информационных, культурных и иных инициатив под эгидой Русской православной церкви. По словам патриарха, это орган, «который осуществлял бы управление всеми общественными инициативами в сфере образования, информации, культуры, социальной деятельности». Его создание оказалось связано с желанием придать общецерковный масштаб конкурсу поддержки социальных проектов «Православная инициатива», проводимому Благотворительным фондом преподобного Серафима Саровского на протяжении нескольких лет. Масштаб поддержки социальных проектов был увеличен втрое — были поддержаны 232 заявки. Всего на конкурс поступило 786 заявок из 64 регионов России и 21 региона ближнего зарубежья²⁷.

Однако шаги, сделанные в церковной политике, еще не означают изменения традиций, заложенных в самом церковном социуме, — непонимания, а порой откровенного пренебрежения материальными проблемами сотрудников, осуществляющих социальные проекты. Есть священнослужители, которые считают нормой, а иногда даже предметом гордости ситуацию, когда им удается привлечь людей, работающих бесплатно. Так, московский протоиерей Максим Первозванский, главный редактор православного журнала «Наследник», во время дискуссии по молодежному служению, проходившей на XVIII «Рождественских чтениях» (2010 г.), заявил с явным чувством удовлетворения: «А у меня в редакции все сотрудники трудятся бесплатно!». Эта фраза прозвучала в устах священника в качестве примера «удачного» решения проблемы отсутствия средств...

Не менее серьезным выражением дефицита солидарности остается проблема повышенной конфликтности в церковных организациях. Интересно, что если человек «со стороны» узнает о существовании церковных организаций, он представляет себе церковную работу в достаточно идиллическом свете. Его воображению рисуются тихие мирные люди, упорядоченные, приветливые, вежливые уже в силу своей причастности к религиозному служению, священнослужителям церкви и ощущения церковных стен (в случае, если организация находится на территории

какого-нибудь монастыря или церковного прихода). Представляется, что эти люди готовы помочь, проявить солидарность, которой не хватает в светском обществе. Однако в действительности все оказывается не так. Привычными являются прессинг, проработки, чистки, интриги, нежелание учитывать реальные интересы сотрудников.

При всей помпезной бутафории церковно-общественных мероприятий реальные люди, которые не представляют политико-дипломатического интереса для церкви или церковного пиара, часто оказываются за гранью церковного «праздника жизни», не получая ни нормальной оплаты, ни уважения внутри церковной организации. По сути ситуация наглядно воспроизводит мысль, высказанную Ф. М. Достоевским в романе «Братья Карамазовы»: «Чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц»²⁸.

Основа трудового процесса и церковный менеджмент

В церкви есть представление, о котором очень часто говорит церковное руководство и которое накладывает отпечаток на специфику церковной деловой жизни. Оно состоит во взгляде на любую деятельность как на *служение* — ближнему, обществу, Отчизне. Тем более служением должна быть работа, которая связана с выполнением задач, поставленных самой церковью: в основе такой трудовой деятельности лежит церковная или церковно-общественная польза. Эта деятельность является по своему существу мотивированной, складывается в контексте религиозных идей, соответственно профессиональные цели здесь также воспринимаются не сами по себе, а в контексте мотивации.

Это означает, что труд «на церковной ниве» не должен быть «наемным», т. е. делаться ради денег и исполнения сугубо личных интересов. Его религиозное измерение в церковной субкультуре выражается в формуле «во Славу Божию». Именно она определяет основу трудового процесса, пронизывает церковно-трудовые отношения. Такой подход имеет немало достоинств. Принцип «во Славу Божию» дает широкую возможность привлекать к работе со-

трудников на общественных началах и рассматривать их труд не как договорную работу, а как помощь «благому делу»... Такой труд, конечно, не исключает материального вознаграждения, но делает соразмерность этого вознаграждения непринципиальной с точки зрения церковной деловой этики. В итоге вопросы распределения финансов в церковных организациях не любят ставить, что порождает массу проблем, к которым обратимся ниже.

Православная деловая этика имеет еще одну важную особенность. Все распоряжения, приказы, организационные инструкции, регламентирующие трудовой процесс, в церковных организациях, как правило, даются не отстраненно, а как «благословение», т. е. как сакраментальный акт, через который священнослужитель освящает жизнь и деятельность православных верующих, в частности, подтверждая богоугодность того или иного действия. Иногда благословение может давать человек без священного сана, например, игуменья. То, что делается «по благословию», с церковной точки зрения определено хорошо, а то, что «без благословения», — определено плохо, по крайней мере такие действия будут восприниматься как сомнительные, не церковные.

Несмотря на то что священник не может быть одновременно профессионалом во всех областях, деятельность сотрудников церковных организаций из совершенно разных, даже специализированных сфер должна поверяться его благословением, будь то организация библиотеки или пошивочная мастерская²⁹.

Заметим, что под «благословение» порой подпадают не только сферы церковной деятельности, но и сугубо светской, если в ней участвует воцерковленный человек. От «благословения» может зависеть даже исполнение служебных обязанностей. «Благословение» может даже снимать ответственность с сотрудника в случае служебных неудач. Например, автор неоднократно встречался с тем, что «по благословию» исследователи меняли темы своих работ. Приведем пример, когда сотрудник сугубо светского научного фонда, не имеющего отношения к церкви, рассказал о своем исследовательском проекте духовнику и получил такую «рекомендацию»:

«— Тебе нужно сходить в Епархиальное управление, получить на исследование благословение секретаря епархии отца Александра Н.

— Почему, батюшка, обязательно ли это?

— Обязательно! Без благословения тебе вряд ли удастся хорошо справиться с заданием. Если будет благословение, то совесть твоя будет чиста. Даже если что-то “не так” напишешь, то особенно ничего страшного не будет, а вот если без благословения, то вряд ли сможешь хорошо работу сделать, и будешь чувствовать себя виноватым перед Церковью»³⁰.

То есть «благословение» в данном случае оказывается не только санкцией, одобрением действий, но и своего рода страховкой в случае сбоя в работе.

От «благословения» духовника сегодня может зависеть очень многое. Он может решить, какую зарплату платить на производстве (если его «духовное чадо» этим производством руководит), духовник может наложить вето на ту или иную профессиональную деятельность, наконец, может даже определить (если его «духовным чадом», например, является эксперт научного фонда), какой отзыв давать на ту или иную научную работу.

Автору также известен случай, когда эксперт научного фонда в случае затруднений давала отзывы на научные проекты «в соответствии с благословением духовника». Она доверительно рассказала: «Признаюсь, что мы ведь работы внимательно читать не успеваем, бегом проглядываем... Но я решила посоветоваться с духовником, а он сказал, что не нужно поддерживать такой проект, и я дала отрицательный отзыв»³¹.

Помимо «благословения» важнейшей категорий православной деловой этики является «послушание». Именно в качестве «послушания», т. е. действия, предполагающего взгляд на руководителя как на транслятора «Божьей воли», чаще всего воспринимается исполнение служебных обязанностей в церковных организациях. Значение «послушания» в хозяйствовании монастырских общин проанализировал в своем исследовании Иван Забаев³². Термин «послушание» имеет сугубо монастырское происхождение (это важнейший из трех монашеских обетов), однако он

оказался перенесен на деловые отношения — сначала в монастырях, а затем и в церковной жизни как таковой; эта категория оказалась актуальной и для церковно-мирянских организаций. Под послушанием может пониматься труд в церковной организации, так могут называться отдельные виды деятельности, распределенные служебные обязанности. Церковное начальство может «раздавать» послушания в зависимости от тех или иных нужд.

«Послушание» всегда исполняется «по благословию» — там, где нет «благословения», нет и «послушания». Соответственно «благословение» и «послушание» являются определяющими категориями православной трудовой этики, так как во многом определяют трудовой процесс, сакраментально окрашивая служебные инструкции и трудовые отношения между руководством и подчиненными. Если светским деловым отношениям свойствен условно-договорной характер, допускающий возможность согласования распоряжений с сотрудником, то характер церковных деловых отношений в большей степени безусловный. «Благословение» не предполагает рефлексии.

Подбор кадров в церковных организациях оказывается тесно связан с духовно-пастырскими отношениями. Поскольку руководящие должности в церковных организациях занимают в основном священнослужители, то наиболее доверенные сотрудники организации — это, как правило, «духовные чада» ее руководителя. Когда работник исповедуется у руководителя-священнослужителя, он этим демонстрирует предельное доверие к руководителю и откровенность. Иногда даже вопросы рабочего характера могут решаться во время исповеди. На исповеди сотрудники делятся и проблемами взаимоотношений друг с другом. Для священника-руководителя такой сотрудник удобен не только потому, что прозрачен, но и потому, что, относясь к руководителю как к духовнику, он восприимчив к его инициативам, надежен в плане выполнения личных поручений и наименее способен к критической оценке действий руководителя. В церковной традиции считается крайне зазорным осуждать или как-либо критически оценивать своего духовника или священника, который принимает исповедь.

Принцип «по благословию» имеет обратную сторону — «без благословения» сотрудники чаще всего вообще не решаются что-либо предпринять. При невозможности вовремя взять «благословение» у руководителя они зачастую вынуждены бездействовать. Поэтому во время отлучек, командировок и поездок руководителя рабочий процесс нередко стопорится. Популярная советская поговорка «инициатива наказуема» оказывается очень жизненной в условиях «церковного менеджмента», который сами сотрудники церковных структур иногда называют «тоталитарным»³³.

Например, с этим связана неоперативность подачи материала в церковных СМИ — заметим, что РПЦ пока так и не удалось создать новостное агентство, быстро и полно отражающее события в епархиях. Публикация новостных материалов страдает из-за того, что их нужно подписывать у высокопоставленного руководителя организации. Например, материалы православного мегафорума «Международные Рождественские образовательные чтения», в публикации которых автор участвовал, успевали сильно устареть к моменту публикации, так как подписи высокопоставленного церковного начальства сотрудникам редакционной группы приходилось ждать по несколько месяцев, а просмотр материалов никому не перепоручается. Ситуация достаточно распространенная. Не только публикации, но сами мероприятия, например, те или иные конференции, организационно зависящие от церкви, могут откладываться в течение долгого времени, пока отсутствует возможность получить подпись («благословение») на их проведение.

При этом церковный менеджмент на самом деле во многом копирует принципы приходов или епархий, позволяя руководителям очень легко, на основе эмоций принимать кадровые решения, увольнять сотрудников без предварительных санкций, выговоров. Заметим, что в епархиях распоряжения могут меняться, одно может отменять другое по несколько раз в день, создавая в церковных организациях ощущение хаоса — так, например, делали епископ Барнаульский и Алтайский Максим (Дмитриев) и архиепископ Владимирский и Суздальский

Евлогий (Смирнов), в один и тот же день издавая указ о перемещении священнослужителей на приходы и отменяя его³⁴. Настоятель храма, например, может «дать отставку» целому хоровому коллективу, даже если за него ходатайствуют прихожане храма и служащие в нем, и такие случаи — не исключение, а вполне привычная традиция. Сотрудники-миряне не имеют никакой возможности как-то повлиять на решение священника-руководителя, а дефицит солидарности не способствует решению этой проблемы.

Кроме того, помимо отсутствия нормальных механизмов защиты сотрудников-мирян или просто подчиненных, низших по иерархии священников по отношению к руководству в церковной организационной системе пока нет механизмов, обеспечивающих преемственность социальной работы, координацию между действующим руководителем, его предшественником и преемником. Суть проблемы в следующем. Как уже отмечалось относительно реорганизации Отдела по церковной благотворительности и социальному служению после смены его руководителя — митрополита Сергия (Фомина) и назначения протоиерея Аркадия Шатова, вся информация, публиковавшаяся при митрополите Сергии, исчезла со страниц обновленного сайта. Можно по-разному объяснять такое «обнуление», но так или иначе это показывает, что нынешние сотрудники ОЦБСС во главе с епископом Пантелеимоном (Шатовым) поступают как-то не консолидированно по отношению к прежней команде, от которой, кстати, остался прежний сотрудник — игумен Серафим (Кравченко). И подобная ситуация не единственная в организационной деятельности РПЦ, когда один руководитель проявляет неконсолидированность и недоверие к предыдущему, отказывается аккумулировать результаты работы, достигнутые при нем, предпочитая механизм реформатирования. Например, подобная ситуация произошла с официальным сайтом Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ «Prokimen.Ru». После того как архимандрита Иоанна (Экономцева) на посту председателя отдела сменил епископ Меркурий (Иванов), был создан новый официальный сайт, а большая часть содер-

жания прежнего (кстати, с опубликованными докладами многолетних «Рождественских образовательных чтений») оказалась недоступна читателям... Пожалуй, здесь мы имеем дело с еще одним важным проявлением недостатка солидарности в церковном социуме, уважения церковных акторов друг к другу и, вероятно, сталкиваемся с проблемой партикуляризма.

При всем внимании, которое при патриархе Кирилле стало уделяться административной стороне жизни церкви, о каких-либо механизмах защиты трудового или организационного процесса автору данной статьи ничего слышать не приходилось. В недавно принятом новом типовом уставе появилась лишь бóльшая правомочность для архиерея, но не прописаны механизмы защиты для священника или для членов приходского собрания³⁵. Вряд ли в таком контексте можно ожидать введения каких-либо механизмов защиты в процесс организации труда в церковных организациях. Проблема незащищенности их сотрудников от возможных злоупотреблений властью со стороны руководства в церкви, по крайней мере священноначалием, не ставится. Попробуем дать объяснение, почему так происходит.

Церковный деловой этикет и «презумпция виновности»

В церковных организациях существует особый деловой этикет, который представляет собой весьма своеобразную систему взаимоотношений церковных людей, немало отличающуюся от той, что принята в светском обществе. Эта система отражена главным образом в письменных деловых обращениях, нормах приветствия и прощания, нормах общения служителей церкви между собой и с мирянами.

Церковный этикет отражает высокую корпоративную самооценку, характерную для священнослужителей. Сами деловые обращения называются в церковных организациях не заявлениями, а прошениями, они часто начинаются с помпезных вычурных форм, выглядящих в контексте современной коммуникативной стилистики достаточно искусственными: «испрашивая благословения Вашего Высокопреподобия», «обращаясь к Вашей святыне» и т. п. Имеется богатый спектр обращений в зависи-

мости от священного сана адресата. В случае обращения к диакону или иерею используется форма «Ваше Преподобие», к протоиерею, игумену или архимандриту — «Ваше Высокопреподобие», к епископу — «Ваше Преосвященство», к архиепископу — «Ваше Высокопреосвященство», к митрополиту — «Ваше Высокопреосвященство» или «Ваше Блаженство», к патриарху — «Ваше Святейшество»³⁶. Не только церковные титулы, но и руководящие должности (директор, председатель, президент, руководитель), обозначающие руководителя организации, пишутся с прописных букв.

Обычно такая эстетизированная форма обращений сопровождает письма или письменные обращения нижестоящего к вышестоящему. Она характерна как для сотрудников-мирян, так и для клириков при обращении к священнослужителям более высокого положения.

В письменных деловых обращениях подчиненных к вышестоящим сотрудникам заложено не только возвышение адресата, но и такое же вычурное самоприращение обращающегося. Типичными являются подписи, содержащие слова: «недостойный послушник (или послушница) Вашего Высокопреподобия», «нижайший послушник Вашего Преосвященства», «смирренный послушник такой-то», «многогрешная раба такая-то». Интересно, что такие подписи оказались очень распространены даже в прогрессивном Отделе внешних церковных связей Московской патриархии. Наигранное возвышение адресата и такое же наигранное самозанижение отправителя выливается, по выражению игумена Петра (Мещеринова), в своеобразный клерикализм с делением на «властителей» и «холопьев». Заметим, что общепринято, когда руководитель без каких-либо оговорок начинает обращаться к подчиненным на «ты». Разумеется, ситуация не предполагает симметрии...

На самом деле здесь проявляется укорененный в церковной традиции «стереотип виновного», «должника» — позиция актора, который заведомо признает, что не соответствует требованиям... В итоге он подталкивается не к осознанию исправления огрехов, а к настрою на «амнистию»... По церковному учению самопризнание вины должно поддерживать в человеке желание нравственного

самосовершенствования, но получается наоборот. Он оказывается «тотально виновным», «виновным априори», по требованию этикета. У такого «виноватого в целом» исчезают основания для конкретного осознания, в чем он именно виноват... Виноватый «во всем» на самом деле оказывается не виновен ни в чем...

Понятно, что в реальности церковные сотрудники оказываются психологически в положении «узника, мечтающего о свободе», они, разумеется, часто бывают не согласны с руководителем, но церковный этикет обязывает их все замалчивать, уходить даже от вполне доброжелательного разговора о проблемах организации. В итоге несогласие из-за отсутствия обратной связи трансформируется в недовольство и реальные сбои в работе. Такие «виноватые» подчиненные часто обсуждают начальника за его спиной, компенсируя тем самым свое униженное состояние. Показателен случай, когда одна церковная сотрудница, затеяв судебное разбирательство против ректора Российского православного института в 2006 г., не будучи в служебном подчинении у него, продолжала подписываться в своих деловых обращениях к нему: «Вашего Высокопреподобия недостойная послушница», и это ничуть не мешало ей вести с ним тяжбу, как только для этого представилась подходящая возможность...

В церковной системе отношений есть то, что волея-неволей умаляет персональную ответственность человека в обмен на его добровольную капитуляцию как личности и как работника. Принципиальное значение здесь имеет категория «искушение», также происходящая из монастырского быта, но получившая в деловых отношениях референт, позволяющий списать все личные проступки на «воздействие извне», действия «бесов» и пр. Показательный пример приводит миссионер протоиерей Андрей Кураев, вспоминая свой разговор с проректором (будущим) Московской духовной семинарии, состоявшийся в 1988 г. в связи с несправедливым занесением ему выговора в личное дело:

«— Чем я согрешил? Какая самоволка? Я ехал по приглашению митрополита, члена Синода. Моя поездка была согласована с ректором Академии.

В ответ мне говорят, что моя вина в том, что я не написал прошение на имя этого проректора... Опять не соглашаюсь:

— Какое прошение? Я же не прошу, а исполняю уже данное мне послушание!

Видя, что его доводы меня не убедили, проректор добавил:

— Ну, понимаешь, Андрей, ведь идет Великий пост. Это время не может обходиться без искушений...

Вот с той поры меня тошнит от преизобилия нашего церковного словесного “елея”. Ему ведь КГБ велел меня приструнить, а он начал благочестивые туры на колесах громоздить»³⁷.

«Наша задача — помочь пациенту научиться полюбить свое страдание»

В церковном сознании существует очень примечательный феномен этической оценки плохого и хорошего, добра и зла, поскольку согласно распространенному положению добром считается то, что делается во имя Бога, а злом — то, что делается «без Бога». Но заостряя вопрос о понимании добра и зла, выразители современной церковной традиции нередко доходят до прямого противопоставления «светского» добра и «церковного»: первое соотносится с тем, что делается «во имя Бога», а второе — с тем, что «без Бога». Подобная позиция ставит естественное, врожденное чувство добра под большое сомнение, намекая, что привычное для «мирской» точки зрения добро на самом деле таковым не является.

Эта позиция сильно укоренена в русской церковной традиции, в частности, в писаниях епископа Игнатия Брянчанинова, являющегося «классиком благочестия» для современных православных верующих. «Нет никакого согласия между Евангельским добром и добром падшего человеческого естества. Добро нашего падшего естества перемешано со злом, а потому и само это добро сделалось злом, как делается ядом вкусная и здоровая пища, когда перемешают ее с ядом. Хранись делать добро падшего естества! Деляя это добро, разовьешь свое падение, разовьешь в себе самомнение и гордость, достигнешь ближай-

шего сходства с демонами»³⁸. А по словам современного богослова архимандрита Лазаря (Абашидзе), то небольшое добро, которое есть в мире, «...существует для того, чтоб оттенять и *придавать большую сладость греху*, обострять его вкус. Само это добро пьет корнями своими оскверненную воду, тайные гордые, тщеславные помыслы тут же заглушают всякое искреннее, несколько возвышенное стремление души»³⁹ (выделено мною. — Б. К.).

Налицо жесткая дихотомия церковного и нецерковного, меняющая естественные представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. В мире вне церкви фактически почти не остается места для добра, церковная позиция не только обличает мир, но и сильно редуцирует его способность совершать добро. Поскольку в церковном представлении эта позиция сильно схематизирована, в итоге складывается своеобразный *принцип оппозиции* — восприятие ситуации «от противного»: то, что вне церкви хорошо — на самом деле плохо, а беды (на церковном языке «скорби») более предпочтительны, чем житейское благополучие. Коллизии в жизни человека, болезни, неудачи в личной жизни, на работе, в социуме объясняются как «знак свыше», как нечто положительное. Они трактуются либо как свидетельство того, что «Господь не оставляет», «воспитывает», либо как «искушение бесами», что тоже интерпретируется как хороший симптом... Нормальный благополучный процесс труда часто в церковных организациях сознательно не ставят в качестве цели, благополучная жизнь вообще воспринимается как признак чего-то не должного «с духовной точки зрения», исключения, чего-то такого, что обязательно должно закончиться и смениться новым периодом «божественной терапии»⁴⁰.

Эта инверсия находит отражение и в социальном служении. Так, в службе «Милосердие» заместитель руководителя по связям со СМИ Ирина Соловьева не скрывает, что у сестер милосердия и других сотрудников очень часто случается «синдром выгорания», с этим связана большая текучесть кадров, поиск новых сотрудников... Сам отец Аркадий признавался, что в их общине такие вещи «...происходили со многими сестрами... Есть замечательная сестра, которая возглавляла одно из подразделений. Она очень хорошо всем

занималась, много делала (это было начало дела, оно требует много сил). А потом она сломалась так, что около года лежала в клинике нервных болезней. И до сих пор до конца не оправилась»⁴¹. По предположению Ирины Соловьевой, высказанным автору этой статьи, «синдром выгорания» у добровольцев в общине происходит потому, что духовенство не хочет видеть реальных проблем, нагружает сотрудников сверх меры, совершенно не думая о каких-либо человеческих ограничениях, ссылаясь на то, что церковные таинства должны от всего исцелить...

«Утешение», которое предлагал своим сотрудникам бывший руководитель службы «Милосердие», это подтверждает. По сути, не дававшим монашеского обета девочкам — сестрам милосердия предлагались вполне монашеские максимы. Отец Аркадий в своих статьях апеллировал к аскетическим нормам «Добротолубия» о том, что важно не только себя самого изнурять бесконечными ограничениями (которых у них и так хватает), а чтобы эти ограничения и скорби приходили извне дополнительно! Что болезни и страдания — естественное свойство духовного пути, свидетельство того, что люди делают добрые дела. В самом откровенном виде воспроизводилась формула: если Вам плохо — то это с точки зрения духовного пути нормально. Даже ухудшению здоровья отец Аркадий оправдывает тем, что хорошее здоровье может быть и «минусом» с точки зрения духовной жизни, так как способствует сластолюбию (в статье здоровье поставлено в один ряд с «богатством» и «славой» и имеет негативную коннотацию)⁴².

Проблема в том, что хотя подобная позиция и не всегда разделяется священнослужителями, но достаточно распространена и имеет системный характер, тем более что подход протоиерея Аркадия (теперь епископа Пантелеимона) — не частное мнение, а позиция руководителя Синодального отдела РПЦ, отвечающего за социальное служение. Приведем еще одно его знаковое высказывание, произнесенное в заключение «круглого стола», посвященного проблемам «выгорания» сестер милосердия, где будущий руководитель ОБЦСС заметил, что глобальная задача социального работника — «научить пациента полюбить свое страдание». Заметим, что возвышенное отношение

к страданию, свойственное русской церковной традиции, может, с одной стороны, утешать больных, приносить психологическое облегчение (особенно при паллиативной помощи), но, с другой стороны, воздействовать на стратегию реабилитации больных не лучшим образом — концентрировать их внимание не на выздоровлении, а на болезни.

Наконец, еще один момент — это само по себе недоверчивое отношение к инициативности. Отец Аркадий приводит «в утешение» своим добровольцам пример из монашеской жизни, говорящий о том, что воодушевление — не то, на чем нужно строить свою деятельность, лучше сначала перегореть. Отец Аркадий, в частности, приводил в качестве поучения историю из жизни одного монаха Афонского монастыря, которого долго не благословляли быть библиотекарем вопреки его собственным стремлениям. Благословение в итоге было дано только после того, как монах «перегорел» и к этому делу охладел...⁴³

Налицо наглядная иллюстрация того, как человека склоняют к тому, чтобы он меньше доверял себе, своим позитивным импульсам, так как они «от падшего естества». Предпочтительнее оказывается перестраховочное устранение от действия, чем творческая предприимчивость, инициатива очень часто оказывается наказуемой... Правомерность решиться на что-либо предполагается обоснованной после серьезных сомнений, фактически после того, как человек остудит свой творческий импульс...

Конфликт идейного и профессионального

Принцип распределения служебных обязанностей и решения сугубо профессиональных вопросов «по благословию» имеет неоднозначные следствия. С одной стороны, придание сакрального измерения труду необычайно возвеличивает его в глазах сотрудников, способствует мобилизации усилий для выполнения «послушаний», с другой — ведет к тому, что управление совершенно разными профессиональными отраслями сосредотачивается в руках священника. Именно священники занимают руководящие должности в церковных организациях, часто не связанные с их реальным образованием и профессиональными интересами. Эти должности также рассматриваются как «послушание».

Такой подход часто приводит к нарушению профессиональной субординации. В духовных школах — училищах, семинариях, православных вузах — уровень образования низок во многом из-за того, что в выборе между священником и профессионалом, не имеющим священного сана, предпочтение обычно отдается первому. Образование в гимназиях еще больше проигрывает по отношению к подготовке в светских школах. При организации церковно-научных и церковно-общественных конференций нет налаженной практики получения грантов в отличие от подобных светских структур.

На непрофессионализм, в частности, сетует председатель Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ епископ Меркурий (Иванов), объясняя неудачи в создании системы православных среднеобразовательных школ — гимназий, лицеев, учебных центров. По его словам, крах создания той или иной гимназии бывает тогда, «...когда во главе этого дела становятся непрофессионалы, даже если это настоятели храма. Человек может быть замечательным священником, но это совершенно не значит, что он может быть руководителем учебного заведения»⁴⁴. А профессиональные педагоги, люди с высшим образованием, с учеными степенями, способные возглавить образовательные учреждения, в силу сложившейся традиции обычно не назначаются директорами, так как предпочтение в деле руководства отдается священнослужителю⁴⁵.

Принцип бескорыстного служения, работы на энтузиазме также имеет двоякое измерение. Он позволяет мобилизовать на работу, задействовать достаточно большие силы при немногочисленных средствах, однако существует и обратная сторона, сильно затрудняющая процесс работы в церковных организациях. Она сказывается именно там, где оказывается необходим профессиональный труд.

Многие виды работ в церковной социальной сфере требуют сегодня профессиональной вовлеченности, которая делает невозможным свободный график или совместительство и какую-либо подработку. Руководители церковных организаций рано или поздно начинают требовать задействованности сотрудника на полную ставку, в режи-

ме фул-тайм, порой утешая его тем, что основная зарплата «ждет его на небесах».

Конечно, реальность вносит коррективы в столь неадекватные трудовые условия. Как правило, сотрудники не отсиживают полные рабочие дни. Начальство волей-неволей вынуждено смотреть на «нарушение» трудовой дисциплины сквозь пальцы, как бы снисходит к условиям жизни, «попускает» определенную вольницу, понимая, что требовать можно до определенного предела. Получается, что сотрудники действительно находятся в церковных организациях в положении людей, «которым прощают огрехи», проявляют к ним благосклонность... Это создает ощущение перманентной незащищенности, а главное, собственной заниженной оценки, что неминуемо сказывается на эффективности труда. Ведь человеку в любой момент могут перестать «прощать» и подойти со всей строгостью... По словам о. Андрея Кураева, между начальством и подчиненными складывается известный негласный статус-кво: «Мы делаем вид, что вам платим, а вы делаете вид, что работаете».

Дело оборачивается большой текучкой кадров, в результате которой просветительская и социальная деятельность церкви сильно хромает. Заместитель руководителя Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи Юрий Белановский, например, признает: «...Система работает на неофитах, пока они не обретут потребность в заработке. То есть постоянно идет перезапуск системы с нуля: старые ушли, и новые все начинают заново... Здесь действует принцип “во славу Божию”: есть энтузиаст — ну пусть он работает, мешать не будем. Нет энтузиаста — ну что ж, нет — так нет...»⁴⁶. Церковь оказывается реально не заинтересованной в профессиональной работе.

Однако случаются ситуации куда плачевнее, когда принесение в жертву профессионализма в угоду соблюдению во всем «конфессиональной выгоды» приводит к крушению реальных социальных инициатив, которые могли бы помочь очень многим. Вопиющий пример — попытка реализации программ содружества «Анонимных алкоголиков», которая во всем мире помогает десяткам тысяч страдающих людей.

В начале 2000-х насаельник Свято-Данилова монастыря игумен Иона (Займовский) стал организовывать реабилитационные группы в сотрудничестве с известным международным содружеством «Анонимные алкоголики». Игумен Иона возглавил Православный реабилитационный центр «Метанойя», работающий по разработанной содружеством программе «12 шагов» и по соответствующей программе «12 шагов» для «Анонимных наркоманов»⁴⁷. Суть программ в том, что группы больных пытаются посредством бесед и совместных молитв избавиться от своей зависимости. Принадлежность больного к Православной церкви не является обязательной. Игумен Иона предложил на основе этих программ организовывать группы самопомощи при храмах. Идею поддержал патриарх Алексий II, ее активно стал реализовывать Патриарший центр духовного развития детей и молодежи при Свято-Даниловом монастыре.

Поэтому, когда программы «12 шагов» в силу своей действенности составили конкуренцию другим реабилитационным программам, очень просто оказалось задействовать аргумент обвинения в ереси. Против программ «Анонимных алкоголиков» ополчились многие церковные консерваторы, в частности, руководитель реабилитационного центра иеромонах Анатолий (Берестов). Апологеты методов отца Анатолия охарактеризовали эти программы как «лестницу к дьяволу», дискредитирующую церковь, заявив, что православный человек не должен при лечении использовать недогматические молитвы. Многие группы «Анонимных алкоголиков» в Москве в итоге оказались закрыты, священники запуганы. Американского происхождения программы оказалось достаточно, чтобы отвергнуть возможность эффективного лечения страдающих людей в угоду конфессиональной гордости⁴⁸.

В результате, как отмечает сотрудник Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи Александр Боженков, «Русская Церковь потеряла в Москве мощнейшую возможность помочь страждущим зависимостью людям, а в дальнейшем и воцерковить их». Как справедливо замечает миссионер, «...пять лет борьбы с АА (“Анонимными алкоголиками”. — Б. К.) — достаточный срок для расцве-

та православных программ, которым, якобы, мешали АА. Никакого обещанного со стороны о. Анатолия Берестова бурного роста православных программ по работе с зависимыми не настало. Центр о. Анатолия Берестова куда-то сгинул из информационного пространства, а новых, подобных ему в Москве так и не появилось»⁴⁹.

Православный взгляд на проблемы наркомании и алкоголизма имеет примечательную особенность. Соответствующие службы называются не просто центрами реабилитации наркозависимых и алкоголиков, а куда более интересно — «Центры реабилитации алкогольно- и наркозависимых, жертв сект, бывших заключенных»⁵⁰. А некоторые антиалкогольные и наркологические церковные центры вообще образовались на базе служб по борьбе с оккультизмом и нетрадиционными религиями, как, например, Душепопечительский центр св. Иоанна Кронштадтского, возглавляемый иеромонахом Анатолием (Берестовым), или Центр реабилитации жертв нетрадиционных религий им. А. С. Хомякова, созданный по инициативе священника Олега Стеняева. В 1998 г. к его прежнему названию добавилось «и наркозависимых». То есть реабилитация наркоманов и алкоголиков рассматривается в одном поле с реабилитацией заключенных и одновременно с противодействием нетрадиционным религиям и протестантам⁵¹. Такая графа была и в отчете ОЦБСС за 2008 г., где в качестве одной из задач отдела указывалось: «Заявить о недопустимости действий иностранных миссионеров, в том числе и тех, которые занимаются благотворительной деятельностью на канонической территории Московского Патриархата»⁵².

При этом у протестантов, несмотря на все противодействие православных приходов и администрации на местах, дела с реабилитацией наркоманов и алкоголиков обстоят гораздо лучше. По информации директора Славянского правового центра Романа Лункина, в России 6—7 тыс. протестантских церквей и групп, притом что зарегистрировано около 5 тыс. Практически каждая церковь занимается социальным служением и посещает детские дома, дома престарелых, приюты, больницы. После 2000 г. по большей части пятидесятники, у которых около 4 тыс. церквей и групп

из общего числа протестантов, стали создавать реабилитационные центры для нарко- и алкозависимых. Протестантских реабилитационных центров в России около 500 — от больших, таких как «Новая жизнь» в Ленинградской области, до располагающихся в специально купленных домах (родственники наркоманов обычно оплачивают проживание). Кроме того, большие протестантские объединения, особенно на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, создали свои благотворительные фонды, которые участвуют в социальных программах областных властей. Таких крупных фондов несколько десятков. Работают они на пожертвования верующих и государственной поддержки не получают. Финансовой помощи из-за рубежа сейчас тоже нет, так как после 2000 г. были приняты постановления правительства, сделавшие растаможивание гуманитарной помощи практически нереальной задачей⁵³.

Компенсаторные факторы. Патернализм и особенности социального пакета

Если пользоваться классификацией типов корпоративных культур Д. Зонненфельда, то корпоративная культура церковных организаций определенными чертами схожа с «оборонной культурой», в которой нет гарантии постоянной работы и которая характеризуется частыми реструктуризациями, сокращениями персонала, изменением условий мотивации работников, большой зависимостью от внешних воздействий. Но при удачном стечении обстоятельств такой тип культуры предоставляет неплохие возможности для харизматичных, уверенных в своих силах менеджеров, может стать трамплином карьерного роста отдельных работников⁵⁴.

В церковной системе организации труда есть факторы, компенсирующие и смягчающие приведенные недостатки, что все-таки способствует удержанию кадров, формированию своеобразной корпоративной системы, хромающей, но продолжающей существовать. В церковных организациях есть свои «социальные пакеты», особенностью которых являются разного внутреннего бесплатные услуги «по благословению»: сотрудник может рассчитывать на какую-либо специализированную помощь — в случае необходимости

руководитель может «благословить» кого-то из подчиненных на принципах общинности оказать помощь по починке компьютера, предоставить машину и т. п. Как правило, организуются бесплатные обеды, подарки в виде гуманитарной помощи, оплата проездных документов, а иногда индивидуальное оказание материальной помощи, непосредственно из рук руководителя в руки подчиненного.

Такой «социальный пакет» должен вызывать у сотрудников ощущение заботы корпорации о них. Но в еще большей степени он работает на патернализм — на поддержку иждивенческого сознания. Нередко дополнительные стимулы сопряжены со стремлением самих сотрудников видеть в начальнике не только служебного руководителя, но и покровителя, «отца». По типу корпоративная культура в церковных организациях также во многом схожа с «семьей»: начальник — «отец», остальные — «дети», призванные исполнять его распоряжения в формате «послушания». На работе сотрудник может чувствовать себя «в семье», получать некоторое ощущение восполнения того, чего ему недостает в собственной семье. Нередко женщины, работающие в церкви и испытывающие разлад в семейных отношениях, компенсируют дискомфорт от нарушения личной жизни путем вхождения в церковный коллектив, где начинают выполнять роль «жен-домохозяек», стараясь обеспечить офисный уют в «семье», т. е. для «отца» и его «детей». «Руководитель-отец» чаще всего сам вполне принимает отведенную ему роль. Характерной формой «семейной жизни» являются паломнические поездки вместе с «отцом», «коллективные посиделки», выражающиеся в совместных трапезах, просмотрах фильмов, выслушиваниях рассказов из жизни «членов семьи». Здесь регулярно устраиваются чаепития. В отличие от внутрикорпоративных посиделок в светских учреждениях такие «общесемейные» чаепития проводятся с исключительной регулярностью, иногда даже ежедневно. Начальник подразделения примерно из десяти человек приглашает своих сотрудников «пить чай», нередко отрывая их от рабочего процесса, каким бы интенсивным он ни был.

Заметим, что большое значение в организации церковного учреждения имеет обаяние руководителя, его

харизма. Стимулом к исполнению служебных обязанностей часто выступают не профессиональные интересы, служебные инструкции и материальная заинтересованность, а «духовное», религиозно-эстетическое обаяние руководителя, облеченного священным саном. Многое зависит и от статуса и иерархического облика — от характера речи, проповеди за богослужением, качества его церковного облачения... Здесь можно даже говорить об определенном психологическом корпоративном и коллективном воздействии.

По сути именно в церковных организациях при задействованности в «православном труде» реализуется та общинность, которой не хватает в приходской жизни РПЦ, об отсутствии которой говорят уже давно, прежде всего в самом церковном сообществе. Нередко именно общинность, чувство личной причастности к церкви оказывается фактором, привлекающим сотрудника на церковной работе или удерживающим его там, — ведь, уйдя с нее, он окажется «вне общины». Сотрудники церковных организаций часто приходят на «церковную работу» не столько ради конкретного дела, сколько вследствие того, что не сложились их отношения со «светским миром».

Однако к самому «светскому миру», как автору не раз приходилось убедиться за время работы в церковных организациях, особенно в учреждениях Московской патриархии в 2005—2009 гг., формируется не только недоверие, но и своеобразное *иждивенческое отношение* — как к *потенциальному донору*. В силу неизбежного соприкосновения с этим «миром», не принимающим церковные нормы жизни, формируется двойственное отношение к нему. С одной стороны, на него смотрят как на виновника неудач и коллизий, в том числе и церковной жизни, а с другой — как на должника, обязанного поддерживать материально церковные организации, коль скоро их труд направлен на благополучие «этого мира». Создается настрой «на пожертвование со стороны этого мира», на уступку с его стороны. Типична ситуация, когда люди, связавшие свою профессиональную деятельность с церковью, занимают такую позицию: «Мы служим церкви и отечеству, поэтому общество должно заботиться о нашем пропитании, помо-

гать нам». Вырабатывается *психология просителя* и представления о светском мире как о *должнике*.

Психологический настрой на «опеку» и «патронат» формирует своеобразную «льготную стратегию». Сотрудники начинают ориентироваться не на заработок своими силами, а на помощь со стороны «более сильного». Формируется привычка вытребования разного рода льгот — будь то посещение музеев, выставок, аренда места в гостинице, проезд на общественном транспорте и т. д. При организации церковно-общественных мероприятий их организаторы, как правило, просят выделить помещения либо обеспечить льготную аренду залов, оплатить питание. Все это ожидается от общества в качестве благотворительного пожертвования. Не стоило бы видеть в этом что-то предосудительное, если бы сама церковная социосреда являла собой пример привлекательного построения межличностных отношений в организации социальной деятельности. К сожалению, как мы показали, пока такого примера церковный социум не являет. В итоге получается, что он предлагает обществу разговор о том, «как нужно жить», сам не обладая при этом социальной самодостаточностью и культурой солидарности.

Заключение

В целом можно констатировать, что специфика деловых отношений в церковных организациях в настоящее время проигрывает в сравнении с тем, что есть в светском обществе. Несмотря на широковещательные жесты, декламацию и обильную критику нынешнего светского капиталистического типа хозяйствования, церковь в лице большей части созданных ею организаций пока не показывает примера привлекательной корпоративной этики. Так и не прописаны основы организации труда в православных учреждениях или в учреждениях, осуществляющих социальное служение.

Конечно, церковное руководство сегодня уделяет серьезное внимание администрированию, стараясь наладить систему профессиональной подготовки кадров

в сферах своей деятельности — миссионерства, социальной работы, духовно-нравственной работы в школах и вузах и т. п. Однако в заключение еще раз подчеркнем проблему *недостатка солидарности* в церковном социуме. В контексте этой проблемы администрирование может вести к бюрократизации и даже к подавлению тех инициатив, которые предпринимаются, хотя и хаотически. Представляется, что церкви необходимо выработать своего рода этико-трудовой кодекс для организационной внекультовой деятельности — принять в расчет, что правила взаимоотношений и субординации между священниками, вдохновленные монашеской аскетической этикой, не могут автоматически экстраполироваться на мирян. Необходимо обратить внимание не только на административные, но и на этико-поведенческие и психологические причины сбоев социальной работы.

До тех пор, пока не будет преодолен дефицит солидарности в церковной культуре взаимоотношений или хотя бы поставлен вопрос о его преодолении, вряд ли церковный социум, или, как сейчас говорят, церковная социосреда обретет самодостаточность, необходимую для решения социальных проблем российского общества.

Есть еще один важный момент. Социальные неудачи, неумение распределить имеющиеся финансы заставляют церковь искать поддержки у государства, а также находиться в зависимости от бизнеса. В результате отсутствия самодостаточности своей социальной среды церковь так или иначе вынуждена в поисках «светской» поддержки подстраиваться под те или иные «мирские» формы, перенимать болезненные явления у общества вместо того, чтобы оздоравливающим образом воздействовать на него.

Отдельные представители церкви признают это уже не первый год. Сегодня церковь более комплексно пытается анализировать разные проблемы, в том числе и внутреннего характера, осмыслять те недостатки, которые проявились во время патриаршества Алексия II. От того, насколько честно ей удастся на них посмотреть и признать, зависят ее будущее как социального института и миссия ее социального служения.

Примечания

- 1 Новое в законодательстве: поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1416147.html>, 12 июня 2010 г.
- 2 <http://www.diaconia.ru/articles/documents>.
- 3 Список обществ православных врачей России // <http://www.diaconia.ru/articles/doctors/cpisok-obshhestv-pravoslavnykh-vrachejj-rossii>.
- 4 *Серафим (Кравченко), иеромонах*. Церковь и медицина: вклад Отдела по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата в развитие диалога и двусторонних отношений: Доклад на XV Международных Рождественских образовательных чтениях (публикация на сайте «Prokimen.Ru» от 28 февраля 2007 г. — ныне не доступна). — Архив автора.
- 5 База данных по социальному служению Русской Православной Церкви // <http://www.miloserdie.ru/social>.
- 6 Все о православной службе «Милосердие» // <http://www.miloserdie.ru/friends/about>.
- 7 Фактически налицо попытка систематического закрепления храмов за социальными городскими службами, попытка выстроить социальную работу в соответствии со структурой социальных учреждений — иными словами, выстраивания церковной системы социальной опеки как части общей муниципальной социальной структуры или попытка сделаться составной частью этой структуры.
- 8 <http://www.miloserdie.ru/database.php?fid=3&geo=moscow>.
- 9 *Абрикосов С.* Великий отечественный пожар // Православие и мир. — 2010. — 2 сент. (<http://www.pravmir.ru/velikij-otechestvennyj-pozhar>).
- 10 Патриаршее обращение в связи со стихийными бедствиями — засухой и массовыми лесными пожарами в России // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1236518.html>, 1 авг. 2010 г.
- 11 *Данилова А.* Один за всех // Православие и мир. — 2010. — 6 авг. 2010 г. (<http://www.pravmir.ru/odin-za-vsex>).
- 12 *Пантелеимон (Шатов), епископ*. Невидимый пожар продолжается // Videоблог епископа Пантелеимона (Шатова). 07.09.2010 — <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=2&s=91&id=13076>.
- 13 *Серафим (Кравченко), иеромонах*. Указ. соч.
- 14 *Белановский Ю.* Возрождение семьи — общецерковная задача: Размышления о наших ресурсах // <http://www.cdrm.ru/project/rch-2007/03.htm>. Заметим, что семьи священников в силу их уникальности не могут быть показательным примером для подражания.
- 15 Священный Синод одобрил деятельность Братства православных следопытов // <http://www.patriarchia.ru/db/text/80389.html>, 6 марта 2010 г.

- 16 *Чапкин С.* Борис Якеменко: Стране нужны православные активисты (интервью Б. Якеменко приложению газеты «Церковный вестник», подготовленному совместно с журналом «Татьянин День») // <http://www.taday.ru/text/261254.html>.
- 17 Воскресные школы в епархиях Русской православной церкви: Сведения из годовых отчетов епархиальных отделов религиозного образования и катехизации за 2008 г. // http://www.otdelro.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=39&Itemid=94.
- 18 Эту статистику в официальном издании Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ автору настоящей статьи рекомендовали не публиковать, ссылаясь на то, что реальные цифры, показывающие малый процент поступающих в духовные семинарии, повредят гимназиям в плане отношений с церковной администрацией, подорвет их авторитет в глазах священноначалия.
- 19 Бывший председатель Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ архимандрит Иоанн (Экономцев) приводил на последних «Рождественских чтениях» завышенную цифру — 200 гимназий, что не подтверждает база данных самого отдела, согласно которой число гимназий не превышает 150, причем некоторые из них представляют собой обычные государственные средние школы, которыми руководят православные директора. Они не создавались церковными силами, их нельзя считать плодом социальной деятельности РПЦ.
- 20 О трудностях в организации православных гимназий сегодня говорит руководитель Отдела религиозного образования и катехизации епископ Меркурий, отмечая случаи, когда «создание православной школы или гимназии оборачивается крахом и скандалом даже на епархиальном уровне». Некоторые гимназии, по его словам, представляют собой «просто руины здания, но на нем висит табличка с золотыми буквами: “Православная гимназия”». См.: *Епископ Запайский Меркурий*. Идите и говорите людям от сердца // <http://www.patriarchia.ru/db/text/754542.html>.
- 21 *Иоанн (Экономцев), архимандрит*. Проблемы и пути развития религиозного образования в России: Доклад на XVII Международных Рождественских чтениях // Портал-Credo.Ru. — 2009. — 17 февр.
- 22 Заметим, что в данном случае речь идет не о 80% номинальных православных, а о людях, вовлеченных в церковную жизнь, не ограничивающихся лишь участием в церковных обрядах, а в той или иной степени живущих интересами церкви.
- 23 См.: *Белановский Ю. С.* Возрождение семьи — общецерковная задача. Размышления о наших ресурсах // <http://www.cdrm.ru/project/rch-2007/03.htm>.
- 24 В 2007 г. руководитель Православного центра духовного развития детей и молодежи Юрий Белановский отмечал, что в подавляющем большинстве случаев зарплата подвизающихся на церковной ниве

- людей для Москвы не превышает 200 долл. при прожиточном минимуме 300 долл. на человека и 600—700 долл. на семью. См.: *Белановский Ю. С.* Указ. соч.
- 25 *Прокудин Е.* Запись из интернет-дневника // <http://www.liveinternet.ru/users/1078978> (В настоящий момент эта запись удалена из дневника, однако автору удалось ее сохранить. — Б. К.).
- 26 Свод этических правил хозяйствования // <http://www.mospat.ru/archive/6353.html>, 3 февраля 2004 г.
- 27 Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на втором заседании Координационного комитета по поддержке социальных, образовательных, информационных, культурных и иных инициатив под эгидой Русской Православной Церкви // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1419275.html>, 1 марта 2011 г.
- 28 В «Братьях Карамазовых» старец Зосима приводит признание одного доктора: «В мечтах я нередко, говорит, доходил до страстных помыслов о служении человечеству и, может быть, действительно пошел бы на крест за людей, если б это вдруг как-нибудь потребовалось, а между тем я двух дней не в состоянии прожить ни с кем в одной комнате, о чем знаю из опыта. Чуть он близко от меня, и вот уж его личность давит мое самолюбие и стесняет мою свободу. <...> Я, говорит, становлюсь врагом людей, чуть-чуть лишь те ко мне прикоснутся. Зато всегда так происходило, что чем более я ненавидел людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще».
- 29 В больших организациях последнее слово может принадлежать епископу. Например, руководителем Церковно-научного центра «Православная энциклопедия» долгое время официально был не Сергей Кравец, который реально руководил этой работой, а архиепископ Истринский Арсений (Елифанов).
- 30 Из личного дневника автора.
- 31 Из личного дневника автора.
- 32 Он отмечает, что «...изначально идея послушания просто описывает соотношение своей воли с волей Бога (или, что во многом то же самое, — соотношение дел и веры), с тем чтобы прийти к спасению. Однако с какого-то момента точно так же, как это, по мнению Вебера, совершилось в протестантизме, данная категория соотношения воли получила свой референт внутри мира. Так или иначе, в монастырских уставах и в монастырской практике послушание и труд стали если не синонимами, то по крайней мере сопряженными понятиями». См.: *Забавев И.* Основные категории хозяйственной этики современного русского православия: анализ социально-экономических доктрин РПЦ и хозяйственной практики монастырских общин. — М., 2006.
- 33 *Белановский Ю. С.* Указ. соч.
- 34 Такие ситуации происходят и в приходских управлениях РПЦ.
- 35 Если член приходского собрания не исполняет хотя бы одну из обязанностей, предусмотренных специальным пунктом устава,

«Епархиальный архиерей единоличным решением вправе исключить всех (часть) членов из состава Приходского собрания и включить в его состав новых членов по собственному усмотрению». Понятно, что слово «собственное усмотрение» дает возможность архиерею достаточно произвольно трактовать «неисполнение обязанностей» и принимать решения... Во время беседы со священниками Кировской и Тульской епархий в 2010 г. автору статьи приходилось неоднократно слышать жалобы духовенства на усиление незащищенности от произвола церковной власти. Содержание устава см. подробнее: Типовой Устав Местной религиозной организации православного прихода РПЦ МП // http://krotov.info/acts/21/2000/2009_11_ustav.htm.

- 36 Интересно, что подобный этикет распространен именно в Русской православной церкви Московского патриархата, а отнюдь не повсеместно в православии. Заметим, что для архиереев Зарубежной церкви это не столь значимо. Деловая переписка в РПЦЗ не требует использования приведенных вычурных форм. Например, архиепископ Берлинский и Германский Марк (Арндт) в общении к мирянину подписывается «Ваш, архиепископ Марк».
- 37 *Кураев А., протодиакон.* Крепостное право от владыки Евлогия // <http://diak-kuraev.livejournal.com/38624.html>.
- 38 *Свт. Игнатий Брянчанинов.* Приношение современному монашеству // *Свт. Игнатий Брянчанинов.* Собр. соч. — Т. 4. — М., 1995. — С. 45.
- 39 *Лазарь (Абашидзе), архимандрит.* О тайных недугах души // <http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=7>.
- 40 См.: *Нейфах Г. А., протоиерей.* Почему не проходит печаль? // Православие и мир. — 2009. — 15 июля. (<http://www.pravmir.ru/pochemu-ne-prohodit-pechal>). Подобным образом рассуждает и протоиерей Аркадий Шатов: «Мы все стремимся к тому, чтобы все у нас было хорошо, и этого неосознанно или сознательно ждем. А христианин должен всегда ждать искушения и быть готовым его встретить». См.: *Шатов А., протоиерей.* Как добровольцам избежать профессионального выгорания // <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=1&s=78&id=10402>. 22.10.2009.
- 41 *Шатов А., протоиерей.* Указ. соч.
- 42 «Вот скажите мне, пожалуйста, как эти три вещи — здоровье, богатство и слава и парные их противоположности — болезни, потери и клевета связаны с тремя главными страстями? Здоровье — сластолюбие, слава — славолюбие, потери — сребролюбие. Видите, оказывается, Господь, попуская нам такие искушения, хочет приречь в нас главные страсти. Т. е. если нам посылается болезнь, мы должны Бога благодарить, потому что Он учит нас избегать сластолюбия». См.: *Шатов А., протоиерей.* Указ. соч.
- 43 Там же.

- 44 См.: *Епископ Зарайский Меркурий*. Идите и говорите людям от сердца // Официальный сайт Русской православной церкви — <http://www.patriarchia.ru/db/text/754542.html>.
- 45 См.: *Епископ Зарайский Меркурий*. Указ. соч.
- 46 *Белановский Ю. С.* Указ. соч.
- 47 Сегодня «Анонимные наркоманы» — одно из самых известных и мощных движений помощи наркоманам во всем мире. В последнее время большой проблемой стала еще одна социальная зависимость — пристрастие к азартным играм. Так появились группы «Анонимных игроков», работающие по тем же 12 шагам. См.: Православная церковь и программа «12 шагов»: Опыт Данилова монастыря // <http://www.cdrm.ru/project/12-aa/12-aa.htm>.
- 48 Причина неприятия программы «12 шагов» лежит в области языка современной миссии, считает игумен Петр (Мещеринов) // <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=23765>.
- 49 *Боженев А.* О маргинальности «православного» информационного агентства «Русская линия» // <http://alex-bozhenov.livejournal.com/1549.html>.
- 50 Такое название есть в реестре Комиссии по церковной социальной деятельности при епархиальном совете Москвы. См.: <http://www.miloserdie.ru/database.php?fid=3&dtype=30>.
- 51 Характерна позиция, когда апологет традиционных методов реабилитации РПЦ утверждает, что основное лечение — это воцерковление и без воцерковления с зависимостью бороться невозможно.
- 52 Отчет о деятельности Отдела по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви в 2008 году. — Личный архив автора.
- 53 *Лункин Р.* Красноярский край: сибирский образ социального партнерства власти и религии // *Russian Rev.* — 2010. — № 5. (http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition45/03-rom-about-krasnoyarska.html).
- 54 См. подробнее: *Трояновский Д.* В кризис выживают только бейсболисты // *Новые новости Infox.* — 2009. — 16 окт. (<http://infox.ru/wallet/toraise/2009/10/15/corporation.phtml>).

Современное церковное сознание и светские идеологемы из коммунистического прошлого¹

Игумен Петр (Мещеринов)

Для сегодняшней церковной жизни очень важен миссионерский импульс, заданный Святейшим Патриархом Кириллом. Я имею в виду сугубо религиозный, а не какой бы то ни было иной контекст этой сферы церковной жизни. Разумеется, миссионерство, как и любые церковные формы, может подменяться и нерелигиозным, и секулярным, и преследующим вполне личные интересы содержанием, но я буду говорить о том, как быть должно и как, надо сказать, воспринимают призыв к миссии многие церковные делатели — как обращение к людям евангельского слова, просвещение наших соотечественников светом Христовым.

И здесь чрезвычайно важно понимать, к кому мы обращаем это слово, говоря ближе — каково духовно-нравственное состояние российского общества, к воцерковлению которого неустанно призывает Патриарх Кирилл. В церковной среде существует некий соблазн отождествления сегодняшнего населения постсоветского пространства с мифическим «народом-богоносцем» или по крайней мере с подданными Российской империи конца XIX — начала XX в. Предполагается, что для исконной и неизменной Святой Руси события прошлого столетия были чем-то внешним, наносным, и сейчас, сбросив с себя семидесятилетний морок безбожия, Святая Русь, она же «генетическое (или этническое) Православие», восстает во всей своей никуда не девшейся, но хранившейся где-то под спудом силе и с радостью внимает словам церковной

проповеди, выраженной на языке репринтных изданий и вообще всей церковной и околоцерковной идеологии начала XX в.

А между тем состояние русского народа² кардинальным образом изменилось сравнительно со временем империи. Я не буду вдаваться в досоветскую историю, скажу лишь, что по естественному ходу вещей, переболев многими болезнями роста, Россия должна была бы стать замечательной европейской страной с самобытной православной, но отнюдь не изоляционистской культурой. К величайшему сожалению, в 1917 г. естественный ход вещей оказался сломлен. Одним из серьезнейших следствий этого трагического слома явилось то, что лучшие качества русского народа оказались безжалостно растоптанными, выкорчеванными и уничтоженными, худшие же качества были культивированы и развились до крайней степени.

Был развязан террор большевистской власти против собственного народа. Вот что говорит председатель международного общества «Мемориал» Арсений Рогинский: «...Главной задачей [террора] была социальная инженерия и создание нового советского человека, вот того советского человека, который бы устраивал эту страну, того человека, который бы беззаветно любил свою власть, был бы ей предан и готов был бы на любые тяготы во имя ее, доверял бы ей абсолютно полностью. Вот с этой точки зрения террор был успешен»³.

То, что большевики и Сталин согнули страну в бараний рог — это одна сторона. Другая — та, что страна дала себя согнуть в этот самый рог, отторгнув несогласных и не желающих сгибаться. Вот свидетельство доктора исторических наук Георгия Мирского, главного научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН: «...На чем держалась советская власть? Она держалась на энтузиазме одних, особенно молодежи, жутком страхе других и полном равнодушии и безразличии третьих. <...> Что касается вредителей, то вы даже не представляете себе, до какой степени это слово было распространено. Вот, что-то не так, нет воды, нет электричества, поезд опаздывает — все были абсолютно убеждены, искренне причем... что это всё вредители. <...> Все были уверены, что вредите-

ли вокруг, шпионы все вокруг... Бдительность, понимаете? Вокруг везде враги. <...> Даже люди, которые не любили советскую власть, они все равно вот этот лозунг бдительности [поддерживали]. Это совершенно точно»⁴.

Определение «враг народа» не было пустыми словами. Советский период российской истории катастрофически разделил людей таким образом, что одна часть народа действительно стала для другой реальным врагом. Нельзя считать, что только репресслируемые и сидящие в лагерях были народом; сажал, стучал, предавал, уничтожал своих же тоже народ. Репресслируемые вот именно что и были врагами, другими по отношению к тому народу, который их репрессировал или соглашался на это — голосовали за расстрелы все единогласно, даже если внутренне были не согласны с этим. По выражению выдающегося современного церковного историка и мыслителя, профессора Санкт-Петербургской духовной академии и семинарии протоиерея Георгия Митрофанова, большевики во всем обманули Россию, кроме одного: они действительно вывели новую общность людей — советский народ, с вывернутой наизнанку нравственностью, с полностью выкорчеванными традициями 900-летней национальной жизни. Место этих уничтоженных традиций заняли тотальный разрыв между мыслями, словами и делами, безответственность, идеологичность, стадность, неуважение к личности, антисолидарность и пр. Арсений Рогинский: «Следствие террора, следы чего мы видим и в сегодняшней жизни, это, конечно, страх. Страх перед всеилием государства, которое в любую минуту может сделать с тобой все, что хочет. И... одновременно с этим почти что признание права за этим государством сделать с собой в любую минуту то, что оно хочет. ...Это одна сторона. ...Другая сторона — ...с годами и с десятилетиями выработалась внутренняя убежденность на свое право это государство обмануть и как-то его обойти. <...> А страшнейший результат террора — это, конечно же, разобщенность людей, тотальное недоверие людей друг к другу... Абсолютно тотальное недоверие... которое не дает возможность создать какую бы то ни было человеческую солидарность. <...> И это, пожалуй что, самые главные вещи. Но кроме этого — массовый конформизм, цинизм

и двоемыслие, которые стали абсолютной основой... нашего сознания. Мы знаем, как мы думаем на самом деле, мы знаем, как вести себя публично, мы знаем, как поступать по отношению к начальству. И... безусловный страх перед высказыванием своего, отличного от других мнения... Страх высунуться и фатализм: что я один со своим мнением и со своим действием все равно ничего не сделаю... Это все следствие террора, и это все мы наблюдаем... в сегодняшней жизни»⁵.

Георгий Мирский: «Я помню, когда уже спустя много десятков лет я преподавал в Америке, мне иногда студенты говорили, что это самая страшная, самая кровожадная, кровавая система. Я говорю: “Нет, в мире были более кровавые. Не было более лживой”... Более лживой власти, чем советская власть, не было в истории человечества. <...> Деморализация общества... Общество было изуродовано. Общество деградировало. Лучшие... жизненные силы общества, золотой фонд были ликвидированы, истреблены... Гражданская война, сталинский террор и Отечественная война — то есть трижды был уничтожен генетический золотой фонд нации»⁶.

Крушение тоталитарного советского строя не привело к обновлению и улучшению нравственного качества народа. Постсоветское время характеризуется не возрождением нравственности, духовности и дореволюционных традиций, но потребительским восполнением вынужденного советского аскетизма, сопровождаемым безудержным развитием всех советских не преодоленных комплексов. Все это привело, по словам директора «Левада-Центра» Льва Гудкова, к становлению в сегодняшнем обществе «лукавого сознания»: «Лукавое сознание чрезвычайно важно в наших условиях. С одной стороны, оно ведет к девальвации всех ценностей, что смягчает остроту напряжения, вызванную разными требованиями к человеку (запросами разных групп, институтов, усвоенной культуры). С другой стороны — к появлению устойчивой атмосферы аморализма и цинизма и политической пассивности, замыканию людей в ближних — семейных, соседских, дружеских — общностях, т. е. тех, внутри которых люди друг другу доверяют»⁷. Социолог Игорь Задорин, директор исследо-

вательской группы ЦИРКОН, анализируя социальную и политическую разобщенность российского общества, приходит к тем же выводам: «...Обычно принято говорить о том, что главные проблемы развития гражданского общества — это в основном прессинг власти или недостатки правового поля, мешающие развитию гражданских организаций. В результате наших исследований мы выяснили, что главная проблема даже не в этом, а в низких стимулах самих граждан к гражданскому участию. Даже в тех случаях, когда внешние обстоятельства вполне позволяют проявлять ту или иную активность, эта активность не проявляется. И в этом смысле самая главная проблема — это низкое гражданское участие, низкая гражданская активность и, соответственно, отсутствие должных стимулов и мотиваций. Прежде всего это объясняется, безусловно, генезисом нашего гражданского общества и в некотором смысле историей. Нет культуры гражданской активности, нет культуры коллективного действия... У нас фактически отсутствует так называемая культура солидаризации. Люди довольно трудно объединяются, соединяются и так далее. И здесь, кстати, это все совмещается с другой проблемой, даже, я бы сказал, она первая — это то, что наше российское общество — это общество тотального недоверия. Все не верят всем, не доверяют никому, население власти, власть населению»⁸.

В одном ряду с вышесказанным стоит и явление, требующее отдельного исследования: катастрофическое снижение интеллектуального и нравственного уровня так называемой элиты. Георгий Мирский: за советский период «...резко ухудшилось качество русского народа. Наверх-то лезла, выдвигалась шпана всякая... Она, шпана, и стала господствовать наверху»⁹. Такое состояние правящего класса вызывает особенную тревогу в стратегическом плане: пути развития страны в сложнейшей, совершенно новой обстановке XXI в. такой «элитой» адекватно осмыслены быть просто не могут.

Вот некоторые статистические данные, указывающие на неблагополучное нравственное состояние общества. Очень важный здесь показатель — благотворительность. Международная организация «Charities Aid Foundation»

(Фонд поддержки благотворительности) вместе с Институтом Гэллапа исследовала, как в разных странах обстоят дела с благотворительностью, волонтерством и помощью незнакомым людям. В результате был составлен рейтинг, в котором Россия заняла 138-е место из 153, уступив даже беднейшим странам Африки... Самые благополучные в этом смысле страны — Австралия, Новая Зеландия, Канада, Ирландия, Швейцария и США. Две трети населения там постоянно тратят деньги на благотворительность, а треть работает волонтерами. В России только 6% граждан делятся своими деньгами, а пожертвовать собственным временем готова лишь пятая часть опрошенных. У российских социологов похожие наблюдения. Говорит Борис Дубин, заведующий отделом социально-политических исследований «Левада-Центра»: «Только незначительная часть россиян говорит о том, что они помогают другим людям деньгами, вещами или еще каким-то образом. Если ситуация обостряется и становится экстраординарной (случаи вроде нынешнего лета с жарой и лесными пожарами), определенная часть населения согласна жертвовать на это небольшие, возможные для них суммы, поделиться одеждой, помочь лекарствами. С другой стороны, россияне противоречиво относятся к благотворительности со стороны людей богатых, поскольку... без особого одобрения относятся к богатым и очень богатым людям. За этим скрываются очень серьезные социальные, экономические проблемы, очень серьезные социокультурные и социально-психологические комплексы, включая зависть, недоброжелательство». Независимый политик Владимир Рыжков: «Я считаю, что у крайне низкого, позорно низкого уровня благотворительности... самая важная причина — социальная. 70 лет советской власти государство террором, насилием, давлением, преследованием пресекало любые попытки общества самоорганизоваться. И у людей начисто отсутствует опыт взаимопомощи, взаимного доверия и т. д. В России, как свидетельствуют все соцопросы, один из самых низких уровней доверия людей друг к другу»¹⁰. Слова Владимира Рыжкова подтверждаются исследованием Владимира Магуна и Максима Руднева «Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими

европейскими странами», согласно которому в индексе ценности власти и богатства Россия стоит на втором месте (после Румынии) среди двадцати европейских стран, а по ценностному индексу «благожелательность» Россия четвертая от конца, вместе с русскоязычным населением Эстонии, Словакией и той же Румынией (на первом месте Дания)¹¹.

Не менее важный показатель нравственного состояния общества — коррупция и положение дел в правоохранительной и судебной системе. Первый заместитель генерального прокурора Александр Буксман в интервью «Газете» свидетельствует: «Самое страшное, что коррупция стала частью нашей жизни. Человек не знает, как поступать по-другому»¹². Вот один из бесчисленных примеров коррупции: «Главный военный прокурор РФ Сергей Фридинский обеспокоен ростом коррупции в российской армии. Так, по его словам, в прошлом [2009-м] году реальные сроки лишения свободы за различные должностные преступления получили шесть генералов. Как сообщил Фридинский, ущерб от коррупции в российской армии в прошлом году вырос более чем вдвое, превысив 3 млрд рублей. Кроме того, искоренить дедовщину в армии пока не удастся, добавил прокурор»¹³. «Средний размер взятки в России вырос за последние 4 года примерно в два раза — с 5048 рублей в 2006 году до 8887 рублей в 2010 году, свидетельствует опрос, проведенный “Левада-Центром”. При этом количество взяточников в России увеличилось — с 27% до 31% от числа опрошенных. Самыми “взяткоемкими” мероприятиями оказались регистрация фирмы и получение разрешения на предпринимательскую деятельность. Из тех, кто пытался оформить соответствующие документы, взятки платили 92%», — свидетельствует «Newsru.com»¹⁴. Тот же источник: «Большинство россиян видят в сегодняшних милиционерах не защитников правопорядка, а угрозу для своей безопасности. Таковы результаты опроса, проведенного исследовательским центром портала “Superjob.ru” по заказу “РБК daily”. Целью социологов было выяснить, является ли для россиян “милицейский беспредел” реальной угрозой или мифом. 82% респондентов, не раздумывая, назвали рост “преступности в погонах” реальной проблемой, требую-

щей немедленного вмешательства. Лишь 6% опрошенных считают милицейский произвол надуманной проблемой, раздутой журналистами. 8% россиян затруднились с ответом. Еще 4% предложили свои варианты»¹⁵. На слуху у всех вопиющие происшествия в армии — случай Андрея Сычёва; в следственных органах — смерть Сергея Магнитского; ряд дел, связанных с именем Михаила Ходорковского, особенно дела Василия Алексаняна, Светланы Бахминой, и т. д. и т. п.

Следствием того, что государственные мужи в основном заняты обогащением и коррупцией, а не своим прямым делом, является крайне тяжелое положение с пьянством, наркоманией и прочими социальными язвами. Президент Медведев собрал 12 августа 2009 г. в Сочи специальное совещание о мерах по снижению потребления алкоголя в России, на котором отметил: «...По данным Минздравсоцразвития, в России на каждого человека, включая младенцев, сегодня приходится около 18 литров чистого алкоголя, потребляемого в год... Это более чем в два раза превышает уровень, который Всемирная организация здравоохранения определила как уровень, опасный для жизни и здоровья человека»¹⁶. Вот статистика наркомании: «В России наступил наркотический апокалипсис. Как сообщает Интерфакс, с таким заявлением на выездном совещании Государственного антинаркотического комитета в Ханты-Мансийске выступил директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Виктор Иванов. Со ссылкой на статистику ФСКН он сообщил, что ежегодно в России умирает более 100 тысяч наркоманов в возрасте до 30 лет. Ранее в ведомстве сообщали о том, что за год от наркомании умирает 30 тысяч человек... По официальным данным, в России в настоящее время насчитывается до 2,5 миллиона наркоманов. Большинство из них страдают героиновой зависимостью. Еще до 3 миллионов человек употребляют другие наркотики: 2,5 миллиона курят гашиш и марихуану, 500 тысяч предпочитают синтетические наркотики из Европы»¹⁷. Преступность: «Федеральная служба государственной статистики опубликовала данные о состоянии преступности Российской Федерации за период с января по август 2009 году. Все-

го за отчетный период было зарегистрировано 2 064 600 преступлений. Из них особо тяжких 88 900, тяжких 476 600»¹⁸. «Россия занимает первое место в Европе по числу убийств, говорится в докладе “О предупреждении насилия и преступности, связанной с холодным оружием, среди подростков и молодежи”, подготовленном Европейским региональным бюро Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Уровень смертности от насильственных причин в возрастной группе 10—29 лет в России составляет 15,85 на 100 тысяч человек — самый высокий среди 53 стран, данные о которых собраны в докладе. На втором месте Албания — 11,2 на 100 тысяч человек. На третьем — Казахстан — 10,66 на 100 тысяч жителей. Наименьший уровень смертности среди подростков и молодежи от насильственных причин в Германии — 0,47 на 100 тысяч жителей, Армении — 0,5 и Австрии — 0,54»¹⁹. Разводы: «Наибольшее количество разводов происходит в возрастном диапазоне 18—35 лет. Более половины опрошенных (51%) главной причиной разводов называют алкоголизм и наркоманию. В 2008 году на 1 179 007 браков приходилось 703 412 разводов»²⁰, т. е. коэффициент разводов — 1,6.

А вот умонастроения молодежи: «Более половины молодых россиян готовы переступить через моральные нормы ради успеха. Подрастающее поколение не видит ничего плохого в обогащении за счет других, в хамстве, пьянстве, получении взятки, в супружеской измене и публичных проявлениях расизма. Большинство молодых россиян также спокойно относится к проституции и абортam. По словам зампреда комиссии Общественной палаты по социальной и демографической политике Евгения Юрьева, “от трети до половины молодых людей в России не считают аномалиями проституцию, супружескую измену и абортy”. На прошедших в Госдуме парламентских слушаниях, посвященных духовно-нравственному воспитанию, он заявил, что такое отношение к моральным устоям наблюдается у 50% молодежи. Многие не считают неприемлемым обогащение за счет других, хамство, пьянство, дачу и получение взятки, аборт, публичное проявление неприязни к людям других национальностей”. 55% российской моло-

дежи “готовы переступить через моральные нормы для достижения успеха”, — заявил Юрьев, сославшись на данные опроса Института социологии РАН. Кроме того, по словам общественника, по количеству аборт, числу брошенных детей и уровню смертности от алкоголя Россия занимает первое место в мире»²¹.

Я думаю, не стоит дальше приводить иллюстрации и доказательства того, что наше постсоветское общество, развивая тенденции советского периода, нисколько их не преодолев, является по сути своей антинравственным, антисолидарным и античеловеколюбивым. Главный вывод, который следует из сказанного, — деградация нравственности и духовности в России в XX в. была вовсе не наносной, не поверхностной, не такой, которую можно преодолеть внешним образом. Если и предполагать — о чем я говорил в начале — некое наличие «Святой Руси» в дореволюционное время, то абсолютно очевидно, что эта «Святая Русь» в советский период была разрушена настолько, что ее совершенно не осталось ни в явном, ни в каком-то сокрытом виде.

Именно это, на мой взгляд, делает проблему сегодняшних отношений Церкви и общества, а также содержания миссионерского слова Церкви, очень острой. И первое, что тут нужно отметить — это осмысление Церковью советского прошлого.

С одной стороны, оно несомненно происходит, и происходит в церковном ключе. Оценку советского периода как отрицательного, разорительного и губительного не только для Церкви, но и для России, высказывает наше Священноначалие. «Вся история Церкви — это история свидетельства о Божией правде... Трагедия XX века, унесшая сотни жизней таких свидетелей, являет собой образ дьявольской ненависти, восстающий на Бога и правду Его»²², — говорит о советском времени Патриарх Кирилл. А вот его утверждение о войне 1941 — 1945 гг.: «...Сие было наказание за грех, за страшный грех богоотступничества всего народа, за попрание святынь, за кощунство и издевательство над Церковью, над святынями, над верой. Разве могло быть пройдено с легкостью, без суда такое страшное явление в жизни народной, как уничтожение верующей

части общества, уничтожение Церкви, обречение людей на страдания, мученичество и исповедничество?»²³ Широкую известность приобрело интервью 2009 г. журналу «Эксперт» архиепископа (ныне митрополита) Волоколамского Илариона, в котором владыка, в частности, сказал: «Нет никакой существенной разницы между Бутовским полигоном и Бухенвальдом, между ГУЛАГом и гитлеровской системой лагерей смерти»²⁴.

С другой же стороны, значительное количество церковных людей странным образом отстаивает ценность советского периода, причем восхищение вызывают вещи, для Церкви совершенно внешние, оказывающиеся гораздо более важными и значимыми, чем христианская нравственность и судьба Церкви. Приведу несколько примеров. В статье иерея Александра Шумского «Высокомерие убивает понимание», опубликованной на нескольких интернет-сайтах, в том числе и на имеющем значительное сочувствие в церковной среде ресурсе «Русская народная линия», говорится: «Трудно спорить с тем, что в советский период были совершены страшные злодеяния и преступления. Но вместе с тем были и очевидные позитивные проявления и взлеты. Для меня 9 мая, полет Гагарина и многое другое из советской жизни — это не пустой звук. Я не собираюсь предавать забвению преступления советского времени, но я не могу, не погрешая против объективности, закрывать глаза и на все то хорошее, что дала нам советская эпоха. Победа в Великой Отечественной войне, создание мощного государства и передовой экономики, социальная политика, высочайший уровень образования и многое другое обеспечили нам независимость и позволили продолжить свое историческое бытие. Советский период позволил нам уцелеть и выстоять». «Антисоветчикам» в Церкви «...становится дурно от гагаринской улыбки, их приводит в крайне нервное состояние упоминание о Дне Великой Победы — 9 мая, их коробят слова песни “горят мартеновские печи, и день и ночь горят они” и многое другое, что дорого большинству моих соотечественников. Кто-то возможно спросит: “А какое все это имеет отношение к Церкви?”. Как ни странно — прямое!»²⁵. Симптоматичной представляется позиция многих

комментаторов православной радиостанции «Радонеж», оказывающей в силу своей единственности значительное влияние на умы православных, — позиция безудержной апологии советского времени, причем ради этой апологии отвергаются очевиднейшие факты. Так, в эфире 27 августа 2010 г. писатель Владимир Крупин заявил, что никаких репрессий в советское время не было, никто веру не гнал, люди были верующие²⁶, и тому подобные вещи.

Критическая позиция Священноначалия по отношению к советскому периоду подвергается нападкам и со стороны не принадлежащих к Церкви людей — и здесь эти нападки, надо сказать, массовые. Вот некто Юрий Крупнов, председатель некоего «Движения развития», пишет открытое письмо Патриарху, в котором укоряет его: «То, что советский период российской истории был “безбожным” — никак не является истиной, а лишь частным Вашим и части населения мнением». «Антисоветизм, исходящий от самой Русской Православной Церкви, является неизмеримо более оглушительным и шокирующим, чем антисоветизм всякого сброда, перевертышей, подлецов и предателей»; «постоянные охаивания советского периода воспринимаются как ведомственная и корпоративная самоотделенность Московской Патриархии от жизни народа и страны»²⁷ — и так далее в том же духе. Характерно, что при обсуждении этого письма на радиостанции «Русская служба новостей» с журналистом Александром Архангельским 5 сентября 2010 г. 87% проголосовавших в эфире были на стороне Крупнова²⁸. Высказывания же владыки Илариона вызвали просто шквал эмоций. Вот один пример. «Кто дал Вам — православному иерарху — право плевать в отечественную историю, унижать и вытирать ноги о тех, кто считал и считает Сталина выдающимся государственным и историческим деятелем, немало сделавшим в том числе и для восстановления авторитета традиционных ценностей?!», — гневно вопрошает Председателя ОВЦС в своем открытом письме некто В. Б. Павленко, доктор политических наук, полковник запаса²⁹.

Столкнувшись с таким массовым неприятием своей позиции не только во внешней, но и в церковной среде, наше Священноначалие оказалось вынужденным с этим

считаться. И здесь, возвращаясь к основной теме статьи — вызовов для Церкви, — я вижу *первый* такой вызов: вопрос исторической оценки нашего недавнего прошлого повисает в воздухе. Но причина здесь не только в том, что церковное руководство, стремясь к миру и согласию в нашем крайне раздробленном, атомизированном и агрессивном обществе, естественным образом учитывает настроение своей паствы. Глубинная причина поразительной нравственной нечувствительности и слепоты многих православных, мне представляется, в ином. Это происходит из-за очень опасной, подмеченной протоиереем Георгием Митрофановым, мимикрии «советского» в «церковное»: советский коллективизм, нисколько не изменившись, удобно разместился в церковной жизни под вывеской «соборности»; общественная и гражданская пассивность стала «смирением», безответственность — «послушанием», идеологичность и стремление к тому, чтобы все были одинаковыми, — в «борьбу за православие», неуважение к человеку — в «жизнь по Святым Отцам» и т. д. Сама Церковь вовсе не представляет собою некий монолит. В ней происходят те же процессы, что и в российском социуме, и соотношение людей думающих — и готовых к тому, чтобы их идеологически обработали, нравственно чутких — и тех, для кого те или иные идеологемы важнее Евангелия, такое же, как и в обществе. Пример этого рода — недавняя (2010 г.) история с предпринимателем Василием Бойко. Его «православный поступок» — принуждение своих работников к венчанию, увольнение тех, кто с этим не согласен, а также тех, кто делал аборт, и т. д. — чисто советский в своей основе, уж никакой не христианский. Интересна церковная реакция на его начинание. Пресс-секретарь Патриарха о. Владимир Вигилянский: «Требовательность руководителя этого предприятия даже превышает требовательность фарисеев в Евангелии... Административными методами подходить к понятию греха — это антиправославно... Этот “перегиб” может стоить отращения людей от церкви и православия»³⁰. А, например, такой известный пастырь, как протоиерей Александр Салтыков, заявляет: «Все эти начинания я полностью поддерживаю и хочу пожелать Божией помощи в этих добрых делах»³¹.

Неизжитый советский менталитет, мимикрировавший в церковность, приводит к тому, что в самой церковной среде религиозная суть Церкви подменяется секуляризмом, а Церковь превращается в субкультуру. И это очень важный *второй вызов*, который ставит перед Церковью сегодняшний день.

Третий вызов — это некая «зачарованность народом». Служение не Богу и Церкви, не долгу, не чести, не призванию, а именно *народу* — идея вполне советская. Кстати, в упомянутом письме Юрия Крупнова она ярко подчеркнута: «Постоянные охаивания советского периода воспринимаются как ведомственная и корпоративная самоотделенность Московской Патриархии от жизни народа и страны»³². Мнение о том, что «Церковь должна служить своему народу», взятое на вооружение Русской Церковью в XX в., а особенно со времен войны 1941 — 1945 гг. с целью выживания и легитимации в условиях антирелигиозных гонений³³, оказалось весьма укорененным в сегодняшнем церковном сознании. Однако, не будучи подвергнуто церковному уточнению, это мнение делает затруднительной критику тех сторон народной жизни, которые противоречат Евангелию; тем самым «служение народу» рискует выхолостить религиозное, вселенское, наднациональное содержание Церкви и превратиться в потакание наличного состояния населения. Социальная концепция Русской Православной Церкви говорит: «Не согласны с Православием учения, которые ставят нацию на место Бога или низводят веру до одного из аспектов национального самосознания»³⁴. Позволю себе процитировать собственное интервью: «Вообще идея о том, что Церковь всегда со своим народом, — совершенно правильна, но все же она нуждается в определенной, и именно церковной, корректировке. Когда эта идея превращается просто в лозунг, она неверна. Всегда ли Церковь должна быть со своим народом? А если народ совершает преступление? Например, в фашистской Германии нацистский строй пользовался поддержкой большинства людей. Соответственно этому разделилась и Лютеранская Церковь: к Церкви Немецких христиан, не только поддерживающей, но и оправдывающей человеконенавистнический режим (в частности,

подводилась “богословская база” под антисемитизм, а из Христа сделали “истинного арийца”), принадлежали около 70% народа, а к Исповедующей Церкви, отстаивающей евангельские принципы богословия и жизни (и гонимой за это) — меньшинство населения³⁵... Когда народ увлечен гламурным потреблением, когда он не хочет извлекать нравственные уроки из своей истории, когда нормой общественной жизни становятся ложь, нечеловеколюбие, непорядочность — Церковь обязана обличать такие настроения и, следовательно, не быть со своим народом, а быть над ним. А точнее сказать, Церковь должна служить Христу в своем народе и иметь своей целью не служить народу (то есть потакать всему, что составляет на данный момент содержание народной жизни), но приводить народ ко Христу»³⁶. Иначе получается замкнутый круг: не решаясь обличать, по словам о. Александра Шумского, то, «что дорого большинству моих соотечественников»³⁷, Церковь, теряя свое пастырское достоинство, подпадает под власть народного менталитета и деградирует вместе с ним. С другой стороны, и народ не получает ниоткуда евангельской оценки своей жизни и продолжает свое существование в уверенности, что «все в порядке».

Все это влечет за собой и *четвертый* очень важный вызов для Церкви — нравственную «нестыковку» Церкви и общества. В нашем обществе, катастрофически безнравственном, пассивном, лживом и исповедующем на самом деле религию денег, а вовсе никакое не Православие, тем не менее очевидно наличествует острый запрос нравственной оценки современности. По своей природе Церковь — та сила, и, может быть, единственная сила, которая должна говорить здесь слово правды. Об этом постоянно говорит и Патриарх Кирилл: «...каким должно быть отношение Церкви к внешнему миру, в том числе к власти? Церковь призвана хранить Божию правду и ее провозглашать. Не дело Церкви делить светскую власть, участвовать в политической борьбе; не ее дело направлять гнев народных масс в ту или иную сторону. Дело Церкви — провозглашать Божию правду»³⁸. Что же это за провозглашение правды? Христианство — вещь очень резкая: для него существует только и исключительно один критерий оценки всего, один

угол зрения — это заповеди Евангелия. Стало быть, исконный взгляд Церкви на все — взгляд критический, и тем более критический, чем больше в данном явлении падшести и отступления от Христовых заповедей человеколюбия и правды. «Провозглашение Божией правды» не может быть словами ласкательства (1 Фес. 2, 5); Церковь не может оправдать отступление от нравственности Христовой ничем: ни народной пользой, ни интересами «Державы», ни служением народу. Разумеется, именно поэтому от Церкви и ожидается, что она скажет внятное слово не только по поводу истории, но и о современности. Нельзя Церкви жить так, как будто она живет на Луне. Нельзя не замечать полного бесправия и незащищенности людей, произвола, беззакония, лжи, воровства, презрения к людям и молчать, не обличать ответственных за эти вопиющие с точки зрения Евангелия вещи — и вовсе не из-за каких-то политических, диссидентских и тому подобных соображений, а в силу христианского жаления людей, печалования за них.

Но этого не происходит. Российские православные христиане, разделив со всем обществом тяжкое растление советским, а затем и постсоветским временем, зачарованные идеей «служения народу», не решившись настоять на евангельской исторической оценке XX в., тем самым не аккумулировали в своей Церкви сил, чтобы дать нравственную и духовную оценку современности и явить делом противостояние духу лжи, корысти и нечелолюбия, который составляет сегодня основу российской жизни. Эта неспособность Церкви очень заметна людям. Вот что говорит журналист Юлия Латынина: «Во все времена, когда государство пускалось во все тяжкие, когда произвол становился невыносимым, в Европе очень часто именно церковь становилась теми людьми, которые говорили: “Вы посмотрите, что государство творит”. Хоть один случай подобного рода нашу православную церковь возмутил?»³⁹. Этот упрек, который предъявляет к Церкви очень немалое количество людей, нужно признать справедливым. Мало того. В условиях неопределенности Церкви по этим большим вопросам нравственную, а по большому счету евангельскую и подлинно церковную позицию выражают люди, позиционирующие себя как оче-

видно невоцерковленных и даже как агностиков. В качестве примера могу привести тексты публициста Леонида Радзиховского⁴⁰, да и многих других.

И здесь мне видится *пятый*, самый существенный, пожалуй, *вызов* для Церкви — я с него начал статью: Церковь плохо оценивает сегодняшние общественные настроения. А они таковы. Иисус Христос — безусловный авторитет для многих самых разных людей. Даже Виктор Шендерович говорит о Христе с уважением. Но в глазах многих людей Христос и Русская Церковь представляют собою разные явления, явно разделение христианства как такового и РПЦ. Вот характерное мнение: «Религия и церковь в нашей стране приобрели какое-то странное назначение. Вместо пастыря, доброго наставника, несущего свет Божий, внушающего идеалы христианской терпимости, получается какой-то злобный жандарм, какая-то толпа бюрократов в рясах, злых, нетерпимых ко всему. Какой-то идеологический отдел ЦК в новом прочтении. Стоит ли удивляться, что кто-то в конце концов и рисует картины вроде тех, что были на выставке “Запретное искусство-2006”. Может, эти какашки летели с холстов и не в религию вовсе, а в попов?»⁴¹.

А вот свидетельство статистики: «Россияне не считают церковь источником моральных ценностей. Таковы результаты опроса, проведенного социологами ВЦИОМ в конце августа и начале сентября [2007 г.]. Согласно данным, обнародованным на сайте ВЦИОМ, 67% россиян считают, что дети и молодежь должны приобщаться к нравственности и морали прежде всего в семье, 17% назвали школу, а церковь поставили на 1-е место лишь 4% опрошенных. В этом отношении церковь уступила телевидению и другим СМИ... При этом половина россиян считают себя верующими, в их числе 10% регулярно посещают церковь, соблюдают все обряды и ритуалы. Еще 43% в церковь ходят только по праздникам и всех обрядов и ритуалов не соблюдают. Треть россиян (31%) допускает существование Бога, но мало интересуется церковной жизнью. Убежденные атеисты составляют лишь 6% опрошенных, и 8% не задумываются на тему отношения к религии. Самая массовая религия в России, по данным ВЦИОМ, — православие

(75% опрошенных считают себя ее последователями)»⁴². Ждет анализа и результат эксперимента по введению «Основ православной культуры» в некоторых частях нашей страны — Церковь ожидала от этого эксперимента явно большего... К сожалению, реальность такого отношения к себе Церковь очень неохотно замечает. А это величайший вызов именно для миссии. Кто плохо воспринимает сегодняшний институт Русской Церкви? Враги и науськиваемая ими «пятая колонна»? Или за таким отрицательным отношением стоит нечто объективное? На этот и все названные выше вызовы современности по отношению к Церкви нам еще только предстоит честно ответить.

А пока этот ответ ищется, положение остается таким: ни Церковь в точности не представляет, к кому она обращает слово, ни общество не готово воспринимать слово Церкви — и вовсе не по обоюдной злонамеренности, а потому, что Церковь сама в себе не разобралась. Это выплескивается во внешние конфликты — музейные, с «запретным искусством», с введением ОПК, с ювенальной юстицией и т. п. Обе стороны, на мой взгляд, не рассматривают дело по существу, а происходит коммуникативная нестыковка, осложненная взаимными подозрениями. Как человек церковный выскажу парадоксальную точку зрения: по моему сугубо личному представлению, вина здесь лежит в большей степени на Церкви, нежели на обществе. Кому больше дано, с того и больший спрос, говорит нам Евангелие (см.: Лк. 12, 48).

В заключение отмечу, что мы живем в благоприятнейшее для Церкви время. Первое здесь то, что развитие цивилизации привело к отпадению всех иных мотиваций для церковной жизни, кроме сугубо религиозных. В самом деле: в цивилизованных странах люди за медицинской, социальной и прочей помощью обращаются уже не к высшим силам, а к социально обустроенному государству — в прошлые века это было функцией Церкви. Стало быть, членов Церкви становится хоть и меньше, но зато это люди, которым от Церкви нужно не что-то земное, а Христос. Второе — гласность, ясная артикуляция вопросов общества к Церкви — то, чего не было в предыдущие эпохи. Все эти

вопросы, вызовы и даже, дерзну сказать, скандалы — все служит на пользу Церкви, если она осознает эти происшествия церковно, не секулярно, в духе Евангелия и делает из этого должные выводы. Основной же вызов для Церкви сегодня и заключается, на мой взгляд, в скорейшем осознании этого обстоятельства.

Примечания

- 1 Названия религиозных организаций, термины и титулы духовных лиц даны в транскрипции автора. — *Примеч. ред.*
- 2 Я использую это выражение не в национальном смысле, а как эквивалент термина «россияне».
- 3 <http://www.echo.msk.ru/programs/staliname/696621-echo>.
- 4 <http://www.echo.msk.ru/programs/staliname/692440-echo>.
- 5 <http://www.echo.msk.ru/programs/staliname/696621-echo>.
- 6 ³ <http://www.echo.msk.ru/programs/staliname/692440-echo>.
- 7 <http://www.liberal.ru/articles/4509>.
- 8 <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/2137680.html>.
- 9 <http://www.echo.msk.ru/programs/staliname/692440-echo>.
- 10 <http://www.svobodanews.ru/content/article/2154743.html>.
- 11 <http://www.polit.ru/research/2008/06/02/rusvalues.html>.
- 12 <http://www.korrupt.ru/index.php?s=15&id=29>.
- 13 <http://www.newsru.com/russia/26jan2010/army.html>.
- 14 <http://www.newsru.com/russia/13may2010/vzyatki.html>.
- 15 <http://www.newsru.com/russia/25jun2010/oprosmdvru.html>.
- 16 http://archive.kremlin.ru/appears/2009/08/12/1608_type63374type63378type82634_220787.shtml.
- 17 <http://grani.ru/Politics/Russia/m.184033.html>.
- 18 http://www.sta-t.ru/prestupnost/statistika_prestuplenii_v_rossii_2009.
- 19 <http://lenta.ru/news/2010/09/22/homicide>.
- 20 http://www.sta-t.ru/obshestvo/statistika_razvodov_i_brakov.
- 21 <http://www.newsru.com/religy/03jun2008/duh.html>.
- 22 <http://www.patriarchia.ru/db/text/652525.html>.
- 23 <http://www.patriarchia.ru/db/text/665838.html>.
- 24 http://www.expert.ru/printissues/expert/2009/23/interview_misiya_v_miru.

- 25 http://ruskline.ru/monitoring_smi/2009/09/21/vysokomerie_ubivaet_ponimanie.
- 26 <http://www.radonezh.ru/radio/27-8—2010.html>.
- 27 <http://www.echo.msk.ru/blog/kroupnov/706730-echo>.
- 28 <http://rusnovosti.ru/popupplayer?type=release&id=107622¶m1=39976>.
- 29 <http://pravaya.ru/expertopinion/116/17116>.
- 30 <http://www.pravmir.ru/rukovoditel-press-sluzhby-patriarxa-ne-odobryaet-pravoslavnogo-oligarxa>.
- 31 http://www.ruskline.ru/news_rl/2010/8/13nelzya_ne_posochuvstvovat_zhelaniyu_rukovodstva_nesti_pravoslavnuyu_kulturu/?print=y.
- 32 <http://www.newsru.com/russia/26jan2010/army.html>.
- 33 См. известные документы митрополита Сергия (Страгородского): «Декларацию» от 29 июля 1927 г., обращение «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» от 22 июня 1941 г., и др.
- 34 «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», II, 4 (<http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>).
- 35 См. об этом: *Бровко А. Н.* Церковь и Третий Рейх. — СПб.: Алетейя, 2009.
- 36 Церковь должна служить не народу, а Христу // <http://orthodoxy.org.ua/uk/2008/08/15/18473.html>.
- 37 <http://www.polit.ru/research/2008/06/02/rusvalues.html>.
- 38 <http://www.patriarchia.ru/db/text/1047493.html>.
- 39 <http://www.echo.msk.ru/programs/code/697656-echo>.
- 40 См., например: <http://www.echo.msk.ru/blog/radzihovski/695270-echo>.
- 41 *Орехъ А.* Выставка судебного искусства // <http://www.ej.ru/?a=note&id=10251>.
- 42 <http://www.newsru.com/russia/11oct2007/moral.html>.

Национализм руководства Русской православной церкви в первом десятилетии XXI в.

Александр Верховский

Введение

Начиная обсуждать роль Русской православной церкви в развитии национализма в современной России, мы должны в первую очередь определиться с тем, что именно должно в этом контексте пониматься под национализмом. Российская исследовательская традиция 1990-х годов под национализмом понимала, как правило, радикальные формы национализма, основанного на этнической ксенофобии, поскольку такие формы национализма более других бросались в глаза и такое понимание национализма органично вытекало из советской традиции. Соответственно в РПЦ при таком подходе исследовались в первую очередь именно радикально-националистические проявления, олицетворяемые крайними православными братствами или покойным митрополитом Иоанном (Снычевым)¹. В том же духе, впрочем, действовали и лучшие западные исследователи, которых нельзя упрекнуть ни в советской концептуальной ограниченности, ни в незнании материала². Но если не держаться за распространенное в обыденном русском языке отождествление национализма и этноксенофобии, понимание роли РПЦ в становлении национализма будет существенно адекватнее.

В этой статье, вслед за Энтони Смитом, национализм понимается как связный набор политических идей, характерных для эпохи модерна, основанных на натурализации представления о нации и направленных на

реализацию «интересов» нации путем ее объединения, укрепления ее идентичности и придания ей государственного суверенитета³.

Применительно к церкви в России сразу возникают две трудности с использованием этого определения. Первая — в самой возможности говорить о РПЦ или какой-то ее части как о националистическом движении. Националистом может называться тот, в чьем политическом мировоззрении идея нации стоит превыше всего и, соответственно, интересы своей нации являются главным критерием (что бы ни понимал националист под «нацией»)⁴. Очевидно, что в церковном мировоззрении на первом месте стоит вовсе не нация и вовсе не интересы нации отстаивает церковь прежде всего. Таким образом, для РПЦ национализм может быть скорее побочным продуктом ее деятельности. Если рассматривать РПЦ как общественное движение, оно будет националистическим не в первую очередь. Хотя, конечно, церковь взаимодействует с силами, которые могут быть названы националистическими по преимуществу.

Вторая трудность — в самом использовании термина «национализм» ввиду устойчивой негативной коннотации в современном русском языке. Соответственно самоназвание «националист» требует либо определенного интеллектуального мужества (даже с элементом провокативности), либо признания своего маргинального статуса. Представители РПЦ поэтому термин «национализм» к своим взглядам не применяют, и на применение этого термина извне обижаются⁵. Но в данной статье тем не менее будет использоваться именно термин «национализм» — в его нейтральном, академическом значении. В идущую дискурсивную борьбу за термины «национализм», «патриотизм» и т. д. автор не вмешивается, но рассматривает ее как еще один объект исследования⁶. Для нас важно, какие термины используются для выражения своего национализма людьми церкви (и другими общественными фигурами в связи с церковью) и какой именно тип национализма при этом формируется.

Если очертить программу исследования о Русской православной церкви и национализме, нужно изучать дея-

тельность разных факторов внутри церкви или вне ее, но каким-то образом связанных с нею (например, могущих оказывать влияние на РПЦ в целом).

Церковь, если оставить за скобками собственно каноническое понимание, может рассматриваться либо как организация, либо как общественное движение, либо как совокупность верующих. В первом случае мы сегодня видим достаточно жесткую иерархическую структуру с некоторыми общими целями и идейными ориентирами. Во втором случае мы имеем в виду всю совокупность активных групп, действующих от имени церкви, причем эти группы лишь достаточно условно подчиняются церковному руководству и исходят из разных представлений о целях и доминирующих идеях в церкви. В третьем случае возможны различные социологические методы оценки и описания этого круга людей. Соответственно, в первом случае достаточно для начала говорить о позиции церковного руководства; во втором следует рассматривать в первую очередь те группы, влияние которых заметно не только во внутрицерковной жизни, но и в обществе в целом; третий же случай можно не рассматривать вовсе, так как не наблюдается никаких механизмов, выражающих совокупную волю верующих, да и вряд ли таковая реально существует по интересующим нас вопросам (хотя определенные корреляции, конечно, имеются).

Далее нужно было бы определить, как понимается нация выявленными акторами, какую именно националистическую политическую программу они при этом продвигают. Следует определить, насколько такая программа (или несколько версий программы) приемлема для общества в целом, имеет ли такая программа политическую перспективу. Затем необходимо рассмотреть взгляды других акторов национализма — нецерковных националистических организаций и известных и влиятельных авторов, больших партий и, конечно, властей — на предмет совместимости с теми версиями национализма, которые можно более или менее основательно назвать церковными. Речь при этом стоит вести о русском национализме во всем его многообразии, так как этнонационализмы меньшинств для РПЦ имеют очень малое значение.

Разумеется, реализовать весь этот план в пределах одной статьи невозможно, поэтому здесь мы будем говорить только о взглядах церковного руководства и их соотношении с государственной политикой.

Остается кратко пояснить, почему избраны именно такие хронологические рамки — первое десятилетие нового века. Начало рассматриваемого периода, т. е. 1999—2000 гг., было переломным для развития национализма в России. В эти годы наблюдался упадок националистических движений, как идейный, так и организационный⁷, при одновременном привлечении общественного внимания к теме ультранационализма, взрывном росте этноксенофобных настроений (именно тогда уровень массовой этноксенофобии вышел на новый уровень, на котором и остается доныне)⁸ и формировании во властных кругах нового, явно антизападного, внешнеполитического курса, что понималось как начало поворота руководства страны к националистической повестке дня (и вызывало тогда прилив энтузиазма в националистическом движении⁹). Внутри РПЦ юбилейный Собор 2000 г. ознаменовал поворот к сближению церковного руководства с умеренной частью консервативной внутрицерковной оппозиции (хотя некоторые серьезные внутрицерковные конфликты были еще впереди), стоявшей на определенно этнонационалистических позициях. Таким образом, рассматривая отношения церкви и национализма в нынешнем десятилетии, мы исходим не из календарного принципа и даже не из фактора смены президента.

Концепция церковного руководства

Единственным реалистичным вариантом национализма, который православные националисты предлагали руководству РПЦ, все 1990-е годы оставался национализм черносотенного толка как одно из доминирующих течений русского национализма первого постсоветского десятилетия. Как и почти все течения того времени, он носил ностальгический характер и апеллировал к ранее существовавшей форме национализма. Но, как всегда бывает

с возрожденческим движением, конструировать возрождение приходится в условиях, принципиально отличных от исходных.

Реальный дореволюционный черносотенный национализм был направлен на трансформацию православной империи в православную империю русского народа, понимаемого в этнокультурном и отчасти в расовом плане. В начале XX в. проблемой было именно становление этнического национализма. В постсоветской же ситуации, когда этническая самоидентификация граждан благодаря советской этнополитике и так уже была очень (чтобы не сказать чрезмерно) развита, черносотенство было в первую очередь направлено на возрождение образа православной империи. Эта абсолютно нереалистичная программа не принесла новым черносотенцам поддержки ни в широких слоях граждан, ни в церковном руководстве, особенно после смерти митрополита Иоанна.

Сопротивление священноначалия канонизации царской семьи имело несколько разноплановых причин, но одна из них, несомненно, заключалась в нежелании включаться в радикальный и бесперспективный политический проект, связанный с этой идеей. И к тому моменту, когда согласие по канонизации было достигнуто, у священноначалия родилась своя концепция национализма, вовсе не радикальная и претендующая на немаргинальное будущее.

Здесь важно оговорить, что церковь — не партия и не националистический клуб, она не должна иметь официальной концепции национализма, и она ее не имеет. Эту концепцию можно только реконструировать по различным текстам и высказываниям, в которых неизбежно встречаются элементы разных концептуальных подходов, ситуативные влияния других авторов и пр. Все-таки в головах руководителей РПЦ нет четкой политической программы, а есть стремление к решению своих задач в сочетании с естественным для консервативных постсоветских православных людей культурным багажом. Конечно, багаж этот довольно пестр, и можно без труда найти подтверждения наличия у этих деятелей церкви, например, биологизаторского подхода к этничности, воинствующего имперского пафоса и т. д., но внимание стоит сосредото-

чить не на эпизодических «проговорах», а только на тех идеях, которые отстаиваются наиболее последовательно. Соответственно реконструкция, обсуждаемая ниже, как и всякая другая, в некоторой степени игнорирует инородные для нее элементы.

Остается вкратце напомнить, в чем заключается неоднократно описанная официальная церковная концепция соотношения Русской православной церкви, российского государства, российских граждан и русского этноса.

Мир состоит из цивилизаций, определяемых по признаку религиозной традиции. Исключением считается одна цивилизация — западная, определяемая как секулярная (иногда даже как безрелигиозная), антитрадиционная и либеральная. Остальные цивилизации противостоят ее экспансии, защищая свое своеобразие и саму свою идентичность.

Россия является ядром и естественным гегемоном «православной цивилизации». Время от времени используется также термин «русская цивилизация», который территориально обозначает сферу влияния русской культуры, причем максимально широко. Оба термина не следует понимать буквально: например, православные арабы почти не упоминаются в связи с «православной цивилизацией», а «русская цивилизация» если не покрывает, то проникает в такие регионы, как Центральная Азия. Давно подмечено, что отнесение той или иной политической группы вне России к «православной цивилизации» определяется скорее по ее отношению к России, чем к православию¹⁰.

РПЦ отнюдь не является церковью России, она гораздо шире. Это церковь в первую очередь трех восточнославянских народов, чье единство считается трагически подорванным в момент раздела СССР. Но РПЦ, конечно, географически гораздо шире этих трех стран. С другой стороны, в РПЦ Россию считают не полиэтнической и поликонфессиональной страной, а русской православной страной с этническими и религиозными меньшинствами.

«Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» различают понятия этнической и гражданской нации (что, заметим, не так часто встречается в России за пределами академического дискурса). Предполагается,

что оба вида нации могут считаться православными, если православными полагает себя их большинство. Более того, такая нация является «единой общиной веры» или «православным народом».

Подавляющее большинство этнических русских крещены в РПЦ и с канонической точки зрения все они — чада Русской православной церкви. Этнические русские — это подавляющее большинство граждан России. Так что можно сделать вывод, что именно церковь правомерно представляет такие два вложенных друг в друга «православных народа», как этнические русские и российские граждане в целом. Впрочем, столь смелых политических выводов само церковное руководство не делает.

Но по крайней мере РПЦ дает понять, что именно церковь знает, что нужно «православному народу». А нужно ему вернуться к традициям «православной цивилизации», отторгнув западные либеральные и секулярные «заимствования». Возврат предполагается не тотальный, но в значительной, не определенной пока степени. РПЦ обозначает идеал теократии, но церковное руководство — отнюдь не революционеры-фундаменталисты, эти люди — сторонники осторожных и постепенных перемен. РПЦ стремится сохранить и упрочить свое влияние, сделать весьма секулярное российское общество хотя бы несколько менее секулярным, а в политической сфере — совершить хотя бы некоторые дополнительные шаги в сторону от предполагавшегося в 1990-е годы идеала либеральной демократии.

Концепция РПЦ как национализм

Как культурный этнонационализм

Почему мы видим в этой церковной программе именно национализм? Да хотя бы потому, что и патриарх Кирилл не скрывает, что созданная им церковная концепция служит построению национальной идентичности. Например, в августе 2010 г., выступая в Пскове в связи с пятисотлетием завоевания этого города Московским царством¹¹, патриарх говорил, что нет отдельных народов — русских,

украинцев и белорусов, а есть Русь, даже Святая Русь — единый народ, созданный когда-то из разных этнических компонентов именно силой православия. Поэтому и идентичность его — не племенная, а религиозная. Нет у этого народа, у Руси, никаких других ценностей, кроме православных, т. е. нет и никакой иной идентичности.

Перед нами классическая декларация этнокультурного национализма, в которой ключевым культурным признаком, определяющим нацию, служит причастность к Русской православной церкви. Формальной принадлежности к церкви при этом не требуется, достаточно влияния порожденной церковью культурной традиции, и патриарх не зря использует именно несколько неопределенное понятие «причастность».

Не следует примитивизировать доктрину РПЦ и сводить слова патриарха к привычной фразе «русский — значит православный»: все в церкви одновременно и понимают нетождественность этих понятий, и подчеркивают их близость. И если мы говорим о национализме, т. е. о политической идеологии, важна не степень пересечения двух множеств — русских и православных, так как для любого национализма декларации на тему идентичности находятся не в стопроцентном соответствии с эмпирической реальностью. Важно, кого и на что призваны мобилизовать эти идеи.

В первую очередь концепция, построенная еще в бытность нынешнего патриарха митрополитом, призвана мобилизовать тех, кто идентифицирует себя как русских в культурном смысле, — этнокультурную русскую нацию. Конечно, такой принцип мобилизации является разобщающим в полиэтничной стране. С другой стороны, акцентирование биологических различий «по крови» для церкви неприемлемо. И это имеет свое консолидирующее значение в сегодняшнем российском обществе, в котором благодаря советской паспортной системе именно биологические представления о нации твердо усвоены большинством населения.

В духе представления о России как о православной стране следовало бы ожидать, что РПЦ призывает к единству всех российских граждан в «единой общине веры».

Но этого не происходит. В общественном сознании и в отношениях ведущих организаций четырех «традиционных религий» слишком укоренилась увязка этнической и конфессиональной идентичности, поэтому российские мусульмане, иудеи, буддисты, католики и т. д. признаются в РПЦ как самостоятельные этноконфессиональные меньшинства (не имеющие этнического маркера религиозные меньшинства, например, пятидесятники, в лучшем случае игнорируются). С двумя важными оговорками: они должны признавать доминирование русско-православного элемента в конструировании российской идентичности и доминирование РПЦ в государственно-религиозных отношениях (и они, как правило, это признают)¹². Джеймс Ворхола удачно назвал это «гегемонистским экуменизмом» (*hegemonic ecumenism*)¹³. Здесь можно усмотреть даже конструирование гражданской религии в смысле, восходящем к Роберту Н. Белла, но, конечно, только в самой зачаточной форме.

Если же посмотреть на эти дискурс и практику не как на межконфессиональные отношения, а как на «политику идентичности», то получится очень похоже на формирование гражданского национализма в национальном государстве (*nation state*) на основе этнонационализма большинства. Европа знает немало таких примеров.

Борьба РПЦ против «экспансии» так называемых «нетрадиционных» религий от католицизма до сайентологии может пониматься не только как межконфессиональная конкуренция. РПЦ защищает национальное единство, как она его понимает, т. е. в конфессиональном измерении, и такая защита — важная часть повестки дня любого национализма. «Религиозная экспансия» и «экспансия либерализма» — два естественных врага для церковного национализма. И когда деятели церкви обращаются на эти темы к власти и обществу, используя политический, а не религиозный язык¹⁴, это происходит не от неумения проповедовать, как обычно считают (ну, или не только от него). Конечно, церковь вынуждена адаптировать свой язык к весьма секуляризированному обществу, но в данном случае она ведь и вопросы поднимает политические, а именно националистические.

Стоит обратить внимание на то, как понимает место неправославных в стране протоиерей Всеволод Чаплин, второй по значимости идеолог РПЦ после патриарха Кирилла и всегда на один шаг более решительный (или откровенный). Он последовательно настаивает на том, что конфессиональные меньшинства (включая атеистов) терпимы внутри «единой общины веры», но «исключаются из ее основной социальной и мистической миссии»¹⁵. И это очень похоже на убеждение в особой роли этнических русских в формировании миссии России, естественное для других русских этнонационалистов.

Церковные деятели иногда и прямо сбиваются на этническую терминологию, говоря о доминирующей, определяющей культурной или иной идентичности в России. Оставляя в стороне нехарактерные крайности, можно рассмотреть отклики священнослужителей на нашумевшую в 2010 г. инициативу — принять «Кодекс москвича», свод правил поведения для приезжих. Идея чиновников заключалась в том, чтобы побудить нерусских по культуре приезжих, вне зависимости от их гражданства, следовать русским культурным нормам. Поддерживая эту идею, протоиерей Владимир Вигилянский, глава пресс-службы Московского патриархата, сравнил ее с культурным экзаменом для иммигрантов, хотя «кодекс» был ориентирован и на граждан России, например, с Северного Кавказа. А протоиерей Валентин Тимаков, заместитель главного редактора Издательства Московской патриархии, прямо сказал, что важно сохранить традиционный русско-православный культурный облик столицы и не дать ей «стать чем-то вроде космополитичного Нью-Йорка». Хотя, следует отметить, был предъявлен и другой подход: отец Георгий Рошин, заместитель председателя Отдела Московской патриархии по взаимоотношениям церкви и общества, предложил понимать этот документ как инструмент знакомства приезжих с доминирующей культурной традицией¹⁶.

Еще более яркая этнонационалистическая декларация последовала после расистских беспорядков на Манежной площади в декабре 2010 г.: в последующие месяцы тема национализма была резко актуализирована, и РПЦ, ко-

нечно, не осталась в стороне. 19 января 2011 г. она выступила с инициативой «урегулирования межнациональных отношений»¹⁷, пусть и не вполне официальной, в которой среди прочего предложила себя в качестве представителя русского народа в его отношениях с другими этническими общностями страны (полиэтничность прихожан самой РПЦ парадоксальным образом рассматривалась при этом как дополнительный аргумент в пользу статуса «представителя русского народа»).

Но при сравнении с любыми другими течениями русско-этнонационализма у церковного национализма выявляется важная особенность: принадлежность к большинству, определяемая через «причастность» к православию, — это, вероятно, наиболее инклюзивная версия русского этнокультурного национализма, так как декларировать свою «причастность» к православию легко, и эта «причастность» (как, впрочем, и факт крещения) не накладывает сама по себе никаких реальных обязательств и ограничений.

Остается отметить еще несколько черт рассматриваемой концепции, присущих именно националистическим воззрениям, хотя и не являющихся специфичными только для них.

Представления лидеров церкви во многом архаичны, сформированы книгами рубежа XIX—XX вв. Сохраняются и культивируются мифологизированные представления о российской истории. В этом ключе иногда понимаются более современные идеи. Отличным примером может служить реинтерпретация патриархом Кириллом образа Святой Руси как нации (см. выше). А чуть раньше, в июне 2010 г., один из наиболее активных сейчас церковных чиновников, заместитель председателя ОВЦС игумен Филипп (Рябых) увидел в Киевской Руси с ее православными ценностями основу не нации, а «русского мира»¹⁸. И, само собой, церковные авторы исходят из примордиалистских представлений об этничности. Впрочем, в этом смысле церковь в России не выделяется на общем фоне.

Национализм, даже апеллируя к индивиду, основной единицей видит нацию (народ). Как подметил Филипп Уолтерс, хотя спасение всегда индивидуально, и в этом церковь не сомневается, в тех разделах «Основ социальной

концепции...», где речь идет о нации и о государстве, индивидуум не фигурирует вовсе¹⁹. Игорь Куницын, в прошлом сотрудник Московской патриархии и один из реальных авторов восторжествовавшей в России в последние годы концепции «традиционных религий», настойчиво писал, что коллективные права выше индивидуальных²⁰. Этот тезис при принятии в 2008 г. Архиерейским собором документа о правах человека сильно смягчили, но если его проанализировать, станет ясно, что в его основании лежит именно приоритет коллективных прав.

Как «цивилизационный национализм»

Приведенная выше аналогия церковной доктрины с формированием nation state на основе этнонационализма большинства существенно неточна. Во-первых, современная Россия по почти общему признанию не является nation state, в котором могут быть национальные меньшинства. Она просто (еще) не самоопределилась в этом смысле после распада советской империи. Во-вторых, РПЦ на самом деле ничуть не поддерживает понимание России как nation state — хотя бы потому, что самоопределение церкви по национальным границам осуждено в православной традиции как ересь филетизма. Но еще и потому, что РПЦ не готова, да и не может замыкаться в российских границах. В «Святую Русь» включаются все же и Украина с Белоруссией. И более того, так называемая каноническая территория РПЦ примерно соответствует территории распавшейся империи, поэтому конструируемый концепцией РПЦ субъект национализма по сути неизбежно шире таких субъектов, как этнические русские, граждане России или восточные славяне.

Церковный национализм во многом имперский. Давно замечено, что РПЦ — это последняя реальная структура, сохранившаяся в имперских масштабах после распада СССР. Апелляции к выражению «Москва — Третий Рим» остаются вполне серьезными, несмотря на вопиющий архаизм таких представлений. Достаточно вспомнить ту поддержку, которую получил в 2008 г. фильм архимандрита Тихона (Шевкунова) «Гибель империи», показавший историю Византии как аналог современного противостояния православной России

и Запада. Сергей Филатов справедливо подчеркивал, что эстетические представления, господствующие в РПЦ, работают в целом именно на такое понимание роли церкви и России²¹.

Но все-таки нельзя сказать, что национализм, предлагаемый РПЦ, направлен на реальное возрождение империи на базе современной России. РПЦ не предлагает в обозримом будущем восстановить монархию, отнюдь не предлагает восстановить политическое единство на постсоветском пространстве помимо Украины и Белоруссии. Имперские традиции используются скорее как средство для мобилизации, но с другой целью. Речь идет о мобилизации «православной цивилизации» (или «русской цивилизации») в глобальном противостоянии с либеральным и секулярным Западом. Это вполне соответствует весьма распространенным в России 2000-х годов другим версиям так называемого «цивилизационного национализма».

Понятие «цивилизационный национализм» ввел у нас в оборот Эмиль Паин, но до сих пор остается неясность, как отделить именно «цивилизационный» национализм от других форм национализма. Сам Паин видит «цивилизационный национализм» не просто как определение доминирующего течения русского национализма, но как понятие, охватывающее почти все течения последнего²². Но, вероятно, целесообразнее рассматривать «цивилизационный национализм» как более специфическое явление, лишь зародившееся в академических кругах в 1990-х годах²³, а затем, уже в 2000-х, ставшее заметным течением общественной мысли, направленным на синтез течений национализма 1990-х в противовес поднимающемуся чистому этнонационализму и «слишком прагматическому» патриотизму правящих кругов.

Если очень кратко суммировать сегодняшнее противопоставление «цивилизационного национализма» и этнонационализма, то оно сводится к нескольким пунктам. Сторонники «цивилизационного национализма» тяготеют к образу России как империи, мыслят ее скорее как идеократию и автократию, понятие «русскости» определяют через идеологию и государство, полагают исторический путь полностью особенным. Сторонники этнонациона-

лизма ориентируются на nation state европейского типа, но определяемому строго по этничности (т. е. апеллируют скорее к пониманию nation state, характерному для межвоенного периода, чем к современному), и видят Россию не особенной, а «лучшей среди равных», они чаще, хотя далеко не всегда, поддерживают какие-то демократические принципы, а этничность, в том числе «русскость», для них определяется по культуре и очень часто по крови.

Хотя различие проводится чаще на уровне расстановки акцентов, чем жестких противопоставлений, явно можно говорить о сходстве подхода руководства РПЦ именно с первым из этих двух течений. Например, представления одного из основных апологетов «цивилизационного национализма» политолога Александра Панарина²⁴ в последние годы стали во многом очень похожи на представления митрополита Кирилла.

Глобальное, «цивилизационное» определение противника важно не только для того, чтобы соответствовать глобальному статусу православия или потешить самолюбие российского гражданина, которому патриотизм в масштабах сильно уменьшившейся родины кажется маловат. В конце концов, национализм, как было замечено уже более ста лет назад, — это «патриотизм, обращенный против внутренних врагов»²⁵. Политическая идеология направлена на мобилизацию не столько вовне, сколько внутри страны. Кто же этот «внутренний враг» или, мягче говоря, главный противник, оппонент церкви?

Понятно, что для церкви основным противником не могут быть иммигранты, как для большинства русских этнонационалистов. Противник церкви действительно глобален и соответствует не только масштабу, но и основной задаче церкви. Этот противник — секуляризм. Поскольку коммунистический секуляризм почти мертв, а основная из действующих компартий постоянно предлагает себя в союзники церкви, основным противником является секуляризм либерального происхождения. Соответственно политическим противником является либерализм, как, впрочем, и для всех течений русского национализма. Как сказал в 2001 г. митрополит Кирилл, только начиная процесс конструирования специфической церковной концепции прав

человека, «либеральная идея является антихристианской, ибо диаметрально противоположна христианской идее» (поскольку не основана на понятии греха)²⁶.

Таким образом, мы видим, что предлагаемый РПЦ национализм построен на глобальной антилиберальной мобилизации (глобальной не только по замыслу, но и в практике международной деятельности церкви, ищущей союза с другими силами, которые могут быть охарактеризованы как традиционные), на стремлении противостоять процессам модернизации²⁷. Но нелепо было бы предполагать, что церковь имеет в виду действительно интернациональную «православную нацию», включающую не только восточных славян, не только «братьев-сербов», но и греков, грузин или арабов. С другими православными поместными церквями предполагаются более или менее хорошие отношения, но никто никогда не поминал их как столь близких партнеров, чтобы можно было говорить о нации. «Цивилизация» — это скорее коалиция. А с точки зрения национализма — это лозунг, поднимающий данную версию национализма над примитивностью и ограниченностью племенного понимания нации.

Национализм РПЦ, несомненно, является именно русским патриотизмом (украинцы и белорусы включаются). Не зря при перечислении ценностей в речах патриарха или в «Основах социальной концепции...» Отечество всегда рядом с верой и религиозными святынями. И именно концепция «единой общины веры» помогает этому, ибо таким образом в одном ряду с высшими ценностями веры оказывается не политическое образование и не какая-то иная сугубо земная общность, а общность, интерпретируемая эклезиологически (критики могут считать, что квазиэклезиологически). Отечество становится отчасти сакральной сущностью, как домодерный «христианский мир».

Идеи и интересы руководства РПЦ во взаимодействии с другими акторами

В этой части статьи мы не пытаемся охватить все формы взаимодействия церковного руководства с другими

внутри- и внецерковными силами. Но необходимо по меньшей мере обратить внимание на три аспекта этого взаимодействия. Во-первых, описываемая концепция связана с интересами РПЦ как корпорации, а также с внутрицерковными проблемами. Во-вторых, как один из адептов национализма церковное руководство не может не взаимодействовать с другими его адептами. В-третьих, важнейшим внешним партнером церкви является государственная власть, и это не может не касаться и сферы концептуальных поисков.

Задачи РПЦ как корпорации

Итак, церковное руководство придерживается своей, вполне полноценной версии русского национализма. Ее главное предназначение — способствовать достижению основной цели церкви — десекуляризации общества. Но не следует забывать и о внутренней церковной необходимости в такой идеологии. Она сформировалась как ответ на три синхронно возникших вызова, которые здесь будут лишь кратко обозначены.

Первый — распад СССР и политическое дробление «канонической территории» РПЦ — не нуждается в комментариях. Доктрина «православной цивилизации» для сохранения церкви в этой ситуации просто необходима.

Второй — затрудненная коммуникация с властями России. РПЦ быстро научилась решать имущественные и тому подобные проблемы, но у нее просто не было общего языка с властями для продвижения своих стратегических задач. При Борисе Ельцине его не было совсем, но и при Владимире Путине ситуация для РПЦ с середины 2003 г. была не столь благоприятной: практически никакого значимого прогресса добиться не удавалось. Доктрина «традиционных религий» как таковая дала определенный прорыв в начале 2000-х годов, но потом забуксовала. И лишь постепенно РПЦ стала нащупывать новую роль, в которой диалог с властью мог бы стать эффективнее, — роль доверенного посредника.

В наиболее явном виде это проявилось в уже упоминавшейся церковной инициативе, провозглашенной 19 января 2011 г. И дело не только в самой роли посредника.

РПЦ предлагает реструктурировать все общественное пространство в духе того, что Ворхола назвал «гегемонистским экumenизмом». РПЦ здесь выступает за приоритетное развитие русской культуры (и православной культуры, конечно), но также и за развитие других «традиционных культур», за укрепление этноконфессиональных идентичностей, по которым должны «распределяться» жители России. Но речь идет далеко не только о культурной политике, поскольку предполагается создание этноконфессионального представительства — Совета народов России, формируемого «на основе критериев представительства, соразмерных объективному соотношению в России народов и религиозных групп»²⁸. РПЦ, таким образом, предлагает институционализацию своей версии национализма, а заодно сделать шаг в сторону развития этнорелигиозного коммунитаризма, который существенно повысил бы роль РПЦ в обществе (и роль религиозных лидеров в целом — как представителей своих «общин»). Интересно, что протоиерей Всеволод Чаплин в речи перед президентом на следующий день²⁹, явно связанной по сути с опубликованными предложениями, ссылаясь на опыт Израиля и арабских стран, где до сих пор сохранилась преемственность по отношению к османской системе миллиетов.

Третий вызов — давление фундаменталистского и ультранационалистического течений внутри самой церкви (фундаменталисты и радикальные православные этнонационалисты — не вполне, но во многом совпадающие категории). Эти течения предлагали, как уже указывалось, бесперспективный черносотенный вариант национализма, но они продолжают предлагать его и сейчас. Ответ церковного руководства, с одной стороны, должен был быть понятен для той части паствы, за которую идет внутрицерковная борьба с этими течениями, с другой — не должен был загнать церковь в политическое гетто. Хотя цивилизационная концепция митрополита (тогда) Кирилла и была слишком сложна для большинства клира и паствы, но она стала одним из возможных выводов из тех чаяний, которые распространены в наиболее активных церковных кругах, в частности, при монастырях, как об этом писал Николай Митрохин³⁰.

Надо сказать, что официальная доктрина РПЦ — наиболее умеренный вывод, который можно сделать из этих чаяний. Следует помнить, что официальная позиция руководства РПЦ — это именно умеренный вариант того, что церковь может предложить сегодня российскому обществу. Но и увлекаться умозрительным разделением «умеренного патриарха» и «радикальных фундаменталистов» не стоит: они были, остаются и намерены впредь оставаться частями одного целого и, следовательно, не могут не взаимодействовать и не договариваться друг с другом. Например, перед своим избранием нынешний патриарх провел консультации по крайней мере с некоторыми из наиболее авторитетных неформальных духовных лидеров церкви (старцев), что обеспечило относительную бесконфликтность при избрании³¹. Таким образом, умеренный патриарх остается в определенной связи с существенно более радикальными старцами.

РПЦ и светские националисты

Свой вариант национализма церковное руководство предлагает не только «церковному народу», но и обществу в целом. Делается это осторожно, чтобы не создать представления, что РПЦ — буквально политическая организация. Ее и так в этом достаточно часто упрекают. И все же, если у РПЦ есть свой вариант русского национализма, церковное руководство неизбежно оказывается втянутым в те споры, которые ведутся в обществе и, в частности, среди русских националистов.

Основной линией размежевания в русском национализме путинского периода является даже не разделение на умеренных и радикалов, более или менее лояльных властям, хотя это очень важно. Главное в последние годы — это спор сторонников «цивилизационного национализма» и чистого этнонационализма, кратко суммированный выше. Конечно, разделение на два лагеря условно, тем не менее оно вполне заметно и сейчас осознается уже практически всеми русскими националистами³².

Как уже было сказано, в этом споре РПЦ оказывается на стороне «цивилизационного национализма». Более того, именно концепция церкви является одним из двух-трех наиболее разработанных его вариантов. И ее автори-

тет мог бы поддерживать этот вариант сильнее, чем любые личные авторитеты националистических идеологов.

РПЦ не может или не решается пока прямо выступить в этом качестве, но вклад ее нельзя недооценивать уже сейчас. В частности, важно отметить, что РПЦ пытается даже предлагать компромиссные решения или жесты в споре адептов «цивилизационного» и этнического национализма. Например, идея нации как «единой общины веры» призвана примирить идеократическое, гражданское и этническое понимание нации. Другой пример: протоиерей Всеволод Чаплин настойчиво повторяет, что альтернативой автократии и демократии могут быть процедуры, основанные на консенсусе³³. Может быть, это и нереалистично, но в качестве компромиссного жеста годится. По крайней мере рассуждения о консенсусе («соборности») между властями и обществом точно звучат компромиссно в сложной для русских националистов проблеме, кто является истинным носителем и двигателем национальной идентичности, — власть или граждане.

Но церковь не может прямо выступать на политическом поле. Поэтому она склонна скорее строить союзы с теми из националистов, кто приемлем и готов с ней сотрудничать (а готовы не все). Наиболее показательным примером может быть поддержка проекта «Русская доктрина», хотя бы потому, что этот случай политического участия РПЦ является и наиболее длительным, и наиболее общественно значимым в последние годы. Еще в конце 2005 г. РПЦ поддержала разработку коллективного интеллектуального проекта под названием «Русская доктрина». Он был призван так сформулировать идеи «цивилизационного национализма», чтобы привлечь к нему максимальное количество участников националистического движения, в том числе и этнонационалистов. Это во многом удалось не столько благодаря интеллектуальным достоинствам инициаторов (хотя в проект было вовлечено большинство наиболее интеллектуальных авторов-националистов), сколько в связи с привлекательностью самой идеи — создать объединяющую доктрину для национализма в новых политических условиях, о чем подробно писала Галина Зверева³⁴.

И церковное руководство тоже втянулось в данный процесс. Первые признаки этого политического предприятия были заметны в октябре 2005 г., в разгар кампании по выборам в Московскую городскую думу, в которой вполне успешно могла бы выступить партия «Родина», если бы ее не отстранили от выборов. «Русская доктрина» была представлена в октябре 2005 г. в ходе официальной «Русской недели» на греческом острове Корфу, так что могло показаться, что у авторов есть некое высокое официальное покровительство. Но не следует думать, что эта последняя гипотеза играла критическую роль для церковного руководства. 1 декабря того же года, когда «Родина» уже получила «черную метку» из суда (окончательное решение Верховный суд вынес, правда, только 2 декабря), состоялась конференция («соборная встреча») Всемирного русского народного собора (ВРНС) — политического форума при РПЦ, посвященная «Русской доктрине», под председательством самого митрополита Кирилла³⁵.

Одновременно или вскоре после того «Русская доктрина» получила положительный отзыв Московской духовной академии, правда, в нем говорилось, что «Русская доктрина» слишком смело антилиберальна, чтобы РПЦ могла ее прямо поддерживать³⁶. То ли руководствуясь этим советом, то ли в связи с паузой в политическом цикле, церковное руководство не стало форсировать развитие процесса, и следующее заметное событие произошло уже летом 2007 г., в преддверии парламентской избирательной кампании, в которой тогда ожидалось участие широкой коалиции русских националистов под флагом специально созданной партии «Великая Россия». Еще в мае на учредительном съезде партии ее председатель Андрей Савельев, депутат от партии «Родина» и активный пропагандист расовых теорий³⁷, провозгласил «Русскую доктрину» фактической программой партии.

20 августа 2007 г. были проведены публичные слушания ВРНС, посвященные «Русской доктрине». Это событие вышло «громче» конференции 2005 г. И выступление митрополита Кирилла на слушаниях было гораздо содержательнее и прямее. Можно даже сказать, что оно было неожиданно прямым. Он говорил тогда, что необходимо

зафиксировать базовые и неизменные ценности общества, среди которых — стержневая роль русских в государственном строительстве и православие как основа национальной идентичности. Митрополит Кирилл солидаризовался с радикальным этатизмом «Русской доктрины» и выступил за ограничение иммиграции, покушающейся на национально-культурную идентичность³⁸. Попросту говоря, главный идеолог церкви открыто поддержал тогда самый типичный вариант русского национализма.

Бюро ВРНС вслед за тем фактически поддержало ультранационалистическую партию «Великая Россия». А на слушаниях председатель партии сидел в президиуме. Примечательно, что эта поддержка была оказана в ситуации, когда «Великая Россия» уже получила первый отказ в регистрации.

Но в первые осенние месяцы становилось все яснее, что партию не зарегистрируют, что предполагаемого покровительства сверху совершенно недостаточно и что верховная власть не склонна более допускать русских националистов в «большую политику». И церковное руководство тоже постепенно отступало. Уже в конце октября 2007 г. Кирилл отзывался о «Русской доктрине» сдержаннее³⁹, а на заранее объявленные новые слушания 2 ноября не пришел. С конца года, когда результаты выборов ясно показали, какое место отводится властью русским националистам, в церкви о «Русской доктрине» поспешили забыть. И снова стали сторониться политики. Тем более что и самой политики в стране почти не осталось.

Но эта история изложена здесь столь подробно потому, что вряд ли можно считать ее случайностью. Да, церковная концепция не совпадает с взглядами авторов «Русской доктрины» и тем более со взглядами Савельева, но РПЦ выразила готовность к политическому блоку с ними как с ближайшими союзниками. И действительно, если рассмотреть другие сколько-нибудь заметные политические течения, ближе союзников, чем русские националисты, у церкви сейчас нет. Как бы ни развивались дальнейшие события, это что-то говорит нам о месте РПЦ в политическом спектре. Не зря протоиерей Всеволод Чаплин в упоминавшейся речи перед президентом 20 января 2011 г. и в рекомен-

дациях, опубликованных накануне, повторил все тезисы патриарха Кирилла, произнесенные им когда-то на слушаниях по «Русской доктрине».

РПЦ и ростки национализма во власти

Продвижение своих идей церковь может вести и ведет как через общественную полемику, так и через политические институты. На обоих этих путях есть свои трудности. В общественной полемике церкви не хватает в первую очередь людей, способных успешно выступать публично. В политической сфере нужно выбирать, с кем вести коммуникацию. Описанный выше опыт с «Русской доктриной» продемонстрировал, что в сегодняшней авторитарной России политические организации — не лучший адресат. К тому же в сложившейся в 1990-е годы традиции с РПЦ активнее всего стремятся сотрудничать организации довольно радикального толка, а вот уважаемые партии темам, актуальным для церкви, уделяют очень мало внимания⁴⁰. Остается коммуницировать с чиновничьей верхушкой включая, конечно, руководство «Единой России». Взаимодействие церкви с властью является обширной и уже достаточно разработанной темой, так что здесь необходимо сделать лишь несколько замечаний.

Помимо своих корпоративных интересов РПЦ необходимо продвигать в отношениях с властью и описанную выше концепцию. Это непросто: власть не очень интересуется предложениями снизу, а церковь по-прежнему не часть власти, а часть общества (и высокие рейтинги доверия в опросах только усугубляют, надо полагать, недоверие сверху). Кроме того, не вполне понятно, как совмещать идеи РПЦ и идеи власти — просто потому, что власть не имеет последовательных идей в сфере конструирования национализма, хотя делает немало идейно окрашенных жестов (здесь не имеет смысла строить гипотезы, почему именно так происходит), которые хорошо соотносятся с церковной концепцией. Может быть, наиболее яркий пример — учреждение в 2005 г. Дня народного единства 4 ноября. Во-первых, в контексте россий-

ской исторической мифологии его следует понимать как праздник единства российских граждан против Запада. Во-вторых, он подчеркивает ключевую идеологическую роль Русской православной церкви. Но что произошло на практике? 4 ноября стало в первую очередь днем «русского марша» — ежегодных манифестаций радикальных националистов. А РПЦ не получила в последующие годы никаких полномочий для реализации предполагавшейся ключевой идеологической роли.

В годы президентства Владимира Путина власть давала много оснований говорить о том, что она — пусть и непоследовательно — пытается конструировать свой вариант националистической идеологии. Этот вариант причудливо сочетает мотивы этнического, цивилизационного и гражданского национализма⁴¹. Не вдаваясь здесь в сложную эволюцию этой смеси, стоит отметить, что пик этого процесса конструирования сверху был пройден в 2007 г., и с тех пор власти постепенно стремились снизить накал страстей и дискуссии в этой сфере⁴².

Это не значит, что группы чиновников и привлеченных ими интеллектуалов перестали вести дискуссии о «национальной идее». Ориентированные на власть think tanks⁴³ продолжают активную деятельность. И именно в этой сфере РПЦ ищет и успешно находит союзников. Приведу два примера.

Глава ОАО «Российские железные дороги» Владимир Якунин, одна из наиболее значимых персон в российской власти, не только систематически поддерживает РПЦ, но и выпустил (в соавторстве с Варданом Багдасаряном и Степаном Сулакшиным) толстую книгу с характерным названием «Западня: новые технологии борьбы с российской государственностью»⁴⁴. В ней помимо разработки конспирологических теорий продвигается концепция русской православной цивилизации.

В феврале 2010 г. на совместном заседании клубов партии «Единая Россия» Национальный институт развития современной идеологии (НИРСИ) представил доклад «Нравственная основа модернизации»⁴⁵, прямо предлагающий создать официальную государственную идеологию и положить в ее основу православие. Для этого авторы

доклада провозглашают патриотизм «гражданской религией современного общества» и предлагают, хотя религия эта — «гражданская», формировать ее при участии РПЦ. Конечно, этот доклад не был точкой зрения «Единой России» (и вообще больше всего был похож на неудачный черновик). Клубы в правящей партии — это группы депутатов разной идейной направленности, и один из этих трех клубов, Центр социально-консервативной политики, в существенной степени вовлечен в маневры власти на поле национализма. Институт, представивший доклад, конечно, связан именно с этим клубом. Так что доклад следует скорее расценивать как пробный шар.

Здесь не зря приведены примеры именно 2010 г. В президентство Дмитрия Медведева, точнее, с 2009 г., начался постепенный процесс сближения церкви и власти, приостановленный Путиным в 2003 г. Для нашей темы релевантны такие меры, как введение в 2010 г. государственного праздника Крещения Руси, а главное — официальное введение должности «капелланов» в армии.

Конечно, недоверие власти к независимым акторам сохраняется, в том числе и к РПЦ. Но без церковных иерархов невозможно опереться в плане идеологии на православие, так как крещенные в православии граждане России не слишком набожны и делегируют выражение своих религиозных взглядов иерархии и клиру РПЦ и сравнительно узкому кругу «воцерковленных» (в полном соответствии с моделью, построенной Грейс Дэви на европейском материале⁴⁶), а не чиновникам, политикам или консервативным интеллектуалам. И поскольку при Медведеве власть стала немного более открытой для коммуникации с разными общественными группами, это коснулось и церкви.

Возможно, дело тут и в том, что Путин, хотя и считался более православным президентом в сравнении с Ельциным, общался в начале первого срока со старцами, а позже сыграл ключевую роль в объединении с Русской православной церковью за границей, в практической деятельности и в официальной риторике после 2003 г. демонстрировал почти исключительно инструментальное отношение к церкви. Медведев, продолжая в целом линию

Путина, несколько ее модифицировал, и это относится также к риторической практике. Если Путин мог разве что рассуждать порой о «православной державе», то Медведев показал, что способен на риторику почти церковную. 28 августа 2010 г., при открытии надвратной иконы Спасской башни Кремля, он сказал, что в этом событии есть «особый — может быть, до конца еще не понятый — смысл, смысл единения народа с Церковью». И добавил: «Я уверен, с момента обретения и освящения этих икон, восстановления справедливости наша страна получает дополнительную защиту»⁴⁷.

Пока Русская православная церковь является лишь одним из игроков на поле русского национализма, и перспективы всех этих игроков весьма смутные. Но при условии продолжения намеченной президентом Медведевым линии и сохранения напористого стиля патриарха Кирилла у церкви появляется шанс на более успешное продвижение своей доктрины.

Примечания

- 1 Автор ни в коей мере не отделяет себя от этой традиции 1990-х годов. На радикально-националистических проявлениях в церковной и околоцерковной среде и реакции на них со стороны священноначалия было сосредоточено исследование: *Верховский А.* Политическое православие: русские православные националисты и фундаменталисты, 1995—2001 гг. — М.: Центр «СОВА», 2003.
- 2 В качестве примера можно привести отличную статью: *Knox Z.* Russian Orthodoxy, Russian Nationalism, and Patriarch Aleksii II // *Nationalities Papers*. — 2005. — Vol. 33. — № 4.
- 3 *Smith A.* Nationalism and Historian // *Intern. J. of Comparative Sociology*. — 1992. — Vol 33.
- 4 *Ларюэль М.* Размышления на тему «русский национализм» как предмет исследования // *Современные интерпретации русского национализма* / Под. ред. М. Ларюэль. — Stuttgart: Ibidem-Verl., — 2007. — С. 7—8.
- 5 В том числе и на автора данной статьи. См.: *Чаплин В., протоиерей.* Православие и общественный идеал сегодня // *Пределы светскости*. — М.: Центр «СОВА», 2005. — С. 168—169.
- 6 Следуя примеру автора лучшей на сегодняшний день книги о русском национализме: *Laruelle M.* In the Name of the Nation. — New York: Palgrave Macmillan, 2009. — P. 9.

- 7 Эта тема анализировалась автором в ряде статей. Последняя и наиболее полная: *Верховский А.* Русское националистическое движение: 20 лет после Перестройки // *Eurasian Rev.* — 2010. — Vol. 3 (<http://www.evrazia.or.kr/review/01Verkhovskii.pdf>).
- 8 *Гудков Л.* «Россия для русских»: ксенофобия и антимигрантские настроения в России // Нужны ли иммигранты российскому обществу? — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. — С. 31—78. Показатели этнических предрассудков, замеряемые «Левада-Центром», в 2000-х годах весьма стабильны.
- 9 Конечно, энтузиазм был не всеобщим. См.: *Прибыловский В.* Национал-патриоты на президентских выборах-2000 // Национал-патриоты, Церковь и Путин. — М.: Центр «Панорама», 2000. — С. 60—74; *Он же.* Отношение национал-патриотов к Путину после 26 марта // Там же. — С. 84—99.
- 10 *Митрофанова А.* Политизация «православного мира». — М.: Наука, 2004. — С. 245—252.
- 11 Обращение Святейшего Патриарха Кирилла к жителям Пскова // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1253614.html>, 18 августа 2010 г.
- 12 Подробнее о возникающих при этом отношениях см.: *Верховский А.* Религия и конструирование российской «национальной идеи» в начале нового века // Демократия вертикали. — М.: Центр «СОВА», 2006. — С. 165—184.
- 13 *Warhola J.* Religiosity, Politics and Formation of Civil Society in Multinational Russia // Burden or Blessing? Russian Orthodoxy and the Construction of Civil Society and Democracy / Ed. by Ch. March. — Boston: Boston Univ., 2004. — P. 91—98.
- 14 В интересующем нас контексте эта мысль высказывается в работе: *Филатов С.* Традиционные религии, «русская цивилизация» и суверенная демократия // http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition24/04Filatov.html, декабрь 2007 г.
- 15 *Чаплин В., протоиерей.* Церковь в России: обстоятельства места и времени. — М.: Изд. совет Русской Православной Церкви, 2008. — С. 151, 185.
- 16 Священнослужители о «Кодексе москвича» // <http://www.regions.ru/news/2297109>, 17 июня 2010 г.
- 17 Рекомендации совещания представителей синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества и молодежных общественных объединений // Интерфакс-Религия. — 2011. — 20 янв. (<http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=1077>).
- 18 «Станет ли Русский мир реальностью или останется только красивой мечтой?»: Заместитель председателя ОВЦС МП игумен Филипп (Рябых) прочитал лекцию молодым политикам... // <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=42359>, 19 июня 2010 г.

- 19 *Walters Ph.* The Orthodox Church Seeks to Place Itself in Russian Society // Burden or Blessing? Russian Orthodoxy and the Construction of Civil Society and Democracy / Ed. by Ch. March. — Boston: Boston Univ., 2004. — P. 83—90.
- 20 *Куницын И. А.* К правам человека через права народа // Сайт Общества «Радонеж». 7 июня 2005. Текст там более недоступен, но сохранен на сайте Центра «СОВА»: <http://www.sova-center.ru/religion/discussions/society/2005/06/d4839/?originals=1>.
- 21 *Филатов С.* Русская Православная Церковь в поисках культурно-эстетического национального идеала // http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition13/02ROC.html, октябрь 2006 г.
- 22 Эти широкие рамки понятия представлены в статье: *Верховский А., Паин Э.* Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. — М.: Три квадрата, 2010. — С. 171—210.
- 23 *Шнирельман В.* Время цивилизации: цивилизационный подход как национальная идея // Российская модернизация: размышления о самобытности / Под. ред. Э. А. Паина и О. Д. Волкогоновой. — М.: Три квадрата, 2008. — С. 198—232.
- 24 *Лафюэль М.* Александр Панарин и «цивилизационный национализм» в России // Русский национализм: идеология и настроение. — М.: Центр «СОВА», 2006. — С. 165—182.
- 25 Об этом говорил один из первых исследователей национализма Гастон Мери. Цит. по: *Тагиевф П.-А.* Цвет и кровь: Французские теории расизма. — М.: Ладомир, 2009. — С. 91.
- 26 Цитата взята из сборника вероучительных ответов митрополита Кирилла: Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь? — М.: Даниловский благовестник, 2001. Цит. по: «Неизвестный» Патриарх Кирилл. — М.: Даниловский благовестник, 2009. — С. 73.
- 27 Об этом достаточно ясно говорил еще в конце 1990-х годов (когда слово «модернизация» не использовалось еще в газетно-политическом жаргоне) протоиерей Всеволод Чаплин. См.: *Чаплин В., протоиерей.* Церковь в России... — С. 150—153.
- 28 Рекомендации совещания представителей синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества и молодежных общественных объединений.
- 29 Выступление протоиерея Всеволода Чаплина на встрече членов Общественной палаты РФ с президентом России // Интерфакс-Религия. — 2011. — 21 янв. (<http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=1079>).
- 30 *Митрохин Н.* Главная среди равных // Рус. журн. — 2004. — 15 апр. (<http://old.russ.ru/politics/20040414-glavn.html>).

- 31 Макаркин А. Русская православная церковь: конкурентные выборы // Pro et Contra. — 2009. — № 1.
- 32 Это размежевание обозначено нами с Эмилем Паинным в уже упоминавшейся статье, а затем развито автором в статье «Русское националистическое движение: 20 лет после Перестройки».
- 33 Чаплин В., протоиерей. Идеал единства // Эксперт. — 2004. — 23—29 авг.
- 34 Зверева Г. Русские смыслы для новой России? Опыт продвижения «Русской доктрины» // Верхи и низы русского национализма. — М.: Центр «Сова», 2007. — С. 121—144.
- 35 Митрополит Кирилл принял участие в обсуждении «Русской доктрины» // <http://www.rusdoctrina.ru/page95829.html>, 3 декабря 2006 г.
- 36 В промежутке между январем и мартом был опубликован документ: Московская Духовная Академия о Русской Доктрине // <http://www.rusdoctrina.ru/page95538.html>.
- 37 Шнирельман В. Расология в действии: мечты депутата Савельева // Верхи и низы русского национализма. — М.: Центр «СОВА», 2007. — С. 162—187.
- 38 Вступительное слово митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на соборных слушаниях по проекту «Русская доктрина» // <http://www.patriarchia.ru/db/text/283339.html>, 20 августа 2007 г.
- 39 Митрополит Кирилл: Спровоцировать раскол в нашей Церкви желают и пытаются многие силы // Моск. новости. — 2007. — 26 окт.
- 40 Parkova I. The Russian Orthodox Church and Political Party Platforms // J. of Church and State. — 2007. — Winter. — P. 117—134.
- 41 Зверева Г. Русский проект: конструирование позитивной национальной идентичности в современном российском государстве и обществе // Eurasian Reviews. — 2008. — Vol. 1. — Nov.
- 42 Эта статья завершается после беспорядков на Манежной площади 11 декабря 2010 г. Реакция разного рода высокопоставленных персон включая В. Путина наводит на мысль о новой, спровоцированной снизу активизации процесса конструирования русского национализма сверху, но пока делать выводы все-таки рано.
- 43 О них хорошо написано в: Laruelle M. Inside and Around the Kremlin's Black Box: The New Nationalist Think Tanks in Russia // Stockholm Paper. — 2009. — Oct.
- 44 Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакиши С. С. Западня: Новые технологии борьбы с российской государственностью. — М.: Эксмо, 2010.
- 45 Нравственная основа модернизации // http://www.nirsi.ru/analytic/materials/nravstv_osnovy_modern_13.02.2010_NIRSI.pdf, 13 февраля 2010 г.

- 46 Грейс Дэви выдвинула концепцию «религии по доверенности» — «vicarious religion». См.: *Davie G. Religion in Modern Europe: A Memory Mutates.* — Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.
- 47 Выступление на церемонии открытия надвратной иконы на Спасской башне Кремля // <http://news.kremlin.ru/transcripts/8760>.

Образ РПЦ в светских массмедиа: между мифом о государственной церкви и фольклорно-окультурным православием

Роман Лункин

Введение

Отражение роли и значения Русской православной церкви с конца 1980-х годов занимает все больше места в светских СМИ. Упоминания православия и духовенства в тех или иных контекстах за последние двадцать лет увеличивались по нарастающей, достигнув определенного пика (но вряд ли предела) с восшествием в начале 2009 г. на московский престол патриарха Кирилла.

В значительной степени политологи, социологи, само общество и средства массовой информации за редкими исключениями вполне удовлетворены констатацией того факта, что роль РПЦ растет, а православие в целом поддерживает большинство населения России, поскольку в СМИ церковь предстает в основном в положительном ключе. Однако по существу и само общество, и эксперты, и политики, священники и епископы, говорящие о роли РПЦ, не задаются более существенным и конкретным вопросом: что стоит за формулами «РПЦ и православие представляются хорошо» и «положительно» в массмедиа, т. е. из чего конкретно состоит идеологическая модель РПЦ в СМИ? Притом что сам «проправославный консенсус» массового сознания¹ никем не подвергается сомнению, важно увидеть, какие причудливые картины он создает в сознании людей.

Прежде всего стоит сказать, что разношерстные материалы прессы предоставляют исследователю не столь по-

верхностный материал, как может показаться. Средства массовой информации, каким бы пропагандистским потенциалом или фактической идеологической ангажированностью они ни отличались, не только формируют сознание людей, но и сами выражают в потоке речи и сознания своих авторов и героев их реальные мысли и идеальные представления о самих себе и организациях, которые они представляют. В СМИ и журналист, и сам персонаж репортажа выражают свой идеальный образ (например, истории России, церкви и православия, отношений власти с народом), а герой статьи или интервью хочет представить себя и свою структуру или идеологию выглядящими намного лучше, чем они есть на самом деле. Все это происходит в светских массмедиа с материалами, посвященными религии, с пишущими корреспондентами и с православными епископами и священниками, дающими интервью и описывающими свою церковь. В этом отношении светские СМИ выражают в каком-то смысле тайные мысли и истинные желания и представления, с одной стороны, священноначалия РПЦ, т. е. то, чего не встретишь ни в одном официальном государственном и церковном документе, а с другой стороны, эклектичного, туманного и капризного массового сознания.

В рамках этой статьи специально рассматриваются лишь светские СМИ, а не церковные, которые отражают именно внутрицерковную ситуацию — официальную церковную политику в различных направлениях, ситуацию в приходах и епархиях. Кроме того, любое крупное церковное СМИ также ориентируется на определенное внутрицерковное идеологическое направление, группу и священнослужителей. Таким образом, православные СМИ (в том числе пока и по своим тиражам) не относятся к той категории прессы, которая формирует массовое общественное сознание и более или менее точно отражает его требования и стереотипы. Церковные газеты и журналы также формируют своеобразные мифы о православии, однако эти мифы часто носят более специфический характер и малопонятны массовому сознанию.

Что касается светских СМИ, то мы возьмем для исследования газеты с большими тиражами и некоторые

программы телевидения, в основном новостные, которые создают массовый образ церкви и православия. Доминирующую роль в формировании образов массового сознания играют общенациональные телеканалы и в значительно меньшей степени наиболее популярные многотиражные газеты — «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Труд» и т. д. Очевидно, что только СМИ с многомиллионной аудиторией способно создать действительно массовый образ РПЦ². В других менее массовых, но весьма авторитетных изданиях религиозная тематика также затрагивается — более взвешенно в «Известиях», «Коммерсанте», «Независимой газете» (в том числе в специальном приложении «НГ-Религии»), в более критическом по отношению к РПЦ ключе — в «Новой газете», «Новых Известиях». На федеральных телеканалах помимо религиозной тематики, отраженной в новостях и отдельных программах, есть и чисто православные специфические программы с совсем невысоким рейтингом (например, программа о Алексия Уминского «Православная энциклопедия» на канале «ТВ Центр», программа митрополита Илариона (Алфеева) «Церковь и мир» на канале «Вести», программа «Русский взгляд» на «3 канале», позиционирующая себя как православно-патриотическая, или наиболее массовая из всех программ — «Слово пастыря» митрополита, а затем патриарха Кирилла). Православные телепрограммы скорее по типу относятся к церковным СМИ, но также отражают стремление повлиять на массовое восприятие РПЦ со стороны самого церковного сообщества.

Что касается критических по отношению к РПЦ материалов или мнений, которые иногда появляются в СМИ, то они пока не участвуют в формировании широко распространенного образа церкви и православия, их мало, и критика Московской патриархии еще не стала частью общероссийского обсуждения роли РПЦ в обществе, культуре и экономике. Тем не менее сама возможность критики церкви и тот факт, что часть общества может быть недовольна позицией РПЦ, постепенно подтачивают массовое идеализированное представление о православии, способствуют разделению восприятию веры и церковных институтов, православия как культуры и действий иерархов.

Кроме того, более осмысленному восприятию православия и церкви помогают сюжеты на социально-культурную тематику, обсуждение наиболее «горячих» тем, касающихся РПЦ и общества, таких как преподавание православия в школе, присутствие священников в армии, в целом попытка осознать роль религии в обществе. Но и этот процесс раскрепощения общественного сознания пока не способен окончательно разрушить мифы о церкви и православии, созданные в СМИ журналистами и иерархами за двадцать постсоветских лет.

Как и всякая авторитетная общественно и исторически значимая организация, РПЦ через СМИ формирует мировоззрение если не верующих, то православно ориентированной части общества и в том числе представителей власти. Стоит специально отметить, что в рамках данного исследования мы специально не различали образы церкви и православия. Конечно, между этими понятиями есть разница, в обществе, безусловно, существует различное отношение к православию как к культуре, к церкви как к структуре и — отдельно — к представителям духовенства. Отношение населения ко всем этим категориям можно определить путем специальных социологических исследований, но в рамках анализа СМИ такая градация была бы искусственной.

Церковные деятели сами или через журналистские материалы говорят о том, как бы они хотели, чтобы все вокруг воспринимали Православную церковь и православие в целом. Практически все стереотипные высказывания о РПЦ как основе государства, традиции, культуры, духа впитаны обществом и политиками в последние двадцать лет через СМИ. Более того, политики и деятели церкви сами приспособились говорить на «птичьем языке» этих символов, стереотипов и мифов, так что православный имидж стал своего рода политической привычкой, отказ от которой равносителен отказу от собственного кресла. Сформировалась своеобразная виртуальная реальность, в которой живут церковь и власть и которую необходимо понять и проанализировать. Однако помимо официоза есть то, что в народе, в быту связывается с православием и также выплескивается в СМИ. Мы попытаемся понять, как одно

связано (или же не связано) с другим и почему столь велик контраст между официозом и фольклорным православием, народным образом РПЦ в прессе.

На грани папоцезаризма

Отношение РПЦ к ее месту и роли в российском государстве и обществе, выраженное в СМИ, по-своему оригинально и по существу не воспринималось всерьез вплоть до избрания патриархом Кирилла. Безусловно, согласно «Социальной концепции Русской Православной Церкви» идеалом для русского православия является модель византийской симфонии властей, независимости, но и тесного взаимодействия и взаимопроникновения светской и церковных властей³. Вместе с тем образ, рисуемый прессой, внушает массовому сознанию идею о верховенстве РПЦ, близкую к папоцезаризму. Московская патриархия выступает как символ легитимности власти и государства (слабость и недостаток этой легитимности у чиновников в РПЦ ощущали и ощущают), как институт, требующий поклонения, перед которым надо просить прощения, в том числе государству, подвергавшему церковь гонениям в советское время, а теперь не обладающему четкой идеологической позицией и не знающему точно, куда вести народ. Общество и народ, как неоднократно повторяли в СМИ представители Московской патриархии, также в целом должны принести покаяние за деяния советского времени.

В эпоху патриарха Кирилла этот образ единственной неповрежденной структуры «русского мира» или «русской цивилизации» воплотился в идею о том, что спасительная для России государственная политика возможна лишь при опоре на православие при некотором отождествлении интересов РПЦ и государственных интересов. Государственническая риторика занимает значительное место в любом журналистском материале, где слово дается священнослужителю, — каждый представитель церкви чувствует себя обязанным сказать о ее государствообразующей роли, о поврежденности государства

и общества и о незыблемости РПЦ. В образах СМИ церковь отождествляется с государством и ставится намного выше него, требуя к себе исключительного отношения и поддержки. Вследствие этого образ РПЦ отстраняется и отделяется от общества, разделяет свои интересы и интересы общественных групп (поскольку «церковь — это и есть отражение общества»), требует отказа от демократических установок современного государства в пользу «самобытной соборности»⁴. РПЦ фактически ставит себя выше нынешней государственной власти в России, как это складывается исходя из публикаций в СМИ, так как может отождествить себя лишь с православным корпоративным авторитарным государством, противостоящим Западу и западным ценностям. Более того, в 2000-е годы в массовой печати появляется все больше высказываний чиновников, которые сами целенаправленно поддерживают «государствообразующий» образ РПЦ.

Основную роль в формировании государственного образа православия, безусловно, играют федеральные телеканалы. Участие деятелей РПЦ в официальных мероприятиях, встречах, праздниках (Пасха и Рождество, другие православные праздники, Дни славянской письменности и культуры, «Рождественские чтения», с мая 2010 г. День Крещения Руси (28 июля) и т. п.), освещение официальных визитов (таких как поездки патриарха Кирилла на Украину и в Казахстан в 2009—2010 гг. и т. д.), освящения храмов, колоколов, передача икон, новости о том, как православие решает государственные задачи, составляют основу информации о церкви на телевидении. С 2009 г. патриарх Кирилл стал единственным представителем общественной организации, который на равных проводит периодические встречи с президентом и премьером, обсуждая важнейшие законопроекты (например, о церковном имуществе, военном духовенстве, преподавании религии в школе) и сотрудничество РПЦ и государства в целом⁵, восстановление церковных святынь под эгидой государства⁶.

Первый канал придерживается именно такой государственнической линии подачи материалов о РПЦ и православных праздниках, но делает это сдержанно, опираясь на фактический видеоряд. Какое-либо открытое обсуждение

церковных проблем или критика церковных инициатив отсутствуют. Единственная программа за большой промежуток времени — «Судите сами» с ведущим Максимом Шевченко (от 11 марта 2010 г.) «Церковь и музеи: возможен ли компромисс?», где содержалась умеренная критика попыток РПЦ получить музейные ценности, скорее подтверждает общее правило⁷.

Поддержка РПЦ государством особенно ярко проявлялась в торжественных мероприятиях, освещаемых в СМИ, причем следует говорить именно о взаимной идеологической поддержке власти и православия. Так, в январе 2001 г. впервые в массовом порядке были вручены государственные награды — ордена — 33 священнослужителям. В сюжете Первого канала по поводу этого события отмечалось: президент убежден, что Россия навсегда рассталась с эпохой духовной нищеты. В президентском указе говорилось, что эти награды «за большой вклад в укрепление гражданского мира и возрождение духовно-нравственных традиций».

«Владимир Путин: “Россия навсегда рассталась с эпохой духовного нигилизма и нравственной нищеты, с веком ожесточенной борьбы за само право человека верить...” <...> Он (патриарх. — Р. Л.) подчеркнул, что сегодня перед церковью и государством стоит одна и та же задача — укрепить мир в обществе и возродить страну.

Алексий Второй, Патриарх Московский и Всея Руси: “То, что мы встретили Новый год с молодым Президентом, полным энергии, — залог того, что Россия решит экономические проблемы и другие сложные вопросы, и 21 век будет мирным и созидательным”. Уже завершая торжественную церемонию, Владимир Путин поделился своими впечатлениями. Во время награждения он спросил у одного из священнослужителей, где находится его приход, и услышал в ответ: “На Большой Коммунистической улице”. “Это еще раз подтверждает, как все у нас перемешалось”, — сказал Путин. Позитивный заряд сотрудничества Церкви и государства должен сохраниться и на будущее, — подчеркнул Президент»⁸.

Политическое значение православия постулируется открыто и со всей очевидностью, т. е. формируется вос-

приятие РПЦ как символа и в какой-то степени источника государственной идеологии. Так, в 2001 г. в репортаже по поводу знакомства президента Путина со святынями РПЦ глава государства заявил о православии как основе политики страны: «Находящийся в отпуске президент России Владимир Путин сегодняшний день провел на Соловецких островах. Президента встречал там патриарх Алексей Второй. Во время посещения Соловецкого монастыря президент ответил на вопросы журналистов. При этом Владимир Путин подчеркнул, что без христианства вряд ли состоялась бы Россия. Поэтому сегодня важно и своевременно вернуться к этому источнику. Президент также добавил, что присущая русской православной культуре идея равенства всех народов перед Богом должна быть положена в основу внутренней и внешней политики России»⁹.

После 2000 г. высшие лица государства отмечают неразрывное единство целей власти и РПЦ в возрождении страны, а также роль церкви как связующего звена между советским прошлым и современной Россией. Эта тема становится именно государственной задачей, и, соответственно, она нашла отражение в СМИ в рамках широкого освещения и оправдания на телеканалах процесса объединения Московской патриархии и Русской православной церкви за границей при активном участии президента России. На Первом канале вышел фильм «Время собирать камни. Фильм-рассказ об истории раскола Русской Православной Церкви после революции 1917 года и о трудном пути объединения» (производство — «Призвание», 2007 г.)¹⁰. Характерны и названия соответствующих репортажей: «Две ветви Русской православной церкви стали на шаг ближе к воссоединению», «Воссоединение разорванной истории страны — одна из важнейших задач для России»¹¹. На телеканале «Россия» в 2007 г. вышла в эфир авторская программа Аркадия Мамонтова «Специальный корреспондент. Возвращение», в которой главной была идея единства «русского мира»: «17 мая будет подписан Акт о каноническом общении между Русской православной церковью за рубежом и Русской православной церковью в России. Потомки знаменитых фамилий — дети и внуки “белой эмиграции”

возвращаются на Родину. Они помнят ту, другую, Россию и верят: духовное объединение, опыт, знание должны дать народу и Родине толчок к пониманию, кто мы есть и зачем живем в современном мире»¹². Такого рода новостей и сюжетов в 2006—2007 гг., когда воссоединение церковью было завершено подписанием Акта о каноническом единстве, было множество.

Фигура патриарха приобретает в изображении СМИ черты особого государственного деятеля — в обязательном порядке освещаются дни рождения предстоятеля РПЦ, снимаются фильмы о его жизненном пути. Идеологические отношения РПЦ и государства видны на примере сюжета о взаимных поздравлениях патриарха Алексия II и президента Путина 23 февраля 2005 г.: «Патриарх Московский и Всея Руси Алексей Второй: “Позвольте поздравить Вас с Днем защитника Отечества. Вы у нас главный защитник”. Владимир Путин: “Спасибо большое. Но и Православная Церковь всегда была защитницей на Руси. Мы это хорошо знаем и помним во все времена. Я Вас сердечно поздравляю с двойным праздником”»¹³.

После кончины Алексия II в декабре 2008 г. был объявлен «День памяти Святейшего Патриарха на Первом»¹⁴. Несколько раз был показан фильм «Путь Патриарха. Памяти Алексия II» (производство — ИА РПЦ, 2009 г.)¹⁵.

При патриархе Кирилле традиция посещения президентом патриарха в день рождения была продолжена. Например, 20 ноября 2009 г. главу РПЦ поздравили Дмитрий Медведев с супругой¹⁶. Фильм о патриархе Кирилле «Един пастырь» был показан на Первом канале к годовщине его интронизации¹⁷.

Помимо формирования официального идеологического образа РПЦ, жестко привязанной к государственной власти и оправдывающей ее, в СМИ складывается военизированный образ РПЦ. Таким образом, православие естественно встраивается в триаду «православие, государство, армия», где армия и православие оказываются исключительными опорами государства. Материалы из новостей Первого канала говорят сами за себя. Руководство армии и церкви также выступают вместе, как и президент и РПЦ. Патриарх и другие священнослужители молятся о воинах,

заявляют о священности воинского долга, благословляют на военные кампании, в частности, в Чечне¹⁸.

Один из новостных материалов назывался так: «Патриарх Алексей Второй полагает, что контртеррористическая операция должна быть доведена до конца». В сюжете отмечалось: «Патриарх Московский и Всея Руси Алексей Второй служил сегодня молебен о российском воинстве и панихиду по погибшим в Чечне солдатам и офицерам федеральных войск... На богослужении присутствовали руководители правительства, известные политики, ученые. Патриарх вручил церковные награды группе государственных деятелей и военачальников. Анатолий Квашнин, начальник Генштаба, был удостоен ордена Святого Даниила Московского, а его заместитель Валерий Манилов — ордена Преподобного Сергия Радонежского»¹⁹.

Военизированный образ церкви ассоциируется в СМИ с военными сражениями, военными героями и военачальниками. Церковные праздники также привязываются к битвам. Например, по поводу того, что церковь отмечает Дмитриевскую родительскую субботу, в сюжете Первого канала говорилось: «Верующие чтят память всех воинов, павших за Родину. Традиция появилась в 14 в. Установил ее Святой Князь Дмитрий Донской через 40 дней после Куликовской битвы»²⁰.

Тема церкви и защиты Отечества стала особенно широко развиваться с введением в 2005 г. Дня народного единства 4 ноября — государственного праздника в честь освобождения Москвы от поляков в 1612 г. и иконы Казанской Божией Матери. Сама икона также военизируется: «Известно, что икона Богородицы Казанской была в ополчении Минина и Пожарского. Перед этим образом молились Петр Первый и фельдмаршал Кутузов накануне решающих сражений»²¹.

Помпезно-патриотическая подача информации в СМИ о воинском православии делает любое вроде бы формально религиозное действие парадным мероприятием, из которого выхолащивается все религиозное. Когда на главную базу Тихоокеанского флота в 2002 г. доставили частицу мощей св. Федора Ушакова, новость об этом звучала так: «Ковчег с мощами из аэропорта с особыми почестями на

бронетранспортере доставили и Свято-Никольский кафедральный собор Владивостока. Здесь прошла первая служба по случаю прибытия святыни. Завтра во Владивостоке состоится крестный ход. Главную святыню военных моряков пронесут по центральной улице города к мемориалу подводной лодки С-56. Там состоится освящение боевых знамен. Частица мощей Святого Федора Ушакова останется во Владивостоке навсегда. Так решили церковь и командование флота»²².

Массовый характер приобрели заявления руководства РПЦ о том, что тот или иной святой покровительствует определенному роду войск или профессии, что было широко растиражировано СМИ: Федеральной службе безопасности — благоверный князь Александр Невский, Внутренним войскам МВД — святой равноапостольный князь Владимир, Военно-морскому флоту — апостол Андрей Первозванный, Воздушно-десантным войскам — пророк Илья, Сухопутным войскам — великомученик Георгий Победоносец, Инженерным войскам — святой благоверный князь Даниил Московский, Пограничной службе — преподобный Илья Муромец, Дальней авиации ВВС — святой праведный воин Феодор Ушаков, Ракетным войскам стратегического назначения — святая великомученица Варвара²³. Преподобный Иосиф Волоцкий объявлен патриархом Кириллом небесным покровителем православного предпринимательства и хозяйствования. Покровителем олимпийской сборной является св. Георгий Победоносец (в январе 2010 г. патриарх Кирилл специально благословил российскую олимпийскую сборную перед поездкой на Олимпиаду в Ванкувер в храме Христа Спасителя)²⁴.

Согласно государственническому образу РПЦ, сложившемуся в СМИ, церковь является более оправданной и приемлемой опорой страны, чем даже сама власть. Связь любого учреждения с церковью оказывается если не необходимой, то естественно предполагаемой, а любая сфера жизни, любая профессия требует благословения РПЦ, присутствия священнослужителей или православной символики, что и отражается, часто в упрощенном и гротескном виде, на телевидении и в массовых печатных из-

даниях. Независимо от декларируемых основ конституционного строя и заявлений православных иерархов о том, что церковь не желает снова становиться государственной, православие перестало восприниматься отдельно от государства.

Церковь как традиция, нация, патриотизм и культура

В постсоветский период именно православие было объявлено хранителем сокровищ и ценностей русской культуры и духовности. По существу РПЦ заменила народ в известном лозунге «искусство принадлежит народу». Московская патриархия была объявлена носителем истинно русских патриотических и культурных идей и ценностей, средоточием русского духа. СМИ рисуют схематичный идеологизированный образ РПЦ как хранительницы русских традиций, который лишен развития и жизни, а скорее служит для того, чтобы стать монолитным основанием для общих представлений о величии православия. Эти представления не находят своего воплощения (за редкими исключениями) в какой-то особой культурной политике РПЦ, а поэтому сразу воспринимаются как формальная прелюдия к постулату о мощи, уникальности и величии церкви и русского православия. Пресса дает обширный и однообразный материал для описания этого феномена, в рамках которого понятия «традиция», «нация», «патриотизм» и «культура» в соединении с православием подаются через призму уникальности и величия.

Величие духовности РПЦ формируется в массовом сознании с помощью фильмов о святых, об их подвигах и чудесах, о святых мощах и монастырях, об истории православия в целом и об исключительности русского православия. Особая роль в формировании этого образа РПЦ принадлежит телеканалу «Россия», который по сравнению с Первым каналом не только производит больше православных по тематике программ, но и делает их в более жестком, прямолинейном идеологическом ключе, предлагая зрителям определенные пропагандистские клише и мифологемы.

На телеканале «Россия» в середине и конце 2000-х годов было выпущено беспрецедентное количество фильмов, помогающих создать впечатление об уникальном культурно-историческом величии РПЦ.

Глобальность православия подчеркивают фильмы цикла «Планета православия» (режиссер Валерий Балаян, сценарий Валерия Балаяна, Бориса Корчевникова при участии Леонида Порохни). В рамках этого цикла были сняты фильмы «Румыния. Албания. Две судьбы», «Япония. Гонконг. Дар Святителя Николая», «Сирия и Ливан. Вторая колыбель», «Сербия и Болгария. Молитва надежды», «Израиль. Земля Господня», «Православная Америка», «Константинополь», «Австралия и Индонезия». Как отмечается в аннотации, «авторы документального цикла, пройдя по всему миру, расскажут зрителям об истории и географии православной церкви»²⁵.

Фильмы и новостные сюжеты подчеркивают, что сохранение православия является сохранением русской культуры. Православность рисуется как единственно возможный способ выживания русских в любой точке мира. Об этом, в частности, говорит фильм «Путь к спасению. Русский храм на чужбине» (авторы сценария Елена Чавчавадзе, Ирина Ульянова, режиссер Галина Огурная)²⁶. Идея фильма выражена так: «Революция и Гражданская война разметали миллионы русских людей по всему свету. И там, куда приводила их нелегкая судьба беженцев, появлялись православные храмы, напоминавшие о потерянной Родине».

Отождествление православия, русской традиции и патриотизма или даже единственно возможная трактовка патриотизма как православия даются в рамках другого большого цикла телеканала «Россия» — «Земное и небесное». Создатели сериала заявляют: «Сделан первый шаг в восстановлении исторической справедливости: истории России нет без Православной церкви». Это естественное следствие из государствообразующей роли РПЦ, ее исторического превосходства над государством в силу большей легитимности, непрерывности духовного пути в отличие от изменчивости государственной власти. В фильме «Земное и небесное» подчеркивается, что церковь в какой-то

степени исполняла роль государства: «Во всей десятивековой истории нашей родины, в каждом более или менее значительном событии Церковь не только принимала деятельное участие, но в самые отчаянные времена брала ответственность за судьбу страны. И в славные, и в трагические годы Русская церковь первой звала на борьбу с захватчиками, она же первой призывала к милости». К серии фильмов (в жанре документальной драмы) в качестве ведущих были привлечены самые известные актеры: Алексей Петренко — фильм первый «Крещение» и фильм четвертый «Братство», Станислав Любшин — фильм второй «Благоверный князь», Владимир Заманский — фильм третий «Монашество», Федор Бондарчук — фильм пятый «Третий Рим», Владимир Ильин — фильм шестой «Раскол», Юрий Шевчук — фильм седьмой «Без Патриарха», Валерий Золотухин — фильм восьмой «Крестный путь», Ирина Купченко — фильм девятый «Спаси и сохрани». Фильм десятый «Лето Господне» представляет собой развернутое интервью с патриархом Алексием II. Этот сериал делался при прямом участии представителей РПЦ, в частности, руководителем сценарной и научно-консультативной группы был глава Церковно-научного центра «Православная энциклопедия» Сергей Кравец²⁷.

За историческими фильмами следуют идеологические кинопамфлеты, которые создают мифологию православия как уникальной традиции, РПЦ как хранительницы культуры Святой Руси и Третьего Рима — основы уникальной патриотической идеи государства. Так, в двух фильмах «Русская Палестина» авторы, рассказывая о российском имуществе на Святой земле в советский и постсоветский периоды, затрагивают, в частности, следующие актуальные темы: «Идея Сталина вновь возратить русской земле статус Третьего Рима <...> раскол и воссоединения двух ветвей Русской православной церкви, возрождение православных традиций, в том числе паломничества и принесения Благодарного Огня из Иерусалима в Россию»²⁸. Нынешнее государство и РПЦ вместе восстанавливают традицию величия по всему миру.

Русская культура, русскость неразрывно связываются с РПЦ в фильме «Русские» (автор архимандрит Тихон

(Шевкунов), режиссер Ольга Севостьянова, автор сценария Юлия Вахрушева). В фильме четко провозглашается: «Их родной язык — русский. Их вера — православие. Многие из них никогда не были в России, но все хотят поехать в страну, о которой знают только по рассказам своих родителей, бабушек и дедушек»²⁹.

Уникальность и величие РПЦ как хранительницы государственности и культуры отмечается в фильмах о православии и идее Третьего Рима. Это фильм «Сталин и Третий Рим» (авторы сценария Сергей Кравец и Виктор Беляков, режиссер-постановщик Виктор Беляков). В этом фильме все так же просто и чеканно провозглашается: «Принято государственное решение: Русская церковь должна стать центром мирового православия. Влиятельному прозападному Ватикану должен противостоять восточный Ватикан — в Москве»³⁰. Однако самый известный фильм-памфлет о православии — «Гибель Империи. Византийский урок» (автор идеи архимандрит Тихон (Шевкунов), режиссер Ольга Севостьянова)³¹. В нем отказ властной верхушки от православия приравнивается к отказу от культуры и к распаду государства, а под знаменем православия предлагается бороться с «олигархами».

На другом, более понятном массовому сознанию уровне уникальность православия, его благолепие, сакральность демонстрируются в фильмах о конкретных святых и монастырях. Так, в рамках своей авторской программы в рубрике «Специальный корреспондент» журналист Аркадий Мамонтов сделал несколько фильмов о православии. Текст фильма «Монастырь» о Свято-Горском монастыре наполнен пафосом: «Монастырь разрушали несколько раз почти до основания, но даже в самые суровые годы гонений на церковь и на веру церковные службы в пещерах не прекращались никогда. Потушить и уничтожить саму веру не удалось никому»³². В фильме «Святой» рассказывается о св. Иоанне Кронштадтском и его чудотворной силе³³. Фильм режиссера Анастасии Поповой «Юродивые» также подчеркивает, что только в России прижился такой тип святого, как юродивый³⁴.

Во многих сюжетах и фильмах отмечается, что православие — это и есть настоящая любовь к Родине, патри-

отизм, который помогает и побеждать, и строить жизнь вокруг себя. В фильме «Батюшки особого назначения» Алексея Денисова отмечается: «Православная вера тысячу лет поддерживала русских людей, помогала им выстоять в труднейших обстоятельствах, была духовным фундаментом Российского государства и его могучей армии. Современная армия все ближе подходит к тому, что невозможно воспитать полноценного воина без христианского мировоззрения»³⁵.

Созданию образа идеального патриота, который борется с несправедливостью и разрухой вокруг, посвящен восьмисерийный сериал «Батюшка» телеканала «Россия». В фильме две сквозные сюжетные линии. Первая — возрождение храма в отдаленном рыбацком поселке. В каждой серии зрители наблюдают за определенным этапом восстановления от первоначальной расчистки тюремных интерьеров и возведения разрушенного купола до строительства звонницы и поднятия колокола. Вторая линия сериала раскрывает образ главного героя — сорокалетнего Романа Малышева. За полгода, что строился храм, он проходит путь от моряка и убежденного холостяка до батюшки в восстановленном храме³⁶. После того, как этот фильм прошел, было снято продолжение — «Батюшка 2»³⁷. В сериале православный с военной выправкой становится залогом порядка и налаживания окружающей жизни.

Идеологическое воздействие всех перечисленных форм подачи материала о православии и РПЦ действительно огромно, тем более что телеканал «Россия» смотрит абсолютное большинство россиян. На этом телеканале появлялись и другие фильмы без столь жесткой идеологической пропаганды. Это и фильм отца Тихона (Шевкунова) «Монастырь», о годах, проведенных им в Псково-Печорском монастыре, и фильм «Живое слово Александра Меня»³⁸, но они тонут в общем потоке идеологического государственного православия. С точки зрения воздействия на массовое сознание телевидение играет решающую роль, поэтому в данном случае мы попытались наиболее объемно описать именно телевизионный материал о РПЦ. Однако в печатных СМИ можно найти такие же образы, идеологемы и подходы, которые

в том числе транслируются во многом с телевизионных экранов в массовые газеты³⁹. В регионах местная пресса описывает региональное православие, историю и современность епархий, применяя идеологическую методичку и стилистику федеральных каналов.

Уникальность православия в противостоянии врагам России: секты, Запад, демократия

Величие и роль фундамента традиции делает РПЦ поистине уникальной и сообщает эту уникальность русской самобытности, основанием которой может служить лишь православие. Духовенство, выступающее в СМИ, и многие журналисты провозглашают, что лишь в РПЦ русские сберегут себя и свою культуру. Только в государстве, основанном на православных духовных ценностях и поддержке православия как традиционной религии, Россия сохранит свое величие. Однако многовековая уникальность православия не стала залогом процветания страны и социальной устроенности ее граждан, а демократические тенденции в обществе и провозглашенная свобода совести не помогают укреплению православия. То есть сама демократическая реальность противостоит образу РПЦ.

Укрепление идеального образа РПЦ как «хранительницы традиций и носительницы величия» требовало антизападной и антидемократической риторики, а также противопоставления златоглавому идеалу РПЦ образа страшных и безумных «сект», что методично делалось в СМИ с начала 1990-х годов и до нынешнего времени. Иллюстрацией могут служить интервью церковных иерархов, которые они давали светским СМИ, а также серийные публикации в прессе о «сектах», под которыми подразумеваются, как правило, все неправославные христиане и новые религиозные движения.

Отличительными качествами православия в представлении СМИ являются культурное и духовное превосходство, богатство, красота, величие, а «сектам» свойственны безумие, обман, предательство, духовное и физическое уродство и т. п.⁴⁰

Никаких специальных программ, в рамках которых рассказывалось бы о современной жизни других христианских конфессий в России, кроме православия, на федеральных каналах нет. Из других религий выделяется лишь ислам, который представлен на телеканале «Россия» программой «Мусульманин». Названия христианских протестантских церквей и миссий периодически упоминаются в ряду других «опасных, деструктивных и тоталитарных сект» в новостях и ток-шоу на Первом канале, канале «Россия» и на «ТВ Центре». Свой вклад в создание «безумного» образа протестантов (прежде всего пятидесятников и харизматов) сделали журналисты таких программ «ТВ Центра», как «Отдел Х» (ведущий Олег Вакуловский), а также серия телерасследований и аналитических программ «Наша версия. Под грифом “Секретно”». Сюжеты, направленные против протестантов и представителей новых религиозных движений, выходят в программах «3 канала» «Город», «Главная тема» и «Русский взгляд».

Преступный образ сект создавался в первую очередь в целом ряде фильмов, которые демонстрировались по центральному каналу. Так, на НТВ 3 и 8 апреля 2003 г. была показана передача «Очная ставка с Владимиром Золотницким. Ритуальное убийство: на что способны сектанты». Как и во многих подобных телефильмах, в качестве персонажей программы выступали представители евангельских церквей и новых религиозных движений. Ее авторы открыто заявляли, что протестантские церкви «Слово Жизни» и «Благая Весть» занимаются «ритуальными убийствами», гипнозом, денежными поборами, зомбированием, разрушением семей и т. п.

Аналогичные обвинения были повторены в фильме «Секты в законе», показанном на Первом канале 8 октября 2003 г. Для его авторов протестантские движения ничем не отличаются от членов Церкви сайентологии или Православной церкви Божией Матери Преображающейся (богородичников). Основная цель создателей фильма «Секты в законе» — показать, как сказано в анонсе, что «...секты — тот же бизнес с хорошо отлаженной структурой управления. Лидеры умело используют маркетинговые принципы для популяризации своей идео-

логии. Секты — это кровавые деньги, заработанные на душах наивных верующих. Они забирают все — деньги, недвижимость, здоровье человека и даже его жизнь».

Во многих фильмах создается образ православия как синонима нормальной обычной здоровой жизни, тогда как секты — это символ безумия и мошенничества, а также жизни вне своей национальной культуры и вне общества. В фильме «Секты» приводится комментарий руководителя центра реабилитации жертв нетрадиционных религий о. Олега Стеняева: «Церковь не ставит перед собой задачу всех сделать православными. Но вернуть человека к социально значимой жизни — это очень важная цель». Для представителя МВД в этом фильме РПЦ становится знаменем борьбы с западным влиянием: «Если сейчас взять на вооружение силовые методы в отношении сект, это будет им только плюс. Во-первых, сразу поднимется целая армия зарубежных правозащитников, которые начнут кричать, что у нас нарушается свобода слова, свобода веры и что вообще нет демократии. Поэтому совершенно правильно сказали: только всеми силами общества, только силой убеждения, силой разоблачения можно вылечиться от этой болезни»⁴¹.

Размытая неправославность (часто не дается определение того, кто такие сектанты) трактуется как синоним разрушительности для государства, общества и личности, т. е. как причина социальных бед. В одном из характерных сюжетов дается наиболее типичная логическая конструкция: «Потеря, забвение или замена исторических национальных ценностей страны — не такое уж безобидное явление, как может показаться. После любых потрясений экономическая разруха — все простаивающие заводы, ржавые гаражи и разбитые дороги — это лишь видимая часть айсберга. Невидимая, но гораздо более тяжелая часть последствий — это утрата обществом моральных и нравственных ориентиров, отсутствие духовной жизни и в результате поиски различных заменителей веры. По оценкам специалистов, около 800 тысяч человек находятся под влиянием сект»⁴².

Такого рода программы и целые фильмы о сектах и об идеальном православии выпускались практически на всех телеканалах, а публикации были также во всех СМИ

и являются одной из периодически появляющихся тем в массовых газетах. Выявление того, кто такие сектанты по существу, даже не входит в задачу авторов такого рода материалов. Главное — показать, что секты по сравнению с православием — это нечто страшное. В фильме Вадима Фефилова на НТВ «Охотники за душами» говорится: «Они кого без гроша оставят, кого — без крыши над головой, а с кого — потребуют безропотного подчинения, например, услуг интимного свойства или в жертву себя принести. Как попадают, по сути, в рабство? Почему разоблачить секту большей частью невыполнимая миссия?». Представители РПЦ поддерживают и оправдывают иррациональный страх перед сектами: «Александр Дворкин, сектовед, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: “Система обработки через унижение, через избиение, через сексуальную эксплуатацию, через пытки, через заключение, через лишение сна и так далее”»⁴³. Такого рода похожих друг на друга фильмов, часто с одними и теми же видеокадрами, было много: фильм о сектах харизматического толка на НТВ в «Очной ставке» 3 апреля 2003 г., «Дети в сектах» (НТВ, 18 марта 2007 г.), «О секте Богородичный центр» (ОРТ, 2007 г.), «Порфирий Иванов» (РТР, 2006 г.).

В рамках противопоставления сект величию и благолепию православия часто проводится прямая фальсификация материалов о сектантах, чтобы сделать их еще более нелепыми, безумными и преступными.

Например, 5 июля 2006 г. в ежедневном выпуске газеты «Вечерний Новосибирск» вышла статья корреспондента Валерия Мельникова «Желтые майки с оранжевым отливом», порочащая церковь «Слово Жизни». 31 августа 2006 г. на православном сайте «Агентство национальных новостей» была опубликована статья Дмитрия Кокоулина «Неопятидесятники регулярно вербуют в свою секту детей и подростков». В ней помещен рассказ сотрудника центра по вопросам сектантства при соборе св. Александра Невского в Новосибирске Олега Заева о том, как «издеваются» над детьми в летнем лагере пятидесятников. На Заева ссылались также газета «Вечерний Новосибирск» и сюжет, переданный «Вестями» телеканала «Россия» 27 сентября 2006 г.⁴⁴

В сюжете «Вестей» говорилось: «В Новосибирской области телеоператорам удалось побывать в секретном лагере для подростков, организованном сектой так называемых неопятидесятников. Вольные толкователи Евангелия заставляют детей выполнять странные обряды, а затем начинают вымогать у них деньги. Фильм, попавший в Новосибирский центр по вопросам сектантства, называется “Семь дней, которые изменили твою жизнь”. Подростки катаются по дорожкам, залитым помоями, и мажут голову непонятной коричневой жижей, совсем не похожей на шоколад. В центре убеждены, что за неделю секта неопятидесятников “Слово Жизни” действительно многим круто меняет представление о мире». Этот сюжет, разжигающий религиозную рознь, был сделан на основе реального фильма, который был снят в одном из летних лагерей Библейского центра «Слово Жизни». Из целого фильма о детских играх в лагере было вырезано несколько фрагментов с игрой, которая представляла собой нечто среднее между конкурсами в передачах «Фактор риска» и программой «Форт Байярд». Причем фильм «Семь дней, которые изменили твою жизнь» был издан центром «Слово Жизни» на отдельном DVD-диске, поэтому в «Вестях» были показаны искусственно составленные кадры «катания» детей по помоям и добавлен эффект скрытой камеры.

Эта история демонстрирует подход к изображению сектантов и роль православия как своего рода «полиции нравов», противостоящей врагам России, пришедшим с Запада и разрушающим наше общество. Такого рода сюжеты транслируются в местных новостях канала «Россия», соответствующие статьи печатаются в региональных вкладках газет «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», в изданиях регионального значения⁴⁵. Практически все эти материалы написаны по одному сценарию с обязательной ссылкой на православие и представителей РПЦ — руководителей миссионерских отделов епархий и местных «сектоборцев». По мере развития антисектантских центров и появления у правоохранительных органов интереса к «сектам» под лозунгом борьбы с экстремизмом (примерно с 2008—2009 гг.) православно мотивированные матери-

алы против других конфессий и религий стали в массовом масштабе публиковаться в СМИ по всей России.

Образ церкви в обществе: «православные — это мы все», фольклор и праздники

Конкретный и реалистичный образ православия и церкви в общественном сознании складывается из элементов, прямо противоположных образам государственного величия РПЦ и православной веры как хранительницы высокой культуры и залога патриотизма.

В СМИ отсутствует интерес к вероучительной, существенной стороне православной веры, поскольку и само священноначалие РПЦ декларирует всеобщую православность населения, оправдывая идею государственного православия, т. е. объявляет, что «православные — это все русские по крови и духу и крещенные в детстве» (так не раз отмечал в своей программе «Слово пастыря» митрополит Кирилл, а также многие другие архипастыри⁴⁶). Творцами мифов православного сознания на деле оказываются сами представители РПЦ, выступающие в СМИ.

Анализ прессы показывает, что православие проще всего воспринимается через народную полуязыческую культуру, которая легко сочетается с астрологическо-окультурными аморфными массовыми представлениями о духовности, суевериях, гаданиях, диетах, в целом о том, как в жизни должны помогать религия, духовные отцы, старцы, святая вода и духовные практики. СМИ изобилуют полусказочными рассказами о православных праздниках и святых, о том, как надо отмечать праздники с точки зрения гаданий, календаря, гастрономических особенностей. СМИ отражают фольклорную, даже скоморошескую сторону образа РПЦ и православия, где величие неуместно и неправдоподобно, реальная вера непонятна и чужда, а духовенство и церковные институты, их указания и действия, особенно «государствообразующие», воспринимаются со стойкой народной иронией.

Значительная часть материалов популярных газет посвящена теме православия и «здоровой духовной пищи».

Православная кухня является неисчерпаемым и многообразным источником для журналистских статей. Эта гастрономическая черта образа православия в изображении СМИ имеет несколько аспектов. Во-первых, наибольшее количество материалов рассказывает об особенностях православной кухни, по преимуществу во время Масленицы и постов, а также после Великого поста в преддверии и после Пасхи. В частности, раскрывается языческо-православная суть празднования Масленицы, а также печатаются рецепты выпечки блинов⁴⁷, материалы о пользе поста для организма и о том, как правильно поститься, можно ли пить алкоголь и заниматься сексом на Пасху и т. д.⁴⁷

Во-вторых, в меньшей степени, чем блюдам постной кухни, в прессе уделяется внимание тому, какой должна быть «правильная» православная пища, способствующая оздоровлению организма. К примеру, в интервью «Аргументам и фактам» иеромонах Анатолий Берестов, осуждая употребление пищи с биодобавками, выдвинул следующий лозунг: «Питайтесь естественной пищей, данной нам Богом, благодарите за нее Господа, ходите в храм, берегите и умножайте Православие — веру наших предков»⁴⁹. В другой заметке после перечисления особенностей постного воздержания делается заключение: «Мужья и жены за время поста накапливали силы духовные и физические для “брани плотской”, результатом которой становилось здоровое потомство»⁵⁰.

В-третьих, наличие больших постов объявляется подвижнической аскетической чертой православия, которая также подчеркивает исключительность этой веры. По сравнению с другими христианами православные верующие становятся настоящими героями: «Самые длинные посты — в православии, в католичестве многодневных постов нет, а протестанты (кроме англиканской церкви) вообще постов не знают»⁵¹. Суть постов и праздников описывается именно в таком гастрономическом ключе⁵².

Красота и благолепие православия в материалах СМИ связываются не только с православным богослужением, архитектурой храмов, но и с разнообразными фольклорными чудесами, чудотворными иконами, с чудесами вокруг мощей, благолепием⁵³ и т. д. Например, один из самых

часто описываемых в СМИ святых — это великомученик и целитель Пантелеимон, мощи которого регулярно путешествуют по России. В газетах часто описываются чудеса, которые происходили у его мощей в истории и совершаются в настоящее время⁵⁴. Стиль рассказов о подобного рода событиях из православной жизни (перенесение или обретение мощей, чудотворные иконы и их мироточение) во многих печатных изданиях одинаков и создает представление о мистическом «сказочном благолепии» православия: «Заходим в собор. Прямо у входа — большая икона с ликом святого Пантелеимона. Прихожане задерживаются здесь, и постепенно в дверях образуется “пробка”. Те, кто уже поклонился лику, становятся в очередь к мощам, и вскоре ручеек из верующих уже оказывается на ступенях церкви. На деревянном помосте напротив Царских Врат собора стоит небольшой позолоченный ларец, изображающий житие святого. Внутри ларца — маленькое окошечко, под ним — мощи»⁵⁵. В такой же стилистике описываются популярные паломнические туры — по России, в Турцию, Грецию, Италию, Израиль⁵⁶.

С православными материалами, напоминаниями о праздниках, о том, что надо есть и готовить в посты, соседствуют сюжеты о магии, оккультизме, суевериях, астрологические прогнозы. Часто информацию об этом можно встретить на одной полосе в газете. Одним из показателей такого представления о массовом сознании, наполненном суевериями и православием одновременно, является телеканал «Доброе утро» на Первом канале, где упоминания о православных традициях и праздниках соседствуют с рассказами о заговорах, знаках зодиака, о знахарях, бабках, чудесах, приметах (за это телеканал подвергался критике со стороны иерархов РПЦ). В сознании большинства граждан традиции, имеющие формально религиозную христианскую основу, на практике связаны скорее с запретами в приеме пищи, с использованием святой воды в различных целях, с поминанием умерших родственников, с чудотворными иконами, которыми необходимо пользоваться в случае какой-либо определенной нужды или болезни.

Фольклорно-сказочное православие по существу является живой общественной культурой, хранилищем

которой оно и выступает. Это народное православие существует независимо от государства и церковных иерархов, ему чужд патриотический пафос официального образа РПЦ. Тем не менее именно государствообразующий образ церкви создает вакуум, в котором почти нет вероучительных идей, нет конкретных требований, обычных для христианской жизни, объяснения существа христианства, нет приходской общинной жизни (как и приглашения конкретному человеку прийти в общину), нет обсуждения внутрицерковных проблем и острых вопросов развития церкви, нет голоса обычных православных мирян, почти нет чисто религиозных призывов без идеологии и живых проповедей, почти нет участия РПЦ в социальной работе и в целом общественной деятельности православия вне связи с государством.

Сложившийся вакуум создал плодородную почву для поверхностного лубочного православия, в котором религиозные предписания заменили правильная гастрономия, правильное использование святой воды, икон и мощей, а суррогатами вероучения стали астрология, вера в чудеса и старцев, а также весьма популярное сочетание православия с иными практиками и идейными направлениями — йогой, учениями Кастанеды, Блаватской и Рерихов, верой в НЛО, Кашпировского, Грабового и т. п. Формируя разнообразные образы православия, СМИ отвечали на запрос среднего гражданина, который «считает попов прохвостами», в «церковь не ходит» и является «православным в душе». Соответственно «в душе» царит смешение идей и стереотипов, которые далеки от христианства и от официального православия.

Критика православия и представителей РПЦ

Критических по отношению к православию и церкви замечаний в прессе вплоть до конца 2000-х годов в массовых СМИ почти не было. Острые дискуссии вокруг проблем православия сосредоточились в основном в Интернете (на православных форумах, на патриотических консервативных православных сайтах и на самом популярном как

среди критиков, так и среди представителей РПЦ сайте <http://www.portal-credo.ru>, который был создан в 2002 г.). Отсутствие серьезной критики, даже простых размышлений о церковных проблемах объясняется тем, что невозможно критиковать то, чего по существу не знаешь. Образ лубочного православия не предполагает знания церковных проблем, реальной церковной миссии в обществе, вопросов веры и ее распространения и интереса к этим темам. Однако это не означает, что критических нот по отношению к православию и РПЦ в СМИ вообще нет. Какие же формы принимала критика РПЦ?

Во-первых, критика эта облечена в ироничные формы. Такова реакция на единственный образ православия, который описывается в СМИ по существу и достаточно широко и подробно, — это пафосный патриотический образ государственного православия. То, что в контексте официальной пропаганды и в устах церковных деятелей воспринимается как реальное основание государства и традиционной религиозности, в массовом сознании легко подвергается осмеянию или по крайней мере ставится под большое сомнение. Например, масса ироничных комментариев и заголовков последовала вслед за тем, как представители партии «Единая Россия» объявили православие идеологией и основой модернизации⁵⁷, по поводу аврального введения «Основ православной культуры» в школах в рамках общего образовательного модуля⁵⁸, связи православия и пьянства⁵⁹, неуклюжих попыток представителей РПЦ запретить театральные постановки⁶⁰ и т. п. При этом, когда представители РПЦ занимаются ранее не свойственным православным делом, занимают определенное место в экономике и политике, их поступки рассматривают совсем не с точки зрения веры, а скорее видят в них чиновников, подозревают их в обычной корысти⁶¹, описывают курьезы, такие как, например, «антикризисные молебны»⁶² и мнимые или реальные факты коррупции. Самым известным примером такого подхода к созданию образа руководства РПЦ являются публикации Сергея Бычкова в газете «Московский комсомолец»⁶³.

Во-вторых, церковь воспринимается вне общества, реальной современной общественной культуры, современ-

ной жизни людей, равно как и исполнение всех церковных предписаний не осознается как необходимость для граждан, называющих себя православными. С православием ассоциируются такие понятия, как «архаичность», «несовременность», консерватизм, аскетизм, граничащий с «сектантской» закрытостью от всего мира, от светской культуры и общества⁶⁴. Именно поэтому СМИ быстро подхватывают сообщения о пензенских сидельцах, закопавшихся в пещеры, о мятежном епископе Диомиде, которого показали по всем телеканалам, об изгнании бесов в церкви, о том, как мучают детей в монастырях⁶⁵. Кроме того, провозглашается принципиальное несоответствие предписаний РПЦ современной жизни большинства людей⁶⁶. Как правило, в материалах, где упоминается о православии, все перечисленные понятия преподносятся не в качестве упрека и повода к изменению, а скорее как данность, естественное состояние «сакральной» по сути церкви. Авторы и не стараются предъявлять никаких обвинений, потому что для них РПЦ во всей полноте учения и своих требований предназначена лишь для избранных, но никак не для обычных людей.

Поток статей о необходимости реальных изменений в РПЦ в серьезном ключе стал появляться только к концу 2000-х годов, особенно после того, как главой церкви стал патриарх Кирилл. Примеров таких публикаций, в том числе в массовых СМИ, можно найти множество, но одним из самых характерных можно назвать серию статей Юрия Белановского, заместителя руководителя Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи при Даниловом монастыре в Москве в газете «Аргументы и факты». Как представитель РПЦ Белановский осторожен в высказываниях, но на фоне отсутствия иных публикаций он смело раскрыл массовому читателю недостатки в церкви. Белановский отреагировал как раз на те образы православия, которые сформировались в СМИ, и предложил то, чего никогда не было в светских СМИ, — конструктивную критику церкви изнутри с анализом негативных черт православия (кроме того, это сделал мирянин, а не священник, и доступным языком).

Несовременность, мрачность, антикультурность православия разбирается в статье Юрия Белановского «О пра-

вославному дресс-коде»: «Непривлекательная, порой не-суразная одежда темных, мрачных тонов, неопрятность, иногда вплоть до пренебрежительного отношения к личной гигиене — все это видят и замечают окружающие люди. Неудивительно, что у многих сложилось мнение — это православие предписывает христианам такое нарочитое противопоставление окружающей культуре, а также “несо-временный”, мягко говоря, стиль одежды»⁶⁷. В другой статье он указывает на православное государственничество как один из главных мифов: «Былое величие православных держав не дает покоя многим людям. Ради актуализации этой темы они поддерживают и распространяют мифы о неуничтожимом мистическом величии России над всеми государствами, о том, что Советский Союз стал одним из звеньев развития православной победоносной державы, о необходимости возрождения царской власти и т. д.»⁶⁸.

В целом ряде статей делается попытка сломать представление о том, что православие — только культ и обряды и больше ничего⁶⁹. Белановский отмечает: «По моим наблюдениям, с каждым годом все больше и больше Русская Церковь воспринимается в обществе как некая традиционная этническая особенность нашей культуры, не имеющая серьезного отношения к современности. В восприятии многих православие превратилось в обслуживающую профессию, типа психологии (а может, и астрологии), а порой даже в комбинат ритуальных услуг. Доказательством тому служат свидетельства о низком нравственном влиянии Церкви на общество при достаточно высоком культовом и обрядовом влиянии»⁷⁰.

Особо затрагивается вопрос отсутствия в православии просвещения и миссионерства и синкретического представления о вере в целом, когда православность вообще не имеет отношения к христианству⁷¹. Автор отмечает, что православие в реальности стало частью общего рынка услуг: «Я далек от мысли, что русский — значит православный. Мне не близко навязывание христианства на основании веры моих предков. Я говорю о другом: об адекватном компетентном подходе к той сфере жизни, что достаточно сильно пропитала собой нашу жизнь. Куда ни глянь — всюду религия, все вперемешку: астрологические прогнозы,

реклама йоги, рецепты гаданий, выступления Патриарха, православные праздники, религиозные саммиты, старушки на улицах, раздающие “Сторожевую башню”, молебны в честь вступления Президента в должность, популярные романы Дэна Брауна...»⁷².

Наконец, один из материалов в «Аргументах и фактах» отражает общее представление о том, что настоящий убежденный православный — это фанатик, обвиняющий Запад во всех бедах России, часто антисемит, бредящий заговорами и сектами и противостоящий «внешнему» миру. В статье «Чего на самом деле нужно бояться православным» Юрий Белановский с точки зрения православного разбирает те недостатки православной субкультуры, которые пугают общество, но на самом деле воспринимаются уже как естественное следствие православности в СМИ, православия как уникального средства борьбы с врагами и источника такой идеологии: «В наши дни русское православие оказалось в иной социальной и политической ситуации, нежели церковь в Византии и на Руси; при этом оно далеко не всегда смогло отказаться от бывшего “имперского” мировосприятия. Очень многим хочется опять в оранжевую. Это прежде всего потому, что в церковной истории почти нет примеров христианского, а не государственного противостояния “врагам” церкви и нет четких критериев отличия настоящего врага от мнимого».

Помимо этого автор разбирает православные обиды по поводу того, что государственный образ РПЦ, также существующий в СМИ, не воплощается в реальности: «...Православная общественность имеет ложную надежду, что она и есть та часть общества, чей голос должен быть услышан и чьи страхи могут послужить поводом к защите. Формированию такого самосознания, вероятно, послужило популярное в 1990-е годы (да и сейчас порой) построение проповеди православия как бы “от противного”. Основная логика этого подхода в том, что все вокруг “плохие”, одни мы “хорошие”»⁷³. Мифы и стереотипы, отмеченные в упомянутых статьях, кочуют из одной публикации в другую, их можно найти как в федеральной, так и в региональной прессе.

После 2009 г. возникла новая волна критики РПЦ, которая принципиально отличается от материалов, которые

можно было встретить в прессе прежде. Эта волна связана с введением в школах «Основ православной культуры», института военного духовенства в армии, передачей в собственность церкви имущества и споров РПЦ с музеями⁷⁴, вмешательством церкви в самые разные сферы жизни, что вызвало недовольство различных слоев населения — от молодежи и простых обывателей до представителей интеллигенции — учителей, сотрудников музеев, журналистов и т. д. Специфическая критика РПЦ и материалы представителей церкви о своем новом месте в обществе стали реакцией на уже сложившиеся в СМИ образы. Сами православные естественно делали акцент на реализацию заявленного православного полугосударственного образа РПЦ, а часть общественности так же естественно не видит для этого реальных оснований. Соответственно, следуя старым алгоритмам, в РПЦ заявляют о «врагах церкви», которые будто бы намеренно вредят православию. Реакция на критику проектов РПЦ стала яркой иллюстрацией «ложной надежды» православных на всеобщее восприятие православных инициатив, которая основывалась на декоративном образе государственного православия. В СМИ это отражается отсутствием взаимопонимания между представителями церкви и интеллигенции, предъявлением претензий друг другу и разговором на «разных языках». Об этом свидетельствуют, в частности, выпуски телепередачи Александра Архангельского «Тем временем» на канале «Культура». Яркими примерами могут служить программы о передаче Новодевичьего монастыря РПЦ, об «Основах православной культуры», о феминизме⁷⁵.

В задачу настоящей статьи не входит анализ всей массы критических материалов о РПЦ, число которых растет. Однако с точки зрения рассматриваемой темы важно отметить, что полемика с представителями церкви также имеет мифологическую основу. Церковь априори воспринимается в рамках образа государственного архаичного чиновничьего православия, который единственно возможен и безальтернативен. Более того, в полемических материалах этот миф о РПЦ становится чрезвычайно монолитным, поэтому реальный потенциал церкви (а скорее общее незнание о положительных примерах социальной и культурной по-

литики РПЦ в регионах либо несерьезное к ним отношение), ее гражданская позиция по самым разным вопросам также воспринимаются в штыки — в качестве проявления агрессии со стороны «государствообразующей церкви».

Критическая, часто острая дискуссия вокруг усиления роли РПЦ в общественной жизни, увеличения присутствия православия в государственных органах и в идеологии проходит с использованием уже сложившихся образов РПЦ. Вместе с тем дискуссионное поле неизбежно меняет эти образы. Постепенно создается образ чрезвычайно сильной церкви со своим голосом и приоритетами, который воспринимается многозначно, как позитивно, так и негативно. Наличие негатива и бурной критики РПЦ в отличие от предыдущих постсоветских двадцати лет говорит о том, что впервые за последние два десятилетия образ церкви становится более живым и реалистичным.

Психотерапия патриарха Кирилла

С начала 2009 г. в СМИ появился феномен, который стал оказывать большое влияние на массовое сознание. Источником этого явления стала церковь, но по существу оно вполне сочетается с народным, фольклорным православием и массовым представлением о пользе веры и религии. Речь идет о периодических ярких выступлениях патриарха Кирилла, которые чрезвычайно часто появляются в новостных программах. Отдельные интервью с ним по различным поводам транслировались в программах «Вести» на канале «Россия» и «Время» на Первом канале. Поездки, встречи и комментарии патриарха по самым различным общественно-политическим поводам, как правило, всегда отражаются в основных электронных и печатных СМИ.

По-прежнему одним из официальных голосов патриарха остается программа «Слово пастыря» на Первом канале, которая впервые вышла в эфир в 1994 г. У массового зрителя она создавала объемный образ православия. Однако для не подготовленного к чисто религиозным рассуждениям человека программа говорила о том, что право-

славие — это государственные и общественные принципы, общественно-политическое мировоззрение⁷⁶.

Отношения РПЦ и государства, позиция церкви как социального эксперта практически по любым вопросам занимают большое место в программах «Слово пастыря»⁷⁷. Назовем лишь несколько тем: «Полюса богатства и бедности все более расходятся. Это чревато непредсказуемыми последствиями. Как этому противостоять? Что делает для этого Церковь?», «Нередко можно услышать обвинения в адрес Церкви, что Она прислуживает Власти, ссылаясь на слова Евангелия, что всякая Власть от Бога. Причем обвинения поступают как справа, так и слева. Как реагирует на это Церковь?», «Приходится слышать, что русскому человеку свойственна склонность к тоталитаризму, что он якобы любит сильную власть, крепкую руку. И что в этой склонности видно влияние Православия», «Какова позиция Церкви в вопросе об усилении роли государства в жизни общества и отдельного человека? Не становится ли это еще одним из способов контролировать человека и лишать его свободы выбора?», «На какой основе должно объединиться общество с позиции Церкви?».

Митрополит Кирилл в программе «Слово пастыря» по существу закладывал основы общественно-политической позиции РПЦ по всем вопросам, даже по тем, которые в 1990-е годы не рассматривались с религиозных позиций и только после 2000 г. стали частью общей православно-государственной идеологии: «Какова позиция Церкви по вопросу о смертной казни?», «О демографической катастрофе в нашей стране. Какие, на взгляд Церкви, должны быть первостепенные меры по устранению этой угрозы?», «Верно ли, что для успешного бизнеса всему коллективу необходимо быть верующими?», «Наш народ всегда различал понятия правды и права. То есть правовое государство для нас есть государство, построенное на принципах правды и высшей справедливости. Как это соотносится с идеями правового государства?».

Естественно, что в программе затрагивались и вопросы противодействия сектам, отношения церкви к идеям глобализации, к внеземным цивилизациям. Целый блок программ был посвящен политической тематике — от-

ношению церкви к защите национальных интересов, действиям христианина в политике, позиции церкви при разрешении международных конфликтов, при использовании силы, отношению церкви к территориальной целостности и суверенитету государств, к праву наций на самоопределение.

Государственность РПЦ подчеркивалась постоянными и подробными отчетами митрополита Кирилла о ежегодных собраниях Всемирного русского народного собора, квазипарламента, который рассматривал все вопросы — от обсуждения национальных интересов России и проблем беженцев до экономики и прав человека. Цикл программ (около двадцати) был посвящен рассмотрению отдельных глав своеобразной общественной конституции церкви — «Социальной концепции Русской Православной Церкви», принятой в 2000 г. Православие идеологически стало сильнее государства, поскольку у церкви был ответ на все вопросы от бизнеса до суверенитета государств. В свою очередь, иерархи РПЦ последовательно пропагандировали образ православия и церкви, в котором собственно религиозные постулаты были на втором, а возможно, и на третьем-четвертом местах, так как этот образ был востребован властью и привычен для СМИ.

После избрания предстоятелем РПЦ Кирилл в более яркой манере на новом уровне продолжил формирование образа РПЦ как наиболее приемлемого социально-политического инструмента для стабильной жизни в государстве (программа «Слово пастыря» начала наполняться проповедями патриарха Кирилла во время его визитов и официальной хроникой, сделавшись более сухой и официальной). Глава РПЦ делает заявления относительно различных событий и происшествий практически каждый день, он обозначает позицию РПЦ по любому поводу от ситуации на Украине и программы «2020» «Единой России» до оценки скандального сериала «Школа» на Первом канале и молодежных проблем в целом.

Публичные выступления патриарха выходят далеко за рамки какой-либо одной телепрограммы — это скорее информационный поток, который как раз и сформировал одно из важнейших явлений в российской религиозной

жизни. Впервые в истории России появился социальный проповедник общероссийского национального масштаба. Феномен такого рода массовых общенациональных проповедников характерен для США и стран Латинской Америки. В Соединенных Штатах выступления пасторов — «духовников» Белого дома играют как религиозную, так и социально-политическую роль — поддержки государства, политических решений, чувства стабильности, единства нации. Такого рода проповедником, бесспорно, является Билли Грэм. Академик Лев Митрохин так описывал «язык морали» Билли Грэма: «...Его выступления стали своего рода зеркалом страхов и надежд американцев, отражением эклектичного обывательского сознания, которому требовалось успокоение и твердая опора в религии. В проповедях Грэма можно найти заявления об угрозе апокалипсиса, неизбежности демографического взрыва, о страшных моральных проблемах общества и т. д.». «Народный» проповедник Билли Грэм, «человек с улицы», как его называют, «...освящает мир будничных каждодневных забот и интересов добропорядочного гражданина, укрепляет его в радости по поводу дарованного ему земного “призвания”, поощряет состояние прагматической набожности, смыкающей нехитрые бытовые установки с реализацией высоких евангелистских ценностей». В социальном плане такую деятельность можно охарактеризовать как нравственно-охранительную и общественно-терапевтическую. Несмотря на яркие высказывания по самым разным темам, Билли Грэм обходил наиболее острые политические вопросы и никогда не выступал, к примеру, против войны во Вьетнаме. Причины всех кризисов Грэм видит только в греховности человека. При этом «особо оригинального в воззрениях велеречивого евангелиста нам пока что обнаружить не удалось и до разгадки “феномена Билли Грэма” еще далеко». Впрочем, отмечает Лев Митрохин, «люди сами выбирают себе проповедников, которых они и заслуживают»⁷⁸.

Безусловно, роль и влияние патриарха Кирилла на общественное сознание еще предстоит осмыслить, но уже сейчас очевидны основные черты этого нового для России явления. Пропагандируя РПЦ как носителя стабильного

социального мировоззрения, он вводит в свою речь социальную проповедь, которая часто лишена каких-либо признаков религиозности и направлена на успокоение общественного сознания.

Основой выступлений главы РПЦ, их самым легко воспринимаемым популярным ядром являются, во-первых, простая этическая проповедь о необходимости хорошо работать, строить благополучную семью, хорошо относиться друг к другу и т. д., во-вторых, успокоение и умиротворение по поводу социальных проблем и экономического кризиса, успешного развития страны, политики властей, необходимости спокойного умеренного благосостояния для всех. Два элемента проповеди Кирилла — «будьте хорошими» и «все будет хорошо» — всегда выражены интересно, талантливо, ярко и не требуют изменения фольклорного образа православия, не ломают его, а даже поддерживают, поскольку не требуют организованной воцерковленной веры и могут быть обращены к любому человеку. Слова патриарха Кирилла способны принести успокоение всем — от самых бедных, замерзающих в моногородах, до среднего класса и олигархов, страдающих от инфляции и кризисов. Это своего рода социальная терапия и психологическая релаксация для общества.

В 2009—2010 гг. патриарх Кирилл энергично убеждал граждан в преодолении экономического кризиса и в целом довольно часто говорил о кризисе и путях выхода из него. Он предлагал нравственные принципы и нравственность в целом в качестве основы для преодоления кризиса и модернизации России⁷⁹. Как подчеркивал глава РПЦ, «путь к преодолению кризиса экономики лежит через преодоление кризиса человеческих душ, через отказ от культа богатства, от безудержного потребления, от погони за наживой любой ценой, от эгоистического использования собственности, от пренебрежения нуждами бедных»⁸⁰. Вместо критики социальной политики властей он призывал учителей школ к самопожертвованию и бескорыстному служению⁸¹.

Патриарх Кирилл заявляет: «Россия должна модернизироваться с учетом национальных ценностей»⁸². Предстоятель РПЦ пропагандирует самобытную культуру, под-

держивая представления об уникальности православия и особом пути народа, в том числе и в экономике («Патриарх Кирилл: нельзя становиться рыночниками в душе»⁸³). Православие как единство нации также становится фактором стабильности — «сплоченный русский мир может быть сильнее политических альянсов»⁸⁴.

Православие на новом уровне отождествляется с русской культурой, но уже вписывается в контекст европейской восточнославянской традиции: «...Русская культура сформировалась под влиянием православия. Эта некогда языческая культура, впитав в себя духовные силы Церкви, ее мировоззренческое и нравственное послание, отдавала его народу в годы, когда Церковь оказалась гонимой. О Христе свидетельствовало буквально все, что было создано за многие века культурного развития нашего народа: и великая русская литература, и музыка, и изобразительное искусство»⁸⁵. Даже пасхальную проповедь патриарх Кирилл превращает в актуальную статью в «Российской газете» о церкви как факторе стабильности: «Есть ли хоть что-то в хаотическом процессе борьбы различных сил и идей, что стоит твердо, как скала среди бурного моря? Наш наблюдатель скоро обнаружит некую реальность, которая проходит через все эти века, оставаясь вполне идентичной самой себе, — Церковь Христову. Это единственный институт, который сохранился со времен античности, старейшее действующее учреждение Европы, если не всего мира»⁸⁶.

Общечеловеческие нравственные принципы и призывы также становятся психотерапевтической основой для массовой проповеди, которая заняла свое место на телеэкранах и в прессе. Вот лишь некоторые отрывки из новостных заголовков заявлений патриарха Кирилла, которые улавливают самое основное: «Грехи народа искуплены кровью»⁸⁷, «Согревайте страдающих теплом сердец»⁸⁸, «Патриарх Кирилл призвал осознавать величие Божественной любви», «Патриарх Кирилл: главная задача — помогать преодолевать разделение в обществе»⁸⁹, «Любовь — это направление воли человека к добру»⁹⁰, «Патриарх напомнил об опасности неумеренных развлечений»⁹¹.

Роль РПЦ в преодолении самых различных угроз государству и обществу также достаточно важна в высказываниях патриарха Кирилла. Одной из тем является противодействие терроризму, реакция на террористические акты, когда глава РПЦ выступает в качестве основного психолога страны — «Патриарх призвал не отчаиваться и дать отпор террористам»⁹².

Формирование здорового человека, семьянина с общими гуманистическими ценностями становится одним из акцентов в социальных проповедях предстоятеля РПЦ. Он говорит о том, как надо делать, а как не надо, дает надежду отчаявшимся. Тематика выступлений патриарха чрезвычайно широка («Физкультура столь же важна, как и культура духовная»⁹³, «Патриарх Кирилл призвал бороться с наркоманией и разводами»⁹⁴). Основные заявления патриарха, которые появлялись в печатных и электронных СМИ, можно также найти на информационных порталах, напрямую связанных с Московской патриархией (<http://www.patriarchia.ru>, <http://www.interfax-religion.ru>). Тщательный анализ его выступлений, которые пока скорее хаотичны, чем выстроены в какую-либо систему, — тема отдельного исследования, основными темами которого будут образ патриарха и образ православия в его проповедях, их стилистика и обусловленность содержания теми или иными причинами.

К концу 2000-х годов социальная проповедь патриарха Кирилла оказалась чрезвычайно востребованной и государством, и обществом. Этому способствовало то, что проблемы социальной напряженности, недовольства, бесправия и неустроенности общественной жизни вышли на первый план, в том числе и в массовой печати и на телевидении. Кроме того, ободряющие высказывания патриарха Кирилла, по-прежнему дающие надежду на выход страны из тупика, из политической апатии, о внутренних силах русского народа с его «скрытой духовностью и величием православия» в целом легли на благодатную почву. Нередко агрессивная роль и действия РПЦ вызывают раздражение. Однако в массовом сознании, где нет рефлексии, а есть только образы, социальная терапия играет намного большую роль, чем рациональная критика.

Трансформация образа РПЦ: от мифологической церкви к мифологическому государству

Безусловно, СМИ заостряют православные образы, идеи и стереотипы, но они отражают в отношении РПЦ и общества один важный момент — и православие, и общество находятся в поиске себя, мучительно преодолевая свои комплексы или углубляя их все больше. При патриархе Кирилле декларативный монолитный образ государствообразующей церкви стал меняться — в СМИ возникла идея о РПЦ как о гражданской силе общества и о ее социальной и миссионерской активности. Прежде всего сам патриарх Кирилл убеждает в этом читателей и слушателей, многократно повторяя эти слова. Однако эволюция образа РПЦ благодаря деятельности патриарха, самого по себе влияющего на массовое сознание, стала происходить неоднозначно и в нескольких направлениях.

Появилась масса материалов, говорящих о социальном служении православия, о реальном участии церкви в жизни общества, о живой приходской и монастырской жизни, о приходах как ячейках гражданского общества.

Практически единственной православной программой на федеральном телевидении, в которой помимо освещения официальных мероприятий есть сюжеты о реальной церковной жизни, верующих, дискуссии о важнейших культурных и экономических проблемах, является телепрограмма канала «ТВ Центр» «Православная энциклопедия», которую ведет протоиерей Алексей Уминский, настоятель московского храма Живоначальной Троицы в Хохлах (она выходит по субботам с 2002 г.)⁹⁵. Эта программа наполняет реальным содержанием то идеологическое социальное православие, образ которого создается в СМИ. В программе идут сюжеты об отдельных приходах, монастырях, о паломничествах, о православных в различных частях мира. Очень теплые передачи были посвящены православию в Германии (30 января и 6 февраля 2010 г.). Большое внимание уделено отношениям православия и культуры в рамках цикла «Человек и его вера», куда ведущий приглашает гостей — писателей, поэтов, композиторов, ученых. Например, на ней побывали

композитор Алексей Рыбников (4 июля 2009 г.), хирург Василий Агапов (29 ноября 2008 г.). Разброс тематики программ о. Алексия показывает, с одной стороны, стремление показать православную веру, осмыслить то, какое место может христианин занять в современной жизни, а с другой — понять культурную и социальную роль РПЦ и православия. Огромную роль играет то, что программа, в отличие от «Слова пастыря», строится в форме живой дискуссии, хотя и в ней уделяется внимание идеологемам и официальной хронике.

«Православная энциклопедия» рассказывает обо всем от молодежных субкультур (13 марта 2010 г.), краеведения (25 июля 2009 г.), летних православных лагерей (11 июля 2009 г.) до весеннего призыва в армию (4 апреля 2009 г.), Интернета (21 ноября 2009 г.), христианского отношения к болезням (1 декабря 2007 г.), «Основ православной культуры» (1 сентября 2007 г.). Предпринимаются также попытки показать дискуссии на злободневные темы — «Портрет современного верующего: социологическое исследование» (20 января 2007 г.), «СМИ о Церкви: проблема доверия» (20 ноября 2004 г.).

Отличительное свойство этой программы состоит в том, что она затрагивает проблемы, раскрывающие религиозный образ православия, элементы которого чужды и непонятны массовому сознанию: «Церковный развод: вопросы и ответы» (22 декабря 2007 г.), «Нужен ли человеку духовный отец?» (25 августа 2007 г.), «Быть христианином в современном мире» (17 января 2009 г.).

Продолжателем традиции программы «Слово пастыря» стал митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев), который с 5 сентября 2009 г. в эфире телеканала «Вести» стал вести программу «Церковь и мир». Митрополит Иларион и его соведущий Иван Семенов поднимают самые разные общественно значимые темы, и в отличие от «Слова пастыря» эта программа является своего рода имитацией дискуссии, диалогом.

Трудно оценить, в какой мере программа «Церковь и мир» влияет на общественное сознание, так как она идет на информационном канале «Вести», а не на общем канале «Россия» (хотя «Вести» также имеют общероссийское рас-

пространение). По тематике это программа общественно-политическая, также создающая образ государствообразующего православия и универсальности РПЦ, однако в рамках целого ряда тем делаются попытки заглянуть за мифологический образ. Таковы выпуски о церковных приходах (24 апреля 2010 г.)⁹⁶, о Пасхе и Страстной седмице⁹⁷, о монашестве (20 марта 2010 г.)⁹⁸, покаянии и о том, как правильно исповедоваться в грехах (20 февраля 2010 г.)⁹⁹ и т. д.

Мифологизация РПЦ и обрастание православия суевериями осознается митрополитом Иларионом в этой программе уже как бесспорная данность, с которой необходимо что-то делать (многие темы пересекаются с темами упоминавшихся публикаций Юрия Белановского в газете «Аргументы и факты»). Поэтому ставятся ранее игнорировавшиеся церковью вопросы: «Существует ли мифологизация роли церкви в истории России? Какие мифы являются наиболее опасными?» (7 ноября 2009 г.)¹⁰⁰, «Повальное купание в проруби на Крещение — это безумие, это далеко не всем полезно и вовсе не обязательно» (23 января 2010 г.)¹⁰¹, «Почему люди про церковные обряды ничего не знают, а про то, что надо через левое плечо плевать, и в каких случаях, знает каждый?» (16 января 2010 г.)¹⁰², «Почему женщине нельзя ходить в брюках, почему нужно покрывать голову платком» (12 декабря 2009 г.)¹⁰³, «Можно ли нам ходить к католикам? Можно ли выходить замуж за протестанта?» (18 октября 2009 г.)¹⁰⁴.

Даже при постоянном повторении официальных образов РПЦ и православия акцент на его социальную роль, религиозный подтекст ярко выделяется на общем фоне, создающемся в массовых СМИ. Тематика, которая визуально транслируется зрителям на телевидении, эхом отражается в массовой печати. Представления об РПЦ и православии постепенно трансформируются (пропагандистские штампы скорее отпадают или живут сами по себе) под воздействием таких общественных явлений, как дискуссии вокруг фильмов Павла Лунгина «Остров» и «Царь»¹⁰⁵, фильма Владимира Хотиненко «Поп», массового обсуждения возможности преподавания православия в школах и присутствия священников в армии и других сферах жизни, что было также отчасти спровоцировано политикой патриарха Кирилла¹⁰⁶.

Наряду с этим на остроте споров сказались последствия того, что РПЦ отсутствовала в дискуссионном поле вообще.

Представленная картина, безусловно, субъективна: далеко не все материалы СМИ и образы, в них отраженные, возможно (и нужно) учесть и использовать, а уже выделенные образы и ассоциации досконально осветить со всех сторон и во всех массовых изданиях и на телеканалах. В настоящем исследовании затронута лишь вершина айсберга под названием СМИ в разрезе отношения к православию. Обозначенные образы РПЦ и православия в прессе проанализированы с точки зрения складывания информационно-идеологической картины, в ценностном развитии по существу.

Изменения в восприятии православия в информационном поле носят противоречивый характер, поскольку социальное православие по инерции подвергается идеологизации, а сама государственническая идеология противоречива, мифологична и никак не вытекает из реальной православной жизни в епархиях и приходах.

Во-первых, при ближайшем рассмотрении оказывается, что в светских СМИ при патриархе Кирилле появилась риторика, которая обновляет и развивает старые образы РПЦ — «хранительницы традиции и русской культуры», «величия и уникальности», «противостояния врагам», «государствообразующей церкви». Руководство РПЦ обосновывает необходимость фактической государственной поддержки по отношению к церкви, настойчиво продвигает свои законодательные инициативы.

Во-вторых, социальный образ церкви становится более энергичным и открытым, динамичным, но он также поддерживает идею о том, что церковь — это опора и своего рода куратор государства, т. е. социальность РПЦ работает не на общество, а на сотрудничество с властью в рамках социального партнерства.

В-третьих, фольклорно-окультурные представления массового сознания о православности, обрядах и суевериях, выраженные в светских СМИ, не изменились, а активность духовенства в просвещении населения носит по-прежнему ограниченный характер. Открытая и понятная

проповедь, миссионерство развиваются лишь отрывочно и целиком лежат на плечах некоторых образованных инициативных священников, которые создают в массовых СМИ лишь впечатление о миссии (таковы интервью с наиболее популярными фигурами — о. Сергием Рыбко о рок-культуре¹⁰⁷ и с о. Андреем Кураевым).

В-четвертых, в СМИ постепенно и неуклонно формируется критическое отношение к РПЦ (но не к православию как культуре и вере): политика патриарха Кирилла заставила общество и СМИ обсуждать церковную тематику, но по существу оказалось, что кроме государственного православия и недостатков фольклорно-окультурного образа РПЦ обсуждать пока нечего. Однако именно выступления непримиримых критиков РПЦ, к которым церковь относится как к «врагам», провоцируют появление материалов о внутрицерковных проблемах и о православии как христианской жизни.

В целом усиление православного фактора в общественно-политической сфере привело совсем не к тому, что радикально поменялись общественное сознание и его стереотипы, образы в СМИ или понимание церковью своей роли (хотя она и стала более социально ориентированной). Произошло другое — под влиянием перечисленных мифологических образов РПЦ и православия стали постепенно (с конца 1990-х годов) меняться не более сильные и укорененные в сознании образы РПЦ или народного православия, а более слабый и не сформировавшийся до конца образ государства (в сторону мифологизации) как по преимуществу православного, отстаивающего самобытные ценности граждан, основанные на православной культуре.

Как и в случае с образом величия РПЦ и фольклорными стереотипами, образ новой «православной державы» стал еще сильнее контрастировать с народным представлением о власти и чиновничестве. Инициативная политика патриарха Кирилла привела к тому, что процесс взаимной мифологизации РПЦ и государства значительно ускорился, и светские СМИ стали воспроизводить высказывания и представления, которые часто заведомо неправдоподобны и противоречивы в отношении построения право-

славного общества и значения РПЦ. Для СМИ оказалось значительно легче подогнать образ верховной власти и российского государства под уже имеющиеся стереотипы, связанные с РПЦ, а для государственных чиновников образ РПЦ, нарисованный в СМИ, стал настоящим спасением, учитывая их оторванность от общества и демократических институтов.

Образ РПЦ в СМИ, безусловно, оторванный от реальной жизни, в то же время оказывает огромное влияние на государственную политику по отношению к церкви и «нетрадиционным» религиям, которые подвергаются гонениям. Образ величия, нарисованный в СМИ, время от времени находит воплощение в виде акций властей и резких антидемократических, на грани фарса, заявлений представителей церкви. Мифы и стереотипы о православии и православной государственности отражают в большой мере болезненные комплексы — церкви, в которой совсем немного настоящих прихожан и культурных в разных смыслах священнослужителей, власти, которая нуждается в оправданиях своей политики, но боится получить эти оправдания от общественных активистов, и самого общества, которое усматривает в православии лишь суеверие и желает видеть совсем не социальную неустроенность, бесправие, коррупцию, недобросовестных чиновников и иерархов, существующих в реальной жизни, а «великую Россию» с «государствообразующей» церковью.

Примечания

- 1 «Проправославный консенсус» — это когда «очень хорошо» и «хорошо» к православию относятся и неверующие, и атеисты, и колеблющиеся. Причем доверие к РПЦ в российском обществе априорно, оно не связано с реальным положением дел в церкви, с какими-либо действиями священнослужителей, с их моральным, образовательным и культурным уровнем. Общественное сознание наделяет церковь несколькими ключевыми качествами — это ее «надмирность», неизменность и национальный характер. РПЦ — сакральный символ «русскости», «русской духовности» и «русского единства». См.: Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие: Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каарияйнена, Д. Фурмана. — М.; СПб.: Летний сад, 2007.

- 2 Это уже вторая попытка автора проанализировать восприятие православия в средствах массовой информации. Ранее была опубликована статья, где были собраны некоторые материалы прессы начала 2000-х годов, а образ православия сравнивался с другим популярным образом — «сект». См.: *Филатов С., Лукин Р.* Образы Православия и Протестантизма в светских СМИ: благолепие и уродство // Русское ревю Кестонского института. — 2006. — Февр. В существенно сокращенном виде эта статья опубликована на итальянском языке в декабрьском номере журнала «La Nuova Europa» (Бергамо) за 2005 г. под названием «La fede in versione nazionale-popolare».
- 3 Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. — III. Церковь и государство // <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>.
- 4 Патриарх Алексей II: Либеральная идея слишком опасна и соблазнительна // Комсомол. правда. — 2002. — 23 дек. (<http://www.kp.ru/print/article/22941/562>).
- 5 См., например: Владимир Путин встретился с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом // <http://www.Itv.ru/news/social/151490>.
- 6 Президент и Патриарх обсудили работы по восстановлению Ново-Иерусалимского монастыря // <http://www.Itv.ru/news/social/143257>.
- 7 <http://www.Itv.ru/static/pr=5619&pi=6895>.
- 8 В Кремле вручали государственные награды священнослужителям Русской православной церкви // <http://www.Itv.ru/news/polit/133023>.
- 9 Президент России Владимир Путин знакомится со святынями Русской православной церкви // <http://www.Itv.ru/news/polit/135949>.
- 10 Документальный фильм «Время собирать камни» // <http://www.Itv.ru/documentary/fi=5744>.
- 11 Две ветви Русской православной церкви стали на шаг ближе к воссоединению // <http://www.Itv.ru/news/social/60310>; Воссоединение разорванной истории страны — одна из важнейших задач для России // <http://www.Itv.ru/news/print/59456>.
- 12 Специальный корреспондент. Возвращение: Авторская программа Аркадия Мамонтова // <http://www.rutv.ru/rnews.html?d=0&id=122813>.
- 13 Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II отмечает день рождения // <http://www.Itv.ru/news/social/89601>.
- 14 День памяти Святейшего Патриарха на Первом // <http://www.Itv.ru/static/pr=5619&pi=5830>.
- 15 Путь Патриарха. Памяти Алексея Второго // <http://www.Itv.ru/documentary/fi=6305>
- 16 Президент и его супруга поздравили Патриарха Кирилла с днем рождения // <http://www.Itv.ru/news/social/143483>; Патриарх Московский и всея Руси Кирилл 20 ноября отмечает день рождения // <http://www.Itv.ru/news/social/143494>.

- 17 День 1 февраля отмечен в церковных календарях как день интронизации Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.
- 18 О российском воинстве вознесли сегодня особую молитву в Архангельском соборе Московского Кремля // <http://www.1tv.ru/news/other/103431>; Русская Церковь поминает воинов, погибших за веру и Отечество // <http://www.1tv.ru/news/social/90000>.
- 19 Патриарх Алексей Второй полагает, что контртеррористическая операция должна быть доведена до конца // <http://www.1tv.ru/news/other/124920>.
- 20 Сегодня Русская Православная Церковь отмечает Дмитриевскую родительскую субботу // <http://www.1tv.ru/news/other/131584>.
- 21 Православная Церковь отмечает праздник Казанской иконы Божьей Матери // <http://www.1tv.ru/news/social/93224>.
- 22 Тихоокеанский флот принимает дар православной церкви // <http://www.1tv.ru/news/social/131439>.
- 23 См. информацию на официальном сайте Синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями (<http://www.pobeda.ru/content/blogcategory/11/218>).
- 24 Святейший Патриарх Кирилл благословил сборную России на участие в Олимпийских играх в Ванкувере // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1051760.html>.
- 25 <http://www.rutv.ru/tpreg.html?id=118063&cid=&d=0>.
- 26 <http://www.rutv.ru/tpreg.html?id=112843&cid=&d=0>.
- 27 <http://www.rutv.ru/tpreg.html?id=42786&cid=&d=0>.
- 28 <http://www.rutv.ru/tpreg.html?id=119762&cid=125&d=0>; <http://www.rutv.ru/tpreg.html?id=119766&cid=125&d=0>.
- 29 <http://www.rutv.ru/tpreg.html?id=120384&cid=&d=0>.
- 30 <http://www.rutv.ru/tpreg.html?id=109183&cid=&d=0>.
- 31 <http://www.rutv.ru/tpreg.html?id=117443&cid=2&d=0>.
- 32 <http://www.rutv.ru/rnews.html?d=0&id=142976>.
- 33 <http://www.rutv.ru/rnews.html?d=0&id=26859>.
- 34 <http://www.rutv.ru/tpreg.html?id=109764&cid=125&d=0>.
- 35 <http://www.rutv.ru/tpreg.html?id=130164&cid=&d=0>.
- 36 <http://www.rutv.ru/tpreg.html?id=118722&cid=42&d=0>.
- 37 <http://www.rutv.ru/rnews.html?d=0&id=132747>.
- 38 <http://www.rutv.ru/tpreg.html?id=100086&cid=33&d=0>.
- 39 Православие от А до Я: Интервью с Сергеем Кравцом, руководителем церковно-научного центра «Православная энциклопедия» // Труд. — 2000. — 18 февр.; Будете в Гватемале, заходите к нам в Россию! Дочка богача стала монахиней и открыла в Гватемале

- православный храм. Охраняют его местные бандиты // Труд. — 2010. — 22 апр.; Какая вера самая правильная // Труд. — 2000. — 25 дек.; Пасхальная миссия // Труд. — 2001. — 14 апр.; Проступили лики святых // Труд. — 2002. — 9 февр.; Святые возвращаются // Труд. — 2001. — 21 нояб. и т. п. (см. также архив газеты на <http://www.trud.ru>).
- 40 С опровержением обвинений, предъявленных пятидесятникам в этой передаче, выступили в прессе и по радио «Эхо Москвы» глава Российского объединенного союза христиан веры евангельской, куда входят церкви «Слово Жизни» и «Благая Весть», епископ Сергей Ряховский и директор Института религии и права Анатолий Пчелинцев.
- 41 <http://www.itv.ru/prj/uchastok/vypusk/2543>.
- 42 По статистике сейчас в России действуют более 80 крупных тоталитарных сект // <http://www.itv.ru/news/social/84787>, 20 мая 2007 г.
- 43 <http://ip.ntv.ru/news/2029>.
- 44 <http://www.interfax-religion.ru/?act=radio&div=406>.
- 45 См., например: Шесть самых опасных сект Москвы // Комсомол. правда. — 2007. — 22 мая (<http://www.kp.ru/daily/23905/67474>).
- 46 Вместе с тем сам митрополит Кирилл до своего патриаршества заявлял в эфире программы «Слово пастыря», что фольклорное православие опасно, потому что оно является почвой для развития сект: «Православие — это не фольклор, не обычаи, не музей, это жизнь» (Интерфакс. — 2007. — 25 июня).
- 47 *Пронин А.* Неделя красных блинов // *АиФ Долгожитель*. — 2004. — Вып. 3 (39). — 6 февр.
- 48 *Мионов Н.* Как правильно отмечать праздник Пасхи // *Комсомол. правда*. — 2008. — 26 апр. (<http://www.kp.ru/print/article/24088/320068>). В материале даются ответы на «самые распространенные вопросы»: «Можно ли на Пасху пить алкоголь? Или это грех?», «Можно ли на Пасху заниматься сексом?», «Есть традиция — бить пасхальные яйца друг о друга, мол, чье крепче. А это не свято-татство?» и др.
- 49 *Нация* должна возрождаться // *АиФ Долгожитель*. — 2003. — Вып. 13 (25). — 4 июля.
- 50 *Макаров Д.* Заслон чревоугодию // *Аргументы и факты*. — 2003. — Вып. 11 (1168). — 12 марта.
- 51 Будь на посту // *Дочки-Матери*. — 2000. — Вып. 32 (149). — 20 нояб.
- 52 У православных христиан начинается Великий пост, самый длительный и строгий в году // <http://www.itv.ru/news/social/148686>; Приятного аппетита: Постные блюда // <http://www.kp.ru/daily/theme/3659>; Великий пост: утешаемся постными пирожками // <http://www.kp.ru/video/section/50>; Крещенский карп по-монастырски: рецепт из Свято-Данилова монастыря // <http://www.kp.ru/video/391059>; Вели-

- кий пост: Нельзя голодать и целоваться. Отвечаем на самые важные вопросы наших читателей // Комсомол. правда. — 2006. — 7 марта (<http://www.kp.ru/daily/23669/50619>).
- 53 Христовы невесты: Троицкий Стефано-Махрицкий женский монастырь // Труд. — 2000. — 12 янв.; Возвели храм в местах намоленных // Труд. — 2000. — 12 мая.
- 54 *Бойко А.* Святой Пантелеимон послал знак детскому писателю? // Комсомол. правда. — 2004. — 24 нояб.
- 55 *Речкалова А.* Московское чудо Святого Пантелеимона: Мощи целителя избавили шестилетнюю москвичку от заикания // Комсомол. правда. — 2004. — 18 нояб.
- 56 Пасха: Едем на источники в Вознесенскую Давидову пустынь. Говорят, что на источнике происходят исцеления от болезни глаз и печени // Комсомол. правда. — 2010. — 1 апр. (<http://msk.kp.ru/print/article/24466.4/626613>); Паломнические туры: едем к православным святыням в Турцию // Комсомол. правда. — 2010. — 4 мая (<http://www.kp.ru/print/article/24483/640455>).
- 57 «...Партийный — значит, с крестом?» // Аргументы и факты. — 2010. — 24 февр. (http://www.aif.ru/dontknow/print/dontknow_id/3499); *Рябцев А.* Православие станет основой модернизации: Единороссы придумали для страны новую идеологию // Комсомол. правда. — 2010. — 17 февр. В последнем материале приводится такое мнение: «Давайте начистоту: многие ли из нас сегодня, в век суперпрактичности, все большей открытости и свободы выбора готовы идти вперед под церковными хоругвями? Вы представляете себе православный смартфон? Я — нет... Да и самой Православной церкви, думается, не стоит отождествлять с собой руководство конкретными партиями и проектами. Этим должны заниматься кесари. А пастыри — наставлять людей» (<http://www.kp.ru/print/article/24443/608945>). См. также: Долой светскую власть! Новые скандальные подробности проведенной «Единой Россией» в минувший уик-энд дискуссии о нравственности стали известны «МК» // Моск. комсомолец. — 2010. — 17 февр. (<http://www.mk.ru/politics/article/2010/02/16/432181-doloy-svetськуy-u-vlast.html?action=comments>).
- 58 *Рожаева Е.* Учителя перед семинаром целовали лектору руки // Комсомол. правда. — 2010. — 15 февр. «Отсчет введения нового предмета пошел на дни. Пока ощущение штурмовщины на стройплощадке, когда дом кровь из носу нужно сдать в установленный срок. Но дом-то и после сдачи можно еще доделывать: швы замазать, перила перекрасить. А вот как потом поправить кавардак в головах тех четвероклассников, которым про очень тонкий и сложный предмет будут рассказывать учителя с кашей в собственной голове?» (<http://www.kp.ru/print/article/24441.5/607376>). Крестом по парте: Прокуратура запретила обязательные уроки православия // Комсомол. правда. — 2008. — 5 дек. (<http://www.kp.ru/daily/24209/413125/>);

- Ракета, тролли и Христос: Корреспондент «МК» прочитал рабочий вариант учебника «Основы православной культуры» // Моск. комсомолец. — 2009. — 24 дек. (<http://www.mk.ru/social/education/article/2009/12/23/404928-raketa-trolli-i-hristos.html>); Россияне не верят в классного бога: Большинство семей выбрали курс светской этики или единую историю мировых религий // Моск. комсомолец. — 2010. — 16 марта (<http://www.mk.ru/social/article/2010/03/15/448178-rossiyane-ne-veryat-v-klassnogo-boga.html>).
- 59 На Руси в день святителя Николы напиваются особо: Нынче можно устроить грандиозную пьянку // Комсомол. правда. — 2006. — 22 мая (<http://www.kp.ru/daily/23709.5/53252>).
- 60 Пушкинского «Балду» предали анафеме? Церковь возражает против премьеры сказки Александра Сергеевича в оперном театре Сыктывкара // Комсомол. правда. — 2006. — 8 сент. (<http://www.kp.ru/print/article/23769.4/57115>).
- 61 Бизнес-церковь: Зачем православную веру вписывают в «толлинговые схемы»? // Моск. комсомолец. — 2010. — 6 апр. (<http://www.mk.ru/politics/article/2010/04/05/461957-biznestserkov.html>); *Кулебякина А.* Православные риелторы: работают за деньги или за веру? // Аргументы и факты. — 2010. — 28 янв. (http://www.aif.ru/article/print/article_id/32356): «...Можно, оказывается, еще найти риелтора, близкого по духу и... вере! В том, как совмещаются на современном рынке недвижимости понятия “вера”, “сделка”, “духовность” и “комиссия”».
- 62 Колдуны вуду против кризиса // Комсомол. правда. — 2009. — 28 февр. (<http://www.kp.ru/print/article/24252/450021>): «“Прихожу утром на работу, а там весь офис в иконах, — пишет в своем интернет-дневнике пользователь freakshu. — Коллеги в шоке, никто не знает, что случилось. Спустя пару часов босс собирает всех в кабинете и торжественно объявляет, что в течение дня к нам нагрянет священник и отслужит антикризисный молебен”... “Антикризисные молебны” — еще одна модная фишка среди московских предпринимателей».
- 63 В России построят суверенную теократию? Светский строй страны — под угрозой // Моск. комсомолец. — 2007. — 11 сент.; Православные стяжатели: Нечистый в Чистом переулке // Моск. комсомолец. — 2005. — 13 дек.; Епископский беспредел // Моск. комсомолец. — 2001. — 24 нояб.; Нефтяная молитва // Моск. комсомолец. — 2001. — 9 окт.
- 64 Сами церковные издания вынуждены постоянно заявлять о том, что церковь не должна восприниматься в качестве музея. См.: Должно ли православие быть современным? // Фома. — 2007. — № 10/54. — Окт.
- 65 Мать запретила дочери учиться в школе и получать паспорт // Комсомол. правда. — 2008. — 29 февр. (<http://www.kp.ru/print/article/24056/301396>); Как изгоняют дьявола: Наши корреспон-

- денты наблюдали, как православный священник совершал древний таинственный ритуал // Комсомол. правда. — 2003. — 9 окт. (<http://www.kp.ru/print/article/23133/23874>); Виталий Недогон: «Конец света откладывается на 30 лет»: Один из бывших пензенских затворников подробно рассказал о том, как жили в пещере // Комсомол. правда. — 2008. — 18 апр. (<http://www.kp.ru/print/article/24083/317451>); Это не раскол, а желание помитинговать: К чему призвал церковь епископ Диомид // Рос. газ. — 2007. — 2 марта (<http://www.rg.ru/2007/03/02/diomid.html>); Сбежавшая из монастырского приюта 16-летняя Валя Перова: «Нас лишали еды и били до синяков...» // Комсомол. правда. — 2009. — 19 окт. (<http://kp.ru/print/article/24379.5/560490>).
- 66 Женщинам разрешат ходить в храм в брюках! Наконец-то не только Бог услышал людей, но и церковь // Комсомол. правда. — 2009. — 14 дек. (<http://www.kp.ru/print/article/24410.5/584759>).
- 67 *Белановский Ю.* О православном дресс-коде // Аргументы и факты. — 2009. — 26 июня (http://www.aif.ru/article/print/article_id/27727).
- 68 *Белановский Ю.* Где в православии миф, а где история // Аргументы и факты. — 2009. — 15 мая (http://www.aif.ru/article/print/article_id/26836).
- 69 *Белановский Ю.* Останется ли православие лишь религиозным культом? // Аргументы и факты. — 2008. — 19 сент. (http://www.aif.ru/article/print/article_id/21177).
- 70 *Белановский Ю.* Что надо знать о Великом посте? // Аргументы и факты. — 2010. — 12 дек. (http://www.aif.ru/article/print/article_id/32682).
- 71 *Белановский Ю.* Почему мы не встречаем на улицах православных миссионеров? // Аргументы и факты. — 2009. — 4 мая (http://www.aif.ru/article/print/article_id/26554); *Он же.* О религиозном православном просвещении // Аргументы и факты. — 2009. — 7 сент. (http://www.aif.ru/article/print/article_id/29215).
- 72 *Белановский Ю.* О религиозном православном просвещении // Аргументы и факты. — 2009. — 7 сент. (http://www.aif.ru/article/print/article_id/29215).
- 73 *Белановский Ю.* Чего на самом деле нужно бояться православным // Аргументы и факты. — 2009. — 22 мая (http://www.aif.ru/article/print/article_id/27010).
- 74 См., например: Музею указали на дверь: У зданий Угличского кремля появляются новые хозяева // НГ-Религии. — 2008. — 16 янв.; Крест на музее: Почему специалисты возражают против поспешной передачи Церкви объектов культуры // Общая газ. — 2007. — 27 сент.; Дележ государственного имущества: 66 уникальных икон передается в мифический музей Рязанской епархии // Моск. комсомолец. — 2010. — 29 апр.; Хорош ли закон для икон? Церковь и музейщики спорят, где и как лучше хранить церковные ценности // Моск. комсомолец. — 2010. — 24 марта; Крест на музейном деле:

- Передача раритетных экспонатов церкви может привести к необратимым последствиям // Моск. комсомолец. — 2010. — 28 янв.; Музейно-церковная эпидемия: Споры вокруг передачи ценностей РПЦ разрастаются // Моск. комсомолец. — 2010. — 19 янв.
- 75 Архив программ «Тем временем» см. на сайте телеканала «Культура» <http://www.tvkultura.ru>. Можно еще указать на выпуски «Новодевичий монастырь» (эфир 15 марта 2010 г.), «Феминизм и русская культура» (эфир 24 мая 2010 г.), где спорили, например, писатели Мария Арбатова и Олеся Николаева (супруга о. Владимира Вигилянского, пресс-секретаря Московской патриархии), «“Основы православной культуры” и современность», где выяснилось абсолютное непонимание между о. Андреем Кураевым и светскими учеными.
- 76 При этом книга «Слово пастыря», изданная в том числе и по мотивам выступлений митрополита Кирилла на Первом канале, — это вероучительная книга, из которой убраны многочисленные актуальные комментарии на политические темы. См.: *Митрополит Кирилл. Слово пастыря: Бог и человек: История спасения: Беседы о православной вере* // <http://arhiv.smoleparh.ru/slovo>.
- 77 Архив программы «Слово пастыря» на телеканале «Союз» (http://media.tv-soyuz.ru/index.php?option=com_content&task=blogsection&id=22&Itemid=54).
- 78 *Митрохин Л. Н.* Социальная терапия Билли Грэма // *Митрохин Л. Н.* Мои философские собеседники. — СПб.: РХГА, 2005. — С. 125.
- 79 <http://www.vesti.ru/doc.html?id=329549>.
- 80 *Миодушевская Т.* Патриарх Кирилл: «Экономические бедствия — следствие кризиса человеческих душ» // Аргументы и факты. — 2009. — 11 марта (http://www.aif.ru/article/print/article_id/25214).
- 81 *Мельников А.* Бедность и порок: РПЦ предостерегает педагогов от искушений большой зарплатой // Независимая газ. — 2010. — 27 мая.
- 82 <http://www.vesti.ru/doc.html?id=314569>.
- 83 <http://www.vesti.ru/doc.html?id=311562>.
- 84 <http://www.vesti.ru/doc.html?id=323938>.
- 85 *Святейший Патриарх Кирилл.* Русская Церковь и европейская культура // Эксперт. — 2010. — № 4 (690) (<http://www.patriarchia.ru/db/text/1062197.html>).
- 86 Истина и надежда // Рос. газ. — 2010. — 2 апр. (<http://www.patriarchia.ru/db/text/1129594.html>).
- 87 <http://www.vesti.ru/doc.html?id=353898>.
- 88 <http://www.vesti.ru/doc.html?id=350997>.
- 89 <http://www.vesti.ru/doc.html?id=339305>.
- 90 <http://www.vesti.ru/videos?vid=257737>.

- 91 <http://www.vesti.ru/doc.html?id=329549>.
- 92 <http://www.vesti.ru/doc.html?id=328502>.
- 93 <http://www.vesti.ru/doc.html?id=314800>.
- 94 <http://www.vesti.ru/doc.html?id=314682>.
- 95 <http://www.sedmitza.ru/video/530054/index.html>.
- 96 «Тема программы — церковь с маленькой буквы. То есть — приход. Патриарх Кирилл выдвинул идею, что надо создавать не церковные приходы, а общины. Так в чем же разница? Также он провел реформу устройства приходов — какую именно и к чему это приведет?» // <http://www.vesti.ru/videos?vid=269321>.
- 97 <http://www.vesti.ru/videos?vid=266169>, <http://www.vesti.ru/videos?vid=265383>.
- 98 «Тема программы — монашество. Почему Церковь поощряет людей к тому, чтобы выбирать такой противостественный жизненный путь — не рожать детей, уходить от ответственности перед обществом, отвергать все человеческие интересы? И кто люди, которые вступают на этот путь, как к ним относиться? А как же заповедь “плодитесь и размножайтесь”? Можно ли считать Христа монахом?» // <http://www.vesti.ru/videos?vid=264463>.
- 99 <http://www.vesti.ru/videos?vid=260318>.
- 100 <http://www.vesti.ru/videos?vid=248594>.
- 101 <http://www.vesti.ru/videos?vid=256390>.
- 102 <http://www.vesti.ru/videos?vid=255679>.
- 103 <http://www.vesti.ru/videos?vid=252272>.
- 104 <http://www.vesti.ru/videos?vid=246651>.
- 105 Фильм «Царь» как зеркало российской религиозности: Павел Лунгин снял картину, ниспровергающую мифы об этических ценностях православия и вообще веры // Комсомол. правда. — 2009. — 1 нояб. (<http://www.kp.ru/print/article/24394.5/572649>); Очень приятно, царь: Что думать? // Моск. комсомолец. — 2010. — 25 янв. (<http://www.mk.ru/social/article/2010/01/25/417784-ochen-priyatno-tsar.html?action=print#>).
- 106 См.: Спор ученого и богослова: К чему могут привести уроки религии в школе // Комсомол. правда. — 2009. — 23 июня (<http://www.kp.ru/print/article/24331.4/523032>); Религия придет в школу, священники — в армию // Комсомол. правда. — 2010. — 22 июня (<http://www.kp.ru/daily/24330/522251/>); Ученые объявили церкви войну? Академики пожаловались на православных Президенту России // Комсомол. правда. — 2007. — 24 июня (<http://www.kp.ru/print/article/23939/70526>).
- 107 См.: ПроРОК в своем отечестве: Православный священник проповедует в рок-клубах // Родная газ. — 2006. — 2 июня (<http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=11867>); Проповедь в стиле

рок // Родная газ. — 2005. — 4 марта (<http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=1709>): «В конце 80-х свобода вероисповедания открыла границы полчищам импортных проповедников всех мастей. На их фоне православные батюшки выглядели бледновато. Сейчас ситуация изменилась. Сегодня поп в рок-клубе и с ноутбуком под рясой — обыденность».

Русская православная церковь и армия: опыт истории и современные проблемы взаимодействия

Анатолий Пчелинцев

Введение

Настоящая статья является попыткой подвести итоги в области исследований военно-религиозной проблематики, которая находится на стыке права, религиоведения, военной истории и педагогики. Первые статьи на эту тему были опубликованы автором в период службы в органах военной юстиции в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия. Более ранние его попытки разместить в центральных военных журналах статьи по данной проблематике и обратить внимание общества на нерешенность подобных проблем были безрезультатны. В то время сделать это было довольно трудно. При наличии цензуры и ст. 6 Конституции СССР о направляющей и руководящей роли КПСС любые публикации подобного рода рассматривались как посягательство на атеистическую природу Советской армии. Однако гласность и перестройка позволили приступить к освещению этой темы, сначала в виде историко-правовых публикаций, а затем и в форме научных рекомендаций по внедрению исторического и зарубежного опыта реализации свободы совести и вероисповедания в практику современных Вооруженных сил¹.

Последующее участие в законотворческой деятельности в рабочих группах по подготовке проектов федеральных законов «О статусе военнослужащих», «Об альтернативной гражданской службе», «О свободе совести и о религиозных объединениях», в комиссии Конституционно-

го совещания по доработке проекта Конституции Российской Федерации подвело автора к необходимости сформулировать собственный взгляд на данную проблему.

Актуальность настоящей работы связана также с тем, что сейчас в Вооруженных силах России начал формироваться институт военного духовенства. Однако действующая нормативно-правовая база при этом существенно отстает от реальных потребностей и не выдерживает критики. Конституционные принципы светскости государства, равенства религиозных объединений перед законом, недопустимости дискриминации по признаку отношения к религии, гарантированности свободы совести и свободы вероисповедания для каждого на практике подвергаются серьезным испытаниям, поскольку убеждения верующих неправославных конфессий либо неверующих военнослужащих часто в расчет не берутся. Такое положение вызывает серьезную озабоченность не только юристов и правозащитников, но и многих граждан. Однако и оппоненты нередко становятся на крайние позиции вплоть до отрицания всякого права на религиозную жизнь внутри армейских и флотских коллективов. Представляется, что истина, как всегда, находится посередине. Поэтому автор постарался сосредоточиться прежде всего на историческом и сравнительно-правовом анализе военно-конфессиональных отношений с учетом как традиционных национально-культурных и религиозных ценностей, так и ценностей современного демократического общества.

Публикации и источники

Проблема обеспечения свободы вероисповедания военнослужащих в течение длительного исторического периода была практически недоступна для объективного научного анализа. Поскольку православие имело статус государственной религии, а реальные традиции веротерпимости в России стали зарождаться только во второй половине XIX в., абсолютное большинство работ на интересующую нас тему до октября 1917 г. носило описа-

тельный и конфессионально ориентированный характер. Авторы рассматривали существующую модель военно-конфессиональных отношений без критического осмысления с позиций доминирующей церкви. Вряд ли такие исследования можно считать в полном смысле научными и идеологически беспристрастными. При этом роль религиозного фактора в отечественной военной истории нередко мифологизировалась.

Основными трудами в дореволюционное время в данной области являются работы Т. В. Барсова, В. Ф. Невзорова, Ф. М. Ласкеева и ряда других авторов, которые обобщили обширный исторический материал, освещающий опыт становления института военного духовенства российской армии и флота и управления им².

Определенный интерес представляет мемуарная литература, в которой описывается практическая деятельность военных и военно-морских священников. Особо выделяются богатые по фактологическому содержанию мемуары последнего протопресвитера российской армии и флота о. Георгия Шавельского³.

Однако необходимо иметь в виду, что работы указанного периода были направлены не только на обеспечение гарантий свободы вероисповедания, но и на формирование с помощью института военного духовенства необходимых религиозно-нравственных качеств военнослужащих.

В советский период большинство публикаций на тему религии и роли военного духовенства были посвящены разоблачению «реакционной» сущности «офицеров в рясах». Эти публикации относятся главным образом к концу 1920-х — началу 1930-х годов⁴. Именно это время было кульминацией борьбы с «опиумом для народа», небывалого размаха деятельности Союза воинствующих безбожников, массового закрытия и уничтожения православных храмов и святынь, иных культовых зданий, политических репрессий в отношении священнослужителей.

Последующая историческая и философская наука рассматривали эти вопросы исключительно с атеистических позиций, а правовая наука их сторонилась, делая вид, что такой проблемы не существует. И только на рубеже 1990-х годов стала возможна открытая дискуссия в обществе о том,

какими должны быть взаимоотношения армии и религиозных организаций. Появилось немало публикаций как в светских, так и в религиозных изданиях, в которых с различной степенью детализации и глубины освещаются самые разные аспекты реализации свободы вероисповедания в Вооруженных силах и иных силовых структурах. Среди них можно особо выделить две крупные работы — монографию С. М. Чимилова «Русская Православная Церковь и Вооруженные Силы России в 1800—1917 гг.» (СПб.: Нестор, 1999. — 272 с.) и коллективный сборник под редакцией полковника А. Е. Савинкина «Христолюбивое воинство. Православная традиция Русской Армии» (М.: Воен. ун-т, 1997. — 496 с.).

За последние годы также защищено немало диссертаций на данную тему. Среди них можно выделить работы Г. Н. Королева, П. А. Денисенко, Н. Х. Юскаева, С. А. Мозгового, А. М. Кузнецова, Н. Ю. Григорьева и ряда других авторов⁵.

Однако надо заметить, что абсолютное большинство публикаций и диссертаций посвящено историческим и философским аспектам проблемы реализации свободы вероисповедания военнослужащими. Юридические же аспекты данной проблематики остаются малоизученными.

В 2001 г. был опубликован сборник «Европейский суд по правам человека: процедура и практика по делам военнослужащих», в котором впервые в систематизированном виде были среди прочего рассмотрены вопросы реализации и защиты религиозных прав военнослужащих в контексте Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁶.

Отношение Русской православной церкви к военной службе и воинскому долгу

Русская православная церковь всегда рассматривала защиту Отечества как священный долг. При этом в качестве аргумента чаще других приводятся известные слова Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Имена Александра Невского, Дмитрия Донского, монахов Троице-Сергиева монастыря Родиона Осляби и Александра Пересвета и многих других православных воинов церковь глубоко чтит за их ратные подвиги. Святыми на Руси назывались ордена Андрея Первозванного, Георгия, Владимира, Александра Невского. Средневековые летописи демонстрируют немало примеров, когда в трудный час священники с оружием в руках защищали Отечество («с мечом шли на рать»), а монахи становились воинами.

Возникает вопрос: не противоречит ли это Священному Преданию и церковному праву, ведь христианская церковь в апостольских правилах и правилах вселенских соборов запрещает священникам быть воинами? Так, 83-е правило святых апостолов гласит: «Епископ или пресвитер, или диакон, в воинском деле упражняющийся, и хотящий удержать обое, то есть, римлянов начальство и священническую должность: да будет извержен из священнова чина, что кесарева кесареви, и Божия Богови»⁷. В седьмом правиле IV Вселенского Халкидонского собора (451 г.) находим: «Учиненным единожды в клир и монахам, определили мы не вступати на воинскую службу, ни в Мирский чин. Иначе дерзнувших на сие, и не возвращающихся с раскаянием к тому, что прежде избрали для Бога, предавать анафеме»⁸.

Право толковать каноны принадлежит церкви. Однако возьмем на себя смелость обратить внимание на то, что в приведенных канонах нет прямого запрета на ношение и применение оружия. Эти каноны были приняты до 1054 г., в эпоху неразделенной церкви. Тот факт, что католические монахи, священники и епископы с оружием в руках участвовали в войнах и Крестовых походах, широко известен. Достаточно вспомнить из истории западной церкви многочисленные рыцарские ордена и крестоносцев.

Нечто похожее мы видим и в Православной церкви, однако с той принципиальной разницей, что православные священники и монахи «с мечом шли на рать» в исключительных случаях, защищая Отечество от вероломного врага. Средневековые летописи сохранили немало подобных примеров. Так, поп Иванко Леген, дружинник новгородского воеводы Ядрея, был убит в бою на Югре в 1193 г.⁹

В 1234 г. храбрый поп Петрило принял участие в отражении набега литвинов и погиб под стенами Старой Русы¹⁰.

В «Сказании о Мамаевом побоище», повествующем о Куликовской битве, дается следующее описание. Князь Дмитрий Иванович приезжает в Троицкий монастырь к своему духовному отцу старцу Сергию. «Князь же великий сказал: “Дай мне, отче, двух воинов из своей братии — Пересвета Александра и брата его Андрея Ослябу, тем ты и сам нам поможешь”. Старец же преподобный велел тем обоим быстро сготовиться идти с великим князем, ибо были известными в сражениях ратниками, не одно нападение встретили. Они же тотчас послушались преподобного старца и не отказались от его повеления... И передал [он] их в руки великого князя, и сказал: “Вот тебе мои воины, а твои избранники”, — и сказал им: “Мир вам, братья мои, твердо сражайтесь, как славные воины за веру Христову и за все православное христианство с погаными половцами”»¹¹.

Другие памятники второй половины XVI в. свидетельствуют, что во время Ливонской войны и осады поляками Пскова в 1581 г. активное участие в обороне города приняли монахи Печерского и Снетогорского монастырей¹².

В марте 1854 г. священник Иоанн Пятибиков во время штурма задунайских тульчинских укреплений после гибели офицеров принял на себя командование подразделением. Священник Гавриил Судковский 22 сентября 1854 г. воодушевлял артиллеристов, а после гибели расчета сам заряжал орудия, за что был награжден золотым наперсным крестом на георгиевской ленте. Из 200 священников — участников Крымской войны более двух третей были награждены¹³. Подобные примеры можно продолжить.

Церковное право (лат. *jus sacrum*), как известно, признает прецедент как особый вид обычая¹⁴. Очевидно, приведенные примеры и представляют собой этот особый вид обычая — в исключительных случаях защищать Отечество с оружием в руках, несмотря на духовное звание. Однако еще раз оговоримся: таково частное мнение автора этих строк.

Свое отношение к военной службе и к взаимодействию с Вооруженными силами РПЦ изложила в «Основах соци-

альной концепции Русской Православной Церкви» (раздел VIII «Война и мир»). Этот документ принят Архиерейским собором РПЦ в августе 2000 г. и отражает официальную позицию Московского патриархата по важнейшим вопросам общественной и государственной жизни.

«Признавая войну злом, Церковь все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попорченной справедливости. Тогда война считается хотя и нежелательным, но вынужденным средством. Православие во все времена относилось с глубочайшим почтением к воинам, которые ценой собственной жизни сохраняли жизнь и безопасность ближних. Многих воинов Святая Церковь причислила к лику святых, учитывая их христианские добродетели и относя к ним слова Христа: нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 15, 13). <...>

Церковь имеет особое попечительство о воинстве, воспитывая его в духе верности высоким нравственным идеалам. Соглашения о сотрудничестве с Вооруженными силами и правоохранительными органами, заключенные Русской Православной Церковью, открывают большие возможности для преодоления искусственно созданных средостений, для возвращения воинства к веками утвержденным православным традициям служения Отечеству. Православные пастыри — как несущие особое послушание в войсках... призваны неукоснительно окормлять военнослужащих, заботясь об их нравственном состоянии»¹⁵.

2 марта 1994 г. было подписано первое соглашение о сотрудничестве между Русской православной церковью и Министерством обороны России. Впоследствии подобные соглашения были заключены с другими силовыми министерствами и ведомствами.

В 1995 г. решением Священного синода был создан Отдел по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями.

В своей деятельности РПЦ призывает православных воинов к добросовестному исполнению воинских обязанностей. Однако объективности ради следует заметить, что уровень влияния церкви на моральное состояние при-

зывников и военнослужащих продолжает оставаться на низком уровне. Ежегодно от военной службы только за один весенний или осенний призыв уклоняется от 20 до 30 тыс. призывников. Чтобы каким-то образом вывести из-под удара авторитет РПЦ, которая явно недорабатывает в вопросах нравственного и военно-патриотического воспитания молодежи, отдельные представители церкви вынуждены искать недостатки в других конфессиях. Так, руководитель сектора воздушно-десантных войск Отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями протоиерей Михаил Васильев утверждает: «...В Америке и Англии, например, члены общин протестантских деноминаций в большинстве своем “ничтоже сумняшеся” несут воинскую службу в армии, а у нас в таком же большинстве отказываются от службы, ища альтернативную, или откровенно “косят”»¹⁶. Весьма странное заявление, если учесть, что в России представители протестантских церквей в абсолютном большинстве не «косят» от призыва, как утверждает православный священник, а добросовестно и успешно несут военную службу в различных видах Вооруженных сил, о чем имеется немало свидетельств. Практика же реализации конституционного права на альтернативную гражданскую службу в нашей стране показывает, что это право ежегодно используют буквально единицы призывников, среди которых встречаются как религиозные, так и светские пацифисты, принадлежащие к различным религиозным традициям.

Роль военного духовенства в духовно-нравственном воспитании военнослужащих (исторический опыт)

В 1876 г. в российских газетах было напечатано известие о мученической смерти унтер-офицера 2-го Туркестанского стрелкового батальона Фомы Данилова. Он был захвачен в плен кипчаками и после изощренных истязаний варварски умерщвлен за то, что не захотел принять магометанство и перейти к ним на службу. Ему обещали помилование и награду, если он согласится отречься от Христа. Данилов

отвечал, что изменить кресту не может и как русский подданный должен и в плену исполнить свою обязанность по отношению к царю и к христианству. Мучители, забив Данилова до смерти, поразились силе его духа и назвали его «батыром», т. е. богатырем.

Ф. М. Достоевский, прочитав о Данилове, посвятил размышлениям о нравственных и духовных источниках его подвига более десяти страниц своего дневника. Он озаглавил их «Фома Данилов, замученный русский герой». «...Для народа нашего, — писал Достоевский, — подвиг Данилова, может быть, даже и не удивителен. В том-то и дело, что тут именно — как бы портрет, как бы всецелое изображение народа русского, тем-то все это и дорого для меня, и для вас, разумеется. Именно народ наш любит точно так же правду для правды, а не для красоты. И пусть он груб, и безобразен, и грешен, и неприметен, но приди его срок и начнись дело всеобщей всенародной правды, и вас изумит та степень свободы духа, которую проявит он перед гнетом материализма, страстей, денежной и имущественной похоти и даже перед страхом самой жесточайшей мученической смерти. И все это он сделает и проявит просто, твердо, не требуя ни награды, ни похвал, собою не красуясь: “Во что верую, то и исповедую”»¹⁷.

Не случайно патриотическое и духовное воспитание воинов российской армии до 1917 г. строилось на религиозной, главным образом православной основе. Стремление привить нравственные религиозные чувства как противовес страху было приоритетным. Православные священники благословляли воинов на подвиги во имя Отечества, воодушевляли малодушных, утешали раненых, заботились о воспитании в войсках духа веры, мужества, самопожертвования, воинской дисциплины.

Даже в советское время, когда подавлялась сама идея веры в Бога, историки религии, правда, с идеологическими оговорками, вынуждены были согласиться с положительной ролью военных священников в духовном воспитании солдат и матросов. «Нельзя отрицать значение деятельности армейского духовенства в общей совокупности причин высокой воинской доблести русского солдата в Отечественной войне 1812 г., Севастопольской обороне, шипкинской

эпопее. Солдатская масса в XIX в. шла в бой с лозунгом “За веру, царя и отечество”, и армейское духовенство делало, конечно, все возможное, чтобы использовать естественные патриотические чувства народа в интересах самодержавия и церкви... Если к этому добавить, что особенно в названных войнах XIX в. церковь участвовала в организации медико-санитарной службы, помощи инвалидам, беженцам и т. п., то станет ясна необходимость взвешенного и объективного взгляда на роль церкви в экстремальных событиях жизни народа в XIX в.»¹⁸.

Это вполне закономерно, так как русская армия в основе своей состояла из христиан. В начале XX в. религиозный состав нижних чинов был таким: православных — 75%, католиков — 9%, мусульман — 2%, лютеран — 1,5%, других, в том числе и не заявивших о своей конфессиональной принадлежности — 12,5%. Православные генералы и полковники составляли около 85%, остальные 15% были лютеране, католики, мусульмане и армяно-григориане¹⁹.

Анализируя военно-конфессиональные отношения от допетровских времен до советского времени, можно сделать вывод, что они в зависимости от эпохи и политической конъюнктуры постоянно видоизменялись и совершенствовались. Оптимальная структура военного духовенства была достигнута в начале XX в., особенно в годы Первой мировой войны. Тогда религиозным духом была пронизана вся жизнь войск. Таким образом, для понимания места и роли армейского и флотского духовенства в религиозном воспитании воинов целесообразно кратко рассмотреть их положение в этот период²⁰.

Одной из особенностей того времени было возведение воинских храмов как памятников славы и символов государственной и военной мощи России. Если в 1901 г. их насчитывалось 570, то в 1910 г. духовные потребности военнослужащих удовлетворяли 25 соборов и 819 воинских церквей. Внутри храмов размещались мемориальные доски с перечнем всех частей, участвовавших в войне. Существенное значение для духовно-нравственного воспитания и сохранения исторической памяти имело решение Святейшего синода, принятое в 1904 г. и предписывавшее «сельским церквам на стенах своих прибить черные доски

с перечислением погибших на поле брани» под надписью «Вечная слава погибшим и слава живым»²¹.

С первых дней Первой мировой войны церковь развернула широкую пропаганду. Во всех храмах в проповедях сообщалось, что война ведется для защиты Родины. Синод выступил со специальным посланием, в котором сообщалось, что Россия «неожиданно вовлечена на брань с врагами» и предстоит защищать не только «братьев по вере», но и славу царя, и честь Родины. Синод призывал всех священнослужителей ободрять паству, укреплять ее в вере, охранять от всякого рода соблазнов и поддерживать в народе любовь к церкви, царю и Родине²².

Забываясь о воздействии на население, церковь особое внимание уделяла воинским частям, формировавшимся для отправки на фронт. Проповеди, беседы, религиозно-нравственные чтения велись духовенством с особенной энергией. Этим чтениям давалась высокая оценка, так как считалось, что они приносят громадную пользу для развития в народе религиозно-нравственных и патриотических чувств.

Для распространения в войсках были собраны специальные библиотечки, которые духовенство обязано было иметь при себе вместе с запасом крестиков, иконок, священных изображений на бумаге и листов религиозно-нравственного содержания для бесплатной раздачи больным и раненым. Наиболее распространенными в армии церковными изданиями были «Пастырское слово воину, вступающему в действующую армию», «Пастырское слово воину, на брани подвигающемуся» и «Пастырское слово воину, возвращающемуся в действующую армию по выздоровлении от ран». Выпускались печатные листы, расклеивавшиеся по церквам, где совершались богослужения для воинских частей, вроде изданного бригадным священником Поповым под заглавием «Клятва воина и дисциплина». В 1915 г. был издан специальный «Спутник православного воина». Кроме того, в войска поступали специальные журналы: «Вестник военного и морского духовенства», «Верность», «Русский паломник» и др.

Однако если в мирное время военные священники вполне справлялись со своими обязанностями и их дея-

тельность по большому счету мало отличалась от служения «штатских» батюшек, то со спецификой военной службы в боевых условиях многие иереи были знакомы недостаточно. Отсутствие планов, инструкций, руководств по работе духовных пастырей в боевой обстановке отрицательно влияло на служение армейского и флотского духовенства. Опыт работы священников-ветеранов прошлых войн не обобщался, вследствие чего ни обязанностей, ни конкретной работы священника в этих условиях не представляли должным образом не только военачальники, но и руководители военного и морского духовенства. Следовательно, необходимо было организовать и скоординировать работу благочинных, снабдить их соответствующими указаниями, т. е. помочь им наладить работу полковых иереев.

Назначенный 22 апреля 1911 г. главой военного и морского духовенства протопресвитер Георгий Шавельский сразу принялся за сплочение военных священников. В течение трех довоенных лет он сумел укрепить свое ведомство, подготовить необходимые документы и инструкции военному священнику на случай войны. Прекрасно понимая причины возросших требований к армейским иереям со стороны военного командования, протопресвитер военного духовенства стремился максимально полно разрешить вопрос об обязанностях своих подчиненных, особенно в случае возможного начала боевых действий. Так, по инициативе Г. Шавельского с 1 по 11 июля 1914 г. в Петербурге прошел первый Всероссийский съезд военного и морского духовенства. В нем участвовали 49 военных священников (40 армейских и 9 морских). В повестке дня значилось несколько вопросов, разрабатывавшихся первоначально в восьми секциях (в первой — вопрос о памятке военному священнику, во второй — богослужебные вопросы, третья называлась учительной, четвертая — библиотечной, пятая — миссионерской, шестая — правовой, седьмая — благотворительной и восьмая — «по свечному делу»). К этим секциям затем были добавлены еще четыре: морская, по борьбе с алкоголизмом, по религиозно-нравственному воспитанию заключенных и о суде чести. Относительно других средств воздействия на армию в решениях съезда было сказано следующее: «Просветительное значение в деятель-

ности духовенства имеют внебогослужebные собеседования, которые должны проходить по батальонам и ротам не менее одного раза в неделю... Не менее одного раза в неделю следует посещать гауптвахту. Обратить внимание на уроки закона Божия... Предмет уроков и поучений... развитие патриотического чувства преданности государю... Желательна раздача листовок и книжек или продажа их, а также крестиков»²³.

Наиболее важным результатом этого съезда явилась подготовленная «памятка» (инструкция) для военного священника. Кроме всего прочего, в ней были сформулированы задачи: «Необходимо быть проводником в паству начал преданности и верности до самопожертвования государю императору», раскрывать обязанности воинов «в духе непоколебимой преданности вере», прививать идею «беспрекословного повиновения начальству»²⁴. Инструкция определяла круг обязанностей всех прибывавших на театр военных действий священников. Она указывала полковому и бригадно-артиллерийскому священнику, что их место во время боя — не тыловой обоз, а передовой перевязочный пункт, где обычно скапливались раненые. Если же обстоятельства требовали, военный священник должен был идти и в окопы. Строевой пастырь имел обязанность помимо выполнения собственно священнических функций помогать врачам, заведовать уборкой с поля боя убитых и раненых, заботиться о поддержании в порядке могил убитых, извещать их родственников, а также родных раненых воинов, писать письма от имени больных на родину, размещать походные библиотеки и т. д. Но главное, что должны были делать священники на фронте, — это утешать, морально помогать переносить лишения, стараться быть той нравственной опорой, на которой, собственно, и держится армия любого государства. «Священники первые должны были показывать своим пасомым пример твердости веры, стойкости в исполнении долга, трезвости и благоповедения. Замеченные в нетрезвости и плохом поведении будут увольняемы из ведомства», — говорилось в инструкции о работе священнослужителей в боевой обстановке²⁵.

Согласно высочайше утвержденному положению вводилась должность главного священника фронта. Занимав-

шие ее иереи должны были объединять, координировать и руководить деятельностью духовенства на своем фронте. Неудачным было создание должностей священников, состоявших при штабах армий, так как их обязанности, кроме совершения богослужений, никак не оговаривались. Однако у протопресвитера существовала возможность корректировать неудачные решения, если они не требовали содержания от казны. В результате появились должности гарнизонных благочинных в местах, где было несколько священников, а также благочинных запасных госпиталей, выполнение обязанностей которых было возложено на священников при штабах армий.

Незадолго перед революцией, в 1916 г., в ведомстве Шавельского появились армейские проповедники (по одному в каждой армии), в обязанности которых входило постоянно объезжать воинские части, проповедуя и поднимая дух солдат. В конце 1916 г. были учреждены и новые должности главных священников Балтийского и Черноморского флотов. Проведенная таким образом реорганизация позволила протопресвитеру русской армии и флота четко и слаженно управлять находившимися во время войны в его подчинении более 5 тыс. священнослужителей.

В религиозно-нравственном воспитании воинов активно участвовали все категории начальствующего состава. Авторы многочисленных работ по вопросам обучения и воспитания войск отмечали, что офицер-воспитатель должен уметь возбудить и поддерживать у подчиненных религиозное чувство независимо от того, к какому вероисповеданию они принадлежат. Они доказывали также, что религиозным воспитанием должны заниматься как священнослужители, так и офицеры. И если нижний чин найдет поддержку своего религиозного чувства в офицере, последний станет ему ближе и дороже, заменит отца и брата. Это позволяло им, используя религию, активно воздействовать на духовность подчиненных²⁶.

Автор «Катехизиса русского солдата» Н. Шалапутин, отвечая на вопрос: «Как воинская дисциплина повелевает относиться к инородцам и иноверцам, служащим солдатами в войсках?», поучал в своей книге: «Тот, кто несет рав-

ную повинность, равную ответственность и равную готовность жертвовать жизнью (налог крови), тот, естественно, заслуживает равного и почетного с ним обращения. Вероисповедание или национальность тут никакой роли не играют. Осмеивать обряды религии, язык или местные обычаи недостойно порядочного солдата»²⁷.

В каждой роте для обеспечения религиозных нужд военнослужащих оборудовались образные комнаты. Для обслуживания паствы в полевых условиях полк, батальон имели комплект походной церкви. С 1916 г. существовал даже специальный комитет по сооружению подвижных храмов на фронте. С его помощью, например, были построены плавучие церкви на Черноморском флоте и на Каспии.

Главным методом в деятельности военных священнослужителей являлся индивидуальный подход и личный пример. Статья 54 «Положения об управлении церквями и духовенством военного ведомства» гласила: «Военные священники... обязаны вести свою жизнь так, чтобы воинские чины видели в них назидательный для себя пример веры, благочестия, исполнения обязанностей службы, доброй семейной жизни и правильных отношений с ближним, начальствующим и подчиненным».

Прекрасно понимая, что во все времена на примерах воинской доблести предков воспитывались новые поколения, о. Георгий Шавельский 2 сентября 1914 г. разослал духовенству воинских частей действующих армий и госпиталей директиву № 177, в которой просил всех священников незамедлительно сообщать ему «о всех подвигах, совершенных в обслуживаемых ими частях как отдельными лицами: офицерами, врачами, нижними чинами, так и целыми этими частями, описывая каждый подвиг возможно подробно, с указанием времени, места, лиц, а также обо всем, что может свидетельствовать о доблести наших войск». Этой же директивой благочинные обязывались сообщать о подвигах священников. Вскоре такой материал стал поступать в редакцию «Вестника военного и морского духовенства» и публиковаться.

Всего же за проявленное мужество в годы Первой мировой войны более 1200 военных священников получили государственные награды. Военным священникам было

вручено 227 золотых наперсных крестов на георгиевской ленте, 288 орденов св. Владимира 3-й степени с мечами, 543 ордена св. Анны 2-й и 3-й степени с мечами²⁸.

Несмотря на самоотверженное служение многих священников, «руководство церкви в отношении русского народа, — писал в своих воспоминаниях о. Георгий Шавельский, — не было разносторонне воспитывающим. Священнослужители по большей части ограничивали свою пастырскую работу церковно-богослужебным делом. Проповедь, когда она раздавалась в церкви, почти всегда была отвлеченной и, так сказать, надземной: она много распространялась о том, как человеку попадать в Царство Божие, и мало касалась того, как ему достойно жить на земле». Поэтому, как заметил о. Георгий, после Февральской революции, когда были отменены обязательные посещения богослужений, на исповедь и святое причастие стало ходить незначительное число солдат.

Тем не менее не подлежит сомнению, что русское армейское и флотское духовенство внесло значительный вклад в дело воинского и религиозного воспитания военнослужащих, искренне стремясь пробудить в воинах лучшие чувства: любовь к Богу и Родине, патриотизм и храбрость. Исторический опыт дает еще один повод для размышлений о том, как следовало бы поставить дело религиозного воспитания в армии и при каких условиях можно рассчитывать на успех. С учетом сегодняшних реалий было бы разумно продолжить поиск путей конструктивного сотрудничества Русской православной церкви и других конфессий с Вооруженными силами, гарантируя при этом военнослужащим полную мировоззренческую свободу.

Проблемы обеспечения свободы вероисповедания в современных Вооруженных силах и иных воинских формированиях

Серьезным препятствием на пути реализации свободы вероисповедания в воинских формированиях является отсутствие надлежащей нормативно-правовой базы обеспечения данного права.

Сложный комплекс вопросов, связанных с удовлетворением религиозных потребностей верующих военнослужащих, регулируется всего одной ст. 8 федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ и несколькими строчками в федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125. В частности, упомянутая статья закона «О статусе военнослужащих» гласит: «1. Военнослужащие в свободное от военной службы время вправе участвовать в богослужениях и религиозных церемониях как частные лица. 2. Военнослужащие не вправе отказываться от исполнения обязанностей военной службы по мотивам отношения к религии и использовать свои служебные полномочия для пропаганды того или иного отношения к религии. 3. Религиозная символика, религиозная литература и предметы культа используются военнослужащими индивидуально. 4. Государство не несет обязанностей по удовлетворению потребностей военнослужащих, связанных с их религиозными убеждениями и необходимостью отправления религиозных обрядов. 5. Создание религиозных объединений в воинской части не допускается. Религиозные обряды на территории воинской части могут отправляться по просьбе военнослужащих за счет их собственных средств с разрешения командира».

Похожие, но более мягкие положения содержатся и в упомянутом федеральном законе № 125. Так, п. 4 ст. 4 содержит предписание, что «военнослужащие не вправе использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии». Пункт 2 ст. 6 закона также запрещает создание религиозных объединений в воинских частях, а п. 4 ст. 16 закона гласит: «Командование воинских частей с учетом требований воинских уставов не препятствует участию военнослужащих в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях».

Таким образом, положения обоих законов содержат весьма общие, устаревшие и во многом юридически неопределенные положения. Вследствие своей архаичности и противоречивости они не могут служить эффективным руководством при решении командованием воинских ча-

стей и кораблей практических задач по гарантированию прав верующих военнослужащих.

Даже в «Правилах отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими» (приложение к приказу министра обороны России от 29 июля 1997 г. № 302) ни слова не сказано о возможности проведения какой-либо духовно-религиозной работы среди военнослужащих, содержащихся в дисциплинарной воинской части (разумеется, по их желанию). Между тем эта категория лиц особо нуждается в слове пастыря. Например, согласно ст. 34—37 Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» от 12 августа 1949 г. военнопленный имеет право на беспрепятственную встречу со священником. Более того, военнопленному должны выделить помещение, где он мог бы отправлять религиозные обряды. Помимо этого военнопленным беспрепятственно разрешается пользоваться религиозной литературой, а в ряде случаев допускается посещение близлежащей церкви или молитвенного дома и т. д. И это, обратим внимание, права военнопленных. Аналогичным образом и весьма подробно в ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса регламентированы права верующих граждан, отбывающих уголовное наказание в местах лишения свободы.

Вернемся к правам верующих военнослужащих в России. Уже названная ст. 8 закона «О статусе военнослужащего» говорит, что «государство не несет обязанностей по удовлетворению потребностей военнослужащих, связанных с их религиозными убеждениями и необходимостью отправления религиозных обрядов» (п. 4). Между тем ст. 28 Конституции России гарантирует каждому свободу совести и свободу вероисповедания включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Налицо явное противоречие действующего военного законодательства с Конституцией и нормами международного права.

Читаем ст. 8 дальше: «Создание религиозных объединений в воинских частях не допускается». Однако де-факто сегодня в воинских частях и на кораблях суще-

ствуют тысячи православных религиозных общин в виде религиозных групп. Командование с гордостью рапортует в различных СМИ, что в гарнизонах и воинских частях построено более тысячи часовен и даже военных храмов. Если это так, то почему столь бесцеремонно и грубо нарушается закон? Что мешает Министерству обороны как субъекту законодательной инициативы выйти с соответствующими предложениями в Правительство России, чтобы последнее инициировало предложения по совершенствованию военного законодательства в части полноценного обеспечения прав и свобод верующих военнослужащих? Однако Министерство обороны и другие силовые министерства и ведомства не спешат это делать, формально продолжая грубо нарушать пусть устаревший и не отвечающий потребностям современной жизни, но действующий закон.

Для воинской организации, специфической чертой которой является строгая регламентация всех сторон жизни и деятельности, целесообразно было бы четко определить, например, на уровне Устава внутренней службы, как обязанности командиров по реализации прав верующих военнослужащих, так и порядок их реализации.

В июле 2009 г. президент Дмитрий Медведев выразил согласие с предложениями ряда «традиционных» религиозных объединений, прежде всего РПЦ, и поручил Министерству обороны возродить институт военного духовенства. Было заявлено, что на первом этапе священнослужители появятся в военных подразделениях за рубежом. В ходе второго этапа (с 1 января 2010 г.) должны быть назначены священнослужители РПЦ во всех воинских частях до бригады включительно. Уже с 1 декабря 2009 г. в Вооруженных силах была введена должность помощника командира воинской части по работе с верующими военнослужащими и состоялись первые назначения. Теперь военные священники получают денежное содержание из государственной казны, а в недрах Министерства обороны создан отдел по работе с верующими военнослужащими, который возглавил полковник запаса Б. М. Лукичев. В военных округах и на флотах проводятся сборы военного духовенства²⁹.

24 января 2010 г. министр обороны утвердил «Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации». Оно официально не публиковалось, и попытки автора ознакомиться с ним, в том числе через соответствующий отдел Министерства обороны, были безуспешны. Наконец, 1 марта 2011 г. это положение появилось в Интернете на одном из сайтов³⁰.

Согласно п. 13 «Положения...» основными задачами должностных лиц по работе с верующими военнослужащими являются:

- организация и проведение религиозных обрядов, церемоний и удовлетворение религиозных потребностей личного состава Вооруженных сил;
- организация и проведение духовно-просветительской работы;
- участие в мероприятиях, проводимых органами военного управления по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию;
- участие в работе по укреплению правопорядка и воинской дисциплины, профилактике правонарушений и суицидальных происшествий.

Это вполне реалистичные и здравые задачи. Спрашивается, зачем такая закрытость? Ведь согласно п. 3 ст. 15 Конституции «любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения».

Однако еще раз повторим: несмотря на наличие указанного положения, нормативно-правовая база в области реализации свободы совести и вероисповедания военнослужащими явна недостаточна. Как стало известно из публичных высказываний высоких воинских должностных лиц, в воинской части будет одна штатная единица священнослужителя. По словам заместителя министра обороны Николая Панкова, должность священника будет вводиться из расчета на тысячу бойцов: если в подразделении насчитывается тысяча мусульман, туда назначается имам, если иудеев — раввин, если православных — православный священник³¹.

В реальности, судя по хаотичным действиям, никакой эффективной системы или программы деятельности по обеспечению свободы вероисповедания и введению института военного духовенства пока нет, как нет и сотрудничества Министерства обороны с другими религиозными объединениями. Видимо, у Минобороны попросту отсутствует концепция выстраивания военно-конфессиональных отношений. Автору не известен ни один крупный специалист по вопросам свободы вероисповедания и государственно-конфессиональных отношений, который был бы привлечен к участию в работе упомянутого отдела. Неудивительно, если в «реформированной» армии будут наличествовать все те же старые проблемы, а возможно, добавятся новые, связанные с религиозной нетерпимостью и дискриминацией. Пока же вся деятельность вокруг возрождения института военного духовенства нелегитимна и противоречит закону.

По нашему мнению, в Министерстве обороны должен быть создан координационный совет из представителей крупнейших конфессий, который бы способствовал выработке методических и законодательных рекомендаций по совершенствованию военно-конфессиональных отношений. Кстати, именно по такому пути пошли Вооруженные силы Украины. 7 февраля 2011 г. президент Виктор Янукович поручил правительству принять меры в области усиления военно-патриотического и духовного воспитания военнослужащих, а также обеспечения их конституционного права на свободу вероисповедания. При Министерстве юстиции Украины создана рабочая группа, в которую вошли представители крупнейших конфессий, вероучение которых не запрещает вооруженную защиту государства. Эта группа занимается подготовкой законодательных предложений в области свободы вероисповедания для военнослужащих. Кроме того, при Министерстве обороны создан Совет по делам пастырской опеки. В него вошли представители Украинской православной церкви (Московского патриархата), Украинской православной церкви Киевского патриархата, Украинской греко-католической церкви, Украинской автокефальной православной церкви, Римско-католической церкви

в Украине, Всеукраинского союза церквей евангельских христиан-баптистов, Духовного управления мусульман Украины. Деятельность этого органа освещается в прессе. Он уже разработал проект концепции душепастырской работы в Вооруженных силах Украины.

Среди главных мероприятий на 2011 г. запланировано проведение «круглого стола» на тему «Опыт армий зарубежных стран по душепастырской опеке военнослужащих». Организаторы планируют пригласить капелланов армий иностранных государств и изучить мировой опыт удовлетворения религиозных потребностей военнослужащих, который предлагает различные модели военного капелланства. Планируется также провести всеукраинскую научно-практическую конференцию со священнослужителями различных конфессий, которые совершают пастырскую опеку военнослужащих Вооруженных сил страны³².

Почему бы должностным лицам Министерства обороны России, которые отвечают за данный участок работы, не поучиться у ближайших славянских соседей, как надо работать?

К сожалению, зачастую военные руководители слепо копируют все действия, в том числе и ошибочные, которые в отношении религии совершают руководители нашего государства. Одна из таких ошибок — явное невнимание к таким традиционным для России религиям, как, например, старообрядчество, ислам, буддизм, протестантизм.

Если мы хотим окончательно развалить Вооруженные силы, начать поиск врагов внутри армии в лице верующих других конфессий, спровоцировать «дедовщину» по религиозному признаку, то можно продолжать работать в том же конспирологическом духе. Между тем в царской армии начиная со второй половины XIX в. помимо православных священнослужителей в частях были представлены духовные лица римско-католического, евангелическо-лютеранского, исламского и иудейского вероисповеданий. Например, в период Первой мировой войны в частях несли духовную службу около ста имамов. Иначе в многонациональном и многоконфессиональном государстве быть просто не могло по определению. Если религиозные убеждения военнослужащего не уважаются

и не защищаются государством, такому государству следует ожидать аналогичного неуважительного отношения к себе верующих военнослужащих. Будет ли умирать за Родину солдат или офицер, с религиозными убеждениями которого государство не считается и даже их унижает? Думается, ответ очевиден.

Сегодня Министерство обороны и иные силовые ведомства заключили договоры о сотрудничестве с Русской православной церковью. А почему такие договоры не заключаются с мусульманами, старообрядцами, евангелистами и представителями других традиционных религий? Практика свидетельствует, что верующие военнослужащие независимо от конфессиональной принадлежности исполнительны и дисциплинированы. Жизненная цель для них не только в служении Богу, но и Отечеству. Искренне верующий человек не обманет, не напьется, не уйдет в самоволку, не ударит товарища. В этой связи трудно не согласиться с председателем Совета муфтиев России Равилем Гайнутдином, который выразил свою озабоченность складывающейся ситуацией следующим образом: «Нас всерьез беспокоит то, что некоторые руководители Министерства обороны (МО) своими односторонними и непродуманными действиями расшатывают армию, ведут ее к расколу по национальному и религиозному признакам, противопоставлению православия всем другим религиям. Ведь только РПЦ имеет договор с МО о сотрудничестве. Появились первые православные храмы и священники в армии... Такая линия МО вызывает недоумение и множество вопросов у граждан. Разве армия наша состоит только из православных?»³³.

Однако у института военного духовенства имеется немало оппонентов, по мнению которых его введение противоречит принципу светскости государства и влечет за собой клерикализацию армии и флота³⁴. С такой позицией трудно согласиться, поскольку назначение института военного духовенства сводится к более полному удовлетворению религиозных потребностей военнослужащих, а следовательно, к более эффективному гарантированию реализации свободы вероисповедания. Даже в таких странах, как США, Канада, Франция, где в более жестких фор-

мах проводится принцип отделения церкви от государства, существует институт военного духовенства. Причем военные священники в названных странах имеют воинские звания и по статусу приравниваются к военнослужащим. Мы соглашаемся с оппонентами в том, что нельзя вводить данный институт исключительно для одной конфессии.

Серьезным препятствием на пути реализации принципа свободы вероисповедания в условиях Вооруженных сил является также необразованность большинства офицеров в сфере религии и государственно-конфессиональных отношений. Многие из них не знают не только основ вероучения той или иной религиозной конфессии, ее культа, особенностей психологии ее сторонников, но и требований, которые предъявляет к их верующим подчиненным религиозная вера в отношении военной службы. К религиозно-педагогической безграмотности прибавляется правовая — незнание элементарных требований Конституции и законодательства России в области свободы совести и вероисповедания. Это невежество нередко отягчено крайней нетерпимостью к представителям других религий.

Необразованность командиров при определенных обстоятельствах может стать причиной оскорбления религиозных чувств верующих, возникновения конфликтов в воинских коллективах на религиозной почве. К сожалению, автору известны неединичные случаи подобного рода из современной армейской жизни.

В то же время в царской армии офицер при направлении его для прохождения военной службы на Кавказ обязан был изучить культурные, национальные и религиозные традиции народов той области, в которой ему предстояло служить. Сегодня, к сожалению, ничего подобного нет. Даже в Красной армии, несмотря на богоборческий режим, командиры стремились учитывать религиозные убеждения красноармейцев, по крайней мере в первые годы советской власти. Приказом Реввоенсовета республики № 1 от 3 января 1919 г., например, занятия в воинских частях и учреждениях с сочельника и праздника Рождества Христова переносились на другие дни³⁵, а приказом № 590 от 7 марта 1922 г. военнослужащим различных национальностей предоставлялось право помимо декретированных

общих праздников отмечать еще 11 религиозных дней. К приказу прилагался календарь религиозных празднований, утвержденный коллегией Наркомата по делам национальностей³⁶.

Таким образом, чтобы будущие офицеры обладали необходимыми знаниями в области религии и связанных с ней правовых проблем, в высших военно-учебных заведениях следовало бы ввести обязательное изучение курса «Основы религиоведения и военно-конфессиональных отношений».

Военная присяга и религиозные убеждения военнослужащих

Каждый военнослужащий, впервые поступивший на военную службу, приводится к присяге, которая является важным морально-психологическим фактором в процессе формирования необходимых качеств военнослужащего.

Текст действующей военной присяги содержится в п. 2 ст. 40 федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ. В современной редакции он выглядит следующим образом: «Я, (фамилия, имя, отчество), торжественно присягаю на верность своему Отечеству — Российской Федерации. Клянусь свято соблюдать Конституцию Российской Федерации, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников. Клянусь достойно исполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество!». Этот текст дважды содержит слово «клянусь». Именно оно является непреодолимым нравственным барьером для некоторых военнослужащих-христиан, которые строго следуют заповеди Евангелия: «А Я говорю вам: не клянись вовсе» (Мф. 5, 34). Опыт показывает, что никакая сила не заставит многих из них произнести «клянусь» перед воинским строем. Голос совести запрещает этим верующим то, что светский закон считает обязательным. Требования христианской совести они ставят выше светского закона и повинуются им.

В качестве примера приведем беспрецедентный случай, который произошел в Благовещенском гарнизоне 23 января 2011 г. и о котором сообщила «Комсомольская правда». Андрея Шаповала призвали в армию из Кемеровской области, и службу он проходил в батальоне обеспечения учебного процесса Дальневосточного высшего военно-командного училища. На 23 января было назначено принятие военной присяги. Но во время заучивания текста солдат вдруг заявил, что присягать не может. В присяге юношу смущало слово «клянусь».

«Нам запрещено клясться, — пояснил рядовой Шаповал уже после присяги, во время которой, собственно, корреспондент и обратил внимание на то, что он произнес не “клянусь”, а “обязуюсь”. — И в Библии, и в Евангелии от Матфея об этом говорится. Если ты поклялся, ты обязан клятву выполнить. Но, сами понимаете, бывают в жизни непредвиденные обстоятельства, когда от тебя ничего не зависит... и получится, что клятва нарушена. И потом, по вере мы присягаем один раз в жизни — только Богу».

На вопрос, что вообще баптист делает в армии и почему не пошел на альтернативную гражданскую службу, Андрей отвечает, что служба — семейная традиция. Четверо его родных братьев и двенадцать двоюродных в свое время честно отслужили. Никто из них от службы не бежал, но и не присягал. Шаповал по примеру братьев тоже сначала наотрез отказывался от присяги. Офицеры были шокированы.

«Командиры не хотели меня понять, — продолжает Андрей. — Предлагали разные варианты — перевестись на альтернативную службу, хотели даже списать в запас, мол, солдат, который не присягал, не может считаться солдатом, армии такие не нужны! Потом уже я сам предложил текст присяги изменить».

По «сценарию пьесы» парень принимал присягу первым, но чуткое ухо корреспондента уловило смазанное «обязуюсь» вместо «клянусь»... Командование училища комментировать ситуацию отказалось.

После присяги Андрей Шаповал продолжил службу в ремонтной роте батальона обеспечения училища. То, что по долгу службы ему приходится постоянно возиться с ору-

жием, парня не пугает и не останавливает. Во всяком случае, на стрельбы он ездил вместе со всеми. «Про оружие сказано, что его просто нежелательно брать в руки, — говорит солдат. — То есть строгих запретов нет. А вот клятва — это действительно серьезно»³⁷. Весьма поучительная и актуальная история.

Другого верующего военнослужащего Александра Х., который весной 2010 г. был призван в одну из ракетных частей, после многочисленных увещаний со стороны офицеров на предмет принятия военной присяги и его отказа направили в военный госпиталь с целью признания его психически больным. И только после обращения родителей солдата за юридической помощью к автору этих строк и вмешательства в ситуацию беззаконие удалось остановить.

Важно заметить, что за отказ принять военную присягу законодательство не предусматривает ни дисциплинарной, ни тем более уголовной ответственности, поскольку военнослужащий в данном случае не уклоняется от военной службы. Однако получается, что не принявший присяги автоматически освобождается от выполнения ряда важных воинских обязанностей. Согласно ст. 41 упомянутого закона он не может привлекаться к выполнению боевых задач (боевые действия, боевое дежурство, караульная служба), а также задач при введении режима чрезвычайного положения и в условиях вооруженных конфликтов; за ним не могут закрепляться оружие и военная техника. Вряд ли такая ситуация нормальна с точки зрения интересов военной службы и необходимости поддержания высокой боевой готовности воинских частей. Однако не учитывать убеждения верующих, для которых данный воинский ритуал является непреодолимым нравственным барьером, также неправильно. А поскольку сегодня в обществе наблюдается рост религиозного сознания, что вполне закономерно, данная проблема все больше актуализируется.

К сказанному следует добавить, что, как и в старые времена, процедура принятия военной присяги в современной армии чаще всего происходит в присутствии православного священнослужителя, который по окончании

ритуала окропляет военнослужащих святой водой и благословляет их на добросовестный ратный труд.

Следует оговориться, что число отказников от военной присяги по религиозным убеждениям в современной российской армии ничтожно мало, поскольку требование «не клянись вовсе» не вытекает из доктринальных положений конфессий, а является сугубо индивидуальным духовным восприятием и интерпретацией отдельными верующими некоторых протестантских конфессий — пятидесятниками, баптистами, адвентистами. При этом абсолютное большинство военнослужащих, принадлежащих к данным конфессиям, присягу в нынешнем виде принимают и принимают.

Однако проблема имеется, и если есть путь ее решения, то какой? Для ответа на вопрос обратимся к отечественному и зарубежному опыту.

Так, в царской России эта проблема решалась следующим образом. Согласно ст. 178 Устава о воинской повинности 1874 г. от военной присяги полностью освобождались лица, не приемлющие ее по своему вероучению. О каждом таком случае в документах делалась соответствующая отметка³⁸. Для других военнослужащих неправославных конфессий (мусульман, иудеев, ламаистов и др.) с учетом вероучительных особенностей Устав духовных дел иностранных исповеданий предусматривал видоизмененный текст военной присяги и особую процедуру ее принятия. На практике следовавший за присягой православный обряд целования креста и Евангелия заменялись для таких лиц торжественным обещанием. Присяга принималась, как правило, в присутствии священнослужителя той конфессии, к которой принадлежал военнослужащий. Попутно заметим, что Устав уголовного судопроизводства и Устав гражданского судопроизводства также освобождали от присяги в судебном заседании всех лиц, принадлежащих к вероисповеданиям, ее не приемлющим. Вместо присяги они давали обещание показать всю правду по чистой совести.

Содержание военной присяги и порядок приведения к ней, например, иудеев согласно приложению к ст. 1300 Устава духовных дел иностранных исповеданий начи-

налось со слов: «Я, нижепоименованный, обещаю и клянусь Господом Богом (в еврейском тексте Адонай), Богом Израилевым, с чистым сердцем и не по иному, скрытому во мне смыслу, а по смыслу и видению приводящих меня к присяге».

Вот как выглядела процедура принятия военной присяги в одной из российских воинских частей начала XX в.: «Посередине плаца стоят шесть совершенно одинаковых столиков, покрытых белыми скатертями... Перед каждым столиком появляются священнослужители разных религий. Полковой священник с Крестом и Евангелием становится перед первым столиком, перед которым стоит самый большой “квадрат” новобранцев. Перед вторым столиком становится католический ксендз, перед третьим — лютеранский пастор, перед четвертым — мусульманский мулла, перед пятым — еврейский раввин, а перед шестым, около которого стоят только два гренадера, — нет никого... Я вижу удивительную вещь, которая могла произойти только у нас, в старой России. Оба новобранца вынимают из карманов маленькие сверточки и тщательно разворачивают тряпочки, в которые они завернуты. Развернув тряпочки, оба вынимают из свертков двух маленьких деревянных “божков”, выструганных из дерева и смазанных салом. Оба деревянных “божка-идола” водворяются на столик ...и только тогда... начальник приводит обоих гренадер к присяге служить “верой и правдой” Царю и Отечеству. После окончания чина присяги священнослужители удалились, новобранцы возвратились к своим ротам, и полк красивой лентой вошел в свои казармы»³⁹.

Как видим, и в законодательстве, и в практике тех лет процедура принятия военной присяги по возможности учитывала религиозные убеждения последователей даже самых малочисленных религий.

Многие законодательные нормы царской России были восприняты молодой Советской Республикой, в том числе и по вопросу военной присяги. Так, формула торжественного обещания при вступлении в РККА («красная присяга»), принятая ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов 22 апреля 1918 г., не содержала слово «клянусь», а имела нейтральное «обя-

зуюсь»⁴⁰. Очевидно, это не было простой случайностью. Опираясь на предыдущий опыт правового регулирования данной области общественных отношений, законодатель по возможности стремился учесть убеждения верующих военнослужащих неправославного исповедания. Наиболее же радикально настроенные верующие красноармейцы, отказывавшиеся и от «красной присяги», на практике от нее освобождались. Однако подобных лиц было немного, поскольку формула торжественного обещания были приемлема почти для всех.

Такой подход отнюдь не сказался негативно на воинской дисциплине и боевой готовности частей и кораблей армии и флота. Но по мере усиления борьбы с религией исключения для верующих красноармейцев в начале 1920-х годов делать перестали, и «красную присягу» обязаны были принимать все независимо от убеждений. Пятый отдел Народного комиссариата юстиции, в ведении которого находились вопросы религиозных культов, распоряжением № 209 от 22 апреля 1922 г. разъяснил: «Торжественное обещание при вступлении в Рабочекрестьянскую армию является актом чисто гражданского характера, посему должно одинаково распространяться на всех граждан РСФСР, независимо от их религиозного вероисповедания. В силу изложенного торжественное обещание распространяется также на лиц, принадлежащих к сектам, не приемлющим присяги, как то баптисты и т. д., ибо оно не является религиозной присягой»⁴¹.

В более поздний период советской истории отказники от военной присяги по религиозным убеждениям направлялись для прохождения службы в военно-строительные отряды, где они при их волеизъявлении освобождались от принятия военной присяги. Поскольку оружия и боевой службы в военно-строительных отрядах, как правило, не было, то служба (строительные работы) в таких отрядах была для них неким компромиссом, который устраивал всех. Во многих случаях военнослужащим с их согласия делалась отметка в военном билете, что они якобы приняли военную присягу, хотя они этого и не делали.

Определенный интерес представляет и опыт принятия присяги в зарубежных армиях. Для тех граждан, кото-

рые сделали выбор в пользу военной службы, в ряде стран во время присяги допускается вместо слова «клянусь» произносить иное слово заверения (синоним), например, «обещаю». Более того, учитывая, что убеждения носят сугубо индивидуальный, нередко неповторимый характер и толкования религиозных канонов верующими разных конфессий порой диаметрально противоположны, в военной присяге некоторых стран (например, ФРГ) как вариант предусмотрено произнесение слов «клянусь Богом». Это тоже вытекает из Библии: «Господа Бога твоего бойся, и Ему одному служи, и Его именем клянись» (Втор. 6, 13). Кстати, текст военной присяги в царской России также предусматривал упоминание имени Бога.

Таким образом, отечественному и зарубежному законодательству известно немало достаточно гибких способов решения этой в общем-то несложной проблемы. Учитывая, что в современной российской армии служат представители разных национальностей и конфессий (по данным Министерства обороны, в некоторых воинских частях Уральско-Приволжского военного округа, например, количество мусульман достигает 50% и даже более⁴²), не замечать эту проблему было бы неверно. Остается надеяться, что изложенный опыт решения подобных проблем будет учтен и в современном российском законодательстве.

Право военнослужащих на свободу совести и вероисповедания в контексте решений Европейского суда по правам человека

Европейский суд по правам человека в Страсбурге — один из важнейших международно-правовых механизмов защиты прав и свобод человека. На сегодня суд рассмотрел и вынес решения по нескольким десяткам дел, связанных с защитой религиозных прав и свобод. Все они носят прецедентный характер и обязательны для стран, взявших на себя международно-правовые обязательства при подписании Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Если говорить о прецедентном праве по защите свободы совести и религии военнослужащих, то такая практика достаточно редка. Из России подобного рода дела в суде, к счастью, не рассматривались вообще.

По этой категории дел самого серьезного внимания заслуживают два.

В деле «Калач против Турции» (1997 г.) офицер Фарук Калач, управляющий юридическими делами при высшем военном командовании страны, был уволен в отставку и лишен всех преимуществ по подозрению в причастности к незаконной радикальной мусульманской организации «Сулейманисты».

Суд посчитал, что хотя в ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод защищается право каждого выражать свои религиозные воззрения различными способами, она распространяется не на всякие действия, мотивированные религиозными убеждениями. По мнению суда, в силу особенностей избранной заявителем военной карьеры он тем самым по своей воле подчинился системе воинской дисциплины, налагающей большие ограничения на его права и свободы, чем это возможно для гражданских лиц. Суд заключил, что право на выражение незаконных фундаменталистских воззрений в вооруженных силах относится к числу таких ограничений, учитывая действующий на территории государства-ответчика принцип светскости, а также то, что право заявителя на выражение своих убеждений никаким иным образом не ущемлялось. Поэтому суд не нашел в этом деле нарушения ст. 9 Конвенции.

Таким образом, данный судебный прецедент наглядно показывает, что в армии как особом государственном институте недопустимы никакие фундаменталистские и экстремистские религиозные объединения и публичные действия подобного рода.

В деле «Лариссис и другие против Греции» (1998 г.) суд рассмотрел вопрос о прозелитизме с использованием служебного положения в контексте военных и гражданских отношений применительно к ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В этом деле заявители — трое офицеров Военно-воздушных сил,

являясь членами пятидесятнической церкви, обвинялись в прозелитизме и принудительном склонении в свою религию солдат и гражданских лиц, находящихся в их подчинении. За данные действия они были осуждены. Заявители утверждали, что их осуждение является нарушением ст. 9 Конвенции.

Суд счел необходимым рассмотреть отдельно прозелитизм в отношении военнослужащих (особенно подчиненных) и в отношении гражданских лиц. В том, что касается попыток обращения военнослужащих, суд подчеркнул, что необходимо учитывать иерархическую структуру отношений между военнослужащими, которая может привести к ситуации, когда попытки обращения, вполне допустимые в обычной гражданской жизни, в контексте взаимоотношений между военнослужащими могут расцениваться как посягательство или злоупотребление властью. Подчиненный военнослужащий не всегда может уклониться от навязываемых ему убеждений со стороны старшего по званию и по должности. Поэтому суд признал свободу государства «принимать особые меры для защиты прав и свобод подчиненных в вооруженных силах». Суд определил, что наказание заявителей за попытки прозелитизма не является нарушением ст. 9 Конвенции. Тем не менее их наказание за попытки обращения гражданских лиц суд счел противоречащим ст. 9, так как в отношении гражданских лиц заявители не могли применять такие же методы давления и принуждения, как в отношении военнослужащих.

Данное решение представляется весьма важным и актуальным, поскольку попытки морального давления на военнослужащих с целью обращения в свою религию потенциально могут иметь место и в Вооруженных силах России.

Некоторые выводы и предложения

1. Проблема обеспечения права на свободу вероисповедания в Вооруженных силах и иных воинских формированиях, взаимоотношений между армией и религиозными

объединениями является одной из наиболее актуальных тем на современном этапе формирования государственно-конфессиональных отношений. Решение этой проблемы требует совместных целенаправленных и скоординированных действий государства и религиозных объединений. От того, как эти отношения будут складываться между самым крупным религиозным объединением — Русской православной церковью и государством, во многом будет зависеть уровень гарантированности права на свободу вероисповедания для всех военнослужащих.

2. За последние двадцать лет появилось немало монографических работ и иных публикаций на тему взаимоотношений армии и религиозных объединений, однако эти работы по преимуществу носят исторический либо философский характер. Исследований, посвященных правовой стороне реализации свободы вероисповедания военнослужащих и проблеме военно-конфессиональных отношений, явно недостаточно.

3. Институт военного духовенства в России имеет глубоко укорененные традиции. За двухсотлетнюю историю его существования в Российской империи он зарекомендовал себя с позитивной стороны, оказывая положительное влияние на обеспечение свободы вероисповедания и на формирование необходимых религиозно-нравственных качеств военнослужащих. При этом Русская православная церковь всегда рассматривала защиту Отечества как священный долг каждого православного гражданина.

4. Введение института военного духовенства в современных Вооруженных силах не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации и принципу светскости государства, закрепленному в ст. 14 Конституции Российской Федерации. Однако законодательство в данной области общественных отношений существенно отстает от реальных потребностей сегодняшнего дня. В частности, нуждаются в серьезной корректировке положения ст. 8 федерального закона «О статусе военнослужащих» и положения ст. 4, 6 и 16 федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Все попытки административным путем ввести институт военного духовенства, строить культовые сооружения в воин-

ских частях, создавать в них религиозные группы и т. п. без предварительного положительного разрешения этих вопросов в законодательстве нелегитимны. Важнейший принцип правового государства — верховенство закона требует к себе неукоснительного и уважительного отношения со стороны военного командования.

5. Наличие института военного духовенства предполагает удовлетворение религиозных потребностей верующих различных конфессий. Для этого количество военных священников должно быть пропорционально количеству верующих той или иной конфессии.

6. Для выработки современной концепции военно-конфессиональных отношений, мониторинга соблюдения прав верующих военнослужащих, в том числе с учетом практики Европейского суда по правам человека, в Министерстве обороны России целесообразно создать координационный совет из представителей крупнейших российских конфессий, авторитетных специалистов в данной отрасли законодательства, представителей институтов гражданского общества.

7. В целях повышения религиозоведческой и правовой грамотности офицеров в военно-учебных заведениях необходимо ввести преподавание курса «Основы религиоведения и военно-конфессиональных отношений».

Примечания

- 1 См., например: *Пчелинцев А. В.* Альтернативная гражданская служба: иллюзия или реальность // На боевом посту. — 1987. — 20 сент.; *Он же.* Армия и религия: от конфронтации к диалогу // Армия и общество. — М.: Прогресс, 1990; *Он же.* Свобода совести и воинский долг // Человек и закон. — 1990. — № 3; *Он же.* Кто и как защитит человека в погонах // Коммунист Вооруж. сил. — 1990. — № 8; *Он же.* Статус военнослужащих и гарантии свободы совести // Совет. государство и право. — 1991. — № 4; *Он же.* Вера в армии: дискриминация продолжается // Армия. — 1992. — № 19.
- 2 См.: *Барсов Т. В.* Об управлении русским военным духовенством. — СПб., 1879; *Невзоров В.* Управление духовенством военного ведомства в России. — СПб., 1885; *Ласкеев Ф.* Исторические записки об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие (1800—1900 гг.). — СПб., 1900.

- 3 *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2 т. — М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996; *о. Митрофан Сребрянский.* Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. — М.: Отчий дом, 1996; *Киселев А.* Облик генерала А. А. Власова (записки военного священника) — 2-е доп. изд. — New York: Путь жизни, [б. г.].
- 4 *Галактионов М.* Оборона СССР и религия. — М.: Госиздат, 1930; *Василенко В.* Офицеры в рясах. — М.; Л.: Госиздат, 1930; *Кандидов Б.* Империалистическая война и религия. — М., 1933 и др.
- 5 *Королев Г. Н.* Правовое регулирование реализации права военнослужащих на свободу вероисповедания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1994; *Денисенко П. А.* Современная религиозная ситуация в Российской Федерации и ее Вооруженных Силах: основные противоречия и тенденции развития (социально-философский анализ): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 1997; *Юскаев Н. Х.* Проблемы свободы совести в Вооруженных Силах Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 1999; *Байдаков А. В.* Православное духовенство русской армии и флота (вторая половина XIX — начало XX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1994; *Кузнецов А. М.* Православное духовенство морского ведомства России и его роль в укреплении флотских традиций (XVIII—XX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2000; *Григорьев Н. Ю.* Взаимодействие Вооруженных сил Российской Федерации и Русской православной церкви в современных условиях: содержание, специфика и перспективы (социально-философский аспект): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 2003.
- 6 *Пчелинцев А. В., Томаева Т. В.* Европейский суд по правам человека: процедура и практика по делам военнослужащих. — М.: Ин-т религии и права, 2001.
- 7 См.: Книга правил Святых апостолов, Святых Соборов, Вселенских и Поместных и святых отцов. — [Б. м.]: Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1992.
- 8 Там же.
- 9 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950. — Синодальный список. — С. 41.
- 10 Там же. — С. 73.
- 11 Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. — М.: Худ. лит., 1981. — С. 147.
- 12 Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. — М.: Худ. лит., 1986. — С. 447—449.
- 13 *Котков В. М.* Военное духовенство России: Страницы истории. — СПб., 2004. Цит. по: http://www.krotov.info/history/18/bednov/kotkov_1.htm.

- 14 *Цытин В. А.* Церковное право. — М.: Изд-во МФТИ, 1994. — С. 34.
- 15 Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. — М., 2001. — С. 57, 60—61.
- 16 «Самое большое чудо — это когда человек на твоих глазах становится верующим»: Беседа с протоиереем Михаилом Васильевым // <http://www.pravoslavie.ru/guest/31925.htm>.
- 17 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 т. — Т. 25: Дневник писателя за 1877 г., январь — август. — Л., 1983. — С. 15.
- 18 Русское православие: веки истории / Под ред. А. И. Клибанова. — М.: Политиздат, 1989. — С. 329—330.
- 19 *Режепо Я. А.* Статистика генералов. — СПб., 1903. — С. 19—20; *Он же.* Статистика полковников. — СПб., 1903. — С. 19.
- 20 Более подробно об этом см.: *Пчелинцев А. В.* Русское армейское и флотское духовенство накануне и в годы Первой мировой войны (опыт религиозно-нравственного и патриотического воспитания) // Религия и национализм: Сборник статей. — М.: Ин-т религии и права, 2000. — С. 31—44.
- 21 Церков. ведомости. — 1914. — № 30. — С. 347.
- 22 Там же.
- 23 Циркуляр протопресвитера военного и морского духовенства благочинного после окончания съезда // Вестник военного и морского духовенства. — 1914. — № 17. — С. 597—599; *Платонов Н. Ф.* Церковь и империалистическая война // Религия и церковь в истории России. — М., 1975. — С. 233—234.
- 24 Вестник военного и морского духовенства. — 1914. — № 17. — С. 509.
- 25 Там же.
- 26 См., например: *Зыков А.* Как и чем управляются люди: Опыт военной психологии. — СПб.: Тип. товарищества «Обществ. польза», 1898. — С. 118—130.
- 27 *Шалапутин Н.* Катехизис русского солдата. — М., 1913. — С. 29.
- 28 *Сенин А.* Армейское духовенство России в Первую мировую войну // Вопросы истории. — 1990. — № 10. — С. 164.
- 29 Подробнее о становлении современного института военного духовенства см.: *Мозговой С. А.* К вопросу о введении института военного духовенства в Российской Армии // Воен.-юрид. журн. — 2010. — № 11. — С. 2—10.
- 30 <http://www.kapellan.ru>.
- 31 РИА «Новости». — 2009. — 25 нояб.
- 32 Подробнее см.: Сообщение Института религиозной свободы, г. Киев // <http://www.sclj.ru> от 22 февраля 2011 г.

- 33 *Муфтий Равиль Гайнутдин*. Ислам: вера, милосердие, терпимость. — М., 1997. — С. 138—139.
- 34 См., например: *Иванеев С.* Попы вместо «комиссаров»? // Воен.-юрид. журн. — 2010. — № 7.
- 35 Сборник приказов РВСР. — Т. 3. — Ч. 1. — [Б. м.], 1919.
- 36 Сборник приказов РВСР. — Ч. 1. — [Б. м.], 1922.
- 37 *Руденко С.* Вместо традиционного слова «клянусь» срочник скороговоркой произнес «обязуюсь» // Комсомол. правда. — 2011. — 24 янв.
- 38 Свод законов Российской Империи. — Т. 4. — Кн. 1: Устав о воинской повинности. — СПб.: Рус. кн. товарищество «Деятель», 1912.
- 39 <http://www.liveinternet.ru/users/708893/post52350539>.
- 40 Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства. — 1918. — № 33.
- 41 Красная присяга — акт чисто гражданский // Революция и церковь. — 1923. — № 1—3. — С. 43.
- 42 Религия и право. — 2010. — № 1. — С. 4.

О православном образовании в России

Валерий Овчинников

Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих.

Иак. 1, 8

Введение

Православное просвещение у нас традиционно опиралось на Священное Предание, а не на Священное Писание. Православная вера — это вера Предания. Неграмотность и невежество диктовали необходимость распространения новой веры через обрядность, через внешнюю красоту литургического благочестия. Книжное просвещение требовало значительных усилий и времени, большее развитие получило проявление образования — богослужение и обряд. Это позволяло не идти против княжеской власти и тайно хранить свои языческие верования. Язычески-православная мозаика начала формировать двоеверие, которое превратится в один из ключей для понимания славянской религиозности. Не особенно понятная, но красивая литургия заняла центральное место в жизни Православной церкви.

Православие передавалось на непонятном абсолютному большинству населения церковно-славянском языке, изобретенном греческими апостолами славян, миссионерами Кириллом и Мефодием. На этом же языке велась и литургия, основной устный инструмент сохранения и передачи православной традиции. Сложное и длительное

православное богослужение, являющееся сердцем православной веры, учили просто любить и слушать, принимая в нем минимальное участие пением. Это способствовало гипертрофированному развитию обрядовой стороны церковной жизни, поэтому православие часто критикуют за обрядоверие. Паству призывают скорее любить православную литургию, верить в ее неискаженную правильность, чем понимать и развивать.

Важными инструментами сохранения православной традиции стали церковная архитектура и живопись, иконописание и церковное хоровое пение. В силу многих факторов внешняя, обрядовая сторона русского православия практически всегда доминировала над его содержательной, евангельской стороной. Традиционно русская православная вера не любила, а иногда просто и не терпела Знания. Все свое, русское, считалось православным, а все чужое — еретическим. Протоиерей Александр Шмеман писал о традиционном для православия «...недоверии к мысли и творчеству: спасение только в неукоснительном сохранении старины... Спасением стало соблюдение устава, исполнение обряда. ...Развилась уже простая боязнь книги и знания». Мы можем вспомнить «Домострой» как попытку всю жизнь православного человека сделать четко и жестко прописанным торжественным обрядом. Сами священники призывали много книг не читать, поскольку это приводит к ересям. Была закрыта типография первопечатника Ивана Федорова, сам он был обвинен в ереси и выслан.

С известной долей упрощения можно говорить, что кроме отдельных центров и непродолжительных периодов просветительской и богословской активности, связанных с крупными церковными деятелями, православное образование не получало на Руси систематического развития до Стоглавого собора 1551 г. Там уровень церковных знаний большинства православного духовенства подвергся резкой критике, и были приняты решения по развитию православной системы образования для духовенства. Как отмечал А. Шмеман, «да и что можно было ждать от духовенства, при полном отсутствии школы, при все растущей зависимости от своей паствы, бедности, забитости и глупости».

В XVII в. попытка патриарха Никона с помощью образования реформировать русское православие по греческим образцам и поставить Священство над Царством привела к конфликту с царем и вызвала старообрядческий раскол. Однако староверы встали прежде всего против тотального, огульного отрицания всего старорусского чина и обряда. Уровень православного образования в Российской империи был традиционно низким как для большинства основной массы верующих, так и при подготовке основных кадров белого духовенства и церковнослужителей, особенно в духовном просвещении верующих и передаче им необходимого объема информации о христианстве в целом и о греко-православном вероучении в частности.

Самостоятельное чтение Библии верующими не рекомендовалось, богослужение веками велось на непонятном подавляющему большинству верующих церковно-славянском языке. На простонародный русский язык Библия была переведена по инициативе Лондонского библейского общества лишь в XIX в., по личному указу и после личного вмешательства Александра I.

Из трех основных взаимосвязанных функций — просвещения, формирования и воспитания — система православного образования имела явный крен в сторону воспитательную.

В духовном просвещении Святой Руси православное образование успехов не делало — народ оставался в основной массе неграмотным, темным и невежественным. Двоеверие было распространено повсюду, язычество продолжало жить собственной параллельной жизнью одновременно с обязательным, навязываемым государством православием. В реальных и заметных для Российской империи масштабах православная образовательная система начальных церковно-приходских школ с преподаванием Закона Божьего начала развиваться лишь во второй половине XIX в., под сильным государственным нажимом и за государственный счет.

В плане образования духовного сословия российская византийская традиция опиралась на греческую культуру и книжность и на восточно-христианскую ортодоксию. Развитие православного русского богословия шло разроз-

ненными по времени и месту скачками, преимущественно за счет иностранных (греческих, латинских или западных) влияний или противодействия этим влияниям. Первое высшее учебное заведение, начавшее готовить священников, греко-латинская школа, было открыто в московском Заиконоспасском монастыре приехавшими из Греции учеными братьями Лихудами лишь в 1687 г. В 1701 г., при Петре I, школе был дан статус государственной академии, и она была развернута в сторону классического университетского образования стран Западной Европы.

Система православных университетов у нас не была создана, пожалуй, можно даже сказать, что в отличие от европейских стран в православной Руси Веру обнесли высокой стеной, она оказалась отделенной от Знания, и они начали жить и развиваться почти самостоятельно. В синодальный период эту стену пытались разрушать, но реформированием православного религиозного образования занимались в первую очередь государственные чиновники, а не входившие в состав Синода лица духовного звания. Религиозная философия в России активно развивалась в XIX — начале XX в., но она не была чисто церковной и росла преимущественно за пределами православной церковной ограды.

Реформа духовного образования с патриаршего полета

В конце 2009 г. патриарх Кирилл выступил на совещании ректоров духовных учебных заведений с установочным докладом «Духовное образование Русской Православной Церкви на современном историческом этапе. Проблемы, задачи и перспективы». Глава российского священноначалия проанализировал положение и пути развития отечественного православного образования.

Делая исторический экскурс, патриарх отметил, что накануне Октябрьской революции 1917 г. система духовного образования в России включала 4 духовных академии, 57 духовных семинарий и 185 духовных училищ. За годы советской власти система православного образования была почти полностью разрушена. К концу 1940-х годов в СССР

действовали 2 духовных академии и 8 семинарий. В начале 1960-х годов еще 5 духовных семинарий были закрыты. Долгое время оставались открытыми лишь 2 духовных академии (в Загорске и Ленинграде) и 3 духовных семинарии (в Москве, Ленинграде и Одессе). В 1960-е годы, в период масштабных атеистических кампаний, были качественно снижены уровень и численность профессорско-преподавательского состава православных духовных учебных заведений.

В 1970-е годы прием в духовные учебные заведения был расширен, в академиях были открыты регентские классы, где стали обучаться и женщины. Численность преподавательского состава начала восстанавливаться, в том числе за счет имевших двойное высшее (богословское и светское) образование. В эти годы в развитии православного образования удалось добиться определенного прогресса. К тысячелетию принятия христианства на Руси РПЦ подошла, еще не будучи уверенной, что власти дадут разрешение на проведение масштабных праздничных мероприятий. Понятно, что говорить о духовном возрождении православия было еще рано, однако предпосылки такого возрождения уже вызревали. Они были прежде всего связаны с начавшимся кризисом господствующей идеологии и быстро разрастающимся интересом всех слоев общества к находившимся под спудом духовным ценностям, в том числе религиозной жизни вообще и православной христианской традиции в частности.

При этом активно развивались научный атеизм и религиоведение. Парадокс состоял в том, что охватившая всю страну просветительская система научного атеизма в определенной мере способствовала накоплению и анализу значительного объема фактических знаний о религии и церкви, о новых формах их бытования в нашей стране. Без фундамента светского религиоведения, создавшего заметный бэкграунд и сформировавшего тысячи исследователей высокого уровня даже по современным образовательным меркам, сложно представить и недавнее развитие в светских вузах России такой специальности, как теология.

В 1988 г. и после празднования тысячелетия крещения Руси религиозная жизнь, а затем и система духовно-

го православного образования вступили в фазу активного возрождения. Были открыты еще три духовных семинарии (Киевская, Минская и Тобольская) и пять духовных училищ (Смоленское, Новосибирское, Кишиневское, Ставропольское и Черниговское). В конце 1980-х — начале 1990-х годов в Православную церковь и ее систему образования пришло заметное число новых для церковной жизни личностей с высшим светским образованием, что несколько повысило общий интеллектуальный уровень священнослужителей и верующих, но не могло оказать заметного воздействия на низкий уровень отечественного богословия, прежде всего потому, что оно было вырублено под корень и на его возрождение требовались годы, если не десятилетия.

В 1989 г. Архиерейский собор РПЦ вынес определение: «Подготовка необходимых кадров должна быть первостепенной заботой всей Церкви. Это предполагает осуществление таких перемен во всей системе духовного образования, которые бы способствовали решению назревших проблем. В связи с этим необходимо:

а) предоставить Учебному комитету потребные правовые, кадровые и финансовые возможности для осуществления своих функций;

б) считать своевременным реорганизацию структуры и содержания учебного процесса таким образом, чтобы в ближайшее время обеспечить обязательное высшее богословское образование для пастырей Церкви. В этой связи признать целесообразным иметь таковое образование на базе духовных семинарий. При этом главной задачей духовных академий явится научно-богословская специализация и подготовка высококвалифицированных кадров для ответственных церковных послушаний, включая преподавание в духовных учебных заведениях».

Была поставлена амбициозная задача — каждый священник должен иметь признанное государством высшее образование. Эта задача была сдвоенной — поднять интеллектуальный и богословский уровень духовенства, соответствующий уровню служения в современном светском обществе, и интегрировать религиозное образование в структуру образования государственного, без чего нельзя было рассчитывать на любые существенные успехи в бу-

дущем. Однако эти основополагающие решения собора оказались отложенными в долгий ящик из-за распада СССР. Страна вошла в период болезненных социально-экономических перемен, до основания сотрясавших все сферы жизни российского общества. Наметившаяся симфония новой власти с православием оказалась замороженной. Без государственной помощи и содействия реализация образовательных задач Православной церкви оказалась практически невозможной.

К продолжению реформы духовной школы вернулись в середине 1990-х годов. По инициативе патриарха Алексия II, уделявшего большое внимание вопросам развития православного образования, было проведено первое совещание ректоров духовных школ, а затем Архиерейский собор, в одном из определений которого говорилось о новой системе богословского образования. Собор постановил подготовить концепцию богословского образования, стандарты высшего богословского образования, учебные программы и учебные планы, а также программу издания учебных пособий для семинарий.

Председателем Учебного комитета (УК) при Священном синоде был назначен ректор Московской духовной академии, что позволяло максимально использовать сохранный потенциал московских духовных школ. Методическая помощь оказывалась прежде всего на базе Московской духовной академии и семинарии, учебные программы и пособия которых легли в основу учебно-методической документации для региональных семинарий.

Церковные органы управления образованием

По мнению патриарха Кирилла, задачи духовного православного образования и его конкретные формы должны определяться фундаментальными задачами церковной жизни и служения. Он предлагает четко сформулировать: для решения каких задач создается система духовного образования; какое место она должна занимать в церкви; кого и для какого служения готовить в духовных школах; какими знаниями, умениями, навыками, духовными

и моральными качествами должны обладать выпускники духовных школ; как, какими методами и в каких формах предполагается осуществлять подготовку духовенства и семинаристов. Пока многие из поставленных вопросов не получили четких и однозначных ответов и продолжают оставаться открытыми.

Проблемами образования в РПЦ занимаются два церковных органа — Учебный комитет при Синоде, ориентированный преимущественно на подготовку священнослужителей и церковнослужителей, и Отдел по религиозному образованию и катехизации, отвечающий за православное образование мирян.

Председателем Учебного комитета является архиепископ Верейский Евгений (Решетников). Отдел осуществляет общее руководство и координацию деятельности духовных школ, оказывая им методическую помощь, а также участие в административной деятельности (назначение руководителей духовных школ, контроль за учебным процессом, распределение выпускников и т. д.). При УК действует постоянная группа, занимающаяся концепцией духовного образования. УК проводит ректорские совещания, семинары преподавателей духовных школ, организует сотрудничество со светскими учреждениями. Влияние УК раньше было более ограниченным, поскольку епархиальные семинарии финансировались не через него, а из епархиальных средств. Реально комитет управлял двумя центральными духовными школами и Свято-Тихоновским институтом. На УК легли и основные задачи проведения реформы духовного образования.

В условиях финансового и кадрового дефицита УК практически не мог стать церковным аналогом федерального Министерства образования с четкой иерархической системой управления и контроля, а также самостоятельной научно-методической деятельностью. Его пообещали укреплять кадрами, финансами и помещениями для того, чтобы в соответствии с замыслом патриарха он функционировал как «полноценное церковное министерство высшего образования». В его компетенции оставили следующие функции: административную, обеспечивающую единство построения и функционирования духовных

школ; контрольно-лицензионную; учебно-методическую включая разработку единых стандартов, учебных программ, принципов воспитательной работы, учебников, пособий и методик.

УК разворачивает и церковную научную деятельность, содействуя развитию богословской науки, обеспечивая научные связи и публикации, т. е. установление горизонтальных сетей для распространения богословской информации.

УК решает многие кадровые вопросы формирования преподавательского состава духовных школ, помогает в совершенствовании, специализации и получении дополнительного образования в рамках церковной и светской образовательных систем. Он занимается и консультативно-юридической деятельностью, в том числе в вопросах государственного лицензирования и аккредитации.

Концепция богословского образования была подготовлена УК в 1994 г. в виде «Основных направлений концепции богословского образования Русской Православной Церкви», утвержденных Священным синодом в декабре 1996 г. Синод утвердил разработанные комиссией документы: «Концепцию духовного образования Русской Православной Церкви», «Церковный образовательный стандарт высшего образования специалиста в области православного богословия (Семинария)» и «Церковный образовательный стандарт подготовки специалиста высшей научной квалификации в области православного богословия (Академия)».

Структурные элементы новой системы определялись так: «Духовная семинария — учебное заведение Московского Патриархата, готовящее священнослужителей Русской Православной Церкви. Духовная семинария является учебным заведением закрытого типа. Срок обучения в семинарии — 4—5 лет. После успешного окончания семинарии выпускнику присваивается звание бакалавра. Духовная академия — высшее учебное заведение Московского Патриархата, готовящее священнослужителей, преподавателей для духовных школ, богословов и научных сотрудников для учреждений Московского Патриархата. Православный Свято-Тихоновский Богословский инсти-

тут — высшее учебное заведение Московского Патриархата открытого типа. Духовное училище — специальное учебное заведение Московского Патриархата, готовящее церковнослужителей Русской Православной Церкви».

Типовой учебный план семинарии с пятилетним сроком обучения и типовые семинарский и академический уставы были утверждены Священным синодом в 1997 г. Обучение по этим планам началось с 1998/99 учебного года в восьми семинариях (Московской, Санкт-Петербургской, Тобольской, Самарской, Минской, Смоленской, Коломенской, Калужской).

Планировалось, что новая система сохранит лучшее из дореволюционной практики и учтет позитивный опыт отечественного и зарубежного православного богословского образования, откликнется на актуальные пастырские проблемы и решит задачу «разумного взаимодействия со светской наукой и высшей школой».

В 2001 г. Священный синод поставил стратегическую задачу государственной аккредитации духовных учебных заведений, предполагающей получение их выпускниками диплома государственного образца. В определении Архиерейского собора 2004 г. (п. 5) говорилось: «Признано целесообразным скорейшее получение Духовными школами государственной аккредитации при учете традиций церковного образования». Образовательная система РПЦ стремится опереться на государственную систему образования и интегрироваться в нее.

Подготовка служителей церкви

Важнейший элемент реформируемой системы — высшее богословское образование для священнослужителей. Поэтому делом особой важности стало преобразование действовавших семинарий.

Семинарии

Епархиальные семинарии — основа православной системы образования. Если к началу реформы духовного образования в 1988 г. на восемь с лишним тысяч приходов

РПЦ было открыто всего 3 новых семинарии, то в 2001 г. их стало уже 28 (можно вспомнить, что в середине XVIII в. в России действовали 26 открытых при Петре духовных семинарий, которые были латинскими по языку и духу преподавания). Большинство из них было переведено на четырехгодичный цикл обучения. Их программы не были унифицированы, помимо утвержденного УК стандарта оставалось много модификаций. Действующие семинарии и до сих пор значительно отличаются друг от друга по уровню, что было предопределено их спонтанным стремительным ростом и различными материальными и кадровыми возможностями. Поэтому сокращение числа семинарий из-за недостатка педагогических кадров и за счет закрытия тех, которые полностью не соответствовали семинарскому уровню, было неминуемо — укреплялись лишь более продвинутые семинарии.

Значительно усилилась роль субъективного фактора — очень многое стало зависеть от ректора семинарии. У многих крупных православных семинарий появлялось собственное лицо. Сформировались семинарии консервативного (Екатеринбургская, Сретенская) и миссионерского (Белгородская) направлений. Для повышения уровня семинарского образования и разрушения стены замкнутости между светским и духовным в некоторых регионах предлагается поступать сначала в светский вуз, а по его окончании — в семинарию. В Тобольской духовной семинарии после окончания третьего курса формируется группа студентов для параллельного обучения в светском высшем учебном заведении.

Образовавшийся дефицит священнослужителей был преимущественно ликвидирован отчасти за счет притока новых выпускников, отчасти из-за снижения темпов роста числа новых приходов. Более 60% священников получили семинарское образование. Финансовые проблемы заставляли епархии снижать общее количество учащихся, зато это способствовало сохранению конкурса в два-четыре человека на место. По социальному составу среди семинаристов доминировали дети из рабочих и крестьянских семей. Дети духовенства составляли до 15%, интеллигенции — около 20%.

Возникли и новые для православной духовной школы проблемы — около четверти выпускников не хотели становиться священниками, они уходили работать в церковные управленческие структуры и просто в светскую жизнь по своему желанию или из-за отказа в рукоположении.

Жесткая учебная дисциплина в духовных семинариях и отдаление учащихся от мирской жизни пришлось молодому поколению не по вкусу, и каждый десятый семинарист отчислялся за дисциплинарные проступки. В СМИ попадала информация о почти армейской «дедовщине» — «семинарщине», проявляемой зачастую именно детьми священников по отношению к другим семинаристам. Это показывает, что традиционная для православного образования дисциплинарная, воспитательная функция заняла в новой школе лидирующую роль. Но сегодня пытаться отгородиться от мира можно только в сектах. При советской власти этих проблем не существовало — если в атеистическом Советском Союзе абитуриент принимал решение идти в церковное учебное заведение, он уходил в особую замкнутую от внешнего мира религиозную жизнь и полностью отрезал себе возможность возвращения в светскую жизнь и успешной светской карьеры.

С учетом перехода российской системы образования на Болонскую систему и необходимости получить аккредитацию было начато согласование существующей в церкви системы с Болонской. Вместо прежних трех званий — специалиста с высшим образованием, кандидата и доктора наук — Болонская система предлагает звания бакалавра, магистра и доктора. Поскольку звание магистра в церкви сохранялось, она ориентировалась на три степени — бакалавра, магистра и доктора. Так как светскую научную степень кандидата наук у нас, видимо, сохраняют, то и церковь ее скорее всего тоже оставит.

Бакалавр — это неполное высшее образование. Степень бакалавра дается после трех или четырех лет обучения в вузе. Четырехгодичное обучение в семинарии будет достаточным для получения этой степени. В традиционный для православной семинарии курс бакалавра дополнительно вводятся элементы, которые ранее в нем отсутствовали. Но радикальных перемен не требу-

ется. Планируется, чтобы все семинарии независимо от их уровня имели право присуждать степень бакалавра. В рамках программы бакалавриата и будет обеспечиваться подготовка православного духовенства. Теоретически это значит, что каждый новый священник должен будет иметь степень бакалавра.

Тот, кто захочет учиться дальше, может получить степень магистра. В семинариях с высоким уровнем обучения учебный курс будет рассчитан на получение этой степени. Предполагается, что семинарий с магистерским курсом будет пока пять-шесть.

После окончания магистерского курса, равнозначного полному высшему образованию, можно поступить в духовную академию для подготовки диссертации. Православные академии играют роль аспирантур. Это влечет за собой изменение программ обучения в академии и сокращение лекционного времени. Под контролем научного руководителя аспирант должен не только посещать лекции и семинары, но и отводить значительное время для самостоятельной работы над диссертацией.

Высшие духовные учебные заведения

В конце прошлого века число создававшихся РПЦ разнообразных по уровню и форме православных учебных заведений множилось по экспоненте. Родилось и получило развитие высшее православное образование, которое пригодно и для мирян, и для будущих священников. Особый, новаторский статус имеют четыре подведомственных УК православных богословских учебных заведений: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Царицынский православный университет им. преподобного Сергия Радонежского, Новосибирский Свято-Макарьевский православный богословский институт, Черновицкий православный богословский институт. Эти духовные учебные заведения не являются закрытыми, казарменная система ими отброшена, к тому же они претендуют на то, что дают более глубокое и широкое образование, чем семинарии.

Церковно-государственная амальгама создавала новые сочетания высших духовных учебных заведений —

вдузов. В 2009 г. действовали два православных университета и два богословских института. Проблема вовлечения в церковную жизнь православных, которые не обязательно принимали сан, начала решаться через передачу части образовательных функций теологическим факультетам при светских вузах и богословским вузам, работающим по стандарту «Теология».

Необходимо разграничивать светское теологическое и классическое богословское образование высших духовных школ, поскольку цели образования на теологических факультетах и в духовных учебных заведениях качественно отличаются.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Одним из новых церковно-государственных образований стал открытый православный Свято-Тихоновский богословский институт в Москве, находящийся в ведении Учебного комитета. Это учебное заведение нового типа со статусом общецерковного образовательного учреждения. Он был создан в 1991 г. группой московских священников для обучения светских людей необходимым для церкви специальностям. Эта инициатива оказалась своевременной, институт начал жить собственной жизнью, превратившись в крупнейшее открытое православное образовательное учреждение. Значительная часть педагогов, преподающих в воскресных школах Москвы, получила богословскую и педагогическую подготовку в этом институте. В его 15 филиалах, расположенных в различных городах России, обучается около 3 тыс. студентов. С 1998 г. институт имеет государственную аккредитацию и выдает дипломы государственного образца. С 2004 г. он стал именоваться университетом. Его студенты имеют право на отсрочку от армии. В нем шесть факультетов — богословско-пастырский, миссионерско-катехизаторский, историко-филологический, педагогический, церковного пения, церковных художеств. Срок обучения — пять лет. Преподаватели университета входят в Епархиальное управление Москвы.

Российский Православный университет во имя святого апостола Иоанна Богослова. В этом университете, который был открыт в 1992 г., около 500 учащихся. Факультеты: фи-

лософско-богословский, библейско-патрологический, исторический, филологический, экономический, юридический, экологический, церковной журналистики. Особое внимание уделяется древним языкам. Дипломы университета признаны государством, он имеет государственную лицензию на образование. Преподавательскую работу в нем ведут известные ученые. Университет имеет свои печатные органы: журнал «Ученые записки Российского православного университета» и газету «Университетский вестник». В его создании и обеспечении высокого уровня преподавания значительную помощь оказал Московский государственный университет. Перед его выпускниками была поставлена новая стратегическая задача — способствовать «воцерковлению науки и культуры, воцерковить науку, отделить в ней научные факты от ложных идеологических штампов и доктрин». Его выпускники в перспективе должны вести полноценный диалог со светскими представителями разных сфер науки, применять свои познания в научно-исследовательской, преподавательской, издательской, просветительской деятельности.

Духовные училища и пастырские курсы

Невиданный, до 40% в год, рост числа православных приходов в первой половине 1990-х годов вызвал кадровый кризис церковнослужителей. Не хватало не только священников (лишь треть духовенства имела семинарское образование), не хватало псаломщиков, регентов, преподавателей духовных школ различных уровней. Многие епархии были вынуждены открывать духовные училища и различные курсы — пастырские, псаломщиков, регентские и иконописные, опираясь на собственные преподавательские и финансовые возможности. Подготовка кадров на месте стоила гораздо дешевле, чем направление на учебу в ближайшую семинарию. К 2001 г. 16 духовных училищ и курсов, проводивших обучение по трех- или четырехлетним программам, были трансформированы в семинарии, 35 училищ продолжали существовать в прежнем статусе.

В 2009 г. действовало около 40 духовных училищ, в том числе 3 женских, и более десятка различных пастыр-

ских курсов, регентских и иконописных школ. По общему мнению православных верующих, уровень образования во многих из них недостаточно высок.

Духовные академии

Московская православная духовная академия, являющаяся законной наследницей Славяно-греко-латинской академии, внесла значительный вклад в развитие духовного просвещения в России. Среди ее преподавателей и выпускников — целая плеяда православных иерархов, богословов, ученых, историков, поэтов, переводчиков.

Сегодня духовная академия — это высшее православное духовное учебное заведение с трехлетним циклом обучения. Постдипломная система научно-богословской специализации создается на базе духовных академий. В 2011 г. их насчитывается шесть — Московская, Санкт-Петербургская, Киевская, Кишиневская, Минская и Ужгородская. Академии готовят преподавательские кадры для духовных семинарий и училищ. Преподаватели и аспиранты академий заняты богословской и церковно-научной деятельностью.

В академию принимаются выпускники семинарий или светских вузов, ориентирующиеся на преподавательскую, научную или административную деятельность в РПЦ. Аспирант должен защитить кандидатскую диссертацию на соискание степени кандидата богословия, что соответствует по европейской классификации доктору теологии I степени. Академический диплом дает выпускнику большие преимущества перед другими священниками в любой епархии. Подавляющее число представителей епископата окончили академии. Число студентов российских академий невелико, оно не превышает ста человек в каждой из академий. Отличившиеся кандидаты богословия могут поступить затем в докторантуру при общецерковной аспирантуре.

В 2009 г. РПЦ открыла общецерковную аспирантуру и докторантуру им. св. Кирилла и Мефодия. В ней можно защитить диссертацию, в том числе по новым для православных академий направлениям, на соискание ученой степени доктора богословия, что соответствует по европейской классификации доктору теологии II степени.

Завершение первого этапа реформы

К 2009 г. был успешно завершён первый этап начатой в 1988 г. реформы системы духовного образования. По мнению патриарха Кирилла, главным положительным итогом развития духовных школ в 1989—2009 гг. следует считать то, что, несмотря на серьёзную нехватку финансовых, кадровых и методических ресурсов, в РПЦ возникло много духовных школ, готовящих священников. В 2009 г. действовали общецерковная аспирантура и докторантура, 6 духовных академий, 2 университета, 2 богословских института, 38 духовных семинарий, 40 духовных училищ и пастырских курсов. Это был беспрецедентный для России количественный рост.

Из открытых духовных учебных заведений выжили далеко не все. Финансовые, кадровые проблемы, низкий уровень преподавания, нехватка учебной и методической литературы, а также другие причины привели к тому, что часть духовных учебных заведений была закрыта. Важным фактором скачкообразного расширения и укрепления системы духовного образования стало повышение социального статуса православной церкви, признание государством и обществом ряда направлений ее деятельности в качестве общественно значимых.

Повысился профиль образования, начал анализироваться и обобщаться опыт преподавания православия в высшей школе. Одновременно пришла излишняя уверенность и родились не вполне обоснованные претензии на то, что достигнутый уровень уже соответствует уровню светского образования и отвечает современным запросам церкви и общества. Некоторые семинарии по образцу высшей школы создали ученые советы и кафедры для присвоения ученых степеней и званий, хотя зачастую обеспечить требуемый уровень не могли. Разрыв традиции духовного образования был слишком велик, чтобы преодолеть его одним прыжком. Не было стратегии развития, отсутствовали четкие критерии совершенствования и даже понимание того, каким оно вообще должно быть.

В 2003 г. состоялся первый выпуск пятилетних семинарий и прошел набор в трехгодичную духовную академию

на четыре отделения — библейское, богословское, историческое и церковно-практическое. В 2006 г. из трехлетних академий вышли первые выпускники. Процесс обучения качественно улучшился, уточнилась специализация, был увеличен объем самостоятельной работы. Требования к богословским кандидатским диссертациям приблизились к уровню светских учебных заведений.

Архиерейский собор 2008 г. положительно оценил итоги реформы системы духовного образования и одобрил принятую в 2007 г. Священным синодом «Концепцию высшего духовного образования Русской Православной Церкви». В 2009 г. Синод принял решение создать общецерковную аспирантуру, а затем утвердил Устав Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Акцент на Священном Предании или на «правильности» веры

Духовное образование невозможно без богословских исследований. По апостолу Павлу без богословия можно вместо церковного Предания начать передавать «бабьи басни» — «Негодных же и бабьих басен отвращайся, а упражняй себя в благочестии» (1 Тим. 4, 7). Такие басни в России постоянно создавались плохо образованными священниками и веками бытовали и продолжают бытовать как часть местного или общенационального предания. Они сформировали в сознании людей устойчивые и со временем застывавшие российские православные амальгамы. Патриарх Кирилл прав, считая, что на этой почве у нас продолжают рождаться многие ереси и расколы.

Богословская церковная мысль — важный инструмент духовного образования. Духовная школа должна уметь адекватно выделить важнейшее в догматическом, литургическом, мистическом, аскетическом, каноническом, миссиологическом и иных аспектах Священного Предания и Священного Писания. В православной традиции приоритет отдается Священному Преданию. В русской православной традиции Предание занимает бесспорно доминирующее место.

Перед современным преподавательским корпусом духовных школ стоит задача адаптировать святоотеческое Предание к сегодняшней, качественно новой ситуации — тогда только оно может считаться усвоенным. Однако, как отмечают сами представители духовенства, зачастую православная богословская традиция развивается сама по себе, а церковная практика живет собственной жизнью. Одно с другим не соединяется, а сосуществует по собственной, автономной логике бытования.

Обеспечение постоянной связи церковной науки с практикой и жизнью церкви — задача трудно и плохо решаемая, поскольку нужно найти и предложить собственно православные богословские ответы на основные вызовы нашего времени. Общество, жизнь, экономика, политика, коммуникационные потоки стали совершенно другими, новыми, еще далеко не полностью проанализированными и понятными даже для светской мысли. Поэтому поставленная патриархом Кириллом задача «стать Церковью всего народа» представляется для РПЦ скорее стратегической, если не сказать запредельной.

Считается, что священник должен быть «соратником Христовым, образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте, человеком молитвы, утвержденным в истинах веры, благочестии и страхе Божиим». Однако где церковь может сегодня найти или вырастить таких священников? Какими методами воспитывать и воспроизводить эти качества в молодом поколении, точно не известно, где находить примеры для подражания из современной жизни, с помощью каких воспитательных и образовательных приемов и процедур можно это формировать — большой и больной вопрос.

В настоящее время делаются попытки кардинально укрепить и улучшить институт наставничества. Наставник должен быть живым примером, отцом для ученика, ведущим его на различных этапах воспитательного и учебного процесса от первого до последнего учебного дня. Он же должен стать гарантом духовного роста ученика. Активный пример наставничества показывает сам патриарх.

По его словам, «...дисциплина должна быть самодисциплиной, а *послушание иерархии должно осуществляться не*

из страха, а как осознанное и твердое следование Преданию, как сохранение древнего богоустановленного строя Церкви. Должна быть каноническая дисциплина и подчинение священника епископу. Это принцип от Бога, он лежит в основе церковной жизни. До принятия хиротонии каждый семинарист должен понимать, что он вступает на путь послушания» (курсив мой. — В. О.). Фактически это и есть вертикаль священноначалия, вертикаль церковной власти без изгибов.

В духовной школе много говорят о служении и послушании. Но не прививает ли духовное образование одновременно с послушанием низкопоклонство и угодничество перед священноначалием? Не станут ли богословские позиции священника автоматически раскольническими, если они не совпадут с мнением того или иного высшего духовенства? В российской истории из-за подобного разномыслия часто белое и черное духовенство оказывались в противоборствующих лагерях. Здесь много пространства для лицемерия, т. е. для нашего традиционного двоемыслия. Столбовая дорога к российскому единомыслию у нас всегда и для всех остается открытой.

Особое внимание обращается на качество преподавания. Планируется подготовить современные учебные пособия, учитывающие как развитие соответствующих наук, так и дидактики. При единстве программ предполагается разнообразие методов их преподавания и усвоения. В большом объеме используются современные элементы интерактивности, дискуссии, приемы, способствующие осознанному усвоению материала. Очень широко привлекаются электронные СМИ. Православных официальных, полуофициальных и проправославных сайтов в буквальном смысле не счесть. Только зарегистрированных, в том числе сайтов-визиток, насчитывается более 800.

Серьезные образовательные проблемы еще остаются, в частности, с богословским блоком пастырских предметов, с циклом церковно-практических дисциплин (миссиология, диакония, пастырская психология и педагогика), где пока нет хороших учебных пособий.

Центральной задачей духовной школы должна быть подготовка кадров священнослужителей. Воспроизводство православных церковных кадров поставлено в рам-

ки необходимости адекватной передачи учащимся Священного Предания. Православная церковь считает его устным Словом Божиим и признает вторым первоисточником христианской веры наряду со Священным Писанием. Предание включает в себя символ веры, «Правила апостольские», вероопределения и правила вселенских и некоторых поместных соборов, «Исповедания веры» отцов церкви, Деяния вселенских и поместных соборов, древние литургии, акты мучеников, творения св. отцов и учителей церкви о символах и церковном учении, древнюю практику церкви. Нынешний патриарх отводит изучению и усвоению Предания сугубо господствующее место. По его словам, Предание есть веяние Духа Святого в церкви, а церковь — это организм Богочеловеческий, в ней осуществляется синергия Божественной благодати и человеческих усилий. Изучаются история церкви, западное и восточное христианство, история Русской православной церкви, церковная архитектура и иконопись, церковное пение, социальная психология.

Хранителем Предания по православной традиции является епископат, который и задает цели для духовного образования, воспроизводит образ будущего священника. От уровня и содержания духовного образования зависит в конечном счете сама традиция устной передачи православного понимания Веры. Через богословское образование будущее духовенство входит в православное понимание Предания. Для России при передаче Предания воспринимается и традиция священноначалия, т. е. церковная вертикаль власти. Библия говорит, что всякая власть от Бога: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13, 1).

Однако духовное образование может пониматься по-разному теми или иными священнослужителями. Не являются ни редкостью, ни исключением факты пренебрежительно-презрительного отношения к богословскому образованию среди правящих архиереев, гипертрофирование задачи подготовки максимального количества батюшек, ориентация на подготовку церковных топ-менеджеров. Некоторые священники и сегодня счита-

ют, что кандидату на священный сан нужен лишь минимум литургических навыков. То есть предлагается ориентация на требоисполнителя, предоставляющего религиозные услуги за плату. Традиционно нигилистическое отношение к духовному образованию воспроизводится рукоположением людей без духовного образования. Оправдывается это нехваткой духовенства в условиях быстрого роста числа православных приходов. Конечно, в начале нового века РПЦ испытывала острый кадровый кризис, но сейчас его нет.

Ранее все обосновывалось традиционной российской логикой: хоть и плохо образован, но человек свой, верующий, прихожанин, пусть лучше он и станет священником, а не какой-нибудь умник. Это одна из болевых точек православного образования. Вера не взаимодействует со Знанием, а противопоставляется ему. «Правильной вере» нужно лишь сохранять свою «правильность», а неграмотность и невежественность являются здесь мощным подспорьем «незыблемости и неизменности». Вере, даже плохо понимаемой, по сути не особенно нужен и диалог, она как таковая самодостаточна по определению. Низкий образовательный и культурный уровень при твердости в собственном понимании вероучения защищали зилотство и воспроизводили лишь показное благочестие. Однако такой образ веры тиражировался как образец российской праведности, особости и противостояния католическому латинству. Духовный обскурантизм — плод не усвоенных Священного Предания и Священного Писания. Непонятное или плохо понимаемое всегда открывает огромные возможности для произвольных толкований.

В православии богослужебным языком продолжает оставаться церковно-славянский, который не был ни живым языком, ни языком образования, да и среди православного духовенства его хорошо знали лишь немногие. Правда, в нем, как и в сохраняющихся донине греческих церковных терминах, было и остается что-то тайное, непонятно-мистическое и поэтому притягивающее человеческое сознание. Стоит ли при этом сетовать на то, что торжественная и красивая внешняя обрядность доминирует над расплывающимся и неясным для верующего содер-

жанием литургии и поэтому православие часто называют обрядоверием?

В отечественной истории плохо понятую, больную веру часто пытались излечивать истовым упрямством, нетерпимостью и непримиримостью к любому инакомыслию, ко всему чужому и иностранному. В светском законодательном Соборном уложении 1649 г. первая глава называется «О богохульниках и о церковных мятежниках». За богохульство карали смертной казнью. В России за неправославное «На том стою и не могу иначе» просто рубили головы.

Религиозное образование мирян

Отдел религиозного образования и катехизации РПЦ координирует работу по распространению религиозного образования среди мирян, в том числе в светских учебных заведениях. Отдел был учрежден в 1991 г. указом патриарха Алексия II ему были заданы следующие направления деятельности: религиозное образование в воскресных школах при религиозных организациях, дошкольное православное воспитание в детских садах и яслях, образование в православных гимназиях и лицеях (с 1998 г. действует совет директоров православных средних учебных заведений Москвы и Подмосковья), образование в высших православных учебных заведениях, занимающихся подготовкой православных педагогов и катехизаторов, а также православных специалистов в области науки и культуры.

Отдел проводит аттестацию и повышение квалификации законоучителей воскресных школ на курсах, созданных при отделе в 1998 г., осуществляет координацию и оказывает помощь епархиям в развертывании образовательной деятельности, отвечает за методическое и информационное обеспечение православных образовательных учреждений и координацию их деятельности. В его ведении — весь спектр религиозного образования и катехизации мирян: воскресные школы, кружки для взрослых, группы подготовки взрослых ко крещению, православные детские сады и группы, православные гимназии, школы и лицеи, различные курсы катехизаторов.

Отдел занимается также издательской деятельностью, рецензированием православной учебной литературы, изданием журналов «Просветитель», «Мир Божий», «Путь Православия». При отделе действовал Информационно-координационный центр православного образования в России, выпускавший информационный бюллетень «Православное образование в России».

Ежегодно с 1993 г. совместно с государственными структурами Отдел религиозного образования и катехизации организует проведение «Международных Рождественских образовательных чтений» под почетным председательством патриарха. За это время «Рождественские чтения» стали крупнейшим православным образовательным форумом страны. Лучшие доклады издаются специальными сборниками. Образовательные «Рождественские чтения» собирают церковные преподавательские кадры и ориентированных на православие преподавателей и государственных чиновников. Это стало совершенно новым явлением в общественной жизни России. В «Рождественских чтениях», которые приобрели общероссийский характер, ежегодно принимают участие несколько тысяч человек, представляющих большинство православных епархий.

В ведении отдела состоит Российский православный университет во имя св. апостола Иоанна Богослова.

Церковно-приходские школы

Церковно-приходские школы (ЦПШ) появились в России только после школьной реформы 1804 г. Эти начальные школы создавались при церковных приходах и находились в ведении духовного ведомства. Обучение вели священники, дьяконы, а также учителя, окончившие епархиальные училища или как минимум появившиеся во второй половине XIX в. церковно-учительские школы. ЦПШ управлялась попечительским советом, в который входили заведующий школой, попечители, учителя, представители города или земства и выборные лица от населения. Все члены попечительства должны были быть православного исповедания.

ЦПШ пришла в Россию с Востока, она была скопирована с «огласительной» александрийской школы. Ее появ-

ление было обусловлено чисто церковной потребностью в создании подготовительного церковного учреждения. Задачей ЦПШ было введение учащихся в церковную жизнь, а ее прямой целью — «приучение детей к церковности и подчинению авторитету». Акцент на воспитательности образования здесь очевиден. Согласно первому параграфу «Правил о церковно-приходских школах» 1884 г. «школы сии имеют цель утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные сведения». В центр обучения был поставлен Закон Божий, церковнославянское чтение и письмо, четыре действия арифметики, церковное пение. Интересно, что среди важных для ЦПШ предметов русский язык не назван.

Хотя церковно-приходские школы давали лишь начальное образование, они могли бы стать фундаментом для преодоления неграмотности, однако их число в первой половине XIX в. было ничтожно мало. Особое покровительство развитию ЦПШ как противовесу земским школам правительство стало оказывать лишь после земской реформы 1864 г., вызвавшей бурный рост земских школ. Увеличение численности ЦПШ вызвало противодействие со стороны земства и части чиновничьей бюрократии. В 1870-х годах Министерству народного просвещения удалось подчинить себе ЦПШ. В начале 1880-х годов ситуация снова стала меняться в пользу ЦПШ во многом благодаря усилиям обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева: упомянутые «Правила...» были утверждены указом императора в 1884 г., а в 1902 г. их сменило «Положение о церковных школах ведомства Православного Исповедания», в котором было сказано, что «церковные школы... имеют целью распространять в народе образование в духе православной веры и Церкви». В соответствии с «Правилами...» начали создаваться одноклассные (двухгодичные) и двухклассные (четырёхгодичные, а с начала XX в. трехгодичные) ЦПШ. В одноклассных изучали закон Божий, церковное пение, письмо, арифметику и чтение, в двухклассных — еще и историю.

С 1885 по 1902 гг. ассигнования на ЦПШ возросли с 55 тыс. до 10,3 млн руб. (в 1902 г. на все остальные на-

чальные школы было выделено 5 млн руб.). В 1885 г. насчитывалось 5517 церковно-приходских школ. К 1905 г. их число достигло уже 42 696 (немногим меньше половины всех начальных школ), а число учащихся в них, преимущественно крестьянских детей, возросло до 1 782 883. Это был максимум, после начала русско-японской войны ассигнования на ЦПШ значительно сократились, затем их число пошло на убыль и в 1915 г. составило 40 530, т. е. около трети всех начальных школ. Для подготовки учителей были созданы специальные мужские и женские учебные заведения — церковно-учительские школы с трехгодичным циклом обучения. В них изучали Закон Божий, церковную историю, пение и музыку, церковно-славянский язык, русский язык, литературу, арифметику с основами геометрии и землемерия, географию, черчение, рисование, рукоделие и педагогику.

В декабре 1917 г. церковно-приходские школы были переданы в ведение Наркомпроса, т. е. по сути ликвидированы как церковные православные школы.

Система приходского образования для детей и взрослых начала возрождаться в 1990-е годы. Однако церковная младшая или средняя школа, дающая в течение недели все необходимые знания и умения, — сейчас очень редкое явление. В основном церковно-приходское обучение существует в форме воскресных школ. В положении о Санкт-петербургской церковно-приходской воскресной школе 2001 г. говорилось, что она призвана «организовывать православное образование и содействовать воцерковлению детей и взрослых». Школа действует в соответствии с Уставом РПЦ, и ее главной целью «является приобщение детей разного возраста, молодежи и взрослых к литургической жизни прихода, усвоение церковных знаний и обретение навыков и опыта церковной жизни». С 1994 г. создание православных церковно-приходских воскресных школ (которые сначала чаще назывались просто воскресными) было вменено в обязанность каждому приходу. Они и стали фундаментными блоками восстановления православного образования для мирян. В них преподавались основы вероучения, шло знакомство с Библией, рассказывалось о церковных праздниках и святых,

объяснялось устройство храма. Это катехизаторское по сути направление духовного образования заполняло выявлявшиеся повсюду после отказа от государственного атеизма религиозные информационные пустоты и пробелы. Православная Россия, вспомнив прошлое и отвергая коммунистическую идеологию, ринулась вспоминать и знакомиться с православием. Воскресные ЦПШ заполнялись не только детьми, но и в значительной степени взрослыми. Основу учеников этих школ составляли дети прихожан, от четверти до трети классов составляли взрослые. Детские и взрослые группы обучались отдельно. Программы этих школ были рассчитаны преимущественно на один-два года, и уровень преподавания в них зависел прежде всего от найденных на месте учителей.

Значительная часть православного духовенства признавала необходимость организации обучения детей на приходе. Наличие воскресной школы, ее благополучие — один из наиболее достоверных показателей развития приходской жизни, гарантия ее будущего. Для церкви жизненно важно, чтобы такая школа была при каждом храме, поэтому духовенству было рекомендовано изыскивать все возможности для создания и укрепления школ, для воспитания и воцерковления учеников. Первые годы число приходских воскресных школ стабильно возрастало, затем стабилизировалось и потом сразу же пошло на убыль.

Воскресные ЦПШ дают возможность детям и взрослым понять смысл богослужения, стать действующими членами церкви. Подростки знакомятся с основами православия, православным богослужением, Священным Писанием, церковной историей. Важнейшим приоритетом является церковность учеников. Их учат быть полноценными прихожанами, любить храм и православное богослужение, усваивать основы веры и христианского благочестия, правильно молиться. Учебу стараются увязывать с бытом учащихся, их интересами и деятельностью прихода. Рекомендуется вместе с детьми отмечать церковные праздники, организовывать лагерь, совершать паломничества к святыням, в монастыри.

Детей приучают к делам милосердия. Они готовят небольшие подарки больным и старикам, навещают их.

При некоторых воскресных школах созданы маленькие церковные музеи. Внимание к истории местной церкви, к святыням своего района, местно чтимым святым и благочестивым людям полезно и соединяет детей с родным краем и его духовными традициями. Во многих воскресных школах детей обучают различным ремеслам: резьбе по дереву, столярному делу, вышиванию, иконописи. Воскресная школа приобщает учащихся к православной музыке и пению, к иконописной традиции. Изучение церковнославянского языка для молодого поколения прихожан считается обязательным.

Авторитет приходской школы, ее педагогов, уровень преподавания в ней могут сильно различаться в разных приходах. Часто статус мирянина — преподавателя воскресной школы недостаточно высок, а средств для материального поощрения педагогов не находится. Священники из-за занятости чисто физически не могут преподавать, а приходские активисты далеко не всегда в состоянии взять на себя требующую специальных знаний, значительного времени и усилий долговременную преподавательскую нагрузку. Расчет на голый энтузиазм приводил к так называемому выгоранию приходских преподавателей. Поэтому приходским советам было рекомендовано выделять для таких педагогов постоянные ставки. В 2010 г. патриарх Кирилл активно добивался введения в храмах должности педагога-катехизатора из числа мирян.

Для повышения педагогического и богословского уровня преподавателей-мирян Отделом религиозного образования катехизации в 1997 г. были организованы сначала годичные, а затем двухгодичные курсы усовершенствования законоучителей. На них прошли обучение педагоги Москвы и Московской области. Выпускники получили свидетельства, дающее право на преподавание Закона Божьего. Однако в принципе работа по повышению квалификации преподавателей-мирян и подготовке учительских кадров для приходских воскресных школ еще сильно отстает от желаемого уровня.

Формирование системы воскресных школ во многом шло снизу, стихийно. Это имело как плюсы, так и существенные минусы. Их координация и взаимодействие оста-

вались крайне слабыми. Поэтому при Отделе религиозного образования и катехизации предлагается создать «Союз православных школ», а также центры подготовки и переподготовки преподавателей.

Чтобы остановить процесс сокращения числа воскресных школ, Архиерейский собор 1997 г. обязал провинциальных архиереев создать отделы религиозного образования и открыть воскресные школы при всех приходах. К 2000 г. общее число воскресных школ достигло 2600. В них обучалось 80 тыс. детей и около 30 тыс. взрослых, средняя численность класса достигала 30 человек. Больше всего воскресных школ было в Московской епархии — 258 с числом учащихся около 10 400. В 2004 г. по данным РПЦ было 4696 воскресных школ. Однако эти сведения не особенно достоверны. По другим источникам воскресные школы действовали ориентировочно лишь в каждом шестом приходе, преимущественно при крупных храмах.

Сегодня воскресные ЦПШ продолжают существовать прежде всего усилиями заинтересованных в этом священников. Для средней епархии в 100 приходов таковых насчитывается около десятка, хотя по церковной отчетности воскресных школ гораздо больше.

В первой половине 1980-х годов представители православной интеллигенции создали сеть неформальных домашних школ, в которых верующие родители стали учить детей основам православия. Некоторые из них трансформировались в гимназии после принятия в 1992 г. закона «Об образовании» одновременно с другими негосударственными учебными заведениями и получили лицензию на преподавательскую деятельность (московские гимназии «Ясенево», «Ковчег», новосибирская им. Сергия Радонежского и др.). В провинции православные школы, перераставшие в гимназии, также возникали по инициативе православных активистов, как правило, прихожан одного храма. В 1994 г. большинство таких проектов получило поддержку местных церковных властей — решением Архиерейского собора каждой епархии было предписано иметь образцовую гимназию. В 2000 г. насчитывалось уже 55 православных гимназий. В России сейчас около сотни православных детских садов и от 100 до 200 (в том числе

около 20 в Москве) разнообразных православных школ, гимназий, лицеев. Во многих гимназиях и лицеях существенную часть персонала составляют родители учеников. Иногда православные гимназии являются престижными учебными заведениями (например, в Смоленске, Курске), иногда малозаметны и не могут обеспечить детям достойный уровень преподавания всего цикла предметов на уровне обычной светской школы.

Финансирование таких духовных учебных заведений осуществлялось на паритетной основе — общеобразовательные государственные предметы (стандарт или «базовый компонент») оплачивают местные органы власти в соответствии с числом учеников, остальное собирают в складчину учредители, родители и спонсоры. Православная нагрузка в каждом учебном заведении своя. Как правило, обязательными являются утренняя молитва, изучение Закона Божьего, участие в различных мероприятиях православного характера (утренники, праздники, молебны по большим церковным праздникам). Пение в хоре и рисование имеют вероучительную тематику. Для старшеклассников могут вводиться церковная история, изучение Библии и житий святых, церковно-славянский и классические языки. При православной школе обязательно есть духовник — священник, служащий в школьном храме, принимающий исповедь и ведущий некоторые предметы.

Эффект от собственно православной педагогической нагрузки остается для определения трудным, если не сказать сомнительным. Православные педагоги жалуются, что родители возлагают на них непомерные ожидания, надеясь, что школьники превратятся в «православных ангелов». И родители, и педагоги подтверждают, что дети с интересом принимают православную тематику в младших классах, но после 12—13 лет к православному воспитанию относятся уже критически. До 20% учащихся православных гимназий переводятся родителями в обычные школы.

На начальной ступени, в церковно-приходских воскресных школах, акцент делается на усвоении Катехизиса, истории церкви, изучении основных молитв и знакомстве с богослужением. На этой ступени происходит начальное ознакомление детей с азами основного, догматического

и нравственного богословия. В старших классах средних православных учебных заведений (лицеи и гимназии), может частично преподаваться основное, догматическое и нравственное богословие. Возможно включение адаптированных для подростков предметов в программу Закона Божьего либо преподавание их в качестве дополнительных курсов. Часть материала может быть изложена в рамках других школьных гуманитарных или естественнонаучных дисциплин. В большинстве православных гимназий изучаются древние языки — церковно-славянский, древнегреческий и латынь.

Для преподавания предметов, входящих в школьную программу, в согласии с православной верой требуется учет задач современного миропонимания, связанных с богословской наукой. Это вопросы о человеческой свободе, творчестве, развитии цивилизации, научно-техническом прогрессе, путях спасения в современном мире. Требуется с православных позиций осмыслить современные научные теории о происхождении вселенной, жизни и человека. Необходимо дать православные ответы на актуальные проблемы, которые ставят биология, генетика, медицина, развитие новых технологий. Современная православная школа не сможет успешно развиваться без собственного богословского осмысления окружающего мира и проблем нашего времени. Пока все это остается для Русской православной церкви еще недостижимой задачей.

Сегодня православного информационного голода нет, богословская литература издается в больших количествах, Интернет моментально предоставляет любую запрашиваемую информацию. Однако православное образование мирян обладает спецификой, оно больше связано с фундаментальными проблемами науки и культуры. Оно пока не имеет собственного лица и остро нуждается в богословском осмыслении. Нужны квалифицированные специалисты, способные дать православное понимание проблем и явлений. Православные гимназии — специфические культурно-образовательные центры, представляющие определенный интерес для отечественной системы образования в целом. Лучшие из них стремятся соединить высокий уровень светских знаний и православную церковность. Такие гим-

назии действуют в 18 епархиях России. Имеются сведения о 97 православных общеобразовательных гимназиях и школах с дополнительным образованием (музыкальных, художественных, школах искусств), в которых обучаются свыше 10 тыс. детей.

Не получили широкого развития средние специальные православные учебные заведения. В Москве их действует всего несколько: Свято-Димитриевское училище сестер милосердия при 1-й Градской больнице, имеющее государственный статус, Московская городская учительская семинария, Высшие женские курсы им. П. А. Флоренского, готовящие православных секретарей-референтов, домашних учителей, библиографов, сестер-сиделок, и некоторые другие. Возникают и общеобразовательные школы под церковным попечительством, но их совсем немного.

Подготовка учителей, или Кадры решают все

Введение религиозного образования в государственные учебные заведения было бы невозможно без активного содействия церкви религиозно мотивированных преподавателей. Обычно в каждой школе есть одна-две учительницы, считающие полезным введение православного образования. В каждой области есть один-два таких же директора школы. Это создает зыбкую экспериментальную площадку для формирования методов православной педагогики. Первоначально для отчетов епархиальных управлений РПЦ этого вполне хватало. Однако для действительного проникновения православного образования в школы нужны квалифицированные преподавательские кадры.

Попытку выявить и консолидировать эти кадры РПЦ сделала в 1996 г. Была проведена серия совместных научно-практических конференций епархиальных управлений, местных образовательных учреждений и областных администраций. Они были названы чтениями и посвящались местным православным святым. Это начинание продемонстрировало явную нехватку кадров православных преподавателей и вызвало усиление внимания РПЦ к курсам повышения квалификации, педагогическим вузам и университетам.

При некоторых педагогических вузах были созданы лаборатории или кафедры православной педагогики для разработки методических рекомендаций к курсам «Основы православной культуры» (ОПК). Кафедры взяли на себя чтение курсов для преподавателей ОПК, студентов и аспирантов. Были введены специализация по православной педагогике и полномасштабная подготовка учителей, параллельно к этому приобщали и студентов-педагогов других специальностей.

На Архиерейском соборе 2008 г. в докладе председателя Учебного комитета архиепископа Вереяского Евгения было сказано, что количество студентов православных духовных учебных заведений превысило 10 тыс. Он отметил, что благодаря реформе духовного образования семинарии стали высшими духовными учебными заведениями, а реформированные академии вступили на путь преобразования в научно-педагогические и научно-богословские центры. Подготовке преподавательских кадров способствовало создание единой электронной базы дипломных и диссертационных работ, разработка нормативных документов, регламентирующих деятельность ученых советов, кафедр, диссертационных советов, присуждение ученых званий и степеней, разработка единой автоматизированной системы управления информационными процессами системы духовного образования.

Воссозданный научно-богословский портал «Богослов.Ru» показал достаточную эффективность открытого обсуждения научных публикаций и авторефератов диссертаций. Объемы справочной и библиографической информации на портале позволяют говорить о формировании открытой научной богословской среды, способствующей развитию православного богословия как гуманитарной науки. Планируется создание Высшей церковной аттестационной комиссии.

Система высшего богословского образования создавалась на стыке духовного и светского образования. С одной стороны, появились православные высшие духовные учебные заведения, получающие государственную аккредитацию, с другой — в рамках светских вузов открывались теологические факультеты. Налаживалось сотрудничество

и взаимодействие церковных и государственных вузов. В светских вузах с 2000 г. был введен государственный образовательный стандарт по направлению «Теология», примерные учебные планы которого разрабатывались православными богословами. В Курском и Рязанском государственных педагогических университетах, Алтайском, Красноярском, Орловском и Тверском государственных университетах, в Новокузнецком институте повышения квалификации учителей были созданы кафедры и лаборатории православной педагогики и теологии. В 2001 г. было введено направление «Православная теология» (бакалавр) в Белгородском и Тульском государственных университетах, Рязанском и Тульском государственных педагогических университетах, Уральском государственном профессионально-педагогическом университете, Саровском физико-техническом институте. В целом в 2002 г. приступили к учебе (очно и заочно) по новой специальности 240 человек.

Совместными усилиями был подготовлен и заключен договор о сотрудничестве Министерства образования и науки и Русской православной церкви. В нем признается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, а также высказываются намерения о развитии сотрудничества в воспитании детей и молодежи, заявляется о содействии реализации программ, направленных на развитие духовности и образования. Настораживает, правда, такое направление государственно-конфессионального сотрудничества, как противодействие деятельности тоталитарных и деструктивных сект, т. е. тех, кого Православная церковь занесет в этот список.

В сфере высшего религиозного образования на 2008 г. числилось 10 православных университетов и институтов, а также 9 религиоведческих факультетов в государственных вузах, 6 отделений и 6 центров дистанционного обучения. Лицензию на подготовку теологов имели 40 вузов, из них 25 — государственные университеты. Православная теология преподается в 34 вузах, по специальности и образовательному направлению «Теология» обучалось примерно 3500 студентов. Для использования выпуск-

ников теологических кафедр в научной и образовательной деятельности необходимо решить вопрос о введении теологии в номенклатуру научных специальностей ВАК. К сожалению, какой-либо убедительной статистики о числе выпускников и численности тех теологов, которые пошли преподавать в общеобразовательные школы или духовные учебные заведения, мне получить не удалось.

Важную роль продолжал играть ежегодный церковно-общественный форум «Международные Рождественские образовательные чтения», в которых в 2008 г. приняли участие 12 500 человек. С 2006 г. они проводятся и в федеральных округах.

Проблемы государственной аккредитации

Одним из основных факторов определения уровня духовных учебных заведений является получение государственной аккредитации, которая должна предваряться церковным лицензированием и аккредитацией со стороны Учебного комитета. Каждая духовная школа обязательно должна сначала пройти лицензирование и аккредитацию в УК, и только после этого допускается ее обращение за получением аккредитации в государственные органы.

Проблема получения духовными школами государственной аккредитации перешла в практическую плоскость после утверждения в 2002 г. государственных стандартов по направлению «Теология» (магистр) и специальности «Теология». Это позволило РПЦ сделать следующий шаг и поставить вопрос об аккредитации духовных школ. Возникла проблема государственной интеграции религиозных новообразований — вдузов — в действующую систему светского образования. Начала формироваться странная светско-религиозная образовательная амальгама в светской стране, воспитанной в координатах атеистического мировоззрения, где государство отделено от церкви.

Сначала Министерство образования и науки заявляло о невозможности государственной аккредитации духовных школ в силу их организационно-правового статуса как религиозных организаций. По мнению министерства, такая аккредитация означала бы делегирование им части государственных полномочий, что противоре-

чило бы конституционному принципу светскости Российской Федерации. Например, для получения аккредитации Свято-Тихоновскому гуманитарному университету пришлось изменить свой организационно-правовой статус с религиозной организации на негосударственное образовательное учреждение, что повлекло за собой повышение налогов и заставило церковь активизировать усилия на данном направлении.

Развернулись и внутрицерковные дискуссии как о целесообразности получения государственной аккредитации в принципе (опасность возможного «обмирщения» духовного образования), так и о содержательных особенностях светского стандарта. Государственный стандарт по направлению и специальности «теология» критиковался духовенством из-за наличия в нем предметов, которые не преподаются в духовных школах, а также из-за иного распределения часов по аналогичным дисциплинам.

Большую работу по разработке и принятию стандарта по специальности «Теология» в течение нескольких лет проводил Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Прежде всего, его усилиями удалось принять новый стандарт по принципу поликонфессиональности. Этот стандарт включает обязательные блоки гуманитарных и социально-экономических дисциплин, естественнонаучных дисциплин, общепрофессиональных дисциплин, дисциплин профессиональной подготовки. Последний блок разрабатывается самой конфессией на основе утвержденного шаблона и затем уже по представлению конфессии утверждается Минобнауки.

После нескольких лет дискуссий и обсуждений высшее духовенство пришло к выводу, что альтернативы государственной аккредитации нет. Решающий прорыв произошел 28 февраля 2008 г., когда президент России подписал закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части лицензирования и аккредитации учреждений профессионального религиозного образования (духовных образовательных учреждений)» № 14-ФЗ. Этот закон установил возможность получения православными духовными школами свидетельства о государственной аккредитации, подтверждающего уро-

вень реализуемых ими образовательных программ, соответствие содержания и качества подготовки выпускников требованиям государственных образовательных стандартов, и дал право на выдачу документа государственного образца, удостоверяемого печатью такого образовательного учреждения, но не содержащей изображения герба России. Свидетельство о государственной регистрации не устанавливало государственный статус образовательных учреждений профессионального религиозного образования. Для РПЦ подобное признание было не только принципиальной победой, но и началом нового этапа в развитии православного образования за счет и с помощью государственной власти.

Прежняя аргументация Минобрнауки была отброшена, и вместо требования об изменении статуса духовных учебных заведений государство признало возможность предоставлять им аккредитацию как религиозным организациям. После принятия указанного закона Минобрнауки пришлось облегчить процедуру лицензирования и аккредитации для духовных школ. В частности, церковные степени были приравнены к светским при учете нормативов обеспеченности преподавательского состава сотрудниками с учеными степенями и званиями.

Повернувшись друг к другу, государственная власть и Православная церковь достаточно быстро определили сферы взаимных интересов в духовно-нравственной сфере, способствующих их обоюдному укреплению. И русская православная амальгама стала причудливо возрастать. Православие пошло в школы, сначала робко, а затем уже более решительно и энергично, вытесняя со своей «канонической территории» прочие религии, в том числе и другие направления христианства. С христианского поля Российской Федерации де-факто стало пропадать все, кроме российского православия или, точнее, РПЦ.

Закон Божий или «Основы православной культуры»

Система церковного и церковно-государственного образования не рассчитана на основную массу российских школьников. Для обеспечения влияния на общество, воспитания его в православном духе, укрепления русского

православия в целом у РПЦ не хватает ни сил, ни средств. Но у нее нет и альтернативы — необходимо искать пути воздействия на школьников и молодежь. Помочь церкви решить эту задачу может лишь властная административная вертикаль через государственный аппарат.

С начала 1990-х годов кое-где в школах начали преподавать по старым учебникам Закон Божий, а затем курс мировых религий. Преподавательских кадров не было вовсе, школьные учителя отпихивались от этих предметов руками и ногами из-за необходимости начитывания огромного фактического материала, и в результате преподавать религию в школе начали случайные люди из околоцерковных пространств. Учебников и учебных пособий не было вообще. Ситуация выглядела тупиковой.

В 1994 г. Министерство образования запретило любые уроки религии как противоречащие Конституции. Неудавшийся опыт преподавания религиозных знаний в школе переваривался до 1997 г., когда Федеральное собрание приняло новую редакцию закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Его преамбула выделяла роль православия в истории России и открывала возможность толковать значение православия как доминирующее и говорить о «традиционных религиях России» — христианстве, исламе, буддизме, иудаизме. Из равных перед законом религий первый ряд заняли лишь четыре традиционные, остальные были переведены в разряд второсортных, *dii minores*, и хоть и не де-юре, но де-факто урезаны в правах. Здесь было налицо двоемыслие, поскольку сначала говорится о христианстве, которое невозможно исключить из числа российских традиционных религий, но затем на место христианства уже подставляется православие, являющееся лишь одним из направлений христианства. Таким путем действующие в России не менее христианские Римско-католическая церковь и протестантские церкви выводятся из числа «традиционных».

Со многими министерствами и ведомствами РПЦ удалось подписать рамочные соглашения о сотрудничестве в образовательной сфере, однако эти документы повисали в воздухе. На региональном уровне также подписывались различного рода договоренности с местными властями

и кое-где преподавание православия в общеобразовательных школах сдвинулось с мертвой точки.

В ряде епархий, таких как Кемеровская, Белгородская, Курская, Калининградская и некоторые другие, в общеобразовательных школах был введен обязательный предмет «Основы православной культуры». Учитывая материальные сложности создания сугубо православных школ, это государственно-конфессиональное сотрудничество стало одним из наиболее перспективных путей развития православного образования и просвещения. Детям начали рассказывать о православии школьные учителя. Они, как могли, объясняли, в чем состоят православные нравственные ценности, каково их влияние на русскую историю и культуру, знакомили с историей Русской православной церкви, ее устройством, обрядностью и богослужением. В 1997—1999 гг. в нескольких регионах с помощью и на средства областных администраций в средних школах был введен курс обучения православной вере, т. е. осовремененный Закон Божий. Предмет имел различные названия: «Основы и ценности православия» (Белгород), «Основы православной культуры» (Курск), «Закон Божий» (Воронеж, Тверь), «Основы православной культуры и нравственности» (Новосибирск, Смоленск), «История Церкви» (Воронеж, Ростов-на Дону), «Основы православия» (Кемерово).

Наибольшие известность и масштаб получил опыт Курской епархии, которой удалось ввести преподавание в 300 из 800 общеобразовательных школ области. Реклама курского православного эксперимента, прежде всего на «Рождественских чтениях», вдохновили Московскую патриархию, и в 1999 г. по всем епархиям было разослано подписанное патриархом письмо с указанием ввести преподавание основ православного вероучения в школах всех регионов России. Заканчивалось письмо так: «Если встретятся трудности с преподаванием основ православного вероучения, назвать курс “Основы православной культуры”, это не вызовет возражений у педагогов и директоров светских учебных заведений, воспитанных на атеистической основе».

Через год в 35 регионах России епархиями было налажено взаимодействие с местными властями и подписаны до-

говоры о сотрудничестве в сфере образования. После этого православное священноначалие начало активное лоббирование введения курса «Основы православной культуры» на федеральном уровне и включения его в основную сетку.

Тогдашний председатель Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ архимандрит Иоанн (Экономцев) отмечал, что преподавание курса «Основы православной культуры» активно велось в 56 епархиях. В ряде епархий преподавание ОПК было интегрировано либо в гуманитарные предметы, либо в этнокультурные образовательные программы. Наиболее успешно включение этого курса в региональный компонент прошло в Центральном и Южном федеральных округах.

Минобрнауки содействовало организации преподавания предмета «Основы православной культуры» в рамках общеобразовательной учебной программы. В целях развития сотрудничества был создан постоянно действующий Координационный совет по взаимодействию Министерства образования и науки и Русской православной церкви для согласования совместных действий. Возникла реальная возможность вести духовно-просветительскую работу в стенах общеобразовательных школ. РПЦ многократно обращалась к органам местной и федеральной власти по вопросу финансирования из государственного бюджета религиозного образования. Разумеется, подразумевалось, что религиозная духовно-просветительская деятельность должна быть именно православной.

Президентский указ о введении курса «Основы религиозных культур и светской этики»

Министерство образования и науки очень долго не могло определиться и занять четкую позицию по вопросу о введении курса ОПК в общеобразовательные школы, но решение президента Дмитрия Медведева о проведении учебного эксперимента с введением курса «Основы религиозных культур и светской этики» расставило все точки над «i». С апреля 2010/11 учебного года в 19 регионах был введен курс по одному из модулей «традиционных религий», мировых религий или светской этики. Указ президента вызвал не только бурные дискуссии, но и при-

внес бóльшую определенность с выбором объема часов и классов, в которых будет читаться данный курс. В ответ на навязывание школьного модуля ОПК начало усиливаться сопротивление, и в результате пришлось согласиться на подготовку еще нескольких модулей по исламу, иудаизму, буддизму, мировым религиям и светской этике. В перспективе не исключено и появление новых модулей, например, по христианству в целом, включающему кроме православия еще и католицизм, протестантизм и старообрядчество. Предполагалось, что все родители и ученики получат право выбирать модуль.

Эксперимент был плохо подготовлен во всех отношениях: учебные модули были написаны наспех, методические пособия отсутствовали, кадры учителей для вводимых предметов подготовлены не были. Оказались не готовы к этому и школы, которые могли обеспечивать кадрами выбор только одного модуля — на несколько модулей не было ни преподавателей, ни средств. Большинство школ выбрало модуль по основам светской этики в значительной степени потому, что это не требовало от учителей трудоемкой предварительной подготовки.

Согласно опросам из шести предложенных модулей около 40% родителей выбрали «Основы светской этики», хотя, по мнению специалистов, этот учебник представляется самым слабым, но более пригодным для занятий при минимальной подготовке. Около 31% родителей выбрали «Основы православной культуры», 20% — «Основы мировых религиозных культур», около 6% — «Основы исламской культуры», 2% — «Основы буддийской культуры» и 0,1% — «Основы иудейской культуры». Есть достаточно серьезные различия и по отдельным регионам: население Чечни «дружно» и в соответствии с позицией местной власти выбрало ислам, в Калмыкии была несколько выше доля тех, кто выбрал буддизм. Однако о свободе выбора и его практической реализации говорить трудно, поскольку у большинства школ нет возможности удовлетворять потребности родителей и учеников во всех пяти модулях.

Проведение эксперимента с введением курса всего на одну четверть в четвертых и пятых классах не может

устраивать представителей Православной церкви, которые продолжают продвигать идею введения курса ОПК в сетку школьного преподавания с первого до выпускного класса. Представляется, что для РПЦ этот стратегический путь опоры на систему государственного образования безальтернативен. Основными противниками на этом пути УК считает модули мировых религиозных культур и светской этики как лишённые религиозной конфессиональной сущности. Интересно, что более агрессивна РПЦ в отношении курса по мировым религиям, который по сути подрывает русский православный моноконфессионализм и развивает недостающую в российской системе образования культуру диалога.

Предварительные обсуждения президентского православного эксперимента выявляют, с одной стороны, интерес школьников к этому предмету, но, с другой, его излишнюю сложность, невозможность практической реализации права выбора модулей меньшинством учеников, навязывание модуля ОПК и, наконец, острую проблему нехватки квалифицированных преподавательских кадров, профессионально владеющих хотя бы двумя модулями. УК РПЦ последовательно добивается получения права на преподавание в школах для выпускников православных семинарий. Почти все преподаватели жалуются на излишнюю сложность предложенных учебных модулей, на невозможность объективной проверки влияния новых курсов на духовно-нравственный уровень учеников, на недостаточную подготовленность самих учителей и необходимость систематического проведения для них курсов повышения квалификации, на отсутствие учебных и методических пособий.

Желательность введения в программы общеобразовательных школ предмета, знакомящего учеников с религиозными вероучениями, представляется бесспорным. Однако отсутствие четкой юридической базы введения конфессиональных предметов в общеобразовательные школы, отсутствие кадровых, материальных и учебно-методических возможностей, субъективный административный ресурс не могут не порождать те или иные моноконфессиональные перекосы, как это наглядно де-

монстрирует пример Чечни. В связи с этим можно обратить внимание и на то, что из всех модулей учебник по исламу самый категоричный и не допускающий ни иной точки зрения, ни диалога. Вместо необходимого сегодня молодежи свободного и сознательного выбора появляется опасность принудительного возврата к «своей единственно правильной вере». Представляется, что оптимальным для современного российского школьного образования мог бы стать новый модуль, половина которого была бы посвящена рассказу об основных мировых религиях, а вторая — российскому православию. Однако главное даже не в содержании, а в том, кто сможет просто и понятно рассказать детям о религии и церкви, о морали и нравственности, о духовности и праведности. Таких учителей в наших школах почти нет, их нужно еще готовить и готовить.

Окончательные итоги президентского эксперимента с введением в общеобразовательных школах курса «Основ религиозных культур и светской этики» подводить пока рано. Однако с большим трудом верится, что союз властной вертикали президента с вертикалью священноначалия РПЦ отступит от тактического плана введения государственно-православного воспитания.

Российско-православная парадигма замыкания

В огромной Российской империи православие наряду с армией традиционно играло интегративную роль. Это была одна из центральных объединительных скреп, позволявших удерживать целостность многонациональной страны. С помощью системы православного воспитания выстраивались и воспроизводились не только Православная церковь и ее духовенство, не только православное крестьянство и соответственно набранная из крестьян православная армия, но и разветвленный государственный аппарат. Воинство всегда было опорой государственного ядра России, поэтому с данной точки зрения не выглядит аномалией и гипертрофированная роль силовых структур в современной России. Вверху, над ними, парило обожест-

вляемое церковью российское самодержавие, которое духовенство убеждало в необходимости выполнения своей всемирной мессианской роли.

Такая система для своего воспроизводства объективно требовала уверенного монолога: монолога власти, монолога силы, монолога религии. Ни целое, ни его составные части не терпели альтернатив. Все другое подлежало либо подавлению, либо уничтожению. Требовалось слепое и полное поклонение. Сформировалась и начала воспроизводиться парадигма отгораживания себя от остального мира, замыкания, и эта парадигма стала православной, точнее, русско-православной. Прирастал грех православной абсолютизации прошлого и неспособности адекватно это прошлое проанализировать и оценить. Естественно, такая система должна была создавать благоприятную почву для воспроизведения двойственности в каждом из сегментов. Поэтому и в духовной сфере, в сфере формирования как массового, так и аристократического сознания роль православного образования веками была господствующей и определяющей. Октябрьская революция сломала религиозный сегмент структуры, однако сначала его успешно заменили на коммунистический и построили «железный занавес», а затем на наших глазах православный сегмент вполне успешно восстановился.

В православной парадигме важное место традиционно занимала защита постоянно расширявшейся территории от внешних посягательств и внутренних делений. Образ врага Российской империи был многолик и формировался властью и церковью через систему образования и воспитания. Крестьянская Россия всегда была огромной территорией «перекасти поле», и ей очень часто приходилось воевать и защищать свои границы, противостоять разнообразным захватчикам. Если посмотреть на православные календари, мы увидим, как много у нас врагов и сколько славных побед над ними мы одержали. До сих пор бытует множество православных молитв от нашествий иноплеменников и от насилия неверных. Врагов у России было много и разных, они были всегда и напоздали «от моря и от Дона и от всех сторон», в эту категорию легко попадали и все неправославные народы, иноземцы

и иностранцы. Может быть, потому, что территория была велика, безбрежна и все время прирастала, она оставалась непосильной для обустройства, сохранять эту православную территорию всегда было священным долгом. К сожалению, врагов и у современной неоправославной Российской Федерации меньше не становится.

Число военных, экономических, финансовых, духовных и даже религиозных врагов России продолжает расти. Россия позиционирует себя колоссом, пытающимся сделать свою властную вертикаль всемирной. Естественно, что к всемирности православного священноначалия стремится и РПЦ. Мы свидетели попытки создания виртуального Русского мира. Даже более чем полуторамиллиардное христианское население планеты начинает представляться вероотеческими катехизаторами в нашей стране почти православием, а история восточного христианства подменяется историей российского православия.

В России врагов всегда множили страх и невежество, незнание и отсутствие объективной информации. Это прежде всего недостатки, издержки системы образования. В России всегда господствовали слухи и страхи, порождавшие злобу, агрессию и нетерпимость, — страхи перед государством, властями, перед более сильными соседями, перед иными, перед будущим. Страна, где всего менее 10% населения было грамотно вплоть до XX в., не могла не бояться любой новой и непонятной информации, равно как и любых перемен. Россия жила и управлялась страхами и слухами. Православный народ духовно воспроизводился приходскими священниками и жил заперти в просторном российском раю. Условия жизни были, конечно, суровые, но зато места и природных богатств всегда хватало на всех с избытком. Православный люд здесь должен был вести себя, как предписано Законом и как скажет батюшка. Белое духовенство было интегрировано в крестьянскую общину, жило ее жизнью и проблемами, ее двоеверием и народной набожностью.

Не будет особым преувеличением сказать, что образовывали российскую правящую элиту в значительной степени иностранцы. Подавляющее большинство представителей аристократии, особенно с синодального пе-

риода, получали образование за рубежом. Первое высшее учебное заведение для всех сословий, Славяно-греко-латинская академия, была создана иностранцами, «учеными греками» братьями Лихудами. Начиная с петровского периода мы постоянно приглашали иностранцев — военных, архитекторов, учителей, строителей, торговцев, земледельцев и т. д. К сожалению, судьба их почти всегда заканчивалась по сценарию «Епифанских шлюзов» Андрея Платонова.

В российском менталитете страх перед властью и ее абсолютным произволом неистребим. Память поколений генетически передает россиянам не только идеалы праведности и святости старцев, но и православные подчинение власти и нетерпимость к чужому, лицемерие, высокомерие и юродство. Последнее, как и раньше, прячется за благочестием, как говорил архимандрит Антонин (Капустин) нашим «оранжерейным благочестием». Посмотрите, послушайте — вокруг нас полно образованных православных юродивых, сегодня, правда, уже не способных обличать пороки и злоупотребления власти «юродивых Христа ради», а просто юродивых, всеупоминающих Христа. Интересно, что этот тоже восточный церковный институт выжил и получил столь широкое распространение именно в православной России.

В котле России православной переваривается все. Патриарх и высшее духовенство много говорят о морально-нравственном православном генотипе, о православной культуре, православной России, даже о православной цивилизации и православном мире. Но ведь у нас традиционно даже свободное развитие человеческих способностей считалось протестантским началом и почти приравнивалось к неверию. Не говоря уже об утверждении, что преобладание умственного образования над сердечным всегда ослабляет воспитательность православного образования. Почти не слышно голосов о необходимости возрождения православной праведности, почти не слышно тех, кто понимает, что сегодня для возрождения Православная церковь призвана понять и воспитать нового верующего. Не ясно, почему РПЦ не озабочена пересмотром своего места и роли в новом обществе и в новом мире.

Беспрецедентный скачок численности православных епархий и расширение роли РПЦ, реформа системы православного образования и церковно-государственная симфония, к сожалению, не сопровождаются укреплением морально-нравственных ценностей в нашем обществе. Может быть, это еще впереди?

Сегодня активно пропагандируется тезис о том, что решение задачи духовно-нравственного воспитания молодежи немислимо без взаимодействия православной церкви и государственной системы образования. Говорят о необходимости опоры на РПЦ в возрождении России. Как утверждает консультант Отдела внешних церковных связей Московского патриархата В. А. Радаев, РПЦ вносит большой вклад в духовную безопасность России: «Сегодня Церковь представляет собой становой хребет российской государственности. Сотрудничество Церкви с органами государственной власти во многом способствует сохранению стабильности российского общества. С учетом огромной роли Церкви в жизни страны, в обеспечении единства и согласия в российском обществе, развитие и укрепление сотрудничества государства и Церкви отвечает интересам российского народа».

Православная система образования могла учить неграмотных крестьян одинаковому восприятию добра и зла, но она не способна научить этому современную образованную молодежь. Православная парадигма сегодня не может быть справедливой для всех потому, что она не научилась сохранять различий. В ней слишком много монологовых дискриминаций, традиционной двойственности, в ней нет культуры общения, культуры диалога.

В России господствующая Православная церковь была вспомогательной частью вертикали власти, освящающей божественную природу этой власти и ее вселенскую мессианскую роль. Симфония самодержавной власти и церкви с различными издержками и перекосами существовала и продолжает существовать. Да и как еще утверждать вертикаль власти в России, если не военной силой, особостью мессианского пути, Православной церковью и самой правильной христианской верой. Вот и получается, что у нас, на Руси, опять все правильно, а у них, за границей, опять

все перекошилось. Разница лишь в том, что сегодня мы от мира не только не можем отгородиться, но без него не сможем даже выживать.

Двоемыслие живет и побеждает

Православное образование в России сформировало генотип двойственности, стремившийся скрывать все, что у него есть, — не только невежество, злость, агрессию и зависть, но и богатство, счастье, даже ум. Традиционно все привыкали к двойственности, предпочитая притворяться, обманывать и выглядеть бедными, обиженными, несчастными. Невежественный, нищий и страдающий в России всегда был ближе к Богу. Духовенство учило: «Немощного в вере принимайте без споров о мнениях» (Рим. 14, 1). Невежественное толкование Священного Предания и Священного Писания, сведенное, в частности, к прославлению бедности и немощности как таковых, получило широкое распространение и стало системообразующей частью православной парадигмы.

Роль православия в российской парадигме еще предстоит изучить и оценить. «Православный круг абсолютной веры» совершенно по-разному выглядит и представляется изнутри и снаружи. По-разному он воспринимается и воспроизводится религиозным и светским образованием. Однако в нашем обществе налицо торжество принципа «Нет границ уверовавшему в себя» как внутри, так и снаружи. Высшим руководством страны провозглашены лозунги «Верьте в себя», «Мы первые», «Мы лучшие», «Победа за нами». От власти исходит пропаганда уверенности в себе, которая принципиально противоречит таким православным понятиям, как аскетизм, смирение, честь и совесть. Если всех призывают быть первыми, то это порождает нетерпимость к конкуренту, агрессивность, насилие, вседозволенность по отношению ко всем соперникам. Всех уравнивают в правах, но не создают реальных возможностей для реализации этих виртуальных прав. Всех нас призывают уверовать в себя, в свою правоту, в свою уникальность. Если нет культурного пласта, если не хватает

знаний, образования и культуры, то остается лишь «Я все могу» и всепозволяющая вера в себя. Ни совесть, ни мораль, ни знания уверенности не прибавляют, от них лишь сомнения, которые мешают современной молодежи жить для достижения своих целей. К сожалению, это вера без Бога, и русское православие не может встать в такой ряд по определению. Сложно представить себе православный народ России, где все хотят быть первыми и даже, не дай Бог, все становятся первыми. Неужели это и будет тот самый «народ победителей», о котором недавно говорил патриарх Кирилл?

По сильно разнящейся статистике число православных верующих, систематически посещающих храмы (воцерковленных), колеблется от 4% до 8% россиян. РПЦ надеется, что путем реформирования и укрепления системы духовного образования новое поколение удастся воспитать в православной вере, что позволит наполнить пустующие православные храмы. Симфония власти и государства, по мнению обеих сторон, должна способствовать решению этой задачи, тем более после «воцерковления» двух первых людей властной вертикали.

Православие всегда пыталось с помощью и в интересах государственной власти определять отечественную систему церковных и духовно-нравственных ценностей, мировоззрение и образ жизни российского народа. Многие века весь мир у нас существовал лишь в том или ином русском православном толковании. То есть чем ближе к старине, неизменнее и чем дальше от латинства и западничества, тем правильнее.

Сегодня такое традиционно православное видение человека, народа, страны и мира для всех без исключения невозможно ни аргументировать, ни оправдать, ни сохранять. Наша православная парадигма, эта необходимая и неотъемлемая религиозная часть нашей жизни, не может претендовать на полноту и единственную истину в высшей инстанции. Нельзя себе представить государственное образование Российской Федерации без светской системы координат, без светской науки и культуры. Русская православная церковь намыла собственный духовный остров православного образования, который уже мечтает стать

христианским континентом, но, видимо, не очень хорошо понимает, как это можно сделать, за счет чего, с чьей помощью и нужно ли это делать в принципе.

Литература

Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. — М., 1991.

Мельников А. Среди равных — но все же первая: РПЦ взаимодействует с Минобрнауки от имени всего сообщества традиционных духовных объединений России [интервью с главой Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ, епископом Зарайским Меркурием (Ивановым)] // НГ-Религии. — 2010. — 18 авг.

Кураев А. В. Основы православной культуры, 4—5 классы: Учебное пособие для общеобразовательных учреждений. — М.: Просвещение, 2010.

Миропольский С. И. Очерк истории церковно-приходской школы от ее возникновения на Руси до настоящего времени / Православный Св.-Тихоновский гуманитарный ун-т. — [Б. м.], 2006.

Михаил (Мудьюгин), архиепископ. Русская православная церковность: Вторая половина XX века. — М.: Библейско-богословский ин-т, 1995.

Митрохин Н. Православное образование в России // Отечеств. записки. — 2001. — № 1 (1).

Ничик В. М. Феофан Прокопович. — М., 1977.

«Не должно быть места для конфликтов между конфессиями»: Интервью с митрополитом Кириллом (Гундяевым) // Коммерсантъ. — 2001. — 14 марта.

Основы религиозных культур и светской этики: Книга для учителя, 4—5 классы: Справочные материалы для общеобразовательных учреждений / Под ред. В. А. Тишкова и Т. Д. Шапошниковой. — М.: Просвещение, 2010.

Патриарх Кирилл: наш народ спас Европу и весь мир // Новости@Mail.ru. — 2010. — 4 окт. — (<http://news.mail.ru/society/4722310>).

Понкин И. В. Теологическое образование в государственном университете. — М., 2004.

Шмеман А., протоиерей. Исторический путь православия. — Париж, 1985.

Царевский А. А., проф. Значение православия в жизни и исторической судьбе России. — Казань, 1898.

Радаев В. Вклад Русской Православной церкви в духовную безопасность страны: Выступление на Знаменских чтениях «Церковь и общество: проблема взаимодействия религиозного и научного знания». Курск, 28 февраля — 3 марта 2006 г.

Украинская православная церковь (Московского патриархата): между экзархатом и автокефалией

Андрей Окара

Украинская православная церковь (Московского патриархата) — УПЦ¹ — наибольшая религиозная юрисдикция современной Украины² и единственная признанная мировым православием. Тем не менее она постоянно оказывается в зоне повышенной социально-политической турбулентности — ей приходится быть не субъектом, а ареной столкновения различных идей, идеологий, интересов и амбиций.

Как эти процессы способны повлиять на будущее украинского и мирового православия, а также на будущее Украины, России и всего постсоветского пространства? В настоящей работе предпринята попытка описать и исследовать ту реальность, которая складывалась вокруг Украинской православной церкви (Московского патриархата) в последние два десятилетия, а также те угрозы, вызовы, возможности и пути развития, которые эта церковь имеет или может обрести в ближайшее время.

Автор данной статьи пытался по мере сил быть объективным, непредвзятым и, насколько это возможно, оставил за пределами исследования собственные пристрастия, взгляды и иные элементы своей идентичности.

Украина как экзистенциальный вопрос российского самоопределения

«Украинский» («киевский», «литовско-русский», «югозападнорусский», «малороссийский») вопрос в обозримой исторической ретроспективе (как минимум последние три с половиной столетия — с середины XVII в., а то и с се-

редины XV в. — со времени Флорентийской унии и борьбы за митрополию между Московским и Литовским княжествами) был определяющим для Российской (Русской) православной церкви.

На протяжении всего этого времени и Украина в целом, и различные факторы украинской церковной жизни не просто радикально влияли на российскую жизнь, но по многим параметрам предопределяли и формировали ее. Начать с того, что Киев — это первая историческая православная кафедра у восточных славян. А созданные на Украине православный церковный дискурс и книжная традиция, богословие и философия, украинские церковные кадры (священники, епископы, монахи, светские богословы, просветители, а также святые, просиявшие в южных землях), украинские православные духовные и интеллектуальные центры, исходящие с Украины импульсы духовной жизни и модернизационные проекты — это важные вехи и общероссийской, и сугубо великорусской православной церковной жизни. Как известно, именно синтез украинской и великорусской православных культур и духовных традиций в XVII—XVIII вв. создал новый, общероссийский облик православия (сугубо великорусский сохранился лишь в старообрядческой среде).

Распад Советского Союза и образование на его месте независимых государств актуализировал тему церковного (юрисдикционного, культурного, языкового) самоопределения народов, исповедующих православие. «Грузино-абхазский», «молдавский», «эстонский», «белорусский» вопросы оказались сложными, но решаемыми. «Украинский» вопрос вновь из локального превратился в парадигмальный.

Начиная с середины XVII в. в российской православной церковной жизни, как и в российской геополитике, Украина играет роль критической массы (иначе говоря, «второго среди равных» участника отношений), поэтому именно участие либо неучастие этой страны в политических интеграционных проектах вокруг России предопределяет масштаб и идентичность всего объединения: либо оно имеет имперский масштаб и идентичность, тяготеющую к универсальной, либо оно имеет «урезанную» географию

(«Великороссия плюс младшие братья», «остров Россия» — по определению Вадима Цымбурского³) и тяготеющую к этнонационализму изоляционистскую идентичность (либо гражданскую идентичность «национального государства» — «государства россиян»).

И в российском политическом сознании, и в российском церковном сознании к настоящему времени сформировалось устойчивое представление об исключительном — почти мистическом — значении Украины для российской идентичности. Украина воспринимается не только как «колыбель славянства», в которой Киев — «мать городов русских», не только как важная в геостратегическом отношении территория, без которой Россия не может стать империей, не только как неисчерпаемый кадровый ресурс (в частности, в XVII—XVIII вв. многие епископы в Великороссии были выходцами с Украины⁴, в XX в. в послевоенное время многие священники на российских просторах происходили из Галичины и Закарпатья). Украина воспринимается как своеобразная «сердцевинная земля» (heartland), потеряв которую, и Россия, и великорусский народ, и российское православие будут обречены на неполноценное, периферийное, маргинальное существование. Подобные представления изредка звучат в публичных высказываниях ключевых представителей РПЦ, но значительно чаще их можно наблюдать в виде неотрефлексированных настроений и страхов в самых разных слоях православного мира России.

Поэтому «украинский» вопрос в целом и все его составляющие — создание поместной православной церкви на Украине, пределы автономии УПЦ в рамках Московского патриархата, взаимоотношения УПЦ с украинским государством, взаимоотношения с иными восточнохристианскими украинскими юрисдикциями, возвращение на Украину юрисдикции Вселенского (Константинопольского) патриархата, снятие анафемы с гетмана Мазепы, смена юрисдикции украинского православия (Москва вместо Константинополя) в 1686 г., использование украинского литературного языка в церковной жизни — рассматриваются не просто как политические либо культурные, но как вопросы экзистенциального порядка.

В частности, в случае гипотетического объединения всех восточных христиан Украины в единую православную церковь именно она может стать самой большой в православном мире — и по числу общин, и по числу активных прихожан. Многие адепты первенства РПЦ подобный сценарий воспринимают в апокалиптических тонах.

УПЦ на конфессиональной карте: конкуренция или привилегированный статус

Политическая система, сформировавшаяся на независимой Украине после 1991 г., имеет черты полиархии и конкурентной олигархии — власть в ней немонолитна и не является консолидированным субъектом, что радикально отличает ее от российской политической системы. На Украине существует реальный политический процесс, жесткая конкуренция власти и оппозиции, распределение властных полномочий не только среди провластных субъектов и группировок, но и среди оппозиционных, выборы на конкурентной основе без предрешенного результата и т. д.

Подобная полицентрическая структура политической системы экстраполировалась и на структуру церковной жизни: так, вследствие церковных расколов внутри православного мира и возрождения греко-католицизма с начала 1990-х годов и до настоящего времени на Украине сосуществуют четыре основные восточнохристианские юрисдикции: Украинская православная церковь (Московского патриархата), Украинская православная церковь (Киевского патриархата) — УПЦ КП, Украинская автокефальная православная церковь — УАПЦ, Украинская греко-католическая церковь — УГКЦ. Из православных юрисдикций только УПЦ признана мировым православием, тогда как УПЦ КП и УАПЦ, несмотря на многочисленные попытки, так и не обрели легитимного статуса; УГКЦ признается православным миром — но как составная часть мира католического.

Определенную роль в некоторых регионах играют также Римско-католическая церковь и протестантские

церкви и секты, а также старообрядческие церкви различных согласий.

Все годы независимости между четырьмя восточнохристианскими юрисдикциями шла жесткая борьба, в которой были и взаимоуничтожающая полемика, и «черный пиар», и настраивание священниками паствы против представителей конкурирующих юрисдикций, и прямые столкновения между представителями различных общин в борьбе за здания храмов на Западной Украине.

При этом ни одна из этих юрисдикций (по крайней мере до президентства Виктора Януковича) на общеукраинском уровне не имела ни формально-юридического, ни политического преимущества перед другими: президенты пытались сохранить баланс в публичном общении с иерархами всех юрисдикций и при посещении всех соответствующих кафедральных храмов. СМИ пытались по возможности сбалансированно освещать деятельность различных юрисдикций — особенно во время трансляции по телевидению различных праздничных богослужений.

Разумеется, те или иные конфессии получали ощутимую политическую поддержку или, напротив, претерпевали притеснения в тех или иных регионах. Скажем, иерархи и активисты УГКЦ жаловались и жалуется на притеснения за пределами Галичины, где греко-католицизм исторически не имел распространения, как со стороны местных властей, так и со стороны иерархов и активистов конкурирующих юрисдикций. В свою очередь, иерархи и активисты УПЦ жалуются на притеснения в галицких областях Украины со стороны УГКЦ, и на Волини со стороны УПЦ КП.

При каждом из президентов независимой Украины церковная политика обретала свой специфический вектор, который был производным от внешней светской политики.

Так, при президенте Леониде Кравчуке (1991 — 1994 гг.) была утрачена монополия УПЦ на паству, идентифицирующую себя как православную. Сама УПЦ возникла еще при советской власти (на Архиерейском соборе 25—27 октября 1990 г.) как автономная и самоуправляемая церковь в составе Московского патриархата⁵. В июне 1992 г. произошел церковный раскол внутри канонического православия, по-

родивший не признанную мировым православием УПЦ КП под водительством патриарха Филарета (Денисенко). В те же годы легализовалась УАПЦ, а УГКЦ перестала быть маргинальной и притесняемой со стороны государства юрисдикцией.

При президенте Леониде Кучме (1994—2005 гг.) была провозглашена внешняя политика «многовекторности» украинского государства — такой же «многовекторной» была и церковная политика того периода, основанная на балансировании между существующими восточнохристианскими юрисдикциями и приблизительно равной поддержке по отношению ко всем. Кучма всячески демонстрировал свою независимость от Кремля⁶, поэтому визит папы римского Иоанна Павла II на Украину летом 2001 г. был как бы «месседжем» Москве, что мнение патриарха Алексия II, протестовавшего против визита из-за разгрома в Галичине Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской православных епархий, Киеву не указ.

Президент Виктор Ющенко (2005—2010 гг.) провозгласил курс на приоритетность интеграции Украины в евроатлантическое сообщество и на единую поместную православную церковь, созданную путем объединения (программа максимум) «украинофильской» части УПЦ, УПЦ КП и УАПЦ (УГКЦ не рассматривалась как субъект объединения).

Неудачи Ющенко в политике, вызванные неадекватностью принимаемых решений, экстраполировались и на его планы и действия в церковной сфере. Так, в июле 2008 г. состоялся визит в Киев вселенского патриарха Варфоломея, на который многие возлагали надежды по провозглашению Украинской поместной православной церкви. Однако подобные надежды были преувеличенными и необоснованными, тогда как реальный сценарий позволял легализовать на Украине Вселенский патриархат — путем перехода в его юрисдикцию епархий непризнанной УПЦ КП. Патриарх Филарет оказался перед сложной дилеммой: возглавляемая им структура могла получить канонический статус — в качестве автономной митрополии в составе Вселенского патриархата, предстоятель которой был бы выбран Варфоломеем из трех предложенных этой церковью

кандидатур. Однако существовала угроза, что предстоятелем может стать не Филарет, а более молодой и энергичный архиерей.

Реализация подобного сценария привела бы к параллельному существованию на Украине двух легитимных православных иерархий — московской и константинопольской. Схожие ситуации в Эстонии и Молдавии привели к жесткой конкуренции и дипломатической войне между Фанаром⁷ и Чистым переулком⁸. Повторение ситуации в масштабе всей Украины могло бы поставить Московский патриархат на грань глубокого кризиса (хотя некоторые аналитики из УПЦ не видят в параллельном существовании на территории Украины двух легитимных юрисдикций ничего страшного — напротив, считают, что это позитивно повлияло бы на Московский патриархат, вынудив его заботиться о своей привлекательности). Однако противники подобного сценария по возвращению юрисдикции Вселенского патриархата тактически переиграли его сторонников, воспользовавшись амбициями Филарета и непрактичностью Ющенко⁹.

При президенте Викторе Януковиче (с 2010 г.), декларирующем свою «пророссийскую» ориентацию и верность «каноническому православию», УПЦ начала позиционироваться как «главная», «государственная», «доминирующая»¹⁰ церковь, что вызвало неудовольствие представителей иных религиозных организаций.

Подобное реформатирование конфессиональной ситуации, когда вместо нескольких конкурирующих церквей с приблизительно равными правами и возможностями возникает моноцентрическая система, в которой есть одна «правильная» и поддерживаемая государством церковь (УПЦ) и несколько «неправильных» (УПЦ КП, УАПЦ, УГКЦ), происходит по той же логике, что и реформатирование политической системы Украины: из полиархической, имеющей несколько центров влияния, она превращается в моноцентрическую, имеющую лишь один центр влияния и принятия решений.

Внутри самой УПЦ «москвофильская» партия перешла от активной обороны к наступлению — начались интриги против отдельных иерархов, священников и светских ин-

теллектуалов «украинофильской» ориентации, приведшие к ослаблению ее позиций¹¹.

Ослабление «украинофилов» происходит также и по сугубо внутренним причинам: из-за внутренней деморализации, нежелания публично или кулуарно бороться с политикой патриарха Кирилла по интеграции Украины в «русский мир», опасения быть извергнутым из легитимной православной юрисдикции, из-за моноконфессионально ориентированной церковной политики Януковича, из-за интеллектуального и финансово-организационного оскудения УПЦ.

Решениями Межправославной подготовительной комиссии, принятыми в декабре 2009 г. в Шамбези (Швейцария), был усложнен порядок создания канонических автокефальных церквей, так что шансы создать украинскую православную поместную церковь в краткосрочной либо среднесрочной перспективе, на первый взгляд, резко упали — вопрос как будто был снят с повестки дня. Кроме того, было предварительно согласовано, что статус автономной церкви из общеправославного превращается во внутренний. В результате поместная церковь может учреждать и упразднять внутри себя автономные церкви по своему усмотрению, и это не требует ни утверждения, ни признания со стороны Константинополя или полноты поместных церквей. Однако не так давно появилась и альтернативная точка зрения, согласно которой решения Межправославной подготовительной комиссии носят рекомендательный характер, а сама процедура создания автокефальных церквей должна быть рассмотрена на Всеправославном соборе.

Патриарх Иерусалимский Феофил в ходе своего визита на Украину в марте 2011 г. заявил, что «украинский» православный вопрос может быть решен на Всеправославном совещании предстоятелей¹². Судя по всему, разделяет эту мысль и вселенский патриарх Варфоломей. Однако РПЦ боится вынесения «украинского» вопроса на Все-православное совещание, поскольку спор о том, кто является матерью-церковью для украинского православия, с высокой долей вероятности будет решен в пользу Константинополя, а не Москвы. (Сторонники же канонического отделения УПЦ от РПЦ полагают, что именно

Всеpravославное совещание по Украине — достойный способ для РПЦ отпустить украинскую «дочку», сохранив собственное лицо и не доводя дело до раскола.)

В это время нынешнее руководство РПЦ создает правовые и управленческие механизмы, с помощью которых сможет эффективно влиять на ситуацию в украинском православии. В начале февраля 2011 г. определением Архиерейского собора Русской православной церкви были внесены изменения и дополнения в Устав РПЦ, в соответствии с которыми наметилась тенденция по централизации управления этой церковью и ограничению самостоятельности автономных церквей¹³. Изменения касаются приоритета структур и решений органов РПЦ по отношению к автономным церквям включая УПЦ. В частности, предстоятель автономной церкви вступает в должность после утверждения патриархом Московским (раньше необходимо было лишь благословение патриарха), возникает обязательность для автономных церквей решений общецерковного суда и суда Архиерейского собора РПЦ, а также обязательность решений Поместного и Архиерейского соборов и Священного синода РПЦ. Проекты уставов автономных церквей теперь необходимо согласовывать с патриархом Московским (раньше речь шла лишь об одобрении) и т. д.

Неожиданный вызов получила УПЦ и с грекокатолической стороны. 27 марта 2011 г. в Киеве прошла интронизация нового главы УГКЦ — верховного архиепископа Святослава (Шевчука), 40-летнего церковного интеллектуала и богослова, призванного, по мнению грекокатолического епископата, реализовать амбициозную программу развития этой церкви на ближайшие десять лет. Этот факт является мощнейшим стимулом для внутреннего и внешнего развития УПЦ и для повышения ее конкурентоспособности. Ведь в отличие от России, где РПЦ не испытывает конкуренции со стороны иных восточнохристианских юрисдикций, на Украине ситуация радикально иная, и самосохранение предполагает не стагнацию, не помощь со стороны государства, которое может помочь «разобраться» с конкурентами, но ответ на вызовы времени. В случае отказа от конкуренции вероятен и вполне ощутимый проигрыш — часть паствы УПЦ может уйти в УГКЦ.

Социальная роль УПЦ: церковь плюс общество минус государство

Украинская православная церковь, как и иные церкви, пребывающие на Украине, занимается развитием своей социальной активности, пытаясь занять в жизни украинского общества достойное и значимое место.

Однако на данный момент социальная активность УПЦ — это прежде всего результат деятельности подвижников, общественно активных людей, но не работы системы. Церковная система пока является бюрократизированным, пассивным и нединамичным механизмом, с трудом адаптирующимся к вызовам времени.

В управляющих структурах УПЦ из 21 синодального отдела вопросами, связанными с общественной активностью церкви, прямо или косвенно занимаются 11: Отдел внешних церковных связей, Отдел благотворительности и социального служения, Отдел по взаимодействию с вооруженными силами и иными воинскими формированиями Украины, Миссионерский отдел при Священном синоде УПЦ, Отдел по делам молодежи, Отдел по архитектуре, строительству и охране памятников церковной архитектуры, Информационно-просветительский отдел, Отдел «Церковь и культура», Отдел по делам семьи, Отдел по делам пастырской опеки пенитенциарной (тюремной) системы, Отдел по делам пастырской опеки казачества Украины и духовно-физического воспитания молодежи.

Следует отметить, что из восточнохристианских юрисдикций в Украине ощутимую социальную активность проявляют только УПЦ и УГКЦ, а УПЦ КП и тем более УАПЦ заметны в этом смысле значительно меньше. Но наибольшую социальную и миссионерскую активность демонстрируют протестантские церкви и секты (включая тоталитарные и харизматические). Стоит ли удивляться постепенному перетеканию паствы из православия в протестантизм, особенно заметному в социально депрессивных регионах?

Интересные и перспективные формы работы с православной или интересующейся православием молодежью практикуют в киевском Свято-Троицком Ионинском мо-

настыре УПЦ: в нем устраиваются популярные чаепития для молодежи 15—35 лет, известный писатель-эссеист Густав Водичка (Юрий Топчий, автор книги «Родина дремлющих ангелов») проводит писательско-журналистский тренинг, издается журнал «Отрок.ua». Также по всей Украине существует разветвленная сеть волонтерских и скаутских движений православной молодежи.

При участии УПЦ постоянно проводятся популярные молодежные акции — фестивали православного рока, съезды байкеров, Дни славянской письменности и культуры, фестивали православного кино. Однако в этом отношении УПЦ не является инноватором или генератором проектов, большинство подобных мероприятий — это российские акции, воспроизведенные на Украине.

В украинской православной среде до сих пор не возникло фигуры харизматического интеллектуала-миссионера, сопоставимого по влиянию на молодое поколение, скажем, с о. Андреем Кураевым¹⁴.

Большинство общественно значимых дискуссий с участием УПЦ и иных восточнохристианских церквей касается не столько социальных вопросов, сколько политических, и связано с формированием новой украинской национальной и государственной идентичности, с межконфессиональным диалогом, с дискуссиями на исторические темы (Голодомор, анафема гетману Мазепе и т. п.).

Всеукраинское православное педагогическое общество, возглавляемое священниками УПЦ, координирует проведение научных и интеллектуальных мероприятий (например, «Покровских международных миссионерско-просветительских чтений»). Под руководством председателя Миссионерского отдела при Священном синоде УПЦ архиепископа Полтавского и Миргородского Филиппа в конце 2010 г. подготовлен школьный курс «Библейская история и христианская этика», рассчитанный на учащихся 1—11-го классов.

В том же 2010 г. Министерство образования и науки Украины одобрило учебную программу по основам христианской этики, подготовленную совместно учеными Острожской академии, Украинского католического университета и Киевского университета им. Б. Гринченко.

На данный момент, по информации архиепископа Филиппа, «Основы христианской этики» и «Христианская этика в украинской культуре» преподаются не более чем в 30% школ Украины, однако за последний год количество таких учебных заведений выросло почти на 10%. Преподавание основ христианской этики осуществляется на факультативных началах — при наличии соответствующего желания и волеизъявления родителей. Примечательно, что в Днепропетровской, Житомирской, Запорожской, Кировоградской, Луганской, Николаевской, Одесской, Сумской, Харьковской, Херсонской, Хмельницкой и Черниговской областях этот предмет еще не нашел широкого распространения¹⁵.

В марте 2009 г. при Министерстве обороны Украины был создан Совет по делам душепастырской опеки — для формирования в вооруженных силах института военного духовенства (капелланства). В него помимо представителей Министерства обороны вошли представители УПЦ, УПЦ КП, УАПЦ, УГКЦ, а также Римско-католической церкви, Всеукраинского союза объединений евангельских христиан-баптистов и Духовного управления мусульман Украины. Пока институт штатных священнослужителей в украинских Вооруженных силах отсутствует, но есть надежда создать его в ближайшем будущем.

Впрочем, практика окормления православными священниками своей паствы в украинской армии существует. Так, в частности, старший лейтенант и монах киевского Свято-Троицкого Ионинского монастыря УПЦ игумен Иоасаф (Перетяцько) служил военным священником украинского контингента во время активных боевых действий в Ираке, при этом формально его деятельность определялась как «политвоспитание»¹⁶. Возможно, до введения института военных священников компромиссным решением могло бы стать замещение священниками должностей военных психологов.

Не менее важна и деятельность церкви в структуре Государственной уголовно-исполнительной службы. В ней, как и в Вооруженных силах, до сих пор не созданы штатные должности священников, однако окормление тюремной паствы происходит достаточно интенсивно. При этом

священники вынуждены вникать в особенности тюремной субкультуры и устройства тюремной иерархии — скажем, причастие из одной чаши представителей тюремной «элиты» и представителей низших тюремных «каст» чревато для последних физической расправой.

Таким образом, можно сделать вывод, что УПЦ еще не раскрылась как церковь с ярко выраженной социальной миссией, однако динамика последних лет свидетельствует в пользу того, что осознание своей ответственности перед обществом идет по нарастающей и церковь и околоцерковные сообщества ищут новые методы работы с людьми.

При этом главное отличие от российской ситуации заключается в том, что на Украине церковь остается один на один с обществом — без посредничества государства. Огосударствление церкви в краткосрочной перспективе способно принести видимые и быстрые успехи, однако в более отдаленном будущем оно может спровоцировать деструктивные процессы и в обществе, и в государстве, и в самой церкви, чему в российской истории есть немало примеров.

Патриарх Кирилл: стать российским политиком благодаря Украине

Украина, как говорилось выше, имеет исключительное значение и для российского государства, и для РПЦ, поскольку украинский фактор крайне важен в российском самоопределении.

Патриарх Кирилл не просто ощутил эту связь, но и с успехом воспользовался ею. Патриарх Никон, с которым аналитики любят сравнивать Кирилла, в свое время (в середине XVII в.) также использовал украинский фактор — для создания единого восточнославянского православного церковного и культурного пространства и для усиления своего церковного и сугубо политического влияния.

В России исторически сложилось так, что государство обладает монополией на власть, вследствие чего административно-бюрократический тип управления пре-

валирует над политическим. Периоды полиархии, когда легально существовали отличные от государства и государственных интересов субъекты и центры власти, развивалась публичная политика — с многопартийностью, политической конкуренцией, конкурентными выборами и т. д., были немногочисленны — скажем, после революции 1905 г. или в 1990-х годах. В путинской и медведевской России государство укрепило свои позиции, и конкурентный публичный политический процесс почти сошел на нет.

Возникает вопрос: как следует идентифицировать представителей российской политической элиты: как политиков либо как бюрократов?

Политиков и бюрократов отличает друг от друга прежде всего разная логика существования в общественно-политическом пространстве: первые стремятся стать лидерами и опираются на собственную конкурентоспособность, вторые стремятся стать начальниками и опираются не столько на свои качества, сколько на полномочия, предусмотренные той или иной должностью.

По нашему мнению, в нынешней России лишь несколько человек могут быть идентифицированы именно как политики — в частности, президент Дмитрий Медведев, премьер Владимир Путин, глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров.

После провозглашения концепции «русского мира» и визита патриарха Кирилла на Украину летом 2009 г. о нем можно говорить как о четвертом российском политике, опирающемся на собственные ресурсы (Московскую патриархию) и имеющем свою миссию, свою сверхзадачу, свой автономный идеологический и геополитический проект и даже символические знаки принадлежности к высшей социальной прослойке¹⁷.

Именно «украинский» вопрос позволил патриарху получить необычайно серьезный «символический капитал» внутри России и увеличить свой рейтинг влияния в контексте российской политики.

Украина на протяжении двух постсоветских десятилетий оставалась недостижимой мечтой российских политиков — никто из них не смог найти с ней ни общего языка, ни перспективного формата согласования общих интере-

сов, ни интегративной формулы совместного позиционирования в мировой политике и экономике, ни площадки для культурного обмена, ни эффективного механизма влияния на внутриаукраинский политический процесс, не считая языка откровенного политического шантажа и экономического давления (в том числе через «газовый вопрос»). Ни один из россиецентричных интеграционных проектов с участием Украины не был реализован — ни Союзное Государство, ни единое экономическое пространство, ни Организация Договора о коллективной безопасности, ни таможенный союз.

Фактически патриарх Кирилл создал модель (пока именно модель, а не работающий механизм) российского влияния на Украину и «геокультурный знаменатель», позволяющий не просто говорить об общем прошлом и общем будущем, но сделать прошлое и будущее элементами «мягкой власти».

По статусу УПЦ является автономной церковью в составе РПЦ, однако многие не урегулированные вопросы позволяют манипулировать этим статусом и трактовать его как в уменьшительную, так и в расширительную сторону. Поэтому в окружении патриарха все активнее разрабатывается идея необходимости введения прямого патриаршего правления в УПЦ и переименовании титула в «патриарх Московский, Киевский и Всея Руси», а также о создании патриаршей резиденции в Киеве (предположительно на территории Киево-Печерской Лавры). Патриарх даже сделал заявление, что готов принять украинское гражданство, однако потом говорил, что это была шутка (поскольку противоречит украинскому законодательству)¹⁸. Даже завуалированное патриаршее правление в УПЦ способно еще больше повысить внутривосточный рейтинг политической влиятельности патриарха.

Главная тайна УПЦ: что делают «москвофилы» и «украинофилы»

Некоторые вульгарные критики УПЦ в 1990-х годах называли ее «русской» и «антиукраинской» церковью. Однако

за последнее десятилетие она все больше воспринимается как «своя», причем сторонниками самых разных взглядов, носителями самых разных идентичностей.

УПЦ немонолитна — в ней есть два мощных этнокультурных и идеологических полюса притяжения, вокруг которых структурируется сугубо церковное пространство, а также пространство культурное, информационное, языковое и смысловое.

Внутри УПЦ выделяется «москвофильская» группировка, ратующая за включение Украины в пространство «русского мира». Для них объединение украинских православных является либо вредной идеей, ведущей к созданию поместной церкви, либо продуктивной — но исключительно путем покаяния пастырей и паствы УПЦ КП и УАПЦ и возврата в состав Московского патриархата и «русского мира». Зато приоритетной ценностью для них является церковное, политическое и мистическое единство Украины с Россией. Лидером «москвофилов» считается митрополит Одесский и Измаильский Агафангел (Саввин).

Второй полюс УПЦ — «украинофильская» партия, выступающая за «Киевскую идею», украинскую самобытность, развитие украинского православия как явления, соположенного российскому православию (а не как региональной разновидности последнего) и в неопределенной перспективе — за создание Украинской поместной православной церкви каноническим путем. «Украинофильская» партия не оформилась в сколько-нибудь организованную группировку и не имеет собственного харизматичного и влиятельного лидера. Открытым выразителем подобных взглядов считается митрополит Черкасский и Каневский Софроний (Дмитрук), эксперты и журналисты также называют в этом качестве архиепископа Александра (Драбинко), личного секретаря митрополита Владимира (Сабодана), хотя его «украинофильство», судя по всему, носит тактический характер.

Между «москвофилами» (в основном из Одессы, а также из Донецка, Киева, Черновцов, Почаева) и «украинофилами» (в основном из Киева, а также из Закарпатья) идет достаточно жесткая идеологическая борьба в украинских СМИ, временами напоминающая религиозную полемику рубежа XVI—XVII вв.¹⁹

Предстоятель УПЦ митрополит Владимир (Сабодан) напрямую не примыкает ни к одному из этих полюсов, однако в его окружении, как и на ключевых позициях в УПЦ, есть сторонники обеих позиций. Некоторые эксперты полагают, что подлинный глава «украинофилов» — именно митрополит Владимир.

Адепты обеих позиций, как правило, полярным образом относятся к ключевым вопросам нынешней полемики внутри УПЦ — к дальнейшей судьбе церкви, отношению к иным украинским восточнохристианским юрисдикциям, вопросу о концепциях «русского мира», вопросу об отмене анафемы гетману Мазепе, использованию украинского языка и т. д.

«Москвофилы» говорят об искусственности «Киевской идеи» и о бесперспективности создания поместной церкви на Украине. Так, архиепископ Тульчинский и Брацлавский Ионафан (Елецких) в статье «Новая киевская идея как альтернатива и антипод Русского Мира» пишет, что «борьба за Русский Мир — это борьба с идеями-вирусами», среди которых и так называемая киево-иерусалимская идея. «На пути ревизионистской киевской идеи стоит древнекиевская нерушимая стена — идея единства всей Русской Земли, идея Святой Руси, с ее выстраданным на протяжении веков древнерусским народом, двуединым идеалом Святости и Правды»²⁰.

Сторонники «киевской идеи», в свою очередь, говорят о том, что концепция «русского мира» является классическим примером этнофилетистской ереси. Священник Андрей Дудченко в статье «Русский мир — манифест филетизма?» отметил, что теоретики «русского мира» «русскость» уравнивают со «вселенскостью», и предположил, что за идеей «церкви для русских» на самом деле стоит государство: «Вероятно, в условиях жестко навязываемой “дружбы” со стороны властей российского государства Церкви трудно сохранить внутреннюю свободу. Велик соблазн пойти на поводу у идеологических запросов постсоветской и постэклизиологической эпохи. Но от того, сохранит ли Церковь принцип кафоличности в своем богословии, зависит ее будущее как Тела Христова»²¹.

Патриарх Кирилл является убежденным сторонником первой позиции, что дает ее адептам дополнительные моральные преимущества. Однако пока он не выступал в ка-

честве жесткого критика второй позиции — в этом качестве выступают преимущественно украинские церковные и светские «москвофилы».

Внутри УПЦ сложилась достаточно интересная ситуация, при которой в ней уживаются два образа православия, две политические ориентации, два мироощущения, два стиля мышления, две православные субкультуры. С одной стороны, самоощущение «осажденной крепости», поиск врагов и предателей, конспирологическая интерпретация Украины как «химеры, придуманной врагами для расчленения России», гипертрофированное апокалиптическое мировоззрение, монархические симпатии, попытки продвигать концепт «политического православия», заявления о безальтернативности «русского мира», общественные организации, провозглашающие себя преемниками и продолжателями дореволюционных черносотенцев и «Союза русского народа». С другой стороны, отсутствие надрывной апокалиптики и изоляционизма, ориентация на диалог с иными конфессиями, попытки воссоздать аутентичный украинский вариант православия, православной культуры и социальности, желание не допустить огосударствления церкви, критика концепта «политического православия»²².

При этом распространенная оценка первых как церковных консерваторов, а вторых — как церковных либералов представляется неадекватной и тенденциозной. Украинские «москвофилы», как и их единомышленники из России, в полемике с «украинофилами» очень часто сами загоняют себя в угол и ставят в сложные ситуации. Так, сомнительные, неоднозначные или оспоримые вопросы в истории церкви (например, легитимность перевода Киевской митрополии из Вселенского патриархата в Московский в 1686 г., анафема гетману Мазепе и т. п.) они изображают как «последний бастион» истинной веры.

Почему концепты «русского мира» не срабатывают на Украине

Все постсоветские годы в России крайне остро и болезненно ощущалась когнитивная разреженность — недостаток

идей, смыслов, отсутствие универсального проекта развития государства, общества и, в меньшей мере, церкви.

В общественном сознании перебаривались идеи классического либерализма, либертариизма, евразийства и неоевразийства, охранительного консерватизма, обществу предлагались разнообразные концепты — «русская доктрина» Виталия Аверьянова и Андрея Кобякова, «проект Россия» околоремлевских анонимов, «остров Россия» Вадима Цымбурского, «пятая империя» Александра Проханова, «суверенная демократия» Владислава Суркова, «политическое православие» политтехнологов из окрестностей Чистого переулка, «атомное православие» Егора Холмогорова и т. д.

Однако почти все эти проекты оказались идеократическими утопиями, поскольку базировались на каком-то существенном допущении, например, что подавляющая часть политической элиты должна стать сторонниками именно этой, а ни какой-нибудь другой идеологии или политического концепта. В результате ни один из проектов, написанных талантливыми и неглупыми людьми, не попал в центр общественного интереса, не завладел вниманием широкого круга последователей. Напротив, в обществе лишь усилилось убеждение, что эпоха идеологий и больших идей безвозвратно прошла, что в современном мире есть только прагматизм, утилитаризм, мелкие private интересы и постмодернистский иммунитет против сферы идеального как таковой.

Однако несколько лет назад появился концепт, который немного оживил идеологическое пространство и привнес ощущение некоторого идейного развития. Речь о нескольких программах и доктринах (как светского, так и церковного происхождения) под общим названием «русский мир». На данный момент все многообразие проектов, именуемых «русским миром», можно свести к четырем основным концептам.

Во-первых, «русский мир» как пространство распространения русского литературного языка. Первыми это направление концептуально озвучили политтехнологи «методологической» школы Петр Щедровицкий, Ефим Островский и Сергей Градировский (однако впервые концепт «русского мира» заявили в середине 1980-х годов «старшие» «методо-

логи» — Сергей Железко и Ирина Жежко). Они исходили из представления, что «русский мир» — это поддающееся геокультурной интеграции пространство существования русского литературного языка. Русский язык задает иные параметры мышления, чем, скажем, английский, немецкий, арабский или китайский. Сюда же относятся концепции «русского мира» как постсоветского пространства, сохраняющего помимо знания русского языка воспоминания о былом величии СССР.

Во-вторых, философ и футуролог Александр Неклесса, понимающий «русский мир» как «республику многих народов», как горизонтальное единство «многих Русей» — и российских, и находящихся за пределами России. Подобный тип «русского мира» популярен также в кругу сторонников «новгородской» идеи (Вадим Штепа и др.), но отрицается москвоцентристами.

В-третьих, Кремль и околокремлевские круги, где «русский мир» рассматривается как сфера влияния Кремля и возможного построения квазиимперской государственности либо москвоцентричного союза в рамках СНГ (этот концепт выступает как аналог евразийской доктрины, разработанный специально для Украины и Белоруссии: евразийство — это ось «Москва — Казань — Астана», «русский мир» — ось «Москва — Киев — Минск»).

В-четвертых, РПЦ и околоцерковные круги: «русский мир» как сфера распространения влияния Чистого перелука и российского варианта православия, как русскоязычное и «русскокультурное» православное пространство, в котором должна быть единая интерпретация «общей» истории²³.

Почти во всех концепциях превозносится значение русского литературного языка, для большинства важна единая интерпретация «общего прошлого», почти все идеологи (за единичными исключениями) рассматривают украинскую и белорусскую идентичность, культуры и языки как неприятных конкурентов для «русского мира», наиболее радикальные пытаются их откровенно демонизировать.

Патриарх Кирилл понимает «русский мир» как наднациональный геополитический проект (по аналогии с Британским Содружеством наций) — «если в стране

используется русский язык как язык межнационального общения, развивается русская культура, а также хранится общеисторическая память и единые ценности общественного строительства»²⁴.

Однако акцент сделан не на церковно-мистическом, а на геополитическом и геокультурном содержании. Святая Русь, к которой апеллируют идеологи «русского мира», — это реальность эклезиологическая, а не географическая и тем более не геополитическая. «Русский мир» — это не формула цивилизационной идентичности православных стран, а имперостроительная идеология с элементами этнонационализма.

Концепт «русского мира» является развитием еще до-революционной теории «триединой русской нации», состоящей из трех субэтносов — великорусов, малорусов и белорусов. Каждое суверенное государство согласно церковным канонам может претендовать на автокефальную православную церковь. Но если великорусы, малорусы и белорусы — это три государства, но один народ (а именно так любят говорить идеологи «русского мира»), то в таком случае единая для них всех Православная церковь (Московский патриархат) должна взять на себя функцию удержания России, Украины и Белоруссии в едином геополитическом и геокультурном пространстве.

В большинстве своих редакций концепт «русского мира» основан на принципах властного моноцентризма и иерархической системы управления, характерных для российской политической культуры, но становящихся в условиях постиндустриального общества все менее привлекательными и конкурентоспособными.

Продвижение концепта «русского мира» не принесло ни нового формата взаимопонимания внутри Украины, ни консолидации общих геополитических и геоэкономических интересов России и Украины на международной арене, ни нового цивилизационного или геокультурного знаменателя для православных стран.

Однако этот концепт способен замедлить или пресечь тенденции к объединению православных церквей внутри Украины. Так, в частности, 2 октября 2009 г. в Киево-Печерской лавре состоялось первая встреча

представителей УПЦ и УПЦ КП для выяснения возможности и перспективности ведения диалога между церквами²⁵. 3 ноября того же года патриарх Кирилл выступил на III Ассамблее фонда «Русский мир» с программной речью, после чего стало очевидно, что никакое объединение УПЦ КП и УАПЦ с легитимной УПЦ, исповедующей доктрину «русского мира», невозможно. То есть одна из функций этой идеологической конструкции на Украине — создавать идеологическую напряженность внутри УПЦ и не дать украинским православным юрисдикциям возможности объединиться.

«Русский мир» и УГКЦ как главные конкуренты украинского православия

Впрочем, последствия развития подобного сценария по сохранению конфессионального раскола внутри Украины при всей его видимой успешности могут быть катастрофичными для украинского православия: главным выгодоприобретателем от раскрутки концепта «русского мира» может стать УГКЦ. Возглавляемая харизматичным молодым архиепископом Святославом (Шевчуком), имеющая амбициозную программу развития (в том числе увеличение присутствия в Центральной и Юго-Восточной Украине), не имеющая проблем с каноничностью своего статуса, ориентированная не на латинизацию обряда, а наоборот — на византизацию (поэтому все более воспринимаемая простыми людьми как «православная»), прошедшая через опыт катакомбного существования при советской власти, эта церковь в ближайшее время может совершить качественный рывок. На фоне трех православных юрисдикций, ведущих бесконечные споры об исторических артефактах, национальной идентичности и собственной каноничности/неканоничности, церковь, сосредоточенная на свидетельствовании о Христе и на вопросах социальной этики, обретает невиданный дотолем потенциал развития.

Не так давно патриарх УПЦ КП Филарет, а затем и глава УГКЦ верховный архиепископ Святослав заявили

о необходимости строить «украинский мир»²⁶ (похоже, эта идея восходит к популярному в 1990-е годы приему — объявлять ту или иную юрисдикцию (УГКЦ, УПЦ КП) «единственной национальной церковью украинцев»).

Эти заявления еще больше выявили контрпродуктивность различных этнофилетистских доктрин, ибо они раскалывают и Украину как страну, и УПЦ как церковь, служащую прибежищем для людей с различной идентичностью. В результате противопоставления концептов «русского мира» и «украинского мира» оказывается, что сторонники первого по идее должны быть православными московоцентристами с «малороссийской» идентичностью, а сторонники второго — украиноцентричными греко-католиками. Для украиноцентричных православных украинцев в пространстве идентичностей просто не остается места. Так что концепция «русского мира» вместо декларируемого консенсуса и взаимопонимания ведет к обострению внутренних противоречий и создает почву для еще одного церковного раскола. Не исключено, что некоторые идеологи «русского мира» и некоторые греко-католические иерархи договорятся о разделе Украины между РПЦ и УГКЦ и о расколе украинского православия.

Впрочем, оба эти фактора — наступление греко-католиков и атака строителей «русского мира» — могут сыграть и на благо украинского православия. Слабая система в таких условиях разрушается, но сильная и амбициозная только выигрывает. Оппоненты способны спровоцировать конструктивные процессы — обновление, повышение устойчивости системы, увеличение привлекательности и конкурентоспособности. В случае УПЦ это означает усиление ее социальной функции, привлечение в церковь активных граждан (как мирян, так и священников), интеллектуальный рост — развитие богословия и православной социальной этики, появление нового «проекта Украины» и нового «миростроительного» проекта, основанного на ценностях восточнохристианской цивилизации, а главное — увеличение атмосферы дружбы и братской любви внутри церкви и во всем украинском обществе.

Так, Брестская уния 1596 г. стала трагедией для украинского и белорусского православия, однако одновремен-

но она стала мощным фактором консолидации всего православного мира: именно в полемике с ней возник весь тот знаменитый православный ренессанс XVII в., который распространился позже из Украины и Белоруссии в Московское царство.

Украинская православная церковь (Московского патриархата) является достаточно сложной структурой, в которой на данный момент факторов неустойчивости значительно больше, чем факторов стабильности. Церковь находится в процессе поиска идентичности — как внутренней, так и внешней — в диалоге с иными церквями. Если учесть, что одновременно идет мучительный поиск новой культурной и геополитической идентичности всей Украины, причем в крайне неблагоприятных социально-политических и международных условиях, будущее УПЦ не может не вызывать опасений.

Сейчас Украинская православная церковь оказалась площадкой, на которой сошлись две различные украинские идентичности — украиноцентричная и «малороссийская», две противоположные стратегии развития православия — создание автокефальной церкви и фактическое превращение УПЦ в экзархат РПЦ (как было до 1990 г.), две геокультурных и геополитических доктрины — киевоцентричная, восходящая к пророчеству о Киеве как Втором Иерусалиме, и доктрина «русского мира», восходящая к пророчеству о Москве как Третьем Риме.

В сложившейся ситуации УПЦ является структурой, которая в большей степени способствует сохранению единства Украины как страны и государства, а также украинского народа и украинской политической нации, чем их разделению по ментальному либо географическому признаку. В значительной степени это стало возможно благодаря мягкой политике, проводимой предстоятелем УПЦ митрополитом Киевским и всея Украины Владимиром (Сабоданом).

В ситуации инерционного развития и отсутствия внешних вызовов нынешняя альтернатива УПЦ «автокефалия vs экзархат» могла бы исчезнуть из фокуса общественного внимания — статус-кво сохранялся бы неопределенно долго.

Но при жестких внешних вызовах и при отсутствии в высшем руководстве УПЦ иерархов с таким уровнем доверия, харизмой и авторитетом, как у митрополита Владимира, и с таким уровнем ожиданий, как у главы УГКЦ верховного архиепископа Святослава, указанная альтернатива способна одновременно воплотиться в двух своих крайностях: часть церкви попытается создать автокефалию, часть — уйти в РПЦ. Подобная перспектива может оказаться очень серьезным испытанием и для Украины, и для украинцев, и для украинского православия.

Нынешний этап развития постсоветского политического и конфессионального пространства уместно рассматривать как турбулентный и бифуркационный. С одной стороны, высока неопределенность протекания ключевых для общества, государства и церкви процессов, снижается уровень управляемости и прогнозируемости внутри иерархически организованных социальных систем, к каковым относится и церковь. С другой стороны, именно сейчас появляется большое количество социальных субъектов с собственными повесткой дня, идеологией, миссией, с новой системой взаимосвязей и осознанием своей ролевой самодостаточности. Именно логика складывающегося в настоящее время социального дизайна предопределяет формат будущего: на наших глазах не просто появляются новые субъекты, не просто вызревают новые отношения и явления, но рождается принципиально новая реальность. Будет ли эта реальность постхристианской, внехристианской или неохристианской, в немалой степени зависит от состояния современных церквей — от их эффективности и конкурентоспособности, от их умения отвечать на вызовы времени. Точнее, реальность будущего зависит не столько от церквей как социальных структур, но от церкви как Невесты Христовой, от того, способна ли она в условиях апостасии свидетельствовать о Христе.

Примечания

- 1 Наряду с официальной аббревиатурой «УПЦ» употребляется и аббревиатура «УПЦ МП».

- 2 По состоянию на 1 января 2011 г. согласно данным Государственного комитета по делам национальностей и религий Украины УПЦ насчитывала 11 952 религиозных общины, 45 епархий, 186 монастырей, 3 лавры, 9680 священников, 20 учебных заведений. Украинская православная церковь Киевского патриархата имеет 4371 общину, 48 монастырей, 3021 священника, Украинская автокефальная православная церковь — 1190 общин, 9 монастырей, 699 священников, Украинская греко-католическая церковь — 3646 общин, 115 монастырей, 2424 священника (<http://www.risu.org.ua/ua/index/resources/statistics/ukr2011>).
- 3 Идентичность Российской Федерации после 1991 г., по мнению В. Л. Цымбурского, восходит не к СССР и не к Российской империи, а к Московскому царству: «В современном строении России открываются признаки некоей очень ранней альтернативы великоимперскому развитию». Отказ россиян от имперской идентичности в конце 1980-х — начале 1990-х годов он называет «сбрасыванием территорий-проливов» (Прибалтики, Украины, Закавказья) и «бегством на остров» (см.: *Цымбурский В. Л. Остров Россия // Цымбурский В. Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993—2006. — М., 2007. — С. 7, 22*).
- 4 В украинской исторической литературе широко распространено мнение, что причина засилья украинских епископов в великорусских епархиях при Петре I — их высокий уровень образованности. Представляется, что главная причина все же в ином — в отсутствии у них родственных и клановых связей на местах, что ограничивало самостоятельность, делало их более зависимыми от государства и способствовало укреплению петровской модели церковного управления (см.: *Sherech J. Stefan Yavorsky and the Conflict of Ideologies in the Age of Peter I // The Slavonic and East European Rev. — 1951. — Vol. 30. — № 74. — P. 45*). Среди 127 архиереев, занимавших в 1700—1762 гг. российские кафедры, насчитывалось 70 украинцев, 43 великоруса, 3 грека, 3 румына, 2 серба, 2 грузина. Пятеро украинцев были митрополитами (из них Дмитрий Ростовский, Иоасаф Белгородский, Иннокентий Иркутский, Иоанн Максимович канонизированы как святые). До 1758 г. на 10 кафедр назначено 9 украинцев и лишь 1 великорус (см.: *Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. — Т. 1. — Казань, 1914*).
- 5 Игумен Иннокентий (Павлов), автор текста томоса о предоставлении «самостоятельности и независимости в управлении» Украинской православной церкви (1990 г.), в которую тогда был преобразован Украинский экзархат, свидетельствует, что за основу документа был взят томос о предоставлении автономии Японской православной церкви (1970 г.) (см.: <http://www.spedletter.com/obcshestvo/2008-12-22/print/veskoe-slovo-ukrainskoi-tserkvi>).
- 6 Это отразилось даже в названии его книги, ставшем афоризмом: «Украина — не Россия» (2003 г.). Любопытно, что одна из распро-

страненных версий дела об убийстве журналиста Георгия Гонгадзе и прослушивании кабинета президента Кучмы (2000 г.) исходит из того, что за ним стояли российские заказчики, пытавшиеся таким образом дискредитировать его на международной арене и ограничить его внешнеполитическую и внешнеэкономическую самостоятельность.

- 7 Район Стамбула, где находится резиденция Вселенского патриарха.
- 8 Местонахождение резиденции патриарха Московского.
- 9 Через год, во время визита патриарха Кирилла на Украину в августе 2009 г., Виктор Ющенко заявил, что «самое большое желание украинского народа — жить в единой поместной православной церкви». На что патриарх ответил, имея в виду УПЦ: «Эта церковь, господин президент, существует. Есть поместная церковь на Украине. Если бы ее не было, не было бы сегодня Украины» (цит. по: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=31258>).
- 10 В этой связи примечательны требования православной общественности (в лице пророссийских организаций) к президенту Януковичу — предоставить УПЦ статус «доминирующей церкви», прекратить интеграцию Украины в ЕС и придать русскому языку статус второго государственного, выдвинутые в апреле 2011 г. (см.: http://www.risu.org.ua/ua/index/all_news/community/religion_and_policy/41813). В ответ на это сама УПЦ (Секретариат Киевской митрополии) заявила, что она не имеет отношения к подобным требованиям и считает их частным мнением граждан (<http://www.unian.net/ukr/news/news-431252>).
- 11 В качестве жертвы подобной внутрицерковной политики журналисты называют, в частности, бывшего главу Отдела внешних церковных связей УПЦ архимандрита Кирилла (Говоруна), карьерный крен в судьбе которого произошел после начала публичного церковного диалога между УПЦ и УПЦ КП — единственного заседания «рабочей группы УПЦ, на которую возложена ответственность за подготовку диалога с представителями УПЦ КП, и рабочей группы УПЦ КП, на которую возложена ответственность за подготовку к диалогу с УПЦ», произошедшего 2 октября 2009 г. См.: *Щеткина Е.* Кто принесет не меч, но мир? // Зеркало недели. — 2009. — 12 дек. (<http://www.zn.ua/articles/58748>).
- 12 «Найти общий язык между собой должны вы сами»: Патриарх Феофил III о разделении украинских церквей // Коммерсантъ-Украина. — 2011. — 29 марта (<http://www.kommersant.ua/doc.html?DocID=1610361>).
- 13 См.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1403020>.
- 14 Разумеется, можно по-разному относиться к деятельности и взглядам о. Андрея, однако его вклад в возвращение православного дискурса в контекст современности и актуальности на постсоветском пространстве не имеет аналогов.

- 15 См.: <http://www.pravoslavie.ru/news/39072.htm>.
- 16 См.: <http://ukraine.webstil.info/news.php?action=newsdescription&target=203>.
- 17 Об истории с патриаршими часами «Breguet» стоимостью порядка 35 тыс. евро см.: <http://vip.glavred.info/?/articles/2009/07/28/181000-0>. Не менее примечательны и рассуждения одного из идеологов РПЦ протоиерея Всеволода Чаплина о том, зачем РПЦ нужна роскошь и почему священники имеют право носить дорогие вещи. Оказывается, чтобы «отражать общественный престиж Церкви». См.: <http://www.newsru.com/religy/12apr2011/zlato.html>.
- 18 См.: <http://newsru.com/religy/06aug2009/killnoukraine.html>.
- 19 Среди «москвофилов» обращают на себя внимание Василий Анисимов, Валерий Кауров, протоиерей Андрей Новиков, Тарас Борозенец, интернет-издания «Единое Отечество» (otechestvo.org.ua) и «Україна православна» (pravoslavue.org.ua). Среди «украинофилов» выделяются богослов Юрий Черноморец, протоиерей Георгий Коваленко, о. Петр Зуев, о. Андрей Дудченко, диакон Андрей Глущенко, интернет-издание «Православіє в Україні» (orthodoxy.org.ua). Интернет-издание «Релігія в Україні» (religion.in.ua) стремится к интеллектуальности и беспристрастности, поэтому служит площадкой для дискуссий, публикуя и одних, и других. Из влиятельных украинских СМИ позицию «москвофилов» поддерживает газета «2000», позицию «украинофилов» — газета «Зеркало недели».
- 20 См.: <http://www.regnum.ru/news/polit/1338821.html>. Примечательно, что некоторые предки архиепископа Ионафана были старообрядцами (см.: <http://www.vladyka-ionafan.ru>).
- 21 См.: <http://www.bogoslov.ru/text/505334>.
- 22 В решении Архиерейского собора УПЦ, прошедшего 21 декабря 2007 г., дана оценка концепту «политического православия»: «От полноты Украинской православной церкви мы свидетельствуем, что деятельность организации “Союз православных граждан Украины” не имеет отношения к УПЦ... Мы также осуждаем так называемое “политическое православие”, предусматривающее внесение в церковную ограду политических лозунгов, поскольку последнее не соответствует духу Христовой проповеди. Мы считаем деструктивным влияние на церковную жизнь Украины политических и околоцерковных общественно-политических организаций, в том числе заграничных, которые поддерживают антицерковную деятельность г. Валерия Каурова и его сторонников». См.: Зуев П. «Политическое православие» отделили от церкви // *Зеркало недели*. — 2008. — 12 янв. (<http://www.zn.ua/articles/52379>).
- 23 Подробнее см.: *Окара А.* Геополитический товар. Почему разговоры о «Русском Мире» начинаются за здоровье Святой Руси, а заканчиваются за упокой Украины и Беларуси // *День*. — 2010. — 24 сент. (<http://www.day.kiev.ua/310434>).

- 24 *Патриарх Кирилл*. Русский мир и наши ценности // Смыслы и ценности Русского мира. — М., 2010. — С. 33.
- 25 «Итоговый протокол № 1 встречи рабочей группы УПЦ, на которую возложена ответственность за подготовку диалога с представителями УПЦ КП, и рабочей группы УПЦ КП, на которую возложена ответственность за подготовку к диалогу с УПЦ». См.: <http://orthodox.org.ua/uk/node/5721>.
- 26 См.: <http://www.unian.net/ukr/news/news-428570.html>.

Православная церковь в общественно-политической жизни прибалтийских государств

Надежда Белякова

Введение

Прибалтийские республики стали точкой опоры для оппозиции советской союзной системе в ходе Перестройки. В процессе дистанцирования от союзного центра наблюдалось активное использование религиозно-национальной риторики и символики. Вообще сегодня можно говорить о том, что появление в публичном пространстве религиозной тематики, религиозных активистов стало явным знаком общественного перелома в период Перестройки.

Представители разных конфессий прибалтийских республик активно участвовали в массовых общественных движениях и поддерживали национально ориентированные силы¹.

Инициаторы общественно-христианского движения «Возрождение и обновление», возникшего в потоке «Атмоды», входили в состав оргкомитета мощного латвийского «Народного фронта», приветствовали национальную независимость Латвии. Основатели движения объявили об ответственности церкви за нравственное здоровье нации и состояние духовной атмосферы в обществе, декларировали необходимость христианской проповеди в различных формах, поскольку христианство — это не система взглядов, а образ жизни. Параллельно движение выдвинуло тезис об ответственности церкви за сохранение национальной самобытности и идентичности².

В Литве католическое духовенство активно участвовало в деятельности движения за Перестройку «Саюдис»; после учредительного конгресса в октябре 1988 г. была отслужена торжественная литургия³. Руководство «Саюдиса» предложило католическому духовенству около 30 мест на учредительном съезде и 6 мест в Сейме⁴.

В Эстонии, правда, в значительно меньшей степени, Лютеранская церковь также оказалась в национальном движении. Хотя в отличие от Католической церкви в Литве Лютеранская церковь в Эстонии не стала ядром консолидации протестных сил в обществе в конце 1980-х годов, она стала важным фактором национальной идентификации и воспринималась как старейший национальный институт, связывающий Эстонию с Западной Европой⁵.

Литва, наиболее конфессионально (и национально) однородная прибалтийская республика СССР, первой продемонстрировала поворот к «религиозным ценностям»⁶. Она юридически изменила статус церкви и других религиозных организаций и признала религиозные праздники (Рождество и День всех святых) государственными выходными днями⁷.

В некоторых местах Латвии и Эстонии церковные здания использовались для проведения неофициальной «регистрации потомков граждан» (т. е. тех, кто претендовал на статус граждан независимых республик).

В каком положении оказалась в этих новых государствах Православная церковь? Ведь доминирующей общественной идеей в прибалтийских республиках был антисоветизм и борьба против «имперской» политики. Прибалтика была к 1980-м годам оазисом православия в Советском Союзе: к середине 1980-х во всех крупных городах были приходы РПЦ. Соотношение зарегистрированных объединений РПЦ с другими конфессиями к 1986 г. показано в табл. 1.

Три из 16 православных монастырей, сохранившихся в Советском Союзе, находились в Прибалтике и являлись центрами активных паломничеств:

- Пюхтицкий Успенский женский монастырь (Эстонская ССР);
- Свято-Духов мужской монастырь (Литовская ССР);
- Троице-Сергиев женский монастырь с Преображенской пустыней (Латвийская ССР).

Таблица 1. Число зарегистрированных религиозных объединений в Прибалтике в 1986 г.

Конфессия	Латвия	Литва	Эстония
РПЦ	87	41	77
РКЦ	179	630	2
ЕЛЦ	203	25	156
ЕХБ	60	4	80
Старообрядцы	66	49	11
<i>Всего</i>	<i>624</i>	<i>761</i>	<i>362</i>

Примечание. РКЦ — Римско-католическая церковь, ЕЛЦ — Евангелическая лютеранская церковь, ЕХБ — евангелические христиане-баптисты.

Источник: данные Совета по делам религий за 1986 г.

Оформление независимых государств в Прибалтике в период распада Советского Союза шло под лозунгами восстановления существовавшей в 1920—1930-х годах государственности. Соответственно и религиозная сфера, и способ регулирования ее со стороны государства должны были вернуться к довоенным формам.

При этом декларировалась важность религиозного фактора в восстановлении государств, активно использовались, как и в других республиках, идеи национальной церкви. Например, в Эстонии национальной церковью в СМИ часто называли лютеранскую. Однако на практике прибалтийские республики были многонациональными и многоконфессиональными (Литва была наиболее мононациональной и моноконфессиональной).

Соответственно на политику в отношении частей Русской православной церкви, оказавшихся на территории независимых прибалтийских стран, исторический опыт взаимодействия с ней должен был оказывать принципиальное влияние.

Для понимания современных процессов нужно обратиться к истории православия в Прибалтийском регионе. Необходимо оговориться, что исторически можно говорить о типологическом сходстве Латвии и Эстонии, и в истории православия в этих республиках просматривается множество параллелей, тогда как Литва стоит особняком⁸.

Есть свидетельства о существовании православных церквей на территории Прибалтики во второй половине XI в.⁹ Однако принципиальное значение имело присоединение прибалтийских территорий в XVIII в. к Российской империи, что и предопределило распространение там православия. В отличие от Украины и Белоруссии, где имперские власти насильственно изменяли конфессиональный облик региона в пользу православия, в прибалтийских губерниях православная вера была религией русскоязычного меньшинства¹⁰, и до 80-х годов XIX в. не ставилась задача обращения местного населения в православие; государственные власти стремились в религиозной сфере сохранить в регионе статус-кво, закрепленный капитуляциями 1710 г.

Прибалтийские территории сохраняли традиционно особый статус как в Российской империи, так и в составе СССР. Это проявлялось и в религиозной политике. Например, все российские императоры по примеру Петра I и Екатерины II до конца XIX в. признавали в Прибалтийском крае лютеранское вероисповедание как господствующее¹¹.

Важной вехой в истории Православной церкви в Прибалтике является середина XIX в. В 1840-х годах многие латышские и эстонские крестьяне лютеранского вероисповедания перешли в лоно Православной церкви¹². В 1850 г. была образована самостоятельная Рижская епархия (с 1836 по 1850 гг. — Рижское викариатство Псковской епархии), в 1865 г. в нее было включено Ревельское (Таллинское) викариатство¹³.

Миссионерская деятельность Православной церкви была основана на переводе Священного Писания и богослужебных текстов на латышский и эстонский языки; здесь действовали видные православные миссионеры. Важнейшим требованием к православному духовенству в Латвии и Эстонии было знание «народных» языков. Рост числа последователей Православной церкви среди крестьянского населения Прибалтики в середине XIX в. имел и социально-национальный характер, был связан

с внутренними процессами в крестьянской среде, совпавшими с периодом национального пробуждения.

С середины XIX в. появилась тенденция к формированию духовенства из коренного населения и приобретению местным православием национальных черт. Хотя, с другой стороны, православие в какой-то степени было способом приобщения к имперской традиции и культуре.

После распада Российской империи и образования прибалтийских государств оформившиеся в них православные епархии получили особый статус в рамках РПЦ: в 1920 г. Эстонской и в 1921 г. Латвийской православной церкви было предоставлено право на самостоятельность во всех церковно-хозяйственных, церковно-административных, школьно-просветительских и церковно-гражданских делах¹⁴. Характерно, что предстоятелями Эстонской и Латвийской церквей стали представители коренных народов: поместными соборами были избраны в Эстонии Александр (Паулус), а в Латвии — Иоанн (Поммер).

Руководство Православной церкви вынуждено было окормлять паству в принципиально новых политических условиях, при этом имело место настойчивое давление местных властей, требовавших отдаления «от Москвы»; с другой стороны, ситуация, в которой оказалась Православная церковь в Советской России, и отсутствие у нее реальных возможностей и рычагов для урегулирования сложностей, возникавших в церковной среде, была очевидна. К тому же постоянно появлялись подозрения об использовании советским руководством церковных каналов во внешнеполитических целях (что подтверждается современными исследованиями¹⁵).

По инициативе властей, настаивающих на полной независимости церквей в их странах, представители Православной церкви обращались к Константинопольскому патриархату для оформления их церковно-правового положения. Так, в 1923 г. эстонский митрополит Александр (Паулус) посетил Константинополь и получил от патриарха Мелетия IV томос от 7 июля 1923 г. на права широкой автономии Эстонской церкви и получение ею статуса митрополии под юрисдикцией Вселенского патриархата. Томосом от 23 августа 1923 г. патриарх Мелетий IV ввел Эстонскую православ-

ную церковь в состав Константинопольского патриархата как особую автономную единицу. Основанием этого акта назывались «сложившиеся здесь новые политические условия» и «церковные нестроения» в России¹⁶.

Изучение истории православия в **Эстонии** позволяет выделить некоторые его характерные черты. Первая из них — активность и инициативность мирян и приходских клириков, характерные для Эстонии на протяжении всей истории православия в этой стране. Возникшее в начале 1860-х годов Прибалтийское православное братство в Санкт-Петербурге, в частности, предусматривало перевод книг Священного Писания на латышский и эстонский языки и ставило своей задачей обстоятельно изучать историю латышей и эстов, чтобы через «приходских священников развивать в них национальное сознание». Кроме того, эстонское православие практически не знает монашеской традиции, в монастырях Эстонии всегда преобладали русскоязычные насельники.

Второй важной чертой эстонского православия в межвоенный период была традиционно *тесная связь и взаимодействие с финским православием*. Например, в Финляндии представителем церкви в 1920 г. был избран эстонский священник Герман Аава. Связи с Финской православной церковью по личным каналам не прекращались и в советское время.

Третьей специфической особенностью эстонского православия было наличие определенного непонимания между эстонским и русским православным духовенством. Судя по всему, они коренились еще в событиях конца XIX в. Так, губернатор Эстляндии князь Сергей Шаховской в 1880-е годы добивался назначения для Эстонии особой епископской кафедры с епископом-эстонцем, однако Рижское епархиальное управление возражало, что «представители православного духовенства эстонского происхождения относятся враждебно и с недоверием к своим сослуживцам русского происхождения и, поэтому, назначение эстонца на должность епископа, хотя бы и не самостоятельного, приведет не к объединению и примирению племенной розни, а, напротив, к образованию среди местного духовенства тесно сплоченной эстонской партии, которая будет деятельно стремиться к угнетению своих русских собратьев»¹⁷.

Наличие дистанции между православными русскими и эстонцами стало еще более очевидно в период существования эстонского государства. Так, еще в 1920 г. для управления русскими приходами параллельно с епископом эстонского происхождения был избран иеромонах Иоанн (Булин), однако патриарх Тихон отказался рукоположить его ввиду юного возраста¹⁸. Определенное противостояние наблюдалось в Православной церкви Эстонии и в 1920—1930-е годы¹⁹. В 1924 г. церковный собор образовал в митрополии две епархии — Ревельскую и Нарвскую. По сути дела церковь была разделена по национальному признаку. Около 25% приходов были русскими. Общее количество православных в Эстонии составляло около 210 тыс. человек²⁰. Предстоятелем Нарвской епархии (русские приходы) был избран владыка Евсевий, бывший архиепископ Псковский и Порховский, скрывавшийся в Эстонии от большевиков.

Как отмечали авторы исследования «Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике»²¹, взаимоотношения русских и эстонских православных общин были достаточно сложными: «Конфликты возникали как по вопросам обрядности и перехода на новый стиль, так и в отношении собственности церковного имущества». О каких различиях в обрядности шла речь? Вслед за Финляндской церковью Эстонская перешла на новый стиль, были введены и другие новшества: в храмах были поставлены скамьи для сидения, причем для всех, а не только для престарелых, начали звучать органы и песнопения лютеранского типа.

В **Литве** православная епархия была церковью исключительно русскоязычного меньшинства. Возглавлявший ее митрополит Елевферий (Богоявленский) имел до этого титул митрополита Виленского и обладал правом на управление в Виленском крае, территория которого вошла в состав Польши. Власти Литвы не настаивали на создании независимой Православной церкви, поскольку тем самым закреплялся бы статус государственных границ, которые категорически не устраивали литовское правительство. Кроме того, у руководства Православной церкви были непростые отношения с властью из-за имущественных проблем (у нее были изъяты земельные владения и ряд цер-

ковных зданий) и в связи с регистрацией православных приходов (практически половина приходов оставалась нелегализованной из-за недостаточного числа прихожан). Так что Литовская епархия, на практике будучи независимой от Москвы, сохраняла статус обычной епархии; вопрос о независимости хотя и поднимался, был решен в пользу сохранения формальной связи с Москвой.

В Латвии согласно переписи 1935 г. православные были на третьем месте после лютеран и католиков; всего православных было 174 389, из них 103 438 русских, 57 600 латышей, 8520 белорусов, 1130 эстонцев и 3105 представителей других национальностей²².

В особо сложной политической обстановке православие в Латвии оказалось после гибели митрополита Иоанна (Поммера)²³ в 1934 г. С одной стороны, при президенте Карлисе Ульманисе власть в республике стала открыто националистической, национальные меньшинства рассматривались как потенциальная угроза существованию государства²⁴. В 1936 г. Латвийская церковь под давлением авторитарного режима перешла под Константинопольский патриархат и получила там автономный статус²⁵.

В межвоенный период Прибалтика стала одним из очагов православной культуры русской эмиграции. Здесь устраивались лагеря Русского студенческого христианского движения, здесь служили многие яркие православные священнослужители.

Православие после образования независимых государств в Прибалтике получило новый импульс к развитию, оно стало основной организующей силой для русскоязычного населения, количество которого по сравнению с дореволюционным временем существенно возросло за счет эмиграции²⁶. Православные священники входили в состав практически всех ведущих общественных организаций русского населения Латвии, Эстонии, Литвы, часто даже направляли их работу²⁷. Православная церковь в Прибалтике как во времена Российской империи, так и в период независимых государств в 1920—1930-е годы выполняла кроме духовных значительные культуртрегерские функции. Вхождение в православие означало для эстонцев и латышей не только и не столько повышение социального

статуса (они оказывались скорее маргиналами в условиях враждебного лютеранского социально-экономического господства), но и вхождение в православную духовную и культурную традицию. Правда, в Эстонии, Литве и Латвии бóльшую часть культурной, просветительской и благотворительной деятельности пришлось свернуть после установления там авторитарных режимов.

Православие в период между мировыми войнами оказалось в странах Балтии в уникальной ситуации: во-первых, оно перестало быть доминирующей и «государствообразующей» религией, пользующейся поддержкой имперского центра, во-вторых, православные оказались в положении религиозного меньшинства. Этот опыт имел положительное значение: Православная церковь начала заботиться о позиционировании себя в обществе, заниматься миссионерской деятельностью; православные приходы стали культурными, просветительскими и благотворительными центрами в первую очередь русскоязычной диаспоры. Православная церковь стала играть значимую роль в общественно-политической жизни этих стран в целом. Хотя православие было в большей степени религией русскоязычного населения, оно по-прежнему являлось и религией значительной части латышей и эстонцев. В Эстонии и Латвии богослужения совершались на двух языках — на местном и церковно-славянском.

Во всех изучаемых странах присутствовало русскоязычное население, которое чаще всего выступало против церковного отделения от Москвы, создание поместной (национальной) церкви воспринимало как ущемление своих прав, а сохранение православной структуры в юрисдикционной зависимости от РПЦ рассматривало как способ сохранения своей идентичности. Характерно, что, оказавшись в положении меньшинства, русскоязычное население начало активно бороться за правовое регулирование статуса меньшинств, за защиту их прав на национальную и религиозную самоидентификацию.

После присоединения прибалтийских республик к СССР церкви Латвии и Эстонии были лишены своего статуса, их предстоятели отстранены от руководства. По решению Московского патриархата на территории При-

балтики 24 февраля 1941 г. был учрежден экзархат, возглавленный митрополитом Виленским и Литовским Сергием (Вознесенским)²⁸, а прибалтийские церкви получили статус обычных епархий в составе Московского патриархата. В годы Второй мировой войны многие прибалтийские священники входили в состав Псковской православной миссии на территории, оккупированной немецкими войсками, и затем были репрессированы²⁹.

В 1947 г. митрополитом Эстонским Александром (Паулусом) в Стокгольме была организована Эстонская апостольская православная церковь (ЭАПЦ) в эмиграции, состоявшая из 12 приходов (6 из них в Швеции). Она вошла в юрисдикцию Вселенского патриархата через включение ее в состав Западно- и Среднеевропейского экзархатов. Преемником митрополита Александра стал епископ Юри (Вяльбе), а после его смерти в 1961 г. эстонские приходы окормлялись константинопольскими архиереями; при этом продолжал функционировать Синод, который выполнял посреднические функции между приходами и правящими архиереями, а также координировал национально-культурную деятельность эстонских православных общин.

Митрополит Латвийский Августин (Петерсон) в 1944 г. переехал под Штутгарт. Решением Архиерейского синода Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) в сентябре 1946 г. с него было снято запрещение в священнослужении. В 1947 г. он провозгласил создание Латвийской православной церкви в изгнании (в юрисдикции патриарха Константинопольского), однако незадолго до кончины передал латышские эмигрантские приходы под окормление РПЦЗ. После смерти Августина в 1955 г. эта церковная структура больше не действовала³⁰.

В послевоенный период отношение к Православной церкви в Прибалтике было значительно мягче, чем в других регионах³¹, здесь был в некотором смысле «оазис» — служили интеллигентные архиереи и священники, например, митрополит Вениамин (Федченков), архимандрит Таврион (Батозский), митрополит Леонид (Поляков). Всесоюзной известностью пользовалась Спасо-Преображенская пустынь под Елгавой в Латвии, где служил до своей смерти в 1978 г. архимандрит Таврион³². В Литве до конца совет-

Таблица 2. Православные приходы в Латвии

Год	Латышские приходы	Смешанные приходы	Русские приходы	Всего
1955	32	32	59	123
1960	29	27	60	118
1964	13	25	59	97

ского периода действовала созданная в 1921 г. Михновская православная община, изначально возникавшая в форме православной сельскохозяйственной артели³³. Сейчас эта община также действует³⁴.

Хрущевские гонения сильно изменили положение в православных церквях Эстонии и Латвии. В Латвии сильнее всего пострадали «латышские» приходы³⁵, которые находились преимущественно в сельской местности и были значительно беднее городских, что способствовало дефициту священников (табл. 2).

Аналогичная ситуация наблюдалась и в Эстонии³⁶, где до середины 1980-х годов с соблюдением всех формальностей, «бесконфликтно» закрывали сельские приходы. В итоге Православная церковь становилась преимущественно русской. Правда, бывали случаи назначения священников-эстонцев на русские приходы. В Эстонии служило значимое внутри епархии число священников из эстонцев. Однако отсутствие местных духовно-учебных заведений не давало возможности готовить церковные кадры и сохранять местные традиции.

В Латвии к 1980-м годам наблюдался серьезный кадровый кризис православного духовенства, туда приезжали кандидаты со всего Союза. Митрополит Рижский Леонид (Поляков) в отличие от архиереев в РСФСР имел возможность гораздо более свободно совершать рукоположения. Однако, как показали материалы фонда уполномоченного по делам религий Латвии, у многих взятых в Рижскую епархию священнослужителей служба не удалась.

Тем не менее к концу 1980-х годов в православных церквях всех трех республик имелись интеллигентные клирики, активные миряне и т. д.

Сложно говорить о какой-то единой оформленной позиции Православной церкви в Прибалтике в период Пе-

рестройки: политические убеждения отдельных клириков и мирян кардинально расходились. Например, достаточно известная в то время в Латвии писательница Марина Костенецкая, позиционировавшая себя как православная, будучи избранной депутатом Верховного совета Латвии, была одним из организаторов общества «Милосердие» совместно с лютеранскими священниками Ю. Рубенисом и А. Акментиньшем. Параллельно она была лидером созданной этническими русскими Русской культурной ассоциации, которая активно поддерживала деятельность Народного фронта Латвии (выступавшего за независимость и рыночные реформы) и была против Интерфронта (боровшегося за сохранение Латвии в составе СССР)³⁷.

Позиция назначенного на Вильнюсскую кафедру архиепископа Хризостома (Мартишкина) имела большой общественный резонанс: он высказал вместе с руководством Старообрядческой церкви солидарность литовскому правительству, поддержал объявление независимости Литвы. Согласно распространенному мнению, именно деятельность архиепископа Хризостома в 1989—1991 гг. позволила избежать обострения межнациональных конфликтов в стране и дискриминации русского населения³⁸.

Главой Рижской епархии после смерти митрополита Леонида (Полякова) в сентябре 1990 г. стал уроженец Латвии епископ Александр (Кудряшов), кандидатура которого была согласована с местным республиканским руководством. Он поддержал создание Народного фронта.

Особая ситуация была в Эстонии. Епископ Алексей (Ридигер), с 1961 г. оставляя за собой управление Таллинской епархией, находился в Москве. В июне 1986 г. он стал митрополитом Ленинградским, но даже после избрания на патриарший престол стремился оставить под собственным управлением свою «вотчину». С большим трудом патриарх согласился на поставление викарного епископа в Эстонию. В июле 1990 г. Священный синод назначил епископом Таллинским в качестве патриаршего викария овдовевшего к этому времени протоиерея Эстонской епархии Вячеслава Якобса.

После распада Советского Союза Русская православная церковь оставалась единственной структурой, сохра-

нившей целостность на постсоветском пространстве. Однако в связи с изменившимися политическими условиями, образованием новых независимых государств, ростом национального самосознания, дистанцированием политических элит от бывшего союзного центра на повестке дня остро стоял вопрос об оформлении особого статуса православных епархий в новых государствах. В литературе по новейшей истории Православной церкви на постсоветском пространстве проблемы, возникшие с отделением православных структур от Москвы, связываются в первую очередь с агрессивными действиями национальных правительств, стремившихся к возможно большему отделению от бывшего союзного центра по всем направлениям.

Первым из прибалтийских иерархов вопрос о необходимости оформления автономного статуса Латвийской церкви поднял и стал обсуждать епископ Рижский Александр (Кудряшов), который объяснял в Москве, что это не означает предательства по отношению к матери-церкви, но позволит выжить в новых политических условиях.

Изменение статуса православных епархий в прибалтийских государствах было связано с двумя ключевыми моментами: регистрацией их в инстанциях новых государств и доказательством правопреемства по отношению к межвоенным церковным структурам, что было необходимо для участия в реституционных процессах³⁹. Именно обеспечение участия православных епархий РПЦ в реституции сыграло решающую роль для декларации восстановления их статуса в межвоенном «формате».

В итоге были подготовлены два практически идентичных томаса для Латвийской и Эстонской церквей от имени патриарха Московского. Томос для Латвийской православной церкви (ЛатПЦ)⁴⁰ датирован 22 декабря 1992 г, томос для Эстонской православной церкви (ЭПЦ)⁴¹ — 26 апреля 1993 г. Эти томасы имеют одинаковую структуру. Их вручение обосновывалось возвращением к постановлениям патриарха Тихона (для ЛатПЦ — № 1026 от 6/19 июля 1921 г, для ЭПЦ — № 1780 от 15/28 июня 1920 г.). В томосах отмечалось, что «а) принимая во внимание волеизъявление правящего архипастыря... ее клира и паствы и б) учитывая, что... Православная Церковь совершает свое служение на

территории независимого государства», предоставляются права самоуправления при сохранении канонической юрисдикции Московского патриархата. Томос предоставлял «высшую законодательную, административную, судебную и контролирующую власть» в самоуправляемой церкви ее собору, решения которого будут утверждаться патриархом Московским. Собор получал право избрания правящего архиерея с последующим утверждением его кандидатуры патриархом. Управление церковью предоставлялось правящему архиерею и Синоду. Правящий архиерей наделялся правом «созывать пастырские собрания». В этих томосах не было употреблено слово «автономия» из «церковно-дипломатических соображений», чтобы не создавать лишних проблем в общении с Константинопольским патриархатом. Границы самостоятельности были сформулированы следующим образом: «в делах церковно-хозяйственных, церковно-административных, школьно-просветительных и церковно-гражданских».

Однако если для ЛатПЦ получение томоса о самостоятельности было шагом к стабилизации ее положения в новом латвийском государстве, то в Эстонии это событие стимулировало оформление раскола в церкви и активное вмешательство государства.

Православная церковь в Эстонии

Дискриминация Православной церкви в Эстонии в 1990-е годы стала достоянием широкой общественности уже давно, однако в российской (особенно академической) литературе отсутствует систематическое описание причин, действующих лиц и характера развития конфликта, который очень быстро приобрел общественно-политический характер. Остановимся на ситуации подробнее.

Таллинской епархии Московского патриархата был предоставлен особый статус постановлением Священного синода в Москве 11 августа 1992 г. Одновременно этим же постановлением патриарший викарий епископ Таллинский Корнилий⁴² назначался правящим архиереем с титулом «Таллинский и Эстонский», ему поручалось в течение месяца

подготовить проект устава Православной церкви Эстонии в составе Московского патриархата для последующего принятия его Священным синодом Русской православной церкви и регистрации в государственных инстанциях Эстонской Республики.

Решение Синода было «принято к сведению» Епархиальным советом Православной церкви Эстонии, состоявшимся 2 сентября 1992 г.; тогда же было принято решение о восстановлении названия Эстонская апостольская православная церковь. Однако «принятие к сведению» послужило толчком к разворачиванию противостояния внутри духовенства восстанавливаемой церкви. Непосредственно томос о самостоятельности Эстонской православной церкви был объявлен лишь тогда, когда уже оформилось размежевание внутри православной среды в Эстонии и конфликт с государственными структурами шел полным ходом.

Можно предположить, что возникновение внутренних споров, а затем политизация и радикализация конфликта была связана: 1) с отсутствием изначальной артикуляции позиций и мнений представителей Эстонской церкви; 2) убежденностью московского церковного руководства в своем исключительном праве принимать решения по церковным вопросам при непонимании ситуации, сложившейся в новом эстонском государстве.

Необходимо подчеркнуть, что именно внутри православной среды Эстонии (духовенства и церковного актива) началось противостояние. К началу 1993 г. оно оформилось по следующим вопросам:

- Понимание церковной «автономии» в контексте церковно-политической ситуации. Насколько «автономия» соответствует реальному положению православной епархии в Эстонии; существует ли она на самом деле и востребована ли самой церковью.
- Отношение к назначению Священным синодом управляющего Таллинской епархией в лице епископа Корнилия (Якобса). Вопрос о том, насколько его назначение соответствовало предоставленному праву на избрание предстоятеля собором Эстонской церкви. Обстоятельства осложнились тем, что в среде эстонского православного духовенства

существовали кланы, связанные семейными и духовными узами. Так, определенную роль в оформлении раскола сыграл настоятель Тартуского Успенского собора протоиерей Симеон Кружков, который к тому времени давно был вдов и сам рассчитывал стать епископом.

- Исторический фон. Именно на конструировании исторического прошлого эстонского православия начали строиться аргументы противоборствующих сторон. Ключевыми моментами были следующие: предоставление томоса об автономии патриархом Тихоном, предоставление Эстонской церкви автономии Вселенским патриархом в своей юрисдикции в 1923 г., события, связанные с включением Эстонии в состав Советского Союза, упразднением автономии Православной церкви в Эстонии и включением ее в юрисдикцию Московского патриархата, отстранением председателя церкви митрополита Александра (Паулуса), который после эмиграции создал структуру управления Эстонской православной церковью в изгнании, получившую название Стокгольмского синода. Именно так называемый Стокгольмский синод, по мнению определенных кругов, должен был легитимировать восстановление ЭПЦ по такой же схеме, как «эстонское правительство в изгнании» легитимировало новое эстонское правительство. К этому вопросу тесно примыкала тема об отношении к советскому прошлому и его наследию в церковной сфере. В определенной степени антисоветизм и восприятие руководством епархии патриарха Алексия II (и, значит, представляемой им церковной структуры) как части советской номенклатуры стимулировали поиск альтернативных церковных структур, не связанных с СССР, которые и были найдены в лице Стокгольмского синода и Вселенского патриарха. Нельзя, конечно, говорить о том, что эти процессы были специфически эстонскими реалиями. Аналогичные тенденции наблюдались и в других конфессиях и других странах (например, в России появились епархии и приходы Русской православной церкви за границей, откровенно противопоставлявшей себя «советской РПЦ», на Украине — Украинской автономной православной церкви и т. п.).
- Национально-государственный контекст. Эстонская церковь в эстонском государстве — или Православная церковь

русскоязычного населения, оказавшегося в национальном государстве, сохраняющая связь с исторически-культурным центром, т. е. с православной Россией.

Национальная тематика активно использовалась в теоретико-идеологических обоснованиях сторонников полного отделения от Москвы (что давало их противникам повод обвинять их в «филетизме», а также в подчинении государству). Вот один из ярких пассажей сторонников полного и стремительного отделения от Москвы: «Нам говорят о Москве, как о церкви-матери. Такое понимание является для нас чуждым и обидным. <...> Мы хотим служить Иисусу Христу и признаем своей церковью первоначальную христианскую церковь, основанную Апостолами, первоисточником которой является Константинополь — местонахождение первого Патриархата Нового Рима. Мы, христиане Эстонской Православной Церкви, утомлены и пресыщены политическим давлением Москвы. Мы хотим служить Богу в духе и истине (Ин. 4, 23). Исходя из всего вышеизложенного, мы признаем только каноническую связь с Константинополем, которую Эстонская Православная Церковь сохранила неизменно с 1923 г.»⁴³.

Однако национальный вопрос, видимо, не был основной причиной оформившегося раскола. Подтверждение — имена клириков, зарегистрировавших свои приходы в Эстонской апостольской православной церкви в августе — октябре 1993 г. (эти данные были представлены протоиереем Игорем Прекупом на основании регистрационных списков архива МВД Эстонии): член Епархиального совета протоиерей Эммануил Кирсс, протоиерей Валентин Савин (старейший клирик епархии), член Епархиального совета протоиерей Симеон Кружков, священник Иоанн Кескюла (его приход был зарегистрирован против его воли), староста З. Андреева. В общей сложности было зарегистрировано за три месяца четыре-пять священниками 11 приходов. В январе–феврале 2004 г. было зарегистрировано еще 8 приходов, и в этот процесс включились еще три священника. Под запретом «за раскольническую деятельность» к 1996 г. находилось девять священнослужителей.

Возникшее противостояние внутри православного церковного сообщества стимулировало вмешательство государства, тем более что необходимо было решить вопрос о регистрации церкви, а регистрация была напрямую связана с участием в реституционных процессах. Как обычно в церковной истории, власть использовала уже существовавшие противоречия в церковной среде.

Необходимо учитывать и историко-политический контекст поведения эстонских властей: события происходили сразу после образования независимого эстонского государства. Как отмечал исследователь Дмитрий Фурман, «...стремление к национальной самостоятельности (и даже просто к национальному самосохранению) и стремление освободиться от репрессивной идеологически-социально-политической системы у эстонцев, латышей и литовцев полностью совпадали. Таково же было и совпадение векторов антисоветскости и западнического демократизма»⁴⁴. Именно национализм, базирующийся на идее восстановления межвоенного эстонского государства, был основой поведения чиновников при восстановлении ЭАПЦ, никоим образом не зависящей и даже изолированной от Москвы. В этом контексте можно было идти и на нарушение закона. Сторонники Московского патриархата часто вспоминают слова городского секретаря Таллина Тоомаса Сеппа, когда ему указывали на незаконность регистрации Стокгольмского синода: «Я вправе обходить букву закона, если это в интересах эстонского народа».

Фактором, обострявшим остроту вопроса о регистрации Православной церкви в юрисдикции Московского патриархата, было противостояние в республике, базировавшееся на делении населения на «граждан» и «иностранцев» (гражданами были объявлены потомки тех, кто жил на территории Эстонии в межвоенный период) плюс определенное национальное противостояние, когда русскоязычное население обозначалось политизированными кругами как «оккупанты». В этом контексте конфликт с церковной структурой Московского патриархата встраивался в ряд действий эстонской власти по ограничению прав русскоязычного населения.

Непосредственными фигурантами конфликта стали Служба по делам вероисповеданий (в некоторых статьях и документах на русском языке фигурирующая как Департамент по делам религий) при МВД Эстонии (тогда еще состоявшая при Министерстве культуры) и лично ее юрист М.-А. Хельяс.

Параллельно власти начали форсировать вхождение ЭАПЦ в юрисдикцию Вселенского патриархата. Так, в ноябре 1994 г. премьер-министр Эстонии направил письмо патриарху Константинопольскому Варфоломею с просьбой «утвердить созданную в 1923 году и аннулированную в оккупационный период каноническую связь между Константинопольским Патриархатом и приходами ЭАПЦ»⁴⁵. В феврале 1995 г. в Таллине находились по приглашению президента и премьер-министра Эстонии и были ими приняты представители Константинопольского патриарха митрополиты Мелитон и Иоанн. 26 мая 1995 г. евроминистр Эстонии Эндель Липмаа обратился к патриарху Варфоломею с просьбой принять Эстонскую апостольскую православную церковь в свою юрисдикцию, утверждая, что все православные в Эстонии хотят подчиниться Константинополю и это поддерживается правительством. Аналогичное обращение в феврале 1996 г. последовало от президента Эстонской Республики Леннарта Мери⁴⁶.

После прихода к власти нового президента Арнольда Рюйтеля под давлением со стороны международных инстанций, России, а также эстонских парламентариев и предпринимателей состоялась регистрация Устава Эстонской православной церкви Московского патриархата. 17 апреля 2002 г. МВД Эстонии зарегистрировало ЭПЦ МП на основании поданного ею Устава, а также первые три прихода⁴⁷. Вскоре были зарегистрированы и другие приходы ЭПЦ. Сегодня процесс регистрации еще не закончился, и вопрос, в какой форме оформляется право на церковное имущество, решается в зависимости от решения местных муниципалитетов, на балансе которых находятся церковные здания. Например, в Кивиблы, Нарва-Йыэсуу, Тюри церковные здания были переданы приходам ЭПЦ в собственность.

Признаком стабилизации отношений эстонского государства с Московским патриархатом стало выражение государством готовности передать в собственность ЭПЦ то недвижимое имущество, от претензий на которое отказался Константинопольский патриархат. Кроме того, на уровне города Таллина определенными политическими декларациями стали открытие в сентябре 2009 г. площади, названной именем покойного патриарха Алексия II, которая находится перед строящейся Ласнамяэской церковью⁴⁸, а также передача 17 октября 2009 г. часовни на улице Пикк в Таллине Московскому патриархату⁴⁹.

Борьба Московского патриархата за свои права

После отказа государственных инстанций зарегистрировать Таллинскую епархию в качестве правопреемницы ЭАПЦ началась череда протестов представителей Московского патриархата как в адрес эстонского правительства, так и в международные инстанции. Представители ЭПЦ пытались доказать незаконность регистрации Стокгольмского синода, в том числе в суде в Эстонии⁵⁰. Представители ЭПЦ аргументировали свою позицию тем, что они являются представителями той самой ЭАПЦ, которая не прекращала своей деятельности в 1940 г., но «...непрерывно ее продолжала, меняя свой статус, название, внешнюю структуру в зависимости от необходимости для выполнения главного предназначения Церкви, а теперь восстанавливающая свой статус, название и структуру. Русская Православная церковь была не марионеточной церковью советского режима, а церковью-мученицей, много претерпевшей от безбожных властей».

В 1995 г. патриарх Московский использовал рычаги международного давления на эстонское правительство, в частности, было направлено обращение к генеральному секретарю Всемирного совета церквей Конраду Райзеру и генеральному секретарю Конференции европейских церквей Жану Фишеру, которые, в свою очередь, обратились к президенту Эстонии; весной 1996 г. Совет церквей Эстонии также обращался к правительству республики.

Параллельно представители Московского патриархата должны были вести переговоры с Константинополем,

поскольку именно позиция Вселенского патриарха имела решающее значение с точки зрения каноничности альтернативной проконстантинопольской группировки.

Константинопольский патриархат в эстонском конфликте

Возвращение к статусу ЭАПЦ межвоенного периода (точнее, к уставу 1935 г.) означало возвращение в юрисдикцию Вселенского патриархата, к тому же другие балтийские православные церкви — Шведская и Финляндская — также находились в юрисдикции Вселенского патриарха. Эта ситуация неминуемо должна была перерасти из внутрицерковного эстонского конфликта в жесткую конфронтацию между крупнейшим и политически влиятельным Московским патриархатом и претендующим на первенство чести Вселенским патриархатом, юрисдикция которого над Эстонией в относительно недавний период была бесспорной (в отличие от Украины)⁵¹.

20 февраля 1996 г. Вселенский патриархат объявил о принятии эстонских православных приходов, зарегистрированных под названием Эстонская апостольская православная церковь, в свою юрисдикцию⁵². В коммюнике Верховного секретариата и Священного синода Вселенского патриархата от 22 февраля 1996 г. указывалось, что это решение было принято «по настоятельной просьбе правительства и подавляющего большинства эстонских православных приходов, которые просили принять их под защиту Вселенского Патриархата».

В ответ патриарх Московский разорвал евхаристическое общение Московского и Константинопольского патриархатов — шаг для православного мира неслыханный. 3 и 22 апреля 1996 г. в Цюрихе состоялись переговоры по «эстонскому вопросу», на которых были выработаны предложения, одобренные и принятые затем (16 мая 1996 г.) Священным синодом РПЦ⁵³. Православным в Эстонии предоставлялась свобода выбора юрисдикционной принадлежности. Константинопольский патриархат приостанавливал на это время применение решения от 20 февраля 1996 г., а Московский патриархат предоставлял клирикам (в том числе и запрещенным в священнослужении), желающим перейти в Константинопольскую юрисдикцию, тако-

вую возможность. Второй пункт заключенного соглашения гласил, что два патриархата будут сотрудничать в вопросе представления их позиции перед эстонским правительством, чтобы все православные в Эстонии получили одинаковые права, включая право на имущество.

После этого начался процесс определения юрисдикционной принадлежности приходов — составлялись списки и т. д. 23 августа 1996 г. в комиссию двух патриархатов был представлен список распределения приходов. Не решенной осталась ситуация с двумя приходами — в Валге и Тарту, которая обострялась несоблюдением договоренностей с обеих сторон.

13 марта 1999 г. Вселенский патриарх назначил на должность «митрополита Таллинского и всея Эстонии» митрополита Стефаноса и призвал РПЦ признать его в качестве «канонического и законного первоиерарха Эстонской Православной Церкви». Московский патриархат отказался, «убежденно считая регион Эстонии автономной частью исторической канонической территории Московского Патриархата».

На переговорах в Женеве в 2000 г. со стороны РПЦ было выдвинуто предложение о заключении юридического соглашения между двумя православными структурами, предусматривающего полное право собственности на используемое каждой из них де-факто историческое имущество.

В октябре 2000 г. Вселенский патриарх Варфоломей нанес визит в Эстонию. В своих выступлениях он подчеркивал, что женевские соглашения трактуются неправильно, что в Эстонии полноценной поместной церковью и исторической правопреемницей является ЭАПЦ, тогда как приходы Московского патриархата должны быть оформлены в виде экзархата или подворий, а архиепископ Корнилий должен быть смещен со своего поста. В ответ на это патриарх Московский возвел архиепископа Корнилия в сан митрополита. Кроме того, Священный синод РПЦ принял решение, что «до восстановления согласия в вопросах канонического бытия Православной Церкви в Эстонии и достижения мира и справедливости по отношению ко всем православным в этой стране, Московский Патриархат решительно отстраняется от любых

собраний с участием Патриарха Константинопольского Варфоломея, Преосвященного Иоанна, главы Финляндской Архиепископии Константинопольского патриархата, и преосвященного Стефаноса, главы юрисдикции Константинопольского патриархата в Эстонии»⁵⁴.

Последняя принципиальная встреча между представителями двух патриархатов по эстонскому вопросу произошла 19 февраля 2001 г. в Берлине. На ней были приняты соглашения по созданию четкого механизма решения имущественного вопроса. Было предусмотрено, что структура, находящаяся в юрисдикции Константинопольского патриархата, «в течение 60 дней со дня регистрации устава структуры, находящейся в юрисдикции Московского Патриархата, либо передает в собственность последней вышеупомянутое церковное имущество на основании договоров дарения или купли-продажи по символической цене, либо передает его Эстонскому государству для последующей передачи этого имущества в собственность церковной структуры в юрисдикции Московского Патриархата».

Митрополит Стефанос отказался напрямую взаимодействовать с представителями Московского патриархата в вопросе оформления имущества. В итоге между ЭАПЦ и Эстонской Республикой был заключен договор⁵⁵, согласно которому ЭАПЦ отказывается в пользу государства от уже возвращенного имущества и от реализации права на возврат имущества (до того момента еще не полученного в процессе реституции), которым фактически пользуются приходы ЭПЦ. Государство согласно этому договору передает это имущество приходам ЭПЦ в длительное пользование с правом застройки. За эти «потери» государство вы платило ЭАПЦ 50 млн эстонских крон.

Позиция Константинопольского патриарха по эстонскому вопросу сводится к следующему: в Эстонии существует одна поместная церковь в юрисдикции Константинопольского Патриархата, приходы русскоязычного населения могут окормляться как диаспоральная часть Московского Патриархата. Этой позиции патриархат придерживается и ныне. Именно с целью оформления полноценной структуры поместной церкви в Эстонии в ЭАПЦ в 2007 г. были созданы еще две епархии и рукоположены еще два архиерея.

До сих пор в Эстонии между духовенством Константинопольского и Московского патриархатов нет евхаристического общения, что является полным абсурдом с эклезиологической точки зрения.

К моменту регистрации ЭПЦ в государственных структурах в 2002 г. конфликт в имущественной сфере между ЭПЦ и ЭАПЦ охватывал 15 храмов и 3 церковных здания. Фактически ими пользовались общины Московского патриархата, но на них претендовала ЭАПЦ. По данным юриста ЭПЦ Сергея Чуркина, к началу оформления в собственность церкви ранее принадлежавшей ей недвижимости здания одних храмов были оформлены как собственность государства, другие находились на балансе местных муниципалитетов (т. е. «реформа собственности» еще не произошла, хотя заявления в некоторых местах со стороны ЭАПЦ уже были поданы). Согласно подписанному в 2002 г. государством и Эстонской апостольской православной церковью протоколу о намерениях ЭАПЦ должна была отказаться от претензий на храмы и приходские дома (общим числом 18), находящихся в пользовании приходов ЭПЦ. Согласно подписанному между государством и ЭПЦ протоколу государство закрепляло их в единоличное владение и пользование приходов ЭПЦ сроком на 50 лет на основании юридического института «право застройки», которое обеспечивало приходам на указанный срок такие же юридические права на храмы, как и собственникам.

Тем не менее ЭАПЦ не торопилась выполнять взятые обязательства. С 2002 г. по начало 2006 г., по сообщению сотрудника ОВЦС Московского патриархата протоиерея Николая Балашова, лишь 5 зданий из 18, перечисленных в подписанных в 2002 г. протоколах, были юридически оформлены в пользование приходов ЭПЦ⁵⁶. Так, в апреле 2006 г. МВД Эстонии заключило договор с руководством ЭПЦ о передаче в пользование зданий шести храмов в северо-восточной Эстонии (в Ида-Вируском уезде)⁵⁷. Эстонские чиновники заявляли в прессе, что все храмы Эстонской православной церкви Московского патриархата будут юридически закреплены за ней к концу 2007 г., а возвращение Московскому патриархату строений, расположенных вне Таллина, завершится уже к концу декабря 2006 г.⁵⁸

На основании данных, полученных автором этих строк у С. Чуркина, ситуация выглядит следующим образом. Храмы, которыми фактически пользуется ЭПЦ, находятся в собственности государства или местных муниципалитетов. Государство передает или передало храмы общинам либо на правах аренды, либо на правах застройки, тогда как муниципалитеты в каждом отдельном случае решают, в какой форме они передают храм: на правах аренды, на правах застройки или на правах собственности (такие случаи тоже уже есть). В ЭПЦ все полученное имущество находится в распоряжении приходов (такая ситуация была до войны, когда приходы являлись собственниками всего имущества). Договоры о передаче в пользование храмов и приходских домов на основе права застройки заключают приходы.

В настоящее время можно говорить о стабилизации ситуации в Эстонии вокруг православного раскола. Несмотря на очевидные негативные последствия православного конфликта (наличие противостояния в православной среде, дискриминация со стороны государства одной церковной структуры при демонстративной поддержке другой и т. п.), этот процесс имел, на наш взгляд, и ряд позитивных последствий.

Во-первых, стало очевидно, что православие имеет в Эстонии определенную социальную базу. Эстонская православная церковь Московского патриархата получила существенную поддержку населения, что проявилось в многочисленных крестных ходах (по несколько десятков тысяч человек) в декабре 1995 г. и марте 1996 г. Кроме того, церковное сообщество в Эстонии получило уникальный опыт осознанного противодействия произволу чиновников; была выработана модель отстаивания своих прав цивилизованным, демократическим путем.

Во-вторых, сложившаяся ситуация поставила определенные церковные круги перед выбором юрисдикции, что потребовало рефлексии относительно проблем каноничности и национального вопроса в церкви. Хотя и ущербно, но началась дискуссия. При этом нельзя не признать, что она затронула лишь очень узкую прослойку церковного сообщества. Восприятие ситуации в определенных кругах

сводилось к тому, что Константинопольский патриархат — инструмент правительства, враждебный русскому населению Эстонии. Тем не менее были предприняты попытки устройства церковной жизни в соответствии с церковным уставом. Так, в обеих частях Эстонской церкви используется Устав Эстонской апостольской церкви 1935 г. Судя по всему, ЭПЦ — единственная часть Московского патриархата на постсоветском пространстве, где есть фиксированное членство в приходах, реально действуют приходские собрания и т. д.

В-третьих, не получив ожидаемого по реституции недвижимого имущества (а для управления им в 1992 г. был даже создан специальный фонд), ЭПЦ вынуждена была ориентироваться только на поддержку и доверие «церковного народа», стимулировать общественную активность православных. Стараниями возникших православных «недоходных» обществ было отремонтировано или даже построено несколько православных церквей: в Силламяэ, Маарду, Валга, Палдиски, Локса, Нарве.

В ЭПЦ сегодня существует определенная проблема, связанная с эффективностью административного руководства епархией. Маститый, авторитетный, прошедший через заключение за свою священническую деятельность митрополит Корнилий (Якобс) оказался на посту предстоятеля автономной церкви, будучи в больших летах и не имея опыта административной работы. От него потребовались огромные усилия для стабилизации ситуации. В июне 2009 г. патриарх Кирилл рукоположил для ЭПЦ викария Лазаря (Гуркина), который около года жил в Пюхтицком монастыре и изучал эстонский язык. Хиротония была совершена лично патриархом в Москве (несмотря на настойчивые пожелания митрополита Корнилия провести ее в Таллине под его возглавлением). В 2009 г. ситуация складывалась таким образом, что митрополит Корнилий оказался психологически не готов допустить к участию в управлении епархией своего викария, в значительной степени ограничивал его вхождение в курс церковных и церковно-политических дел.

Православная церковь в Латвии

Ситуация в Латвийской православной церкви кардинальным образом отличалась в 1990-е годы от эстонской. Здесь практически не было дебатов по поводу отношений с Московской патриархией, а сторонники Константинопольского патриархата были быстро изолированы. Этому способствовали следующие факторы:

- Энергичная деятельность и авторитарная позиция архиепископа Александра (Кудряшова), местного уроженца. Его кандидатура была утверждена республиканскими инстанциями, у него были хорошие отношения с представителями латвийских органов, курирующих религиозную сферу.
- Незначительная доля православного латышского духовенства (которое к тому же не было сильно политизировано) и латышской православной паствы. Судя по всему, в Латвии не было сильных кланов православного духовенства. Значительная часть священников были приезжими. Представители духовенства, которые пытались действовать самостоятельно, сразу вступали в противостояние с правящим архиереем и оказывались вне системы. Благодаря открывшейся семинарии архиепископ (с 2002 г. — митрополит) Александр смог проводить собственную кадровую политику.

И самое главное — сравнительно быстро и безболезненно удалось зарегистрировать Латвийскую православную церковь в качестве субъекта земельной реформы. Ей была возвращена вся довоенная недвижимость.

Достаточно сложно оценить значение ЛатПЦ в общественной жизни Латвии. Особенностью этой структуры является ее закрытость, нежелание общаться с представителями неформальных организаций. Наиболее известная сторона деятельности ЛатПЦ — организация ежегодных конференций «Церковь и школа», в которых принимают участие приезжие (в основном российские) ученые и духовенство.

Однако имидж Православной церкви в широких кругах Латвии и за рубежом имеет довольно ярко выраженный негативный характер. Обычно в качестве отрицательных примеров называют:

- Распоряжение высшим церковным руководством церковным имуществом. На эту тему в русскоязычной прессе появился ряд публикаций⁵⁹. В адрес митрополита Александра неоднократно звучали обвинения в распродаже церковного имущества с целью личного обогащения⁶⁰. Представители руководства ЛатПЦ инициировали ряд судебных процессов с требованием возвращения собора Петра и Павла в Риге, в котором находится концертный зал «Ave sol», или компенсации его стоимости, которую правительство Латвии якобы задолжало во второй половине 1930-х годов⁶¹. В СМИ сообщались подробные сведения о характере использования и продаже церковной недвижимости руководством ЛатПЦ⁶², которые никак официальными церковными инстанциями не комментировались.
- Авторитарный стиль управления митрополита Александра и расправы с активным духовенством. Следует заметить, что получение информации о характере взаимоотношений митрополита с подчиненным ему духовенством чрезвычайно затруднено. Представители духовенства и даже околоцерковных кругов говорили, что опасаются вести разговоры на эту тему. Духовенство недовольно значительными финансовыми взносами, которые должно перечислять на епархию, невзирая на материальное состояние приходов.

Известны скандалы, связанные с переводами или отправлением за штат ряда священников как русского, так и латышского происхождения, часто имеющих круг сторонников. Один из последних громких скандалов был связан с лишением сана священника Яниса Калниньша⁶³, рукоположенного митрополитом Леонидом (Поляковым). Подробности дела о Янисе, которые обычно остаются «под спудом», стали известны благодаря мерам, предпринятым латышами в поддержку популярного в определенных кругах православного пастыря (кроме того, даже в книге, изданной к 70-летию митрополита Рижского и всея Латвии Александра в 2009 г., его делу уделено несколько страниц)⁶⁴. Отец Янис кроме душепопечительской деятельности известен переводами на латышский язык православных богослужебных текстов (им был издан полный молитвослов, ряд творений святых отцов) и активной миссионерской работой среди латышей. На русском языке книга о Янисе

о поисках истинной веры была издана Издательским советом РПЦ⁶⁵. В последней книге, опубликованной только на латышском языке и написанной в пролатышском духе, рассказывается о жизни Православной церкви в независимой Латвии, о ее «расцвете» в период правления президента Карлиса Ульманиса и современной политике церковного руководства. Окружение о. Яниса уверено, что именно эта книга стала причиной неправомочного лишения его церковного сана. Несмотря на грубые нарушения норм о церковном суде, попытки о. Яниса обратиться к суду Московского патриархата успехом не увенчались, а его обращение в гражданский суд довело ситуацию до логического завершения⁶⁶. История с о. Янисом примечательна тем, что имела и ярко выраженный национальный контекст, и именно так была воспринята латышами.

Дело Я. Калниньша важно также потому, что в нем как в капле воды отразились внутренние проблемы Московского патриархата (связанные в первую очередь с характером взаимоотношений епископата с духовенством, епископата с церковной и околоцерковной общественностью, а также с функционированием церковного суда) и комплекс вопросов, относящихся к церковно-государственным отношениям (раскрытие понятия «внутренние дела церкви» и могут ли нормы государства, защищающие права граждан, распространяться на правоотношения внутри церкви).

История о. Яниса — это, безусловно, частный эпизод в жизни ЛатПЦ, по которому нельзя судить об общецерковной ситуации, но он иллюстрирует преобладающую тенденцию — не найден формат допущения общественной активности в рамках церковных институтов, интеллигенция не привлечена к церковной жизни, православные (или интересующиеся православием) латыши не находят себе места в современной ЛатПЦ; несмотря на возвращение церкви имущества, епархиальное руководство все равно активно собирает взносы с приходов, что в силу масштабы запросов вызывает недовольство духовенства.

Критически настроенные по отношению к церковному руководству круги утверждали в 1990-е годы, что митрополит Александр пользуется поддержкой латвийской государственной власти, поскольку церковь не стремится

ся стать влиятельным участником общественной жизни страны, а действует как «бюро ритуальных услуг» для русскоязычного населения. Высказывались также обвинения, что государство удовлетворено стилем митрополита Александра — не претендующее на общественную значимость, имеющее подмоченную репутацию церковное руководство легко управляемо. Однако так ли ситуация однозначна?

Необходимо отметить стабильность отношений государственной власти с руководством ЛатПЦ на протяжении всего периода независимости Латвии, что особенно важно на фоне непростого положения русскоязычного населения. После получения сана митрополита Александр был награжден высшей наградой Латвийской республики — Орденом Трех Звезд второй степени.

Позиция государства в отношении Латвийской православной церкви выражена в законе, вступившем в силу в декабре 2008 г.⁶⁷ Он обобщил все имеющиеся правовые нормы в отношении ЛатПЦ⁶⁸ и тем самым получил преимущественный статус специального законодательного акта⁶⁹.

Насколько нам известно, это первый закон на постсоветском пространстве, регламентирующий деятельность Православной церкви. Остановимся подробнее на его нормах, опубликованных юристом А. Н. Пономаревым.

Закон признал ЛПЦ «традиционной церковью» для Латвии, длительное время распространенной на значительной территории республики, отметил вклад ЛатПЦ в различные сферы жизни латвийского государства. Статья 3 закона посвящена статусу ЛПЦ в государстве. В частности, за ЛатПЦ закреплен статус юридического лица, ей предоставлено право в полной мере реализовывать определенные в ее уставе права на самоуправление и самоопределение. За ЛатПЦ и ее структурными подразделениями закреплено эксклюзивное право на название «Латвийская православная церковь», и название любого другого лица должно недвусмысленно отличаться от этого названия. Закон предоставил ЛатПЦ право требовать как прекращения противоправного использования ее названия, так и возмещения нанесенного этим морального ущерба. За ЛатПЦ закреплено право интерпретировать Священное Писание, формулировать и проповедовать свою доктрину,

формировать свою внутреннюю жизнь, соблюдая каноны, в том числе организационную структуру и предназначение. Решения ЛатПЦ по каноническим вопросам не подлежат обжалованию в государственных учреждениях. Кроме того, в части 1, ст. 14 специально оговорено, что в трудовых отношениях со своими работниками ЛатПЦ имеет право основываться на религиозной принадлежности соответствующих лиц, их готовности и возможности действовать добросовестно, их лояльности по отношению к учению ЛатПЦ, а также на нормах морали и поведения, совокупности принципов и идеалов, лежащих в основе православных убеждений. Закон закрепил за главой ЛатПЦ право направлять священников на место служения и освободить от занимаемой должности (часть 2, ст. 14). Закреплены полномочия предстоятеля в церкви и в вопросе распоряжения церковной собственностью. Согласно закону отчуждение и обременение недвижимой собственности, принадлежащей ЛатПЦ (и, соответственно, любому входящему в ее состав приходу), возможно лишь с письменного согласия правящего архиерея (часть 2, ст. 5), тогда как действия или сделки главы ЛатПЦ не требуют никакой санкции со стороны Синода. При этом закон никак не затрагивает организационное устройство ЛатПЦ (Поместный собор, Синод, их взаимоотношения с предстоятелем, способы избрания (назначения) предстоятеля). Государство взяло на себя обязательство (ст. 16) сотрудничать в организации ежегодного традиционного крестного хода в Валгундскую святыню (пустынь Рижского Свято-Троицкого Сергиева женского монастыря). Закон обязал ЛатПЦ внести необходимые изменения в свой устав до 1 марта 2009 г.⁷⁰

Принятый закон закрепил за предстоятелем ЛатПЦ необычайно широкие полномочия, которые не соответствуют даже Уставу ЛатПЦ 2000 г. Причем можно предположить, что речь идет именно о действующем митрополите, поскольку в законе зафиксировано, что возглавлять ЛатПЦ может только митрополит. В законе нигде не упоминается связь ЛатПЦ с Русской православной церковью, хотя ЛатПЦ является самоуправляемой церковью в составе РПЦ. Кроме того, закон вывел внутреннюю деятельность ЛатПЦ за пределы правового поля государства,

а взаимоотношения ЛатПЦ с нанимаемыми сотрудниками — за пределы Трудового кодекса Латвии.

Православная церковь в Литве

Положение Православной церкви в Литве в начале 1990-х годов кардинально отличалось от ситуации в соседних прибалтийских государствах. В Литве русскоязычные жители составляли абсолютное меньшинство и сразу получили права граждан, в республике доминирует Католическая церковь, которая обладает мощным потенциалом и большим влиянием на общество. Статус обычной православной епархии в составе Московского патриархата вполне устраивает как государственную власть, так и Католическую церковь Литвы. Митрополит Хризостом (Мартишкин) много сделал для стабилизации правового и экономического положения структур Православной церкви в Литве: оставил недвижимое имущество в управлении приходов, отказался от принципа собирания средств с приходов на нужды епархии, епархия укомплектована кадрами и структурно стабильна. Основная ее проблема — сокращение паствы. Это связано как с оттоком на заработки населения Литвы в целом и русскоязычного населения в частности, так и с процессами ассимиляции русскоязычного населения литовским, сопровождающимся обычно и приходом в Католическую церковь.

В декабре 2010 г. на место престарелого митрополита Хризостома (Мартишкина) решением Священного синода на Виленскую и Литовскую кафедру был назначен архиепископ Иннокентий (Васильев)⁷¹. В одном из первых его интервью в Литве, которое можно назвать программным, он отметил наличие у него иных приоритетов по сравнению с деятельностью его предшественника. Своей важнейшей задачей он назвал участие в «...консолидации всех православных, живущих в Литве. Имею в виду не только церковных людей, но и тех, для кого православие — часть культуры, кто следует русским традициям, то есть тех, кто, как мы говорили, пока находится вне церковной ограды»⁷².

После образования независимых государств ситуация в Прибалтике стала курироваться Отделом внешних церковных связей, возглавлявшимся митрополитом Кириллом (Гундяевым). ОВЦС достаточно оперативно реагировал на возникающие проблемы в епархиях (потом — в церквях). Митрополит Кирилл вместе с митрополитом Ювением (Поярковым) ездили в 1992 г. в Латвию, где встречались с высшим государственным руководством для обсуждения формального статуса Православной церкви.

В начале 1990-х годов некоторое время патриарх Алексей II не допускал митрополита Кирилла до вмешательства в эстонскую ситуацию, а когда она стала малоуправляемой, ОВЦС использовал как политические, так и межцерковные рычаги для защиты позиций Московского патриархата в Эстонии. Например, представители делегации Московского патриархата в Европейском союзе объявили о нарушении прав человека в Эстонии. В 1995 г. митрополит Кирилл посетил Эстонию, однако этот визит нельзя назвать успешным, поскольку переговоры с министром внутренних дел республики результатов не дали. В сфере деятельности ОВЦС находятся взаимоотношения со Вселенским патриархатом, и переговоры по урегулированию эстонской ситуации вели сотрудники ОВЦС. В сентябре 2003 г., после регистрации ЭПЦ, стало возможно посещение патриархом Алексием II Эстонии, где он не был 11 лет. Во время этого визита патриарх встречался с премьер-министром и президентом страны, с руководством других конфессий⁷³.

В марте 2011 г. было объявлено о выходе в свет двухтомного издания «Православие в Эстонии. Исследования и документы», подготовленного Церковно-научным центром «Православная энциклопедия» под редакцией протоиерея Н. Балашова и С. Л. Кравца. Второй том издания должен содержать более 200 документов по истории эстонского православия. Это готовившееся на протяжении ряда лет и тщательно редактировавшееся издание должно аргументировать позицию Московского патриархата в отношении ЭПЦ, однако на момент окончания работы над

настоящей статьёй познакомиться с ним возможность не представилась.

10 декабря 2010 г. патриарх Московский и всея Руси Кирилл принимал в своей резиденции в Москве президента Латвии Валдиса Затлерса. В своем выступлении патриарх подчеркнул достоинства принятого в Латвии в 2008 г. закона о Латвийской православной церкви, позволяющего церкви действовать нестесненно; этот закон мог бы стать образцом и для других стран. Патриарх отметил, что в Латвии соблюдаются права всех верующих, что выражается в возможности регистрации браков, заключенных в храмах, окормлении военнослужащих и заключенных. В выступлении патриарха прозвучала обеспокоенность относительно «появляющихся время от времени претензий со стороны раскольнических групп, которые пытаются претендовать на имущество Латвийской Православной Церкви» и была выражена надежда, что ЛатПЦ будет защищена законами Латвии от подобных претензий. Патриарх говорил о необходимости уделять внимание международным отношениям в обществе и о ситуации с русскоязычным населением в Латвии: «Все, что касается вопросов, связанных с трудоустройством людей и их обучением, в том числе на русском языке, находится в центре нашего внимания. Мы знаем, что существовали и, может быть, еще существуют некоторые проблемы в латвийском обществе». В ответной речи президент Латвии подчеркнул труды митрополита Александра в деле воспитания молодежи и укрепления общественной нравственности. Далее В. Затлерс отметил, что ЛатПЦ многое сделала для людей разных национальностей, в том числе и для тех, кто молится на латышском языке, — для них действуют, в частности, латышские приходы⁷⁴.

Какие проблемы сегодня могут быть у РПЦ в Прибалтике? Располагает ли Московский патриархат рычагами для участия в регулировании, например, латвийских дел? Накануне поездки Алексея II в 2006 г. в Латвию, когда оппозиционные по отношению к митрополиту Александру круги надеялись на вмешательство патриарха, в Интернете стали активно циркулировать слухи о возможности перехода ЛатПЦ под омофор Константинопольского па-

триарха. Открытым остается вопрос, каковы возможности Московского патриархата для регулирования внутренних процессов, происходящих в прибалтийских православных церквях.

С другой стороны, в РПЦ сложился административно-утилитарный стиль управления, принцип авторитарного (или элитарного) решения возникающих церковных вопросов. Эта стилистика мало совпадает с оформленной в уставах и традиционно активной позицией православного белого духовенства и мирян в прибалтийских церквях. Стиль управления РПЦ вряд ли подходит для литовского или эстонского церковного сообщества (в Латвии сейчас все соборные традиции активно выкорчевываются).

В обозримой перспективе главная проблема, стоящая перед церквями в Прибалтике и Московской патриархии, — это вопрос о преемниках нынешних предстоятелей. По всей вероятности, достаточно быстро придется решать ситуацию в Эстонии, поскольку ее предстоятель митрополит Корнилий родился в 1924 г. Определенные шаги уже были предприняты путем назначения епископа Нарвского, викария Таллинской митрополии. Архимандрит Лазарь был прислан из России (он ставленник архиепископа Саранского и Мордовского Варсонофия).

Второй вопрос — как самоуправляемые церкви отреагируют на изменения, внесенные в 2011 г. в Устав Русской православной церкви и касающиеся в том числе самоуправления церквей.

Согласно докладу патриарха Кирилла, сделанному на Архиерейском соборе 2011 г. о развитии церковно-государственного диалога в странах Балтии, наилучшая ситуация наблюдается в Латвии, за что была вынесена благодарность митрополиту Александру. В Литве проблемой было названо то, что Православная церковь, имея такие же права, как и остальные традиционные конфессии, облагается в отличие от Католической церкви налогом на прибыль в том же размере, что и коммерческие структуры (15%). Относительно ситуации в Эстонии патриарх Кирилл заявил претензию в связи с передачей храмов на правах длительной аренды; в качестве примера назывался собор Александра Невского в Таллине (который оформлен

особым образом в связи с позицией предшествующего патриарха и никак не может являться показателем ситуации в ЭПЦ в целом). Патриарх отметил, что в Эстонии «в отношении государственной власти к религиозным объединениям наблюдается очевидный дисбаланс: гораздо больше поддержки оказывается лютеранским приходам и приходам юрисдикции Константинопольского патриархата, несмотря на то, что у Русской Православной Церкви практически равная с лютеранами численность паствы, а число прихожан Константинопольской юрисдикции — меньше в 8—10 раз, а по некоторым данным — и в значительно более количество раз»⁷⁵. Последний доклад патриарха подтверждает исключительную важность для нынешнего церковного руководства состояния материальной базы церкви, а также отсутствие полноценной экспертизы или мониторинга состояния церковно-государственных отношений в странах Балтии.

Православие и политическая жизнь в Прибалтике

В Прибалтике существуют многочисленные общественно-политические организации русскоязычного населения, которые за истекший период претерпели серьезную реструктуризацию.

В законодательных органах иногда создавались объединения депутатов, маркирующих конфессиональную ориентацию. Так, в Эстонии действовало объединение православных депутатов Рийгикогу (парламента), которое долгое время возглавлял Евгений Томберг, а затем Владимир Вельман. Объединенная народная партия Эстонии (ее главой в 2002 г. был Виктор Андреев) выступала с поддержкой ЭПЦ, требовала от властей ее регистрации⁷⁶.

В Литве на политической сцене возникал «Союз русских Литвы», который использовал в предвыборной агитации православную риторику, однако популярности этот союз ни среди русских, ни среди православных прихожан не приобрел.

«Православные» депутаты прибалтийских законодательных органов входили и в европейские православные

объединения. Например, существует Европейская межпарламентская ассамблея православия (ЕМАП)⁷⁷, куда входят представители 20 стран, ее президентом является Виктор Зоркальцев (Россия). С российской стороны эту ассамблею курирует Комитет Государственной думы по делам общественных объединений и религиозных организаций⁷⁸. В феврале 2002 г. конференция ЕМАП прошла в здании Сейма в Риге и была посвящена теме «Человек в христианской цивилизации: потенциал развития».

На вопрос, насколько политические партии или вообще политические деятели, демонстрирующие свою православную идентичность или использующие православную риторику, поддерживаются церковными структурами или хотя бы православными прихожанами Прибалтики, трудно дать однозначный ответ; можно говорить скорее об отрицательном отношении к ним. Духовенство в разговорах подчеркивает невозможность участия церкви в политической борьбе, повторяет утверждения о несовместимости церкви и политики. На деле линия поведения как духовенства, так и церковного руководства направлена на достижение максимального режима благоприятствования со стороны власти.

Россия, РПЦ и политические объединения Прибалтики

Российские государственные институты периодически предпринимают попытки курировать различные общественно-политические объединения русскоязычного населения. Так, в 2000 г. был создан «Союз соотечественников», который поддерживает интернет-портал «Соотечественники», издает «Союзную газету». Эти организации курирует, в частности, Совет соотечественников при Госдуме. Есть также курируемая и финансируемая российскими структурами организация, работающая по «православному направлению» за рубежом, — Международный фонд единства православных народов. Однако при изучении линии поведения российского государства наиболее четко вырисовывается ангажированность и часто неадекватность в отношении русскоязычного населения за

рубежом. В области защиты прав человека, в том числе русскоязычного населения Прибалтики, вопрос о русских соотечественниках за рубежом имеет преимущественно политический характер. При декларации поддержки русскоязычного населения официальные круги России не выработали эффективной программы, а предпочитают периодически спекулировать на этой поддержке, на практике нанося вред самим соотечественникам. Идея о том, что «потенциал русских соотечественников за рубежом должен работать на Россию», в условиях регулярной конфронтации России с ближайшими соседями ставит русскоязычное население в сложное положение. Судя по всему, в среде российской политической элиты никто до сих пор не хочет всерьез осознать тот факт, что прибалтийские государства суверенны уже двадцать лет и всеми силами будут оберегать свое право на независимость, а также что русские, оставшиеся в Прибалтике, очень сильно различаются по устремлениям и интересам. Те, кто был настроен негативно по отношению к национальным государствам, из Прибалтики уже уехали, а основная масса адаптировалась или ищет возможности для адаптации. Многие из русских стали гражданами и даже патриотами прибалтийских государств, как бы странно это ни звучало. Прибалтийские государства прошли сложный путь политического развития, там, в отличие от России, уже есть устоявшиеся институты гражданского общества, общественное мнение, политическая борьба.

Понятно, что многие явления в Прибалтике также носят постсоветский характер, что поведение элит начала 1990-х годов часто имело ярко выраженный дискриминационный характер по отношению к русскоязычному населению (особенно в Латвии), но здесь гораздо больше развита практика цивилизованного диалога, в том числе через суды. К тому же приступы национализма после получения реальной независимости в целом остались в прошлом. Наличие русскоязычного населения в прибалтийских государствах — реальность для правительств этих стран, а не повод для конфронтации. Сейчас речь идет о поиске приемлемых для обеих сторон стратегий сосуществования. Необходимо решать вопросы о статусе русско-

го языка, о преподавании на русском языке, о гражданстве для русскоязычного населения (в Латвии).

Последний экономический кризис, сильно ударивший по прибалтийским государствам, затронул разные группы населения вне зависимости от их национальной принадлежности, эмиграция из Прибалтики в поисках работы существует среди молодежи всех национальностей.

Пожалуй, наиболее яркий пример неэффективной политической линии России — история вокруг переноса «Бронзового солдата» в Таллине. В результате пострадали именно русские в Эстонии, в том числе от крайне неудачного (если не сказать провокационного) вмешательства представителей «политической элиты» России. Во-первых, дикие выходки и погромы привели к дискредитации русскоязычной молодежи (а ей совсем не нравится быть маргинализированной, у нормальных людей есть установка на учебу, работу, успех). «После этой истории мне стыдно говорить на улице по-русски», — такие высказывания приходилось слышать от представителей русскоязычной молодежи в Таллине (среди них были и активные православные). Во-вторых, вместо борьбы населения Эстонии с некультурными и неприличными действиями *своих* властей, которые были в тот момент полностью дискредитированы, речь пошла о защите Эстонии от *внешнеполитического* давления. В-третьих, от введения экономических санкций в отношении Эстонии больше всего пострадал бизнес русскоязычного населения, ориентированный на Россию (после этих событий он резко сократился).

Вообще «экономическая» линия России (особенно бюрократические сложности, коррупция, взяточничество на таможене) во многом обрубала стремление русскоязычных предпринимателей к организации совместного бизнеса с Россией, что было бы мощной и прочной основой для связей.

Какое же место в сложившейся системе взаимоотношений занимает РПЦ? Ведь церковь может выстраивать линию, альтернативную поведению МИДа. По инициативе ОВЦС с 2000 г. проводятся межрелигиозные миротворческие форумы, в которых принимают участие религиозные лидеры с постсоветского пространства. На первом форуме

митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл выступал с концепцией «критической солидарности с властью». После второго миротворческого форума 2004 г. был создан Межрелигиозный совет СНГ. Председателем его исполнительного комитета был избран митрополит Кирилл.

С 2008 г. по инициативе ОВЦС была возобновлена деятельность Христианского межконфессионального консультативного комитета стран СНГ и Балтии (секретарем был назначен Ю. В. Зудов, заведующий международным отделом Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета). 4 февраля 2010 г. состоялся пленум комитета на тему «Христианская семья — малая церковь и основа здорового общества».

Кроме того, представители РПЦ участвуют в регулярных конференциях «Теобалт», на которых обсуждаются социально значимые вопросы Балтийского региона с богословской точки зрения.

Стимулом для роста внимания ОВЦС к Прибалтике стало вступление стран Балтии в Евросоюз. В результате появился специальный документ ОВЦС — реакция на «Белую книгу», предложения по сотрудничеству РПЦ с Европейским союзом. В этих предложениях отмечалось, что именно в связи «с принятием в состав ЕС стран Балтии, на территории которых многие века действуют православные общины (в настоящее время их количество достигает 300), находящиеся в юрисдикции Московского патриархата, РПЦ становится прямым участником европейской общественной жизни»⁷⁹.

Вопрос о степени интегрированности церковного руководства РПЦ в российскую внешнеполитическую деятельность осветить в настоящей статье не представляется возможным. Согласно утверждениям государственных источников «православный вектор» после 2000 г. занимает определенное место в российской внешней политике. Это ясно демонстрирует издание факультетом международных отношений С.-Петербургского университета работы О. Л. Церпицкой «Взаимодействие РПЦ и Российского государства в мировом сообществе»⁸⁰, в которой прямо доказывается тезис о единстве интересов России и РПЦ во внешней политике. Действительно, митрополит Кирилл

с 2003 г. был сопредседателем рабочей группы по взаимодействию Русской православной церкви с Министерством иностранных дел. В случае с отказом в регистрации церкви Московского патриархата в Эстонии была очевидна слаженность действий Московского патриархата и российских государственных инстанций.

Митрополит, а затем патриарх Московский и вся Русь Кирилл был одним из разработчиков и «двигателей» доктрины «русской цивилизации». Он выступал на всех конгрессах соотечественников, проживающих за рубежом. После избрания на пост патриарха он активизировал свое участие в этом процессе. В августе 2009 г. состоялась его встреча с исполнительным директором фонда «Русский мир» Вячеславом Никоновым⁸¹, после чего был подписан договор о сотрудничестве между РПЦ и фондом.

Выступая на Конгрессе соотечественников⁸² 1 декабря 2009 г., патриарх Кирилл рассказал о сотрудничестве РПЦ по вопросам диаспоры с МИДом, Россотрудничеством и Правительством Москвы. Патриарх заявил о необходимости консолидации русской диаспоры, поскольку «в диаспоре часто проживают люди с очень активной жизненной позицией, с внутренним динамизмом, как говорят, с повышенной пассионарностью, и потеря таких людей для страны — это большая утрата». Центром консолидации должны стать приходы Московского патриархата, при которых следует создавать центры по изучению русского языка. Патриарх предложил продумать программу патриотических мероприятий типа «георгиевская ленточка», ориентированных на диаспору. В докладе неоднократно звучали призывы к российскому правительству оказывать поддержку русскоязычным центрам в предоставлении материальной поддержки выразившим желание обучаться в духовно-учебных заведениях РПЦ⁸³.

Позиция высшего церковного руководства понятна: РПЦ сегодня, особенно после объединения с РПЦЗ, обладает уникальной структурой, расположенной на всех континентах, русская диаспора — мощный потенциал; необходимы материальные средства и другие ресурсы для его освоения, которые может предоставить Россия; совместная работа представляется перспективной для всех трех сторон.

Однако возникает вопрос: нет ли опасности для РПЦ в условиях столь тесного взаимодействия оказаться заложницей внешнеполитической линии России? Не рискует ли деятельность РПЦ приобрести политический, а не церковный, христианский характер и поставить РПЦ в зависимость от политического режима России?⁸⁴

Общие тенденции положения Православной церкви в общественно-политической жизни прибалтийских государств

1. Православная церковь во всех трех республиках получила публичный статус, и православие было признано там традиционной религией. Законодательство стран Балтии принципиально отказалось от воспроизведения советских норм, предоставив признаваемым им церквям (в их число вошла и Православная церковь) особый статус, подтверждая суверенность их внутреннего правового поля и осуществляя с ними партнерский диалог как с субъектами права. В эстонском и литовском законодательстве церкви имеют статус юридического лица. В Латвии этот вопрос был решен путем заключения соглашений с «традиционными» религиозными структурами, получившими статус субъектов публичного права.

Наиболее жестко «традиционность» конфессий обозначена в литовском законодательстве. Под ними понимаются «девять традиционно существующих в Литве религиозных общин и сообществ, составляющих часть исторического, духовного и социального наследия Литвы: римско-католические, греко-католические, евангелическо-лютеранские, евангелическо-реформатские, ортодоксальные (православные), старообрядческие, иудейские, мусульманско-суннитские и караимские».

В Эстонии основные конфессии создали в 1989 г. Совет церквей, который включил представителей 10 конфессий и стал основным посредником в диалоге государства с ними. В Совет церквей входят представители как ЭПЦ, так и ЭАПЦ. Государство воспринимает Совет как партнера при поиске решений по обеспечению свободы совести

в Эстонии. Привилегированное положение Совета церквей проявилось в такой сфере взаимодействия с государством, как финансовая поддержка церквей и допущение к деятельности в образовательных учреждениях⁸⁵.

Традиционные церкви в прибалтийских государствах получили права юридических лиц, облегченные возможности при получении государственной регистрации, имеют финансовую поддержку для реставрации и поддержания церковных зданий, признанных памятниками архитектуры. Значимым последствием публичного статуса церквей является их право регистрировать браки (церковное таинство заключения брака, осуществленное в церквях, относящихся к традиционным конфессиям, признается государственными органами как имеющее гражданские последствия).

2. Православная церковь существует спокойно и бесконфликтно в инославном окружении. Традиция достаточно близких и добрососедских отношений духовенства разных конфессий, которая была налицо в советское время, имеет тенденцию к сохранению. Ярким примером добрососедских отношений в Литве стала передача в январе 2010 г. Католической церковью храма в Пабраде в собственность Православной церкви. Этот храм изначально был православным, но в 1920-е годы его передали католикам. Митрополит Хризостом тогда заявил, что представителей разных конфессий сблизил в том числе и общая проблема выживания в атеистическом государстве. «Католики и православные наиболее близки друг другу из всех христианских конфессий по своему вероучительному исповедованию. А в современном мире мы фактически становимся единственными из всех христианских конфессий блюстителями тех нравственных принципов, которые заложены Христом Спасителем и его апостолами»⁸⁶.

Стабильность межконфессиональных отношений постоянно подчеркивается в Латвии, в Эстонии это взаимодействие на практике осуществляется через постоянно действующий Совет церквей. Линия разделения в прибалтийских республиках проходит иногда между верующими и неверующими и между представителями традиционных и нетрадиционных конфессий. В частности, большая часть

представителей православного, католического, лютеранского, баптистского духовенства спокойно и с уважением говорят друг о друге, но крайне напряженно относятся к «харизматам».

3. Православная церковь допущена к участию в образовательном процессе.

В Литве представители Православной церкви получили право на преподавание религиозного предмета по выбору учащихся. Согласно данным на 2000 г. Департамента статистики Литвы 58% детей посещали занятия по религии (из них 97% составляли католики, 2,5% — православные)⁸⁷. Религиозные объединения и общины в Литве получили право и на создание общеобразовательных школ и специальных учебных заведений для подготовки духовенства и преподавателей религиозного предмета.

В Эстонии с 1993 г. религиозный предмет входит в список обязательных предметов в школах. Проблема подготовки преподавателей начала решаться благодаря созданию педагогического отделения при Теологическом институте в Таллине⁸⁸. Представители Православной церкви также принимают участие в преподавании религиозного предмета. Важная особенность Эстонии: религиозный предмет имеет внеконфессиональный характер. Цель предмета, посвященного религии, — предоставлять знания о религии, чтобы помочь ученикам в понимании мира, его культуры и роли религиозного измерения в жизни человека. Религиозное образование играет важную роль в поддержке и сохранении национальной идентичности, важный аспект религиозного образования — поддержка нравственного развития учащихся, оно помогает выработать ориентиры в плюралистическом и меняющемся мире, в котором необходимы толерантность, способность уживаться с различными людьми, ясные личные нравственные ценности и чувство ответственности. Религиозное образование создает предпосылки и условия для личного религиозного выбора⁸⁹. Как уже отмечалось, предложенный предмет должен был носить внеконфессиональный характер, тогда как конфессиональное образование предполагается получать в воскресных школах и в школах отдельных религиозных обществ. В Эстонии методики преподавания религиоз-

ного предмета продолжают разрабатываться в том числе в рамках Совета церковей представителями отдельных конфессий. С 2007 г. в ЭПЦ был создан Отдел образования и катехизации (<http://www.pravoslavie.ee>), который возглавлял протоиерей Игорь Прекуп, сейчас этот пост занимает епископ Лазарь.

В Латвии согласно ст. 6 Закона о религиозных объединениях в государственных школах и школах самоуправлений христианское вероучение может преподаваться лицам, которые в письменной форме выразили желание им овладеть. Концепция христианского религиозного урока не включает в себя изучение иудейской и мусульманской религии. Христианскую религию в соответствии с утвержденным министром образования и науки учебным планом имеют право преподавать учителя евангельско-лютеранской, римско-католической, православной, старообрядческой и баптистской конфессий в том случае, если школа подтверждает желание не менее десяти школьников обучаться соответствующей конфессии. Учителя должны подбираться конфессиями и получать одобрение от Министерства образования и науки. С 1998 г. законодательно было закреплено государственное финансирование религиозного предмета и христианской этики.

В середине 1990-х годов при Латвийской православной церкви был создан семинар по духовно-нравственному просвещению учителей общеобразовательных школ. Согласно отчету на соборе ЛатПЦ к 1997 г. «семинар подготовил около 60 учителей, православных верующих людей, имеющих педагогическое образование и опыт педагогической работы для преподавания духовных дисциплин в общеобразовательных школах и дошкольных учебных заведениях»; участники семинара должны были получить «сертификат о благословении священноначалия на преподавание духовных дисциплин в общеобразовательных школах»⁹⁰.

4. Во всех трех республиках Православная церковь получила имущество по земельной реформе, а также имеет право на получение финансовой поддержки со стороны государства.

5. Представители Православной церкви допущены к участию в капелланском служении.

6. Православная церковь получила уникальную возможность активной социальной и образовательной деятельности, которая в принципе может стать основой для самоорганизации русскоязычного населения.

В республиках существуют православные братства, многочисленные кружки, организуются занятия для детей и взрослых, детские летние лагеря. Так, в Эстонии действует православное Братство во имя священномученика Исидора Юрьевского, в Литве наиболее значительное — Православное братство Литвы⁹¹, возникшее в 1995 г. и ориентирующееся в первую очередь на работу с детьми и молодежью. Согласно уставу братства в его задачи входит «помощь православным приходам, религиозно-духовное просвещение и воспитание, забота о сохранении и развитии православных культурных традиций, разные формы социального служения». С 1996 г. в Паланге и в поселке Ужусалай (около Каунаса), в деревне Михново ежегодно проводятся летние христианские лагеря, в которых за несколько смен отдыхает до 500 человек (часть детей — из асоциальных семей и сироты). При братстве для жителей Вильнюса была создана группа неформальной занятости «Блеск», в которой проводятся дополнительные занятия для школьников, создается подходящая среда для общения подростков и существуют группы для детей дошкольного возраста. В Латвии есть два духовно-просветительских общества: «Нива духовная» (действует 16 лет), которое еженедельно проводит просветительские лекции и ведет работу с заключенными, и «Родник», занимающееся работой с детьми, организацией летних православных лагерей.

В православных церквях трех государств закрепилась практика крестных ходов. Так, в Латвии ежегодно проводятся два крупных крестных хода (один из них в Латгалии из Зилупе в Ополи, второй — из Риги в Валгунду). В Литве также распространены крестные ходы между городами. В Эстонии крестные ходы собирались в поддержку ЭПЦ.

В Латвии, Эстонии и Литве ежегодно проводятся фестивали духовной музыки. В Латвии с 2007 г. проходит Пасхальный фестиваль православных творческих коллективов под патронатом епископа Даугапилского Александра. В Эстонии организуется фестиваль православной хоровой

музыки «Кредо». В Литве в декабре 2009 г. прошел второй фестиваль православных хоров Виленско-Литовской епархии, гостем которого был хор священно-служителей Гродненской епархии.

Во всех республиках налажены паломнические поездки в ближнее и дальнее зарубежье, часто по святыням России, Белоруссии, Украины.

Внутренние проблемы и тенденции развития православных церквей в Прибалтике

После образования независимых государств и прекращения насильственных ограничений православные церкви в Прибалтике, как и на всем постсоветском пространстве, были заняты восстановлением своих структур — возвратом церковных зданий, их ремонтом и реконструкцией, срочным решением острой кадровой проблемы духовенства.

В Эстонии и Латвии появились местночтимые святые. Это митрополит Платон (Кульбуш) в Эстонии и Иоанн (Поммер), митрополит Рижский и Латвийский, прославление и обретение мощей которых прошло в торжественной и многолюдной обстановке. В 2003 г. произошло обретение в Раквере (Эстония) мощей священномученика Сергия Флоринского.

Очевидно, что период «экстенсивного роста» в православных церквях Прибалтики закончился. Каким будет вектор их внутреннего развития? Смогут ли они преодолеть инерционность предшествовавшего этапа? Близкое соседство других конфессий, особенно Лютеранской и Католической церкви, имеющих богатый опыт катехизаторской, миссионерской и социальной деятельности, может быть с относительной легкостью адаптирован и православными.

Определенную сложность в Прибалтике, как и в России, представляет характер религиозности основной массы русскоязычного населения. В своем абсолютном большинстве эти люди приехали туда в советское время, и религиозная традиция, воцерковленность были ими совершенно утрачены. Как и в России, значительная масса

населения обращается в церковь за требоисправлением: крещением, отпеванием, реже венчанием, поминанием усопших и молебнами за здравие. Активные верующие сосредоточены часто в приходах крупных городов, где уже существует в той или иной степени налаженная активная приходская жизнь.

Тем не менее согласно данным, опубликованным Харри Хейно⁹², русские «религиознее» эстонцев. Важным представляется вопрос, насколько иноэтничное и инорелигиозное окружение влияет на религиозность. По данным Х. Хейно, «русские в Эстонии посещают храмы значительно чаще, чем эстонцы и чем русские в России». Исследователь подчеркивал, что эта ситуация очень неоднородна: например, в Таллине русские гораздо чаще посещают церковь, чем в восточных регионах Эстонии, где русское население доминирует.

Не вполне ясно, останется ли Православная церковь Московского патриархата в Прибалтике исключительно церковью русскоязычного меньшинства и что представляет собой это меньшинство. К этому примыкает еще один вопрос: насколько русскоязычное меньшинство является оппозиционным по отношению к прибалтийским национальным государствам? Понятно, что в Эстонии и Латвии коренное население в целом относилось к нему достаточно враждебно, и часть наиболее нетерпимо настроенных русских эти республики покинула. Однако к 1995 г. отток русскоязычного населения из Прибалтики, несмотря на поддержку эмиграции эстонскими властями, практически прекратился. Например, из Эстонии уехали около 10% русских. Интересно замечание Х. Хейно: «Русские предпочитают жить в обществе западного типа культуры даже в ситуации, когда они находятся в этом обществе не совсем в равноправном положении. Более того, они оценивают это общество... гораздо выше, чем свое собственное, русское-российское».

Соответственно возникает вопрос: какую модель поведения предлагает Православная церковь для русскоязычного населения? Понятно, что утверждение протоиерея Игоря Прекупа («тесная связь ЭПЦ МП, как автономной Церкви, с духовными и богословскими центрами Русской Православной Церкви обеспечивала бы духовно-

культурную базу для успешной интеграции традиционно православного русскоязычного населения в общество Эстонии») представляет собой некоторый идеализм, однако будет ли эта тенденция реализовываться?

Определенную проблему в Прибалтике может представить тренд по национализации православия в России. В России существует идеологическое направление православного изоляционизма (молиться, поститься, слушать радио «Радонеж»), противопоставление русского православия западноевропейской культуре. Какое это может оказать влияние на некоторые круги русскоязычного населения? Данное направление активно поддерживается рядом православных фондов (например, Фондом единства православных народов, Фондом Андрея Первозванного), и «православно-радикальная» публицистика довольно широко представлена на постсоветском пространстве — фонды оплачивают переводы и распространение многих маргинальных книг, которые расходятся по церковным лавкам. В Прибалтике православные книжные лавки напоминают российские, в них представлен весь букет современной «православной» литературы. Собственных изданий в Прибалтике не так уж много. Правда, в Латвии в 2003 г. был создан Издательский отдел. На латышском языке были изданы, например, молитвослов, книга протоиерея Георгия Флоровского «Отцы церкви», «Первые шаги в церкви». В Эстонии за это время было издано 14 книг на эстонском языке (один перевод с английского, остальные — с русского, некоторые труды были написаны по-эстонски) и 4 на русском, издается ежемесячная газета «Мир Православия» (с 1997 г. в качестве вкладыша в газету «Русский телеграф», а с 2000 г. в виде самостоятельного издания).

Другая проблема — состояние приходского духовенства: замкнутая, малочисленная среда, практически отсутствует культурная подпитка, рассеянность по небольшим городам. Хотя в целом в Прибалтике духовенство имеет более высокий уровень образования, чем в России или на Украине, у него лучшие возможности для саморазвития. Тем не менее известны случаи отъезда духовенства в Россию даже в последние годы, в первую очередь по материальным причинам.

Значительную долю духовенства в Прибалтике составляет тип «профессионального требоисправителя»: священника, который зарабатывает деньги выполнением треб. В какой-то степени эта ситуация характерна и для других конфессий. Однако если в католической и лютеранской среде такие клирики в основном относятся к старшему поколению, а новое поколение, получившее образование в Западной Европе, настроено совсем иначе (например, ориентировано на миссионерскую работу), то в Православной церкви ситуация сложнее. В отличие от России, где значительная часть духовенства живет за счет поддержки «спонсоров», в Прибалтике гораздо меньше богатых людей, а основная масса населения живет расчетливо и экономно, и материальные проблемы стоят перед духовенством, особенно сельским, достаточно остро. Так, в восточной Латвии, где преобладает сельская местность, на пяти приходах может выжить только один священник с семьей.

Католическая и Лютеранская церкви, баптисты и другие конфессии в Прибалтике имеют возможность посылать своих кандидатов в духовенство на обучение в Западную Европу, где существуют сильные теологические центры. Имеются высшие учебные заведения и в самой Прибалтике, где целенаправленно создаются собственные научно-богословские школы. В Православной церкви ситуация хуже: на три церкви существует только одна духовная семинария в Риге, которая готовит духовенство только для Латвии. Уровень семинарии, по словам самих учащихся, оставляет желать лучшего. Сильные русскоязычные светские преподаватели в семинарию не приглашаются. Настораживает отсутствие православных духовно-учебных заведений в Эстонии и Литве, отсутствие православных теологических факультетов или отделений в университетах, что исключает возможность создания собственной традиции, формирования и отбора своих кадров. В значительной степени низким образовательным уровнем и сложной материальной ситуацией духовенства объясняется отсутствие социальной и образовательной работы в ряде приходов. Наиболее высокая социальная активность православных наблюдалась в Литве, хотя это замечание предварительное и требует уточнения.

Удивительным представляется отсутствие взаимодействия между православными структурами прибалтийских республик; личные связи между духовенством есть, но они ограничены. Есть паломничества в Россию, но практически нет приходских обменов или других программ с соседями в Прибалтике. (Правда, по непроверенным сообщениям духовенства из Литвы, существуют фестивали приходских хоров, рождественские и пасхальные встречи молодежи, летние лагеря посещают дети из разных епархий.)

Трудно дать однозначный ответ на вопрос о степени интегрированности Православной церкви в прибалтийское общество. В массовом сознании еще сохраняются стереотипы о насильственном насаждении православия и противопоставлении его национальному лютеранству. Существует в массовом сознании и ассоциативный ряд «православный — русский». Тем не менее в Эстонии существует ЭАПЦ, позиционирующая себя как подлинно эстонская православная церковь; наблюдается интерес латышей к Латвийской православной церкви. Стабильное положение Православной церкви в Прибалтике и сознательная духовно-культурная деятельность ее наиболее энергичных членов демонстрируют вписанность этой церкви в прибалтийский ландшафт. Однако в отношении Прибалтики сложно говорить об адаптации Православной церкви к «западноевропейским» условиям, поскольку прибалтийское общество несет в себе тяжелое наследие советского периода, которое изживается постепенно и с большим трудом.

Примечания

- 1 См. подробно: *Goebel R. F. The Baltic Churches and the Democratization Process // The Politics of Religion in Russia and the New States of Eurasia / Ed. M. Bourdeaux. — Armonk (N.Y.); London: M. E. Sharpe, 1995. — P. 202—225.*
- 2 Восемь принципов движения были опубликованы в: *Eine Auseinandersetzung in der Lettischen Kirche 1987 // Dokumente und Berichte zum Leben der lutherischen Kirche und Gemeinden in der Sowjetunion / Hg. von W. Kahle. — Gütersloh, 1988. — S. 191—192.*
- 3 *Бенц Э. О положении Католической церкви в странах Балтии: Пер. с нем. // Диа-Логос. Религия и общество: Альманах / Исслед.*

- центр «Религия и общество в странах СНГ и Балтии» и др.; Гл. ред. М. Смирнов. — М.: Истина и Жизнь, 1999. — С. 328.
- 4 Беседа с председателем литургической комиссии Литовского епископата и главным редактором журнала «Katoliku pasaulis» свящ. Вацловасом Алюлисом // На пути к свободе совести. — М., 1989. — С. 391.
 - 5 *Hart R. A. The Role of The Lutheran Church in Estonian Nationalism* // http://www.georgefox.edu/academics/undergrad/departments/soc-swk/ree/Hart_The%20Role_articles_previous.pdf.
 - 6 Беседа... с Вацловасом Алюлисом.
 - 7 Свобода совести по Конституции Литовской ССР // Интерфакс. — 1989. — 28 нояб.
 - 8 См., например: *Яковенко С. Г. Западно-русская церковь последней трети XVII в.* // *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. — Кн. 7. — М., 1996. — С. 539—543 слл.
 - 9 *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси.* Распространение Православия в Прибалтике // Православие в Эстонии. — М.: Православ. энциклопедия, 1999 (<http://www.sedmitza.ru/index.html?sid=124>).
 - 10 *Федосова Э.* От беглых староверов к государственной колонизации: Формирование русской диаспоры в Прибалтике (XVIII—XIX вв.) // http://www.archipelag.ru/ru_mir/gm-diaspor/russ/old-believer; *Рихтер Е. В.* Русское население западного Причудья. — Таллин, 1976.
 - 11 *Симон Г.* «Пасторские процессы»: Евангелическая Церковь в царской России: Из книги «Константин Петрович Победоносцев и церковная политика Святейшего синода, 1880—1905 гг.» // <http://skatarina.ru/library/lutvtros/prprocess.htm>; *Тинина З. П.* Самодержавие и Русская Православная Церковь в первой четверти 19 в. — Волгоград, 1999. — С. 197.
 - 12 См. о биографиях отдельных православных деятелей: *Гаврилин А. В.* Его преосвященство, викарный епископ Рижский Филарет (Гумилевский) // Православие в Латвии. — Т. 2. — Рига, 1996. — С. 100 слл.; *Инфантьев Б.* Янис Лацис и его «Записки православного латыша» и «Летопись Адеркашской церкви» // Православие в Латвии. — Т. 3. — Рига, 2001. — С. 7—66; *Гаврилин А. В.* «Латышский» священник Иаков Михайлов // Православие в Латвии: Исторические очерки. — Т. 6. — Рига, 2007. — С. 11 слл.
 - 13 *Гаврилин А.* Очерки истории Рижской епархии: XIX век. — Рига, 1999.
 - 14 Постановлением Синода и ВЦУ от 27 апреля /10 мая 1920 г. № 183 и от 6/19 июля 1920 г. № 1026 автономный статус Эстонской православной церкви был дополнительно подтвержден, и приходам предоставлено право выбора старого или нового стиля членом Священного синода митрополитом Владимирским Сергием. См.: *Прекуп И., свящ.* Православие в Эстонии: Краткий исторический очерк. — Нарва: OÜ Inforekt, 1998. — С. 60.

- 15 *Митрофан (Шкурин), иг.* Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922—1929 гг. (по материалам Антирелигиозной комиссии) // Вестник церковной истории. — 2006. — № 3. — С. 162—175.
- 16 *Прекуп И., свящ.* Указ. соч. — С. 68.
- 17 Там же. — С. 14 со ссылкой на кн.: Из архива князя Шаховского. — Т. 3. — СПб., 1909.
- 18 *Прекуп И., свящ.* Указ. соч. — С. 62.
- 19 Псково-Печерский монастырь и церковные нестроения в Эстонии в 20—30 гг. // «У пещер Богом зданных»: Псково-печерские подвижники благочестия XX в. / Сост. Ю. Г. Малков и П. Ю. Малков. — М., 2000. — С. 495—499.
- 20 *Гаврилин А.* Православная Церковь в посткоммунистической Прибалтике // Православная беседа. — 2001. — № 5.
- 21 Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918—1940). — Тарту; СПб., 2001.
- 22 *Гаврилин А. В.* Предисловие // Православие в Латвии. — Т. 2. — Рига, 1996. — С. 2.
- 23 Архиепископ Пензенский и Саратовский Иоанн (Поммер) был приглашен в 1920 г. собранием представителей всех православных приходов Латвии в качестве главы Латвийской православной церкви взамен замученного большевиками в январе 1919 г. управляющего Рижской епархией епископа Ревельского Платона (Кульбуша). Епископ Платон и митрополит Иоанн канонизированы Русской православной церковью.
- 24 *Purs A.* The Price of Free Lunches: Making the Frontier Latvian in the Interwar Years // The Global Rev. of Ethnopolitics. — 2002. — Vol. 1. — № 4. — June. — P. 60—73.
- 25 *Кулис А.* К вопросу об автокефалии Латвийской Православной Церкви в 30 годах XX века // Православие в Латвии. — Т. 1. — Рига, 1993. — С. 3—34; *Гаврилин А.* Попытки реформирования ЛПЦ в 1936—1940-е гг. // Живое предание. — М., 1999. — С. 135—142.
- 26 В Латвии в 1920—1930-х годах проживало по разным данным от 20 до 33 тыс. русских эмигрантов; количество эмигрантов в Латвии с каждым годом сокращалось, поскольку они постепенно получали латвийское гражданство. См. об этом: *Никулина З.* Общественные организации русского населения Латвии и православное духовенство в 20—30-х гг. XX века // Православие в Латвии. — Т. 6. — Рига, 2007. — С. 42.
- 27 *Никулина З.* Указ. соч. — С. 34—65.
- 28 *Шкарковский М. В.* Феномен Экзархата Московской Патриархии в Прибалтике // Нестор. — № 1. — 2000. — С. 375; *Он же.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935—1945 годов (Сборник документов). — М., 2003.

- 29 *Обозный К.* Православная миссия в Прибалтике в 1941—1944 годах // Православие в Латвии: Исторические очерки. — Вып. 6. — Рига, 2007; *Обозный К.* Псковская православная миссия в 1941—1944 гг. // http://archive.sfi.ru/ag.asp?rubr_id=684&art_id=3301. О судьбах православного духовенства в годы войны см. также: *Гаврилин А.* Православное духовенство в странах Балтии в период Второй мировой войны: война глазами латгальского священника: Доклад на международной конференции «Вторая мировая война и страны Балтии. 1939—1945» // <http://www.dialogi.lv/article.php?id=2605&t=8&rub=0&lang=2>.
- 30 *Гаврилин А.* Православная Церковь в посткоммунистической Прибалтике.
- 31 О положении церквей в советский период Эстонии см. подробную статью: *Altnurme R.* Религия в Эстонии в 1940—1991 // <http://www.okupatsioon.ee/ru/component/content/article/3-eesi-1940-1991/17-religioon>, а также: *Штфриккер Г.* Евангелические Церкви в странах Прибалтики (с 1918 г.). Цит. по: Хорошего держитесь: Пер. с нем. Ю. А. Голубкина. — Харьков; Майдан, 1998 (<http://skatarina.ru/library/history/pribalt.htm>).
- 32 О нем в последнее время выпущено несколько книг и воспоминаний, например: *Вильгерт В., священник.* Вся жизнь — Пасха Христова: Архимандрит Таврион (Батозский). — М., 2001; *Бычков С. С.* Страдный путь архимандрита Тавриона. — М., 2007; *Евгений (Румянцев), архим.* Воспоминания об архимандрите Таврионе (Батозском) // <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/050818105609.htm>.
- 33 <http://www.orthodoxy.lt/index.php/where,eparhia;sub,viln%20blog;sub3,180>.
- 34 Михновская община: взгляд через столетие // <http://www.pbl.lt/index.php/article/577-mihnovskaja-obschina.html>.
- 35 *Суворова И.* Отношения между ПЦЛ и государством в 50—60 гг. XX столетия // Православие в Латвии. — Т. 1. — С. 75—91.
- 36 *Sõtsov A.* Eesti Õigeusu Piiskopkond nõukoude Religioonipoliitika Mõjuväljas: 1954—1964: Doktoriväitekirii [Эстонская православная епархия в сфере влияния советской религиозной политики в 1954—1964 гг.: Докторская диссертация] / Juhendaja: Dr. theol. Prof. R. Altnurme. — Tartu, 2008. — 230 A.
- 37 *Sapiets M.* The Baltic Churches and the national Revival // Religion in Communist Lands. — 1990. — Vol. 18. — P. 167.
- 38 См., например: *Митрохин Н.* Русская православная церковь: Современное состояние и актуальные проблемы. — М.: Новое лит. обозрение, 2004. — С. 552.
- 39 Этот тезис подтверждает решение Поместного собора ЭПЦ в Пюхтицах 29 апреля 1993 г., в итоговом документе которого была сформулирована позиция РПЦ (на этом соборе председательствовал патриарх Алексий II) по вопросу правопреемства: «Считать Эстонскую Православную Церковь преемницей православного наследия

в Эстонии в дореволюционный период, так же как и после образования Ревельского викариатства Рижской епархии в 1917 г., а затем по получении от Святейшего Тихона, Патриарха Всероссийского в 1920 г. статуса Автономной Церкви, признанной в 1923 г. Святейшим Патриархом Константинопольским Мелетием... В дальнейший период ряд происшедших структурных изменений не искажил ее существа, и на этом основании Эстонскую Православную Церковь при ее нынешней структуре следует признать субъектом канонического и государственного права, которые не прекратил своего существования в 1940 г., но приспособливал свою внешнюю структуру к реалиям времени для продолжения и осуществления главного назначения Церкви».

- 40 Опубликован в кн.: Православие в Латвии: Исторические очерки. — Т. 3. — Рига, 2001. — С. 187—188.
- 41 <http://www.orthodox.ee/index.php?d=odoc/tomos>.
- 42 В дальнейшем с 25 февраля 1995 г. — архиепископ, с 6 ноября 2000 г. — митрополит.
- 43 Декларация от 31 декабря 1993 г.
- 44 *Фурман Д.* Опыт балтийских стран и его значение для России // Страны Балтии и Россия: общества и государства / Отв. ред.-сост. Д. Е. Фурман, Э. Г. Задорожнюк. — М.: Референдум, 2002. — С. 18.
- 45 Информационный бюллетень ОВЦС МП: Спец. вып. — 1996. — № 4.
- 46 В Эстонии одно МВД, но все же две ПЦ // <http://www.smi.ru/02/01/08/25151.html>.
- 47 Таллинский Никольский приход (на улице Вене), Таллинский Иоанно-Предтеченский приход в Нымме и Маардуский Михайло-Архангельский приход.
- 48 Вопрос, на какие средства строится церковь, представляется не совсем ясным. Если в СМИ прошла информация о строительстве ее на средства городского бюджета, то, по сведениям клириков ЭПЦ МП, основные средства составляют пожертвования верующих. В Ласнамяэ открыли площадь имени Алексея Второго // <http://rus.postimees.ee/?id=169995>.
- 49 В Таллине состоялась передача часовни Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата // <http://www.mospat.ru/ru/2009/10/19/news6636>.
- 50 История отклонений Таллинским судом иска подробно описана в кн.: *Прекуп И., свящ.* Указ. соч.
- 51 О юрисдикционных проблемах Православной церкви после распада Российской империи см.: *Белякова Н. А.* Православная Церковь на развалинах Империи: о способах решения вопроса о самоуправлении // 1917-й: Церковь и судьбы России: К 90-летию Поместного Собора и избрания патриарха Тихона. — М.: СТПБХ, 2008. — С. 224—250.

- 52 Patriarchal and Synodical Act Concerning the Reactivation of the Patriarchal and Synodical Tomos of 1923 Regarding the Orthodox Metropolitanate of Estonia // <http://www.orthodoxa.org/GB/estonia/documentsEOC/situEstonie.htm>.
- 53 В тот же день они были приняты и в Стамбуле Священным синодом Константинопольского патриархата.
- 54 Заявление Синода от 8 ноября 2000 г.
- 55 4 октября 2002 г. между ЭПЦ МП и Эстонией в лице министра внутренних дел Айна Сепика был заключен договор о намерениях.
- 56 Храм, в котором начинал священническое служение Алексей II, официально возвращен Эстонской церкви Московского патриархата // <http://www.interfax-religion.ru/estonia/?act=news&div=11137>.
- 57 Правительство Эстонии заключило с ЭПЦ МП договор о пользовании зданиями шести храмов // <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=7450>.
- 58 Храмы в Эстонии будут возвращены Московскому патриархату // <http://www.pravoslavie.ru/news/061205142202.htm>.
- 59 По сообщению журналиста Е. Комарова со ссылкой на базу данных Регистра предприятий Латвии, 5 июня 1996 г. был создан Фонд Латвийской православной церкви (Lavijas pareizticigo baznīcas fonds; регистрационный номер 00329692). В его уставе основные виды деятельности охарактеризованы как «управление движимым и недвижимым имуществом, международные экономические связи, развитие духовного образования, ремонтно-строительные работы, акции благотворительности и другая деятельность». Фонд был зарегистрирован как ООО (общество с ограниченной ответственностью), или по-латышски SIA. Возглавил фонд А. Ищенко (бывший сотрудник аппарата уполномоченного по делам религий Латвийской ССР), которому, по сообщению Е. Комарова, в 1996 г. архиепископ Александр поручил своим указом все дела по оформлению и эксплуатации церковной собственности; указом от 20 октября 1998 г. он повторно потребовал от благочинных заполнить анкеты на все объекты церковной недвижимости и выслать их в «ООО “Фонд латвийской православной церкви”». Также сообщалось, что 1 июля 1996 г. архиепископ Александр от имени Синода Латвийской церкви выдал организации Ищенко доверенность № 98, где доверяет «управлять и заведовать жилыми домами с хозяйственными постройками, находящимися по адресу: Рига, ул. Пилс, 14 и Маза Пилс, 11, принадлежащими Латвийской православной церкви». Е. Комаров (а позднее А. Солдатов и др.) подробно расследовали деятельность фирм, принадлежащих А. Ищенко, в отношении которых неоднократно возбуждались уголовные дела как в Латвии, так и в России, которые по разным причинам были прекращены.
- 60 Подробные материалы собраны на сайте «KOMPROMATLV».

- 61 Латвия должна Латвийской Православной Церкви больше миллиона долларов // <http://www.pravoslavie.ru/news/041203160847>.
- 62 Кузнецов В. Какой доход приносит недвижимость ЛПЦ? // <http://kompromat.lv/item.php?docid=readn&id=2333>; Михайлов В. Кто приобрел православную недвижимость: «Бадьенов, петляющий как заяц» // <http://www.kompromat.lv/item.php?docid=readn&id=2295>. Газета «Dienas bizness», ссылаясь на экспертов, утверждала, что стоимость проданного имущества была сильно занижена. По данным компании «Baltic Screen», с 1998 по 2007 г. ЛатПЦ продала 13 зданий и земельных участков. Например, земельный участок в Риге в Хапака гравис был продан по цене 2 лата за 1 кв. м, а земля в Ропажском районе, проданная в 2004 г. за 14 тыс. латов, в 2007 г. была заложена за полмиллиона. В свою очередь, 40 гектаров земли под Ропажми были проданы за 50 тыс. латов, тогда как, по словам представителя компании «Vestabalt» Лиги Плауде, «...стоимость квадратного метра в том районе составляет 20—30 евро. Даже в Латгале земельные участки не купишь дешевле 60—80 000 латов». См. также: Db: Латвийская Православная церковь распродает недвижимость за копейки // <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/article.php?id=19784301>.
- 63 Историю развития конфликта см. на сайте <http://www.portal-credo.ru>.
- 64 Латвийская православная церковь: 1988—2008. — Рига, 2009.
- 65 Священник Иоанн Калмыньш. Мой путь к Богу. — М., 2002.
- 66 Отец Янис подал иск против ЛатПЦ о признании действительными трудовых отношений, признании выписки из решения об увольнении, а также о признании его увольнения недействительными и о восстановлении на работе. Суд первой инстанции отклонил иск, а кассационная инстанция признала его правомочным и передала дело в Коллегию по гражданским делам Окружного суда Риги.
- 67 Подготовка этого закона продолжалась с 2004 г., когда были подписаны соглашения между государством и всеми традиционными конфессиями Латвии.
- 68 Кроме закона «О религиозных организациях» деятельность ЛатПЦ в существенной мере регламентирует закон «О защите культурных памятников», группа законов, связанных с налогообложением («Об общественно полезных организациях», «О налогах и пошлинах», «О подоходном налоге с предприятий», «О налоге на добавленную стоимость» и др.), группа законов, связанных с восстановлением (денационализацией или реституцией) прав ЛПЦ на недвижимое имущество («О возвращении собственности религиозным организациям», «О земельной реформе в городах», «О земельной реформе в сельской местности» и др.), закон, регламентирующий отношения между работниками и работодателями («Трудовой закон»), законы процессуального характера («Гражданско-процессуальный закон», «Уголовно-процессуальный закон», «Закон об оперативной деятельности» и др.). См. об этом: Пономарев А. Н. Закон Латвийской Респу-

- блики о Латвийской Православной Церкви // <http://www.bogoslov.ru/text/373839.html>.
- 69 Сейм Латвии принял закон о Латвийской Православной Церкви // <http://www.patriarchia.ru/db/text/488387.html>.
- 70 Пономарев А. Н. Закон Латвийской Республики о Латвийской Православной Церкви // <http://www.bogoslov.ru/text/373839.html>.
- 71 Архиепископ Виленский и Литовский Иннокентий (Валерий Федорович Васильев) родился 9 октября 1947 г. в городе Старая Русса Новгородской области в семье служащего. В 1975 г. окончил МГИМО. С ноября 1981 г. служил в Николаевском храме в поселке Михайловка Железнодорожного района Курской области, с мая 1982 по март 1985 г. работал в Курском епархиальном управлении заведующим канцелярией, затем секретарем епархии. В 1985 г. перешел в клир Иркутской епархии, служил в Михаило-Архангельском храме Иркутска. С декабря 1985 г. служил, с февраля 1986 г. настоятельствова в Христорождественском храме Хабаровска, одновременно исполнял послушание благочинного Хабаровского округа. С 1988 г. настоятель Воскресенского храма Читы, благочинный Читинского округа. 15 января 1992 г. в Троице-Сергиевой лавре пострижен в монашество. 26 января 1992 г. рукоположен в епископы. Занимал должности епископа Хабаровского и Благовещенского, Дмитриевского, Читинского и Забайкальского, Корсунского. В 2002 г. возведен в сан архиепископа. Решением Священного синода от 24 декабря 2010 г. назначен преосвященным Виленским и Литовским.
- 72 Архиепископ Иннокентий: «У русских и литовцев общие христианские ценности» // Экспресс неделя. — 2011. — 15 апр. (<http://www.nedelia.lt/press/press-prensa-litvy/19510-arhiepiskop-innokentiy-urusskih-i-litovcev-obschie-hristianskie-cennosti.html>).
- 73 <http://www.baltwillinfo.com/mp10-03/mp-08.htm>.
- 74 Состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с Президентом Латвийской Республики В. Затлерсом 20 декабря 2010 г. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1345666.html>.
- 75 Предстоятель Русской Православной Церкви сообщил о развитии церковно-государственного диалога в странах Балтии 2 февраля 2011 г. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1399742.html>.
- 76 О регистрации Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата (Заявление Объединенной народной партии Эстонии) // <http://www.baltwillinfo.com/Nitka/nitka-58.htm>.
- 77 http://www.duma.gov.ru/obschestvo/docs/emap1.html#emap_1.
- 78 Инициатором создания ассамблеи выступил парламент Греции. В аналитической записке, представленной на сайте Госдумы, отмечается, что представители РПЦ ощущали с начала 1990-х годов необходимость «укрепления политического сотрудничества стран и народов восточнохристианского духовного пространства». Ас-

самблея ставит своей целью противостоять «агрессивной политике США» по разрушению традиционных восточно-православных ценностей и должна опираться на властный потенциал, поскольку общественно-православные инициативы такого рода в предшествующий период показали свою недолговечность, а «поместные православные церкви нуждались в таком международном органе, который бы не только аккумулировал их предложения, но, опираясь на согласованные действия государств восточнохристианской традиции, мог бы на законодательном уровне своих стран координировать работу по защите интересов православия и, возможно, стать выразителем этих интересов в мире» (<http://www.duma.gov.ru/obschestvo>).

- 79 Информационный бюллетень ОВЦС. — 2002. — № 4. — С. 31—35.
- 80 *Церпицкая О. Л.* Взаимодействие РПЦ и Российского государства в мировом сообществе. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.
- 81 Пресс-служба Московской Патриархии, 26 августа 2009 г.
- 82 На последнем III Всемирном конгрессе соотечественников кроме пленарного выступления патриарха стоит отметить работу отдельной секции «Роль Русской Православной Церкви и других традиционных конфессий в укреплении единого духовного пространства Русского мира», деятельность которой закончилась составлением рекомендаций государственным инстанциям, особенно МИДу, о выстраивании системного взаимодействия государственных и церковных структур и организациями соотечественников.
- 83 При этом в докладе подчеркивалось, что диаспора должна стать органической частью страны обитания и что православные приходы оказывают помощь «соотечественникам в освоении языка страны проживания, в поисках работы, консультируют по социальным вопросам» (Пресс-служба Московской Патриархии, 1 декабря 2009 г.).
- 84 Понятно, что такое тесное взаимодействие может вызывать настороженность и у представителей государственных структур, которые в массе своей секулярны. Например, нет однозначного ответа на вопрос, как реагируют представители мидовских структур на предложение, прозвучавшее на секции из уст епископа Бакинского и Прикаспийского Александра о том, что послам *необходимо* присутствовать на рождественских и пасхальных богослужениях.
- 85 *Kiviorg M.* Staat und Kirche in Estland // Staat und Kirche in der Europäischen Union: Zweite Auflage / Hg. prof. dr. Gerhard Robbers. — Baden-Baden, 2005. — S. 110.
- 86 <http://www.baltinfo.ru/news/Litovskie-katoliki-dobrovolno-peredalipravoslavnoi-obschine-khram-123356>.
- 87 *Žiljukaite R., Glodenis D.* State and Church in Lithuania // State and Church in Baltic States / R. Balodis (ed.). — Riga: Religijas Brivibas Asociacija, 2001. — С. 89—90.
- 88 *Прекун И., свящ.* Указ. соч.

- 89 Валк П. Развитие религиозного образования в эстонской школе // Религия и право. — 2004. — № 4.
- 90 Латвийская Православная Церковь: 1998—2008 гг. — Рига, 2009. — С. 71.
- 91 <http://www.pbl.lt/index.php/bratstvo/44-2009-09-13-17-11-00/453-istorija-pbl.html>.
- 92 Хейно Х. Массовое сознание русских и их религиозность в условиях национального меньшинства // Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие: Религия в постсоветской России / Ин-т Европы Рос. Акад. наук, Ин-т Евангел. Лютер. Церкви Финляндии; Ред. и предисл. К. Каарияйнен, Д. Фурман. — М.; СПб.: [Летний сад], 2007. — С. 392—415.

Заключение

Алексей Малашенко

Русская православная церковь находится на важном, в каком-то смысле промежуточном этапе своей жизни. После распада коммунистической системы РПЦ, несмотря на обозначившуюся внутри нее возрожденческую тенденцию, все же оставалась инерционным, типичным постсоветским институтом и не почувствовала в полной мере открывшихся перед ней возможностей. Поначалу она довольствовалась тем, что получила без всяких усилий и борьбы: ее больше не преследовали, стали постепенно возвращать ранее отнятое, а самое главное — к ней потянулись миллионы людей. Вероисповедание стало публичным, а религия «вошла в моду».

В 1990-е годы у РПЦ не было серьезных амбиций, и она продолжала выглядеть вполне «смирненно». Аналитик Алексей Макаркин подмечает, что главным для предшественника нынешнего владыки, патриарха Алексия II, «было сохранение внутрицерковной стабильности в условиях драматичного российского транзита»¹. Митрополит Климент как-то назвал Алексия II «великим молитвенником»², и это было, наверное, главной чертой первого постсоветского предстоятеля (правда, Владимир Путин считал, что Алексий был «большим государственным деятелем», «очень много сделал для становления российской государственности», но это скорее просто дань уважения³).

РПЦ не поспевала за стремительной рехристианизацией общества. Она была слишком отягощена прошлым, первую скрипку в ней играли традиционалисты, среди ко-

торых было немало тех, кто тайно ностальгировал по советской власти, которая, несмотря на атеизм, в последние годы обеспечивала священникам спокойное, не требующее больших забот существование. Невысок был и политический вес РПЦ — достаточно вспомнить неудачное посредничество Алексея в момент октябрьской трагедии 1993 г.

Однако уже в то время в недрах церкви формировался иной подход, олицетворявшийся митрополитом Кириллом. С вершины занятого им в 1989 г. одного из ключевых в РПЦ постов председателя Отдела внешних церковных связей Кирилл остро ощущал необходимость обновления. Накануне интронизации на патриарший престол в интервью журналу «Фома» он отмечал, что «эпоха кардинальных перемен в политике, экономике, социальном жизнеустройении... продлится достаточно долго», подчеркивая, что речь идет о «радикальных структурных реформах»⁴. Фактически Кирилл провозгласил модернизацию церкви или, как дипломатично выражаются некоторые аналитики, ее «адаптацию к современности».

При Кирилле РПЦ обретает новую энергичную, даже наступательную стратегию. Церковь меняется сама и претендует на то, чтобы изменить общество.

Первым направлением в стратегии нового патриарха становится активное внедрение церкви в общественно-политическую жизнь. Происходит актуализация предложенной еще при Алексии II (но отложенной в сторону) социальной концепции РПЦ. Одновременно прописывается целый список «дополнений» и комментариев к «Стратегии-2020», официальной программе правящей «Единой России». Церковь приходит в армию, настаивая на присутствии там священников для духовного окормления военнослужащих.

Она встраивается в бизнес, разработав «кодекс православного бизнесмена», патриарх встречается с министрами, разговаривая с ними о трудовой этике с точки зрения православия.

Предпринимаются попытки внедрить в школах в качестве обязательного предмета «Основы православной культуры». РПЦ развернула соответствующую пропаганду в СМИ, ее представители выступают по телевидению, убеждая в необходимости воспитания граждан в духе

православия с самого раннего детства. Пусть этот план до конца не удался, и РПЦ пришлось идти на компромисс, согласившись, что за родителями учащихся остается право выбора, что изучать — основы православия, иных религий или светскую этику, но своих усилий по наращиванию влияния в школе она не оставляет.

Второе направление стратегии нового патриарха — активизация миссионерской деятельности. По мнению главы Союза православных граждан Кирилла Фролова, избрание Кирилла патриархом является «серьезным шансом для Русской церкви», а его пост стал «стратегическим политико-миссионерским»⁵. Иными словами, речь идет о миссионерстве с политическим уклоном. Причем миссионерство является как внутренним, так и внешним. Суть первого — возвращение в лоно религии «этнических православных», т. е. русских, формально принадлежащих к православной культуре, но фактически с нею не знакомых и по большому счету ею не интересующихся. «Если еще чуть-чуть промедлить с “миссионерско-апологетическим наступлением”, — пишет Фролов, — то процессы отделения Церкви от общества примут необратимый характер»⁶. В этой алармистской позиции улавливается осознание того, что в нынешнем состоянии церковь проигрывает состязание с современными тенденциями развития и действительно может оказаться на обочине истории.

Воцерковлением, по мнению идеологов РПЦ, можно решить едва ли не все мирские проблемы — утверждение социальной справедливости, «реморализацию» людей — и даже преодолеть демографическую катастрофу.

Вопрос же внешнего миссионерства весьма щекотлив. Объектом его воздействия являются инославные конкуренты православия, в первую очередь приверженцы протестантизма, число которых в России по разным данным колеблется от 1,5 до 2 млн⁷. Миссионерство противопоставит вовлечению людей в различные секты, притягательные для тех, кто разочаровался в традиционных религиях, прежде всего в православии.

Отдельной строкой отметим миссионерскую активность среди мусульман, которая, хотя и не имеет широкого характера, тем не менее некоторыми священнослужителя-

ми все же ведется, хотя и с мизерными результатами. К тому же миссионерство «на чужой территории» отнюдь не способствует межрелигиозному диалогу, крайне актуальному в полиэтническом и поликонфессиональном обществе, каковым является Россия.

Третье направление — борьба в информационно-аналитическом пространстве. РПЦ издает свыше 20 православных журналов, ее позицию озвучивают 6 радиостанций, высказывалось предложение создать национально-православную альтернативу популярнейшему либеральному «Эху Москвы». Через космос действуют два спутниковых православных телеканала «Спас» и «Союз» (правда, их финансирование оставляет желать лучшего). Имели место попытки сформировать «ассоциацию православных политологов», «церковную общественную палату».

Одновременно в РПЦ задумываются, как использовать интернет-пространство. Существует мнение, что на этом направлении «политика наращивания информационной мощи не может быть успешной для церкви»⁸, поскольку формат Интернета предполагает жесткий индивидуализм участника сети. В результате исчезает сакральность церковной миссии и одновременно устанавливается недопустимое равенство (даже панибратство) в общении между проповедником и слушателем, зрителем.

Трудности контактов через Интернет возникают у всех религий. Православие в этом контексте выглядит наиболее консервативным. И все же в РПЦ понимают, что миновать интернетизацию невозможно, и готовы адаптироваться к новым информационным технологиям, одновременно приспособливая их под свои запросы. Ведь вне Интернета миссионер проиграет борьбу за молодежь, обращение к которой является еще одним стратегическим направлением в деятельности РПЦ.

Реализация масштабных задач новой церковной стратегии невозможна без сотрудничества РПЦ с государством. К тому же исторически церковь в России всегда была сильна именно своим союзом с властью, а в противостоянии с ней терпела поражения. В свою очередь, и власть заинтересована в поддержке со стороны церкви, ибо это при-

дает ей дополнительную легитимность, в каком-то смысле обеспечивает политикам и высшим чиновникам большее уважение верующей части населения.

Вместе с тем приближенность к государству бросает на РПЦ негативную тень, поскольку, поддерживая власть, тесно общаясь с ее высшими представителями, церковь выдает своего рода индульгенцию на коррупцию, нарушения закона, неспособность решить социальные проблемы. Раздражение властью переносится на поддерживающих ее иерархов РПЦ. Следовательно, сотрудничая с властью, церковь в какой-то мере теряет авторитет.

Успешность или, напротив, неудачи новой стратегии, которую можно определить как модернизацию Православной церкви, в громадной степени зависят от личности ее главы. Патриарх Кирилл стремится совместить в себе черты духовного вождя, политика и менеджера. В переломный момент в церкви оказалась востребованной харизматическая личность. Кирилл харизмой обладает.

Новый патриарх не приемлет либеральных ценностей. Показательно его отношение к концепции прав человека, которая, по его словам, «родилась и развилась в западных странах с их особой исторической и культурной судьбой». «Но означает ли это, что западные стандарты человеческого счастья подходят для всех стран и всех культур?», — спрашивает Кирилл.

Он осуждает политический плюрализм, который «не наша, не церковная идея», а «...игрушки, дань моде, переживание момента. Если сегодня это кажется целесообразным — играем в свои игрушки. Играете — играйте, но кто-то должен думать о единстве поверх политических партий. Партикуляция общественного сознания формировалась в России на протяжении целых 300 лет, а потом все это рвануло гражданской войной»⁹. Главный недостаток либерального подхода, по его мнению, заключается в том, что «права человека превалируют над интересами общества», а «это стимулирует эгоизм и индивидуализм»¹⁰.

Патриарх часто рассуждает о вызовах, на которые церковь по своему долгу должна давать ответы, и убежден в существовании «единого православного цивилизационного кода».

Всячески укрепляя православную идентичность, Кирилл в то же время не желает прослыть изоляционистом и критикует тех, кто не хочет «...выходить за ограду церкви. Задача идеологии РПЦ — сделать русскую православную идентичность равной по эффективности западной, подобно тому, как Кремль хочет видеть Россию равнозначной, равновеликой Европе и Америке. Эта задача соответствует устремлениям светских правителей сохранить свое место среди грандов мировой геополитики».

Кирилл безусловно лоялен светской власти, но его лояльность не исключает самостоятельность мнения и поступка. Во всяком случае, рассматривать возглавляемую Кириллом РПЦ как абсолютно покорную, подвластную Кремлю институцию, считать ее «работников» духовными «сатрапами режима» — явное упрощение. Кирилл ведет сложную игру и при этом не устает повторять: «Мы не хотим стать государственной церковью».

Патриарх много ездит по стране, по СНГ, проверяя, как обстоят не только собственно церковные дела, но также и то, как решаются мирские проблемы. Например, во время поездки в 2010 г. на Дальний Восток он говорил, что люди там не должны чувствовать себя отрезанными от России, и объяснял их нынешнюю оторванность дороговизной авиационных билетов. Надо «развивать ресурсы, которые Бог дал Дальнему Востоку», — советовал он. На Украине Кирилл пытался смягчить церковный раскол, однако при этом фактически призывал верующих переходить под руку Московского патриархата.

Почему, как отмечалось выше, приходится говорить о промежуточности рубежа, на котором находится сегодня РПЦ? Потому что, провозгласив новый курс, РПЦ на самом деле предстоит реализовывать заявленную ею программу. Сделать это непросто. Далекое не все общество вдохновляет идея вмешательства церкви в мирские дела, в том числе в политику. Ее активность в армии, в системе образования неприемлема для многих, в конце концов, противоречат заявленному в Конституции светскому характеру государства. Да и в высших звеньях истеблишмента не все приветствуют гиперактивность Московской патриархии.

Идеологии РПЦ присущ консерватизм, что, в общем, неудивительно, если принимать во внимание ее историю, доминирующие тенденции, чуждость реформаторству. Вместе с тем среди части иерархов и церковных чиновников есть понимание того, что церковь нуждается в обновлении и уж как минимум в приспособлении к новым мировым и российским реалиям. Насколько под силу решить эту дилемму патриарху и его сравнительно молодой команде, покажет время.

В нашем сборнике рассматриваются лишь некоторые ключевые проблемы Русской православной церкви. Исследование ее прошлого, настоящего, прогнозы на будущее (в некоторых материалах они косвенно присутствует) требует не только высокого уровня профессионализма, объективности, а также мужества. Ведь в РПЦ болезненно воспринимают объективный анализ внутрицерковной обстановки, ситуации вокруг церкви, считая, что об этих проблемах должны писать только «воцерковленные», следующие официальным установкам авторы, а лучше всего непосредственно сотрудники церковных институтов. Однако полностью обеспечить себе монополию в этом вопросе церковь не может. Настоящая публикация — наглядное свидетельство непреходящего научного и общественного интереса к церковной проблематике, стремления к объективному анализу эволюции РПЦ.

Примечания

- 1 Макашкин А. Русская Православная Церковь: конкурентные выборы // Pro et Contra. — 2009. — Т. 13. — № 1. — С. 53.
- 2 Митрополит Климент: «Патриаршество — это ядро, объединяющее всю Церковь» // <http://www.patriarchia.ru/db/print/510697.html>.
- 3 Скончался Алексей II // <http://www.interfax.ru/society/txt.asp?id=49703>.
- 4 Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл: «Постижение России, или Открытый урок гражданственности» // Фома. — 2009. — Янв.
- 5 Фролов К. «Я не хочу, чтобы нашу Русь считали Русью глупой». Историческая миссия патриарха Кирилла // Полит. класс. — 2009. — № 1. — С. 19.

- 6 Там же. — С. 21.
- 7 *Лункин Р.* Протестанты и политические конфликты в Евразии: спасение души и управляемая демократия // *Религия и конфликт* / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН. 2007. — С. 175.
- 8 *Александров А.* Цифровое православие // *Коммерсантъ-Власть*. — 2009. — 23 нояб. — С. 38.
- 9 Выступление патриарха Кирилла на встрече с преподавателями и студентами Ереванского Государственного университета // *Комсомол. правда*. — 2010. — 19 марта.
- 10 *Митрополит Кирилл.* Права человека и нравственная ответственность // *Стратегия России*. — 2006. — № 4. — Апр. — С. 62–63, 68.

Summary

The collection of articles “Orthodoxy Under Patriarch Kirill” is the fourth book in the Religion in Eurasia series. As with the previous volumes, this collection is based on presentations made at the Carnegie Moscow Center in 2010 and 2011, and the authors incorporated comments that arose during the subsequent discussions. The resulting articles examine the trends that have emerged since the election of Patriarch Kirill (Gundayayev), who declared his intent to modernize the Russian Orthodox Church and firmly establish it as a pillar of civil society, while at the same time bringing it closer to political life and making it a key player in helping to shape Russia’s official ideological doctrine.

The articles cover a wide range of the Church’s activities and provide a broad picture of how its role evolves in Russia’s contemporary spiritual, social, and political life.

Sergei Filatov’s chapter, “Patriarch Kirill – Two Years of Plans, Dreams, and an Uncomfortable Reality”, opens the collection. By way of introduction, Filatov provides a critical analysis of the Church’s main areas of activity and those of its new approaches that might be described as “modernizing the Church”. The chapter also looks at the increasingly assertive Orthodox missionary spirit, the main pillar of the current religious doctrine. Lastly, Filatov examines Patriarch Kirill as a religious and political figure in the context of the conflicting political and social processes underway in Russia today.

In his chapter, “Modern Awareness in the Church and Secular Ideas from the Communist Past”, Father Superior

Pyotr (Meshcherinov) takes a very original look at the symbiosis between religious awareness and secular worldviews based on notions that have their roots in the Soviet ideology. This phenomenon is common not just among the older generation, but also among the middle generations in Russian society.

The title of Boris Knorre's fact-filled chapter, "Social Service in the Russian Orthodox Church Today as a Reflection of Behavioral Stereotypes of Church Society", speaks for itself. The author analyses the ambiguous and contradictory nature of the behavioral stereotypes characterizing believers in Russia today. Believers are far from always ready and willing to follow the behavioral norms set by the Church, and social service in the Church does not always measure up to the ideals that the Church itself seeks to promote.

The upsurge in Russian nationalism at the end of 2010 lends particular relevance to Alexander Verkhovsky's chapter, "Nationalism among the Russian Orthodox Church's Leadership in the First Decade of the Twenty-First Century". Verkhovsky, a prominent Russian sociologist, describes in detail the nationalist tendencies in the Church, seeing them as inevitable, while simultaneously noting the dangers they pose for Russia's multiethnic and poly-confessional society. Verkhovsky notes, too, that the Church officials and ideologues attempt to use nationalist slogans as a means of drawing more people, especially younger people, into the Church's fold.

In his chapter, "Orthodox Education in Russia", Valery Ovchinnikov offers a thorough assessment of the current situation in religious education, its problems, and its prospects. This issue is made more relevant by the Church's current vigorous efforts to include religion in the secular school curriculum, which has sparked ambiguous – but broadly negative – reactions in Russian society.

In his chapter, "The Russian Orthodox Church and the Armed Forces: Historical Experience and Today's Cooperation Issues", Anatoly Pchelintsev examines the sensitive issue of religion's place in the modern armed forces. Pchelintsev tries to avoid black and white assessments, but recognizes that the Orthodox Church's growing role in the armed forces is creating a number of problems. In particular, representatives of other faiths are unhappy with the Church's activeness. Rus-

sia's Muslims, for example, are very sensitive to this issue and have demanded that Muslims in the armed forces enjoy similar conditions for practicing their religion.

Roman Lunkin's chapter, "The Russian Orthodox Church's Image in the Secular Mass Media: Between the Myth of a State Church and Folklore-Occult Orthodoxy", recognizes that, while the media give the Church considerable attention, journalists are frequently not very professional in their portrayal of it and its activities, often making factual mistakes and oversimplifying the situation in and around the Church. Furthermore, church and religious issues are often given an ideological spin, which does not give readers an objective picture.

Andrei Okara's chapter, "The Ukrainian Orthodox Church (Moscow Patriarchy): Between Exarchate and Autocephaly", examines the highly complex relations inside Ukrainian Orthodoxy, which is divided between several competing centers. Okara notes the degree of politicization in Ukraine's Orthodox institutions, the importance they place on relations with the state, and how closely tied they are to the country's domestic and foreign policy developments. The article focuses particularly on the Moscow Patriarchate's growing influence over the Orthodox Church in Ukraine during the last year.

In the final chapter, "The Orthodox Church in the Baltic States' Public and Political Life", Nadezhda Belyakova examines the Russian Orthodox Church's role in the lives of the Baltic region's Russian population, as well as the shifts in emphasis in the Church's policy in the region since Kirill became patriarch.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны».

С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

**CARNEGIE ENDOWMENT
FOR INTERNATIONAL PEACE**

1779 Massachusetts Ave., NW,
Washington, DC 20036, USA
Tel.: +1 (202) 483-7600;
Fax: +1 (202) 483-1840
E-mail: info@CarnegieEndowment.org
<http://www.CarnegieEndowment.org>

**МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ**

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935-8904;
Факс: +7 (495) 935-8906
E-mail: info@carnegie.ru
<http://www.carnegie.ru>

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ НОВОМ ПАТРИАРХЕ

Под редакцией Алексея Малашенко
и Сергея Филатова

Редактор *А. И. Иоффе*
Дизайн серии «Ваггу&Вром»
Дизайнер *Я. Красновский*
Компьютерная верстка *И. Королев*

В оформлении переплета использована
фотография «РИА “Новости”» «Патриарх
Кирилл совершает поездку по Русскому
Северу», автор *Сергей Пятаков*

Подписано к печати 30.09.11
Формат 60x90 1/16.
Гарнитура Baskerville Gygillic
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 26 Заказ №
Тираж 1500 экз.

Издательство «Российская политическая
энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом Печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В книге анализируются главные проблемы, стоящие перед Русской православной церковью, основные направления и новые тенденции в ее духовной и мирской деятельности. Обновление РПЦ связано с именем нового патриарха Кирилла, который стремится развивать миссионерство, выступает за воцерковление людей, индифферентных к вере и являющихся православными лишь формально. При новом патриархе церковь все активнее проникает в общественную жизнь, укрепляется в системе образования, в вооруженных силах. В статьях сборника также отмечаются и политические амбиции РПЦ.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР